

ISSN 2221-2698

№ 47

2022

Архангельск

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47

ISSN 2221-2698
Арктика и Север / Arctic and North. 2022. № 47

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2021

© Редакция сетевого научного журнала «Арктика и Север», 2021

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-78458 от 08 июня 2020 г. Ранее журнал был зарегистрирован как электронное периодическое издание, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R (2011); научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: EBSCO Publishing, США (2012), Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017); RSCI на платформе Web of Science (2018). Выходит в свет не менее 4 раз в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в сети Интернет на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике размещены на сайте: <http://www.arcticandnorth.ru/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология. Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются. Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию статей в журнале «Арктика и Север» и их размещение в базах данных, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal “Arctic and North” (also known as “Arktika i Sever”) is registered at Roskomnadzor (Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications) as an online media published in Russian and English: Registration certificate ЭЛ №. ФС77- 78458, issued on the 8th of June 2020. Earlier, the journal was registered as an electronic periodical, certificate ЭЛ №. ФС77-42809 dated November 26, 2010; at the system of eLIBRARY, license contract no. 96-04/2011R (2011); Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (2016); and in the catalogs of international databases: EBSCO Publishing, USA (2012), Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013), Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013), NSD, Norway (2015), InfoBase Index, India (2015), ERIH PLUS, Norway (2016), MIAR, Spain (2016), OAJI (2017), RSCI based on Web of Science (2018). The journal is issued not less than 4 times a year.

The Founder is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief is Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations of submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at <http://www.arcticandnorth.ru/en/requirements/>

The Journal publishes the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 08.00.00 Economics; 22.00.00 Social science; 23.00.00 Political science.

No publication fees are charged. Honorariums are not paid. All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The fact of submitting manuscripts is considered as the assignment of copyright to publish an article in the Arctic and North journal and to place it in databases, which contributes to the promotion of the publication activity of the authors and meets their interests.

English webpage: <http://arcticandnorth.ru/en>

We will be glad to see you among the authors of “Arctic and North”!

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

БАДЫЛЕВИЧ Р.В., ВЕРБИНЕНКО Е.А. Оценка системной значимости региональных кредитных организаций в субъектах Арктической зоны РФ и определение возможностей их поддержки BADYLEVICH R.V., VERBINENKO E.A. Assessment of the Systemic Importance of Regional Credit Institutions in the Subjects of the Arctic Zone of the Russian Federation and Determination of the Opportunities for Their Support	5
ДЯДИК Н.В., ЧАПАРГИНА А.Н. Траектории финансового развития регионов российской Арктики DYADIK N.V., CHAPARGINA A.N. Financial Development Trajectories of the Russian Arctic Regions	26
САМАРИНА В.П., СКУФЬИНА Т.П. Оценка эффективности заработной платы в условиях монопсонации: применительно к Арктическому рыбопромышленному кластеру SAMARINA V.P., SKUFINA T.P. The Estimation of Remuneration Efficiency in Monopsony: Concerning the Arctic Fishing Industrial Cluster	43
ТИШКОВ С.В., ЕГОРОВ Н.Е., ВОЛКОВ А.Д. Оценка современного состояния инновационного развития северных и Арктических территорий TISHKOV S.V., EGOROV N.E., VOLKOV A.D. Assessment of the Current State of Innovative Development of the Northern and Arctic Territories	57

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

БХАГВАТ Д. Государственная транспортная политика по развитию СМП в СССР и Российской Федерации в XX в. BHAGWAT J. The State Transport Policy for Development of the NSR in the USSR and the Russian Federation in the 20th Century	76
ВЕРЕЩАГИН И.Ф., ВАХРУШЕВ А.В. Влияние реализации концепции государства всеобщего благосостояния на уровень бедности в России и Норвегии VERESHCHAGIN I.F., VAKHRUSHEV A.V. The Impact of the Implementation of the Welfare State Concept on the Level of Poverty in Russia and Norway	100
МАРЧЕНКОВ М.Л. Последовательность и адаптивность: новые грани политики Швеции в Арктике MARCHENKOV M.L. Consistency and Adaptability: New Aspects of the Arctic Policy of Sweden	126
НАБОК С.Д. Основные теоретические подходы в политических исследованиях Арктики NABOK S.D. Main Theoretical Approaches in the Arctic Policy Studies	142

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

КОНДРАТЬЕВА С.В. Развитие туризма в регионах Европейского Севера KONDRATYEVA S.V. Tourism Development in the Regions of the European North	164

НЕНАШЕВА М.В. Феномен жизнестойкости в теории и практике адаптации арктических сообществ к экологическим вызовам	188
NENASHEVA M.V. Resilience in the Theory and Practice of Arctic Communities' Adaptation to Environmental Challenges	
ТОМАСКА А.Г. Особенности территориальной мобильности населения Якутии в условиях пандемии COVID-19	206
TOMASKA A.G. Peculiarities of Territorial Population Mobility in Yakutia under COVID-19 Pandemic Conditions	
ТРАПИЦЫН С.Ю., АГАПОВА Е.Н., ГРАНИЧИНА О.А., ЖАРОВА М.В. Образование в области родных языков как фактор формирования благополучия и качества жизни детей и молодёжи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока РФ	236
TRAPITSIN S.Yu., AGAPOVA E.N., GRANICHINA O.A., ZHAROVA M.V. Native Languages Education as a Factor in the Formation of the Well-Being and Quality of Life of Children and Youth of the Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation	

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

АВДОНИНА Н.С., СОБОЛЕВ Н.А. Воздействие прибрежного мусора на биологические ресурсы арктических морей	260
AVDONINA N.S., SOBOLEV N.A. Seashore Litters Impact on Biological Resources of Arctic Seas	
МАРЬЯНЧИК В.А., ПОПОВА Л.В. Знакомство с Арктикой и Русским Севером (опыт проведения дистанционных школ)	268
MARYANCHIK V.A., POPOVA L.V. Learning about the Arctic and the Russian North (Experience of Distance Schools)	
МАТРОСОВА О.П., ПОПОВА О.А., МАСТЕРСКИХ С.В. Следы русского языка в Арктике	277
MATROSOVA O.P., POPOVA O.A., MASTERSKIKH S.V. Traces of the Russian Language in the Arctic	
Редакционный совет журнала «Арктика и Север» Editorial board of the “Arctic and North” journal	290
Выходные данные Output data	292

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 5–25.

Научная статья

УДК 504.5(985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.5

Оценка системной значимости региональных кредитных организаций в субъектах Арктической зоны РФ и определение возможностей их поддержки *

Бадылевич Роман Викторович ¹✉, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Вербиненко Елена Александровна ², кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

^{1,2} Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, Мурманская область, 184209, Россия

¹ ramarapatit@rambler.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3164-8745>

² everbinenko@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3709-2116>

Аннотация. Статья посвящена анализу банковской сферы арктических регионов РФ, определению системно значимых региональных кредитных организаций в субъектах Арктической зоны РФ и исследованию возможных направлений их поддержки. Рассмотрена динамика действующих кредитных организаций и их подразделений в Арктической зоне РФ в 2020–2021 гг. Определено, что в настоящий момент в девяти арктических регионах функционирует пять региональных кредитных организаций, из которых одна — частная небанковская. Деятельность их направлена в основном на развитие реального сектора экономики региона базирования, на кредитование субъектов малого и среднего бизнеса. Даны подробная характеристика региональных банков, зарегистрированных в арктических регионах, приведены показатели их деятельности. Сделан вывод о том, что выделение значимых банковских структур для функционирования региональных хозяйственных систем и их поддержка является важным вопросом при анализе современной банковской системы. Отмечено, что проблема разработки критериев, позволяющих выделить системно значимые банки для конкретных регионов, неоднократно поднималась и обсуждалась в научных исследованиях. Сделан вывод о том, что для практической оценки системной значимости региональных банков требуется модификация и уточнение существующих в настоящее время методик. В статье предложена авторская методика расчёта показателей, используемых при оценке системной значимости региональной кредитной организации для субъекта РФ. Рассчитаны показатели оценки степени системной значимости региональных коммерческих банков, зарегистрированных в регионах Арктической зоны РФ. Представлены направления поддержки региональных системно значимых кредитных организаций.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, региональная политика, банковская система, региональные банки, системно значимые банки, финансовые ресурсы

* © Бадылевич Р.В., Вербиненко Е.А., 2022

Для цитирования: Бадылевич Р.В., Вербиненко Е.А. Оценка системной значимости региональных кредитных организаций в субъектах Арктической зоны РФ и определение возможностей их поддержки // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 5–25. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.5

For citation: Badylevich R.V., Verbinenko E.A. Assessment of the Systemic Importance of Regional Credit Institutions in the Subjects of the Arctic Zone of the Russian Federation and Determination of the Opportunities for Their Support. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 5–25. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.5

Благодарности и финансирование

Работа выполнена по государственному заданию по теме НИР «Научные основы формирования и реализации финансово-инвестиционного потенциала регионов Севера и Арктики» (AAAA-A18-118051590117-3).

Assessment of the Systemic Importance of Regional Credit Institutions in the Subjects of the Arctic Zone of the Russian Federation and Determination of the Opportunities for Their Support

Roman V. BADYLEVICH¹✉, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
Elena A. VERBINENKO², Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher

^{1, 2} Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, ul. Fersmana, 24a, Apatity, Murmansk Oblast, 184209, Russia

¹ ramapatit@rambler.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3164-8745>

² everbinenko@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3709-2116>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the banking sector in the Arctic regions of the Russian Federation, the identification of systemically significant regional credit organizations in the subjects of the Arctic zone of the Russian Federation and the study of possible areas of their support. The dynamics of existing credit organizations and their subdivisions in the Arctic zone of the Russian Federation in 2020–2021 is considered. It is determined that there are five regional credit organizations operating in nine Arctic regions now, of which one is a private non-banking one. Their activities are mainly aimed at the development of the real sector of the economy of the home region, at lending to small and medium-sized businesses. The detailed characteristics of the regional banks registered in the Arctic regions and the indicators of their activity are given. It is concluded that the allocation of significant banking structures for the functioning of regional economic systems and their support is an important issue in the analysis of the modern banking system. It is noted that the problem of developing criteria for identifying systemically significant banks for specific regions has been repeatedly raised and discussed in scientific research. It is concluded that for the practical assessment of the systemic significance of regional banks, modification and refinement of currently existing methods are required. The article offers the author's methodology for calculating the indicators used in assessing the systemic significance of a regional credit institution for a subject of the Russian Federation. The indicators of assessing the degree of systemic significance of regional commercial banks registered in the regions of the Arctic zone of the Russian Federation are calculated, and their score assessment is performed. The directions of support for regional systemically important credit organizations are presented.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, regional policy, banking system, regional bank, systemically significant bank, financial resources

Введение

В современных условиях региональные банковские структуры не только являются значимым источником финансирования и кредитования предприятий реального сектора экономики региона, но и активно участвуют в организации финансовых потоков между звеньями хозяйственной системы, обслуживают финансовые операции органов власти субъектов РФ, являются крупными налогоплательщиками в региональные бюджеты.

Отличаясь нацеленностью на развитие реального сектора экономики региона, высоким уровнем адаптации к региональным процессам и специфике хозяйства, оперативностью

и гибкостью в принятии решений, именно региональные банки способны стать инструментом реализации финансово-кредитной политики на субфедеральном уровне.

Исследованию роли региональных банковских структур в развитии территорий базирования посвящены многочисленные отечественные и зарубежные исследования. Ведущими учёными доказана высокая значимость региональных кредитных учреждений для организации финансовых процессов и повышения инвестиционной активности. В частности, на основе обработки большого массива статистической информации определено, что, по сравнению с крупными межрегиональными банками, небольшие региональные банки более эффективны в стимулировании местного экономического роста [1], характеризуются более высокой степенью адаптации к различного рода кризисным явлениям [2], а динамика показателей социально-экономического развития регионов достаточно чувствительна к сокращению числа небольших региональных кредитных организаций [3]. В последние годы опубликовано несколько крупных исследований, свидетельствующих об эффективности деятельности небольших региональных и муниципальных банков в таких экономически развитых странах, как Германия [4], Япония [5], Китай [6].

В России в настоящее время лишь в 60 субъектах РФ (за исключением городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга) зарегистрированы региональные кредитные организации. Одновременно следует отметить, что в 23 российских регионах на 1 июля 2021 г. такие организации отсутствуют. И число таких регионов с каждым годом растёт.

Последние тенденции, связанные с сокращением количества региональных банков, формированием значительных конкурентных преимуществ у системно значимых крупных столичных банков, обусловленных эффектом масштаба деятельности и поддержкой со стороны государства, создают риски полного вытеснения региональных кредитных организаций в большинстве российских регионов. Особенно опасны данные риски в отношении региональных банков, которые в настоящий момент активно задействованы в инвестиционных процессах, поддержке приоритетных отраслей хозяйства и обеспечивают необходимыми кредитными ресурсами малый и средний бизнес в субъектах РФ. Таким образом, важным вопросом, возникающим при анализе современной банковской системы, является не только выделение системообразующих кредитных организаций на уровне экономики страны, но и значимых банковских структур для функционирования региональных хозяйственных систем.

Методология оценки системной значимости региональных кредитных организаций

В настоящее время определение системно значимых банков в России осуществляется ежегодно Центральным банком РФ на основании указания от 22.07.2015 № 3737-У «О методике определения системно значимых кредитных организаций». Согласно данной методике, при определении системно значимых банков учитываются количественные показатели деятельности кредитных организаций: размер кредитной организации, взаимосвязанность с кредитными и иными финансовыми организациями, величина привлечённых вкладов физи-

ческих лиц и соответствие критериям международной активности банка. Методика предполагает использование показателей для оценки деятельности банков в масштабе страны и не предусматривает возможности оценки значимости кредитных организаций на региональном уровне.

Задача разработки и принятия критериев, позволяющих оценить вклад региональных банков в развитие конкретных территорий и учитываемых при корректировке системы государственного банковского регулирования, в современных научных исследованиях поднималась и рассматривалась неоднократно. В частности, на целесообразность выделения системно значимых банков для конкретных регионов в своем исследовании указывает О.А. Антонюк [7], выделяя три ключевые сферы взаимодействия регионального банка, обуславливающие степень системной значимости: взаимодействие с другими банками региона; взаимодействие с субъектами региональной экономики; взаимодействие с банковским капиталом в программах социального развития. В.А. Федосеевой для оценки вклада региональных банков в развитие конкретных территорий предлагается использовать методику определения влияния региональных банковских структур на уровень социально-экономической безопасности региона [8]. Т.Е. Дьячкова, Д.А. Косарева и О.В. Захарова в качестве ключевого направление оценки эффективности и значимости региональных банковских структур выделяют способность кредитных организаций обеспечить население и бизнес необходимыми банковскими продуктами [9].

Одной из наиболее адаптированных к практическому применению является методика оценки системной значимости региональных банков, предложенная Г.Л. Авагяном [10]. Методика предполагает два этапа анализа:

1. Расчёт показателей системной значимости региональных банков на основе показателей отчётности банка, а также показателей социально-экономического развития региона базирования банка (перечень таких показателей и методика их расчёта представлены в табл. 1).
2. Расчёт пороговых значений степени значимости для выделенной совокупности региональных банков на основе применения формулы Стерджесса.

Таблица 1
Показатели, учитываемые при определении степени значимости региональных банков и методика их расчета (согласно методике Г.Л. Авагяна)

№ п/п	Показатель	Методика расчёта
1	Размер банка	Отношение активов банка к совокупным активам региональных банков
2	Уровень институциональной доступности банка	Доля внутренних структурных подразделений регионального банка в общей численности внутренних структурных подразделений региональных банков
3	Степень участия регионального банка в развитии экономики региона	Отношение кредитного портфеля (чистой ссудной задолженности) к привлеченным ресурсам в виде средств клиентов и вкладов населения
4		Отношение кредитного портфеля к величине инвестиций

		ций в основной капитал предприятий нефинансового сектора региональной экономики
5	Влияние банка на социальное развитие региона	Доля ссудной задолженности, направленной на кредитование сферы услуг и социальной сферы
6	Роль банка в инвестиционном процессе	Отношение активов регионального банка к ВРП
7	Уровень кредитного риска	Отношение чистого кредитного портфеля к совокупному кредитному портфелю
8	Межбанковское взаимодействие банка	Отношение привлеченных депозитов и кредитов банка к совокупным привлеченным межбанковским депозитам и кредитам банков региона
9		Отношение обязательств по счетам ЛОРО банка к совокупным обязательствам региональных банков по счетам ЛОРО
10		Отношение обязательств банка по кредитам, привлеченным от Банка России, к совокупным обязательствам региональных банков перед Банком России
11	Зависимость банка от вкладов населения	Доля вкладов населения в совокупных пассивах банков региона

Признавая рациональность методики, предлагаемой Г.Л. Авагяном, следует отметить, что для практической оценки степени значимости регионального банка требуется её модификация и уточнение.

В частности, возникает сомнение в возможности применения методики и проведения корректного анализа положения банка для регионов, в которых функционирует незначительное количество региональных кредитных организаций. Также при заявленной автором методике расчёта показателей невозможно сопоставление уровня системной значимости региональных банков, зарегистрированных в разных регионах.

Также кажется сомнительной целесообразность использования при оценке уровня системной значимости показателя «влияние банка на социальное развитие региона». Кроме того в системе оценки системной значимости на уровне региона не приоритетным фактором является оценка глубины взаимоотношений с другими кредитными организациями.

Одновременно, с нашей точки зрения, при оценке системной значимости банка следует учесть взаимодействие кредитной организации с региональными и местными органами власти, которое выражается во вхождении органов власти в перечень учредителей банка или оформление за кредитным учреждением специального статуса («уполномоченный банк администрации региона», «опорный банк» и т. д.). Таким образом, модифицированная методика оценки уровня системной значимости региональной кредитной организации может быть определена в виде совокупности этапов, представленных на рис. 1.

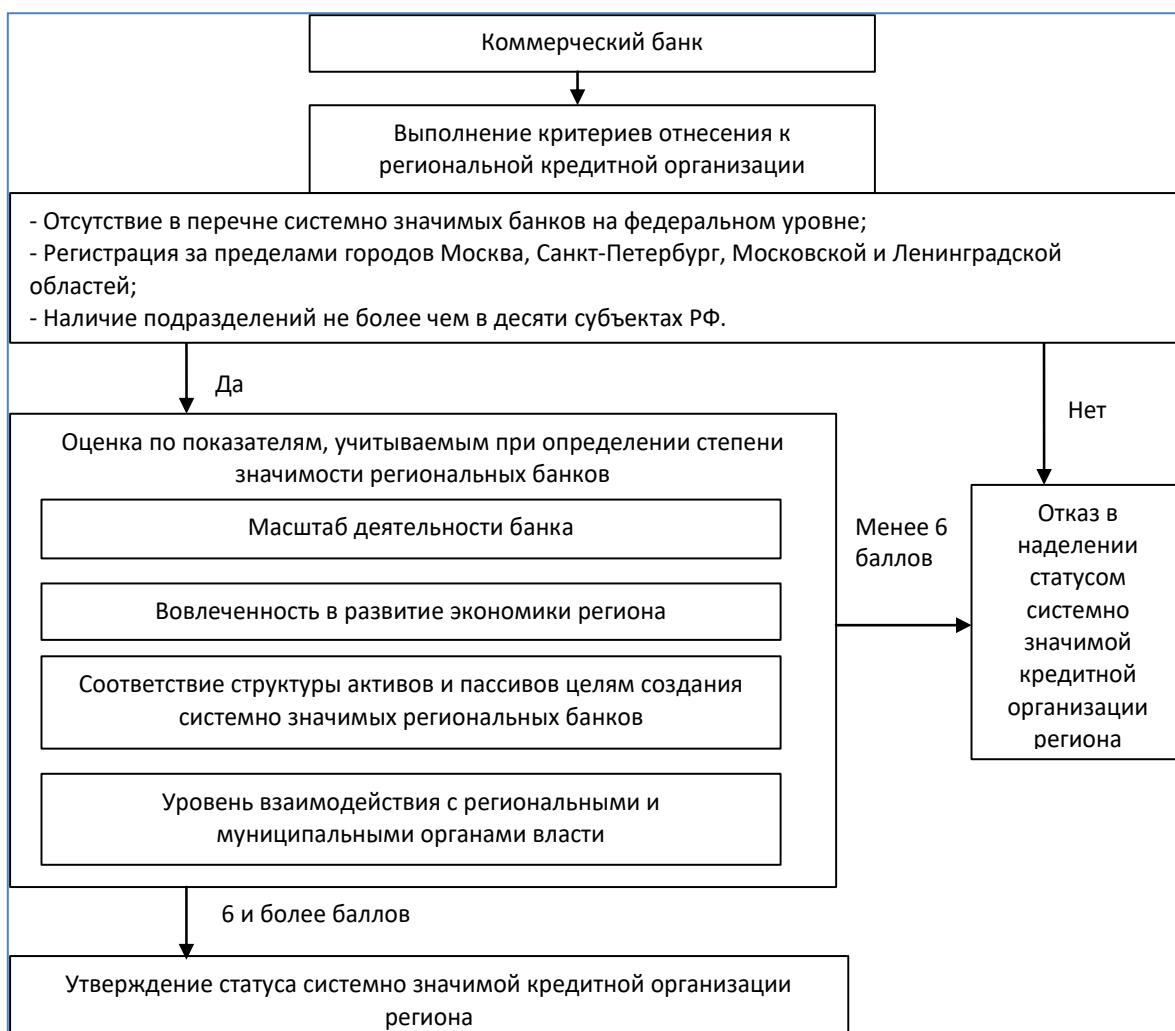

Рис. 1. Модифицированная методика оценки степени системной значимости региональной кредитной организации для субъекта РФ.

Непосредственно методика расчёта показателей, используемых для оценки степени системной значимости региональной кредитной организации для субъекта РФ, и их интерпретация представлены в табл. 2.

Таблица 2
Методика расчёта показателей, используемых при оценке степени системной значимости региональной кредитной организации для субъекта РФ

№ п/ п	Показатель	Индикатор	Интерпретация зна- чения	Бальная оценка
1	Масштаб деятельности банка (A)	Отношение активов банка к объёму про- изводства товаров и услуг в регионе (A_1)	Позволяет оценить размер банка в сопо- ставлении с масшта- бами хозяйственной деятельности в реги- оне	Крупный банк (2 бал- ла) — более 0,02 Средний банк (1 балл) — более 0,01 Небольшой банк (0 баллов) — менее 0,01
		Доля внутренних структурных подраз- делений региональ- ного банка в общей численности внутрен- них структурных под-	Характеризует инфа- структурную базу по отношению к общей банковской инфа- структуре в регионе	Крупный банк (2 бал- ла) — более 0,05 Средний банк (1 балл) — более 0,025 Небольшой банк (0 баллов) — менее

		разделений, представленных в регионе (A ₂)		0,025
2	Вовлеченность в развитие экономики региона (B)	Отношение кредитного портфеля к величине инвестиций в основной капитал предприятий региона (B ₁)	Позволяет оценить потенциальный вклад банка в инвестиционную деятельность в регионе	Значительная вовлеченность (2 балла) — более 0,05 Средняя вовлеченность (1 балл) — более 0,025 Незначительная вовлеченность (0 баллов) — менее 0,025
		Доля вкладов населения в совокупном объеме вкладов населения региона (B ₂)	Необходим для оценки банка как механизма трансформации сбережений в инвестиционные ресурсы	Значительная вовлеченность (2 балла) — более 0,02 Средняя вовлеченность (1 балл) — более 0,01 Незначительная вовлеченность (0 баллов) — менее 0,01
3	Соответствие структуры активов и пассивов целям создания системно значимым региональным банкам (C)	Доля кредитного портфеля в совокупных пассивах банка (C ₁)	Характеризует специализацию банка	Высокая специализация на кредитных операциях (2 балла) — более 0,66 Средняя специализация на кредитных операциях (1 балл) — более 0,33 Низкая специализация на кредитных операциях (0 баллов) — менее 0,33
		Отношение объема кредитов корпоративным клиентам к привлечённым ресурсам в виде средств клиентов и вкладов населения (C ₂)	Позволяет оценить участие банка в организации финансовых потоков в регионе	Значительная активность в регионе (2 балла) — более 0,66 Средняя активность в регионе (1 балл) — более 0,33 Низкая активность в регионе (0 баллов) — менее 0,33
4	Уровень взаимодействия с региональными и муниципальными органами власти (D)	Доля органов региональной власти в уставном капитале банка (D ₁)	Характеризует степень вовлеченности органов власти в управление банков	Значительный контроль (2 балла) — более 50% Умеренный контроль (2 балла) — более 0% Отсутствие контроля (0 баллов) — 0%
		Наличие специального статуса у банка (D ₂)	Позволяет оценить потенциал участия в реализации региональных и муниципальных проектов	Наличие статуса — 2 балла Отсутствие статуса — 0 баллов

Дискуссионным является вопрос определения границы для наделения банка статусом региональной системно значимой кредитной организации. При максимально возможной сумме баллов, согласно методике расчета (16 баллов), в качестве жёсткого критерия выде-

ления системно значимых кредитных организаций (который в большей степени соответствует проводимой в настоящее время политике Центрального банка РФ, направленной на укрупнение банковского сектора и повышение требований к кредитным организациям) может быть использована граница на уровне 50% от максимальной оценки, т. е. 8 баллов. Одновременно более мягкий подход, сторонниками которого являются авторы исследования, предполагает наличие минимальной оценки в 1 балл не менее чем по 75% индикаторов (6 баллов). Также возможным подходом является выделение нескольких диапазонов с присвоением различного уровня системной значимости для региона: например, не менее 2/3 от максимальной суммы баллов (11 баллов) — региональные банки с высоким уровнем системной значимости; не менее 1/3 от максимальной суммы баллов (6 баллов) — региональные банки со средним уровнем системной значимости.

Анализ банковских систем регионов Арктической зоны РФ

К началу 2021 г. банковская сфера арктических регионов РФ подошла в целом со стабильными показателями и некоторыми устойчивыми тенденциями, характерными для всей банковской системы России. В частности, в 2020 г. наблюдалось сохранение устойчивого тренда к сокращению кредитных организаций. В регионах Арктической зоны РФ тенденция к сокращению кредитных учреждений выразилась, прежде всего, в уменьшении действующего количества филиалов и представительств коммерческих банков (табл. 3). Общее количество банков, зарегистрированных в арктических субъектах РФ, снизилось на одну единицу. В декабре 2020 г. была отзвана лицензия на осуществление банковских операций у карельского банка «Онего». Причиной данного решения послужили систематические нарушения банком банковского законодательства¹.

Таблица 3

Динамика действующих кредитных организаций и их подразделений в Арктической зоне РФ в 2020–2021 гг.²

Регион	Головной офис	Филиалы	Представительства	Дополнительные офисы	Операционные кассы вне кассового узла	Кредитно-кассовые офисы	Операционные офисы	Передвижные пункты кассовых операций
На 01.01.2020								
РФ	442	618	279	19997	870	2198	5724	290
Регионы АЗРФ	7	32	20	1082	45	111	494	10
На 01.01.2021								
РФ	406	530	201	19453	719	1967	5479	289
Регионы АЗРФ	6	27	12	1074	33	96	454	9

¹ Пресс-релиз Центрального банка РФ от 11 декабря 2020 года. URL: https://cbk.ru/press/pr/?file=11122020_083159lic.htm (дата обращения: 05.07.2021).

² По данным Центрального банка РФ. URL: https://cbk.ru/statistics/bank_sector/lic/ (дата обращения: 07.07.2021).

Уменьшение различного рода внутренних подразделений в регионах Арктической зоны РФ связано с целым рядом объективных факторов, таких как общая тенденция к укрупнению участников банковского рынка и вытеснению подразделений небольших коммерческих банков в регионах, развитие дистанционных банковских технологий и сокращение физического посещения клиентами офисов кредитных организаций (данная тенденция значительно усилилась в период коронавирусных ограничений и снижения социальной активности граждан в 2020 г.), снижение численности населения во многих, в том числе крупных, муниципальных образованиях арктических регионов.

На 1 июля 2021 г. в девяти регионах Арктической зоны РФ функционировало пять региональных кредитных организаций (две в Мурманской области, по одной в республиках Коми и Саха (Якутия) и в Красноярском крае), из которых одна является частной небанковской кредитной организацией (Мурманский расчётный центр), а четыре — региональными банками.

Значения основных показателей, характеризующих деятельность региональных коммерческих банков, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Показатели деятельности региональных банков, зарегистрированных в регионах Арктической зоны РФ на 01.01.2021³

№ п/п	Банк	Всего подразделений	Количество регионов, в которых представ-лены подразделения банка, ед.	Размер активов, млн. руб.	Совокупный кредит-ный портфель без учета МБК, млн. руб.	Остаток средств на сче-тах ФЛ и ИП, млн. руб.	Чистая прибыль за 2020 год, тыс. руб.
1	АО «АФКБ «Алмазэргиэнбанк»	26	3	28 976	22 534	16 872	187 002
2	ПАО «Северный Народный Банк»	11	2	8 066	2 255	2 931	12 987
3	АО «АИКБ «Енисейский объединенный банк»	35	1	6 559	2 820	4 032	33 870
4	ПАО «Мурманский социальный коммерческий банк»	1	1	925	622	347	-22 193

Остановимся на характеристике каждого из региональных коммерческих банков.

«Алмазэргиэнбанк» был основан в 1993 г. Начав свою деятельность как частный коммерческий банк, с 1998 г. банк стал опорным кредитным учреждением региональных органов власти Республики Саха (Якутия). Большой частью акций банка владеет Министерство имущественных и земельных отношений Республики Саха (Якутия), доля которого на сегодняшний день составляет более 97% (оставшиеся акции выкуплены самим банком (1,62%) или находятся у миноритариев (около 1%)). Статус опорного банка региона позволил «Алмазэргиэнбанку» активно включиться в реализацию региональных и муниципальных проектов, в частности, банк был назначен уполномоченным агентом правительства по об-

³ По данным Центрального банка РФ. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/ (дата обращения: 02.07.2021).

служиванию инвестиций в нефтегазовую отрасль, государственных целевых программ по экологии и социально-экономическому развитию «алмазной провинции», а также микрокредитованию сельхозтоваропроизводителей вилюйской группы улусов.

Банк имеет достаточно широкую сеть подразделений в республике. Кроме головного офиса в Якутске, «Алмазэргиэнбанк» представлен 15 дополнительными офисами, 9 операционными офисами и 1 операционной кассой вне кассового узла в городах Республики Саха (Якутия). Кроме того, подразделения банка представлены в Приморском и Хабаровском краях.

На 1 июня 2021 г. по размеру чистых активов банк находится на 117 месте в рейтинге российских банков, по размеру кредитного портфеля и привлечённым вкладам населения входит в первую сотню банков (81 и 72 место в рейтинге соответственно).

Оценивая структуру активов и пассивов «Алмазэргиэнбанка», следует отметить, что специализация учреждения достаточно широка. В качестве основных направлений деятельности выделяется обслуживание корпоративных клиентов (в том числе, региональных и муниципальных государственных учреждений), привлечение средств и кредитование физических и юридических лиц. Основу капитала банка формируют привлеченные средства населения.

С февраля 1994 г. в Республике Коми действует Северный Народный Банк (в настоящее время — ПАО «Северный Народный Банк»). Инициатива создания данного банка принадлежала дочерним региональным структурам Газпрома, в том числе «Севергазпром» и ОАО «Севергазторг». С начала 2000-х гг. Северный Народный банк сменил владельцев, перейдя под контроль частных лиц.

Целью создания данного банка было обслуживание местных предприятий (в том числе региональных структур Газпрома) и населения Республики Коми. Эти же направления остаются ключевыми для банка и на сегодняшний день. Банк активен в сфере кредитования малого и среднего бизнеса региона. Кроме головного офиса в городе Сыктывкар, банк представлен тремя филиалами в городах Ухта, Усинск и Москва, а также семью дополнительными офисами.

На 1 июня 2021 г. размер активов банка составляет около 7 млрд рублей. По данному показателю организация находится на 203 месте в рейтинге (следует отметить, что за первую половину 2021 г. объём чистых активов банка снизился более чем на 1,2 млрд рублей). По размеру кредитного портфеля и объёму привлечённых средств населения Северный Народный банк находится в рейтинге на 201 и 159 местах соответственно.

Единственным действующим региональным банком Красноярского края на данный момент является АО «АИКБ «Енисейский объединённый банк». Банк был основан в 1994 г. в городе Енисейске. Развитию банка способствовало решение о присвоении учреждению в 1998 г. статуса уполномоченного банка Эвенкийского автономного округа, а также присоединение в 1999 г. другого регионального банка КБ «Лесосибирский». Активное взаимодействие

ствие с региональными органами власти позволило Енисейскому объединённому банку в 2001 г. получить статус уполномоченного банка администрации Красноярского края. Одновременно с этим региональные органы власти владеют и частью акций учреждения (на данный момент владельцем крупного пакета акций (28,61%) выступает Агентство по управлению государственным имуществом Красноярского края).

В качестве приоритетных направлений деятельности и специализации Енисейского объединённого банка на протяжении всех лет его работы выступали кредитование и обслуживание местных предприятий (в том числе с государственной формой собственности) и органов власти Красноярского края, а также привлечение средств населения, которые формируют основу привлечённого капитала банка. Также банк достаточно активен на рынке потребительского кредитования.

Банк имеет головной офис и филиал непосредственно в городе Красноярск, а также широкую сеть дополнительных офисов, насчитывающих 33 единицы.

По размеру активов банк на середину 2021 г. занимает 211 место (объём активов составляет 6,2 млрд рублей). По объёму кредитного портфеля и объёму привлечённых средств населения в рейтинге кредитных организаций России Енисейский объединенный банк находится на 188 и 136 позициях соответственно.

ПАО «Мурманский социальный коммерческий банк» — небольшой коммерческий банк по размеру активов, который осуществляет свою деятельность на территории Мурманской области. Свою историю банк ведёт с 1994 г., когда он был учреждён в форме общества с ограниченной ответственностью. Позднее в 2011 г. банк был преобразован в акционерное общество, а ещё через четыре года в публичное акционерное общество. На сегодняшний день все 100% акций банка принадлежат частному лицу. Сеть подразделений Мурманского социального коммерческого банка состоит из головного офиса в городе Мурманск и двух дополнительных офисов.

С момента создания Мурманский социальный коммерческий банк специализируется на обслуживании и кредитовании предприятий и организаций Мурманской области, а также привлечении средств физических лиц. Клиентами банка являются предприятия основных отраслей хозяйства Мурманской области, в частности цветной металлургии, рыбной индустрии, транспорта, строительного комплекса и энергетики. Основой привлечённого капитала банка являются вклады физических лиц и собственный капитал.

Размер чистых активов Мурманского социального коммерческого банка менее 1 млрд рублей. По данному показателю в рейтинге банк занимает скромное 336 место. По показателям объёма кредитного портфеля и привлечённых средств населения банк располагается на более высоких позициях — 271 и 247 местах соответственно.

Следует отметить, что из четырёх действующих на середину 2021 г. региональных банков, зарегистрированных в регионах Арктической зоны РФ, два банка имеют универсаль-

ную лицензию (Алмазэргиэнбанк и Северный Народный Банк) и два банка — базовую лицензию (Енисейский объединённый банк и Мурманский социальный коммерческий банк).

Оценка уровня системной значимости региональных банков, зарегистрированных в субъектах Арктической зоны РФ

Представленная выше методика оценки позволяет оценить системную значимость региональных коммерческих банков, зарегистрированных в субъектах Арктической зоны РФ. Исходные данные для проведения оценки по четырём региональным коммерческим организациям представлены в табл. 5.

Таблица 5
Исходные данные для оценки степени системной значимости региональных коммерческих банков, зарегистрированных в регионах Арктической зоны РФ (по данным на 01.01.2021)⁴

Показатель	АО «АФКБ «Алмаз-эргиэнбанк»	ПАО «Северный Народный Банк»	АО «АИКБ «Енисейский объединённый банк»	ПАО «Мурманский социальный коммерческий банк»
Совокупные активы банка, млн руб.	28 976	8 066	6 559	925
Количество внутренних подразделений в регионе базирования, ед.	24	1	35	1
Совокупный кредитный портфель без учета МБК, млн руб.	22 534	2 255	2 820	622
Вклады физических лиц, млн руб.	16 823,7	2 839,3	4 032,5	346,9
Совокупные пассивы банка, млн руб.	32 403,1	8 210,8	6 592,3	888,1
Портфель кредитов предприятиям, млн руб.	14 685	1 300	1 155	533
Остаток средств на счетах предприятий, млн руб.	7 138	3 720	1 867	142
Остаток средств на счетах ФЛ и ИП, млн руб.	16 872	2 931	4 032	347
Доля органов региональной власти в уставном капитале банка	Министерство имущественных и земельных отношений Республики Саха (Якутия) — 97,34%;	-	Агентство по управлению государственным имуществом Красноярского края — 28,61%;	-
Наличие специального статуса у банка	Опорный банк Республики Саха (Якутия)	-	Уполномоченный банком краевой администрации	-
	Республика Саха (Якутия)	Республика Коми	Красноярский край	Мурманская область
Объем производства товаров и услуг в 2020 году, млрд руб.	1143,1	632,7	2 786,8	1 133,2
Общая численность внутренних структурных подразделений банков в регионе, ед.	275	202	566	156
Объем инвестиций в основной	221,7	140,4	478,6	191,1

⁴ По данным Центрального банка РФ (URL: <https://cbk.ru/>) и Федеральной службы государственной статистики (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

капитал в 2020 году, млрд руб.				
Вклады (депозиты) физических лиц и другие привлеченные средства физических лиц (без учета средств на счетах эскроу), млн руб.	124 588	133 734	359 716	170 020

Согласно представленным в таблице данным, мы видим, что указанные региональные банки существенно отличаются как по размеру и особенностям деятельности, так и по специфике регионов, в которых они зарегистрированы.

Учитывая представленные исходные данные, рассчитаем показатели оценки степени системной значимости региональных коммерческих банков и проведём их балльную оценку (табл. 6).

Таблица 6

Расчёт показателей оценки степени системной значимости региональных коммерческих банков, зарегистрированных в регионах Арктической зоны РФ (по данным на 01.01.2021) (рассчитано авторами)

Показатель	АО «АФКБ «Алмаз-эргиэнбанк»		ПАО «Северный Народный Банк»		АО «АИКБ «Енисейский объединенный банк»		ПАО «Мурманский социальный коммерческий банк»	
	знач.	бал.	знач.	бал.	знач.	бал.	знач.	бал.
Отношение активов банка к объёму производства товаров и услуг в регионе (A_1)	0,025	2	0,013	1	0,002	0	0,001	0
Доля внутренних структурных подразделений регионального банка в общей численности внутренних структурных подразделений, представленных в регионе (A_2)	0,087	2	0,005	0	0,062	2	0,006	0
Отношение кредитного портфеля к величине инвестиций в основной капитал предприятий (B_1)	0,102	2	0,016	0	0,006	0	0,003	0
Доля вкладов населения в совокупном объёме вкладов населения региона (B_2)	0,135	2	0,021	2	0,011	1	0,002	0
Доля кредитного портфеля в совокупных пассивах банка (C_1)	0,695	2	0,275	0	0,428	1	0,700	2
Отношение объёма кредитов корпоративным клиентам к привлечённым ресурсам в виде средств клиентов и вкладов населения (C_2)	0,612	1	0,195	0	0,196	0	1,090	2
Доля органов региональной власти в уставном капитале банка (D_1)	97,34%	2	0	0	28,61%	1	0	0
Наличие специального статуса у банка (D_2)	есть	2	нет	0	есть	2	нет	0
ИТОГО БАЛЛОВ	-	15	-	3	-	7	-	4

Среди действующих региональных банков Арктической зоны РФ при жёстком подходе системно значимым для территории базирования может быть признан только один банк АО «АФКБ «Алмазэргиэнбанк» (является системно значимым для Республики Саха (Якутия)). При использовании более мягкого подхода, сторонниками которого являются авторы иссле-

дования, к системно значимым также можно отнести АО «АИКБ «Енисейский объединенный банк» (является системно значимым для Красноярского края).

Направления практической поддержки региональных системно значимых банков и их участия в территориальных инвестиционных процессах

Опыт определения системно значимых банков для субъектов РФ с помощью представленной методики может быть использован для разработки мер поддержки региональных кредитных организаций на современном этапе. О важности такой поддержки в последние годы неоднократно было заявлено как в научной среде, так и на уровне Правительства РФ.

В частности, отечественные исследователи предлагали широкий спектр инструментов поддержки региональных банков. При этом учёными предлагаются не только стандартный набор инструментов, связанных с оптимизацией надзорных мероприятий и снижением требований при установлении нормативов по отношению к региональным кредитным организациям [11, 12], но и достаточно специфические мероприятия. Так, Минатулаевым И.Ш. и Сулеймановой С.С. было предложено сформировать фонд финансовой поддержки малых банков как инструмент институциональной поддержки региональных кредитных организаций, попавших в сложную финансовую ситуацию [13]. О необходимости разработки полноценной государственной программы поддержки региональной банковской системы России заявляла в своих исследованиях Варламова С.Б. [14]. Жирововым В.И. предложен комплекс мер, связанных с созданием условий для формирования действенных вариантов кооперации устойчивых региональных банков (например, холдингов из банков одного федерального округа), а также адаптацией программ АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» для реализации региональными кредитными институтами [15].

Активно обсуждается необходимость и возможность поддержки региональных банков в последнее время и в органах власти. В апреле 2021 г. в рамках рабочей встречи руководства Совета Федерации РФ, Банка России, федеральных органов исполнительной власти и представителей региональных банков Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко заявила, что наличие в регионе собственных крепких банков — это один из показателей качества жизни, а работа небольших банков делает финансовый рынок более конкурентным и открытым. Аналогичное мнение высказала и Председатель Центрального Банка РФ Эльвира Набиуллина⁵. Только в течение последнего года на уровне Правительства РФ обсуждалось несколько направлений поддержки региональных кредитных организаций. В качестве таких направлений следует выделить:

- возможность участия региональных банков в государственных программах поддержки банковского сектора и кредитной активности на основе предоставления

⁵Пресс-релиз встречи руководства верхней палаты парламента, Банка России, федеральных органов исполнительной власти и представителей региональных банков от 12.04.2021. Материал официального сайта Совета Федерации РФ. URL: <http://council.gov.ru/events/news/125995/> (дата обращения: 04.07.2021).

банкам доступа к государственным финансовым ресурсам не только по критерию масштабов деятельности, но и на основании других индикаторов;

- переход к реализации «умной региональной ипотеки», когда программа государственного субсидирования ипотечных ставок учитывает специфику конкретных субъектов РФ, территориальную потребность населения в объектах недвижимости, а сама программа льготной ипотеки реализуется не только через системно значимые федеральные банки, но и через региональные кредитные структуры;
- разработка механизма трансфера информационных банковских технологий на уровень региональных организаций, возможность разработки и внедрения которых имеется благодаря использованию эффекта масштаба у крупных федеральных банков, а также более активная работа со стороны органов власти по обеспечению кибербезопасности в банковском секторе, повышению доступности баз данных, государственных информационных ресурсов для небольших и средних банков.

Однако при всей потенциальной эффективности данные направления находятся в стадии разработки и обсуждения, а их практическая реализация будет зависеть прежде всего от взглядов федеральных финансовых органов на дальнейшее развитие процессов глобализации и интеграции на банковском рынке.

На наш взгляд, необходимость поддержки системно значимых региональных кредитных организаций на данный момент очевидна. При этом такая поддержка должна способствовать повышению привлекательности для региональных банков направления деятельности, которое в данный момент определено для таких учреждений органами власти как приоритетное — обслуживание и кредитование субъектов реального сектора экономики региона. Направления поддержки региональных системно значимых кредитных организаций представим на рис. 2.

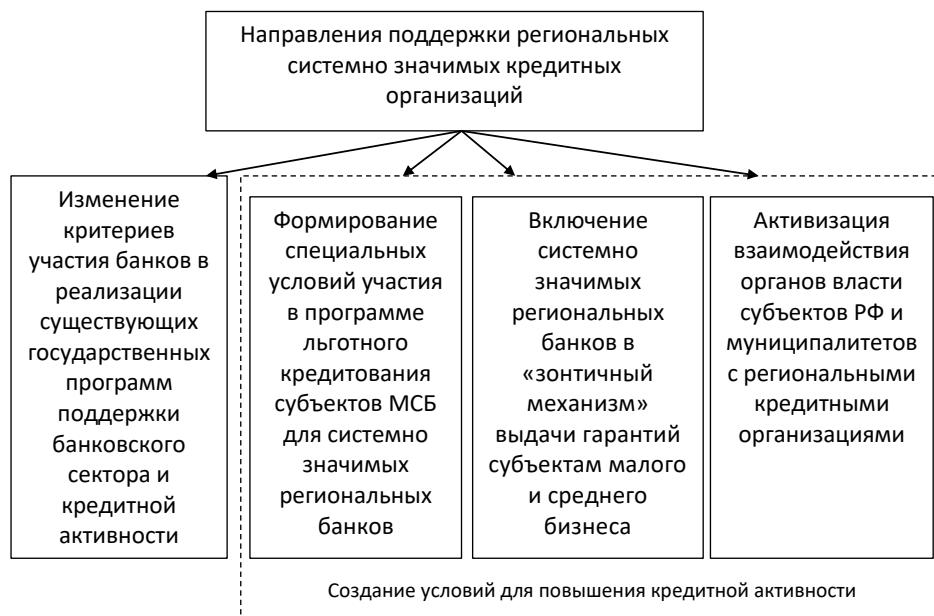

Рис. 2. Направления поддержки региональных системно значимых кредитных организаций.

В качестве отдельного направления поддержки региональных системно значимых кредитных организаций следует выделить изменение критериев участия банков в реализации существующих государственных программ поддержки банковского сектора и кредитной активности. В настоящее время в государственных программах нет единого подхода к установлению критериев для участия в них банков. Применяется более 10 различных индикаторов, по которым устанавливается отбор участников.

В первой половине 2021 г. был разработан законопроект⁶, согласно которому предполагается установить единое требование к кредитным организациям, участвующим в отборе на право использования публичных ресурсов, — кредитный рейтинг банка. Такое решение должно увеличить число участников государственных программ и повысить конкурентоспособность региональных банков по данному направлению. Однако тот факт, что кредитный рейтинг не всегда объективно учитывает все показатели деятельности банка и его значимость для развития экономики региона, делает необходимым, по мнению авторов, допуск к участию в реализации государственных программ дополнительно банков, имеющих статус регионально значимых (на основе предложенной выше методики), но не обладающих требуемым кредитным рейтингом. Такая мера позволит оказать дополнительную поддержку банкам, принимающим активное участие в финансировании реального сектора экономики региона базирования и реализации региональных и муниципальных проектов даже в случае отсутствия по каким-либо причинам необходимого кредитного рейтинга.

Другие меры поддержки системно значимых региональных банков, представленные на рис. 2, направлены на создание условий для более активного участия данной категории кредитных учреждений в процессах кредитования малого и среднего бизнеса в субъектах РФ.

Одной из таких предлагаемых мер является включение системно значимых банков в «зонтичный механизм» выдачи гарантий субъектам малого и среднего бизнеса. В настоящее время Правительство РФ прорабатывает механизм упрощения доступа субъектов МСБ к гарантийной поддержке, которую оказывает Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства (Корпорация МСП), при получении последними банковских кредитов (данный механизм был создан для повышения доступности кредитных ресурсов для предприятий, у которых нет возможности предоставить самостоятельно гарантийные обязательства для банка, а также снижения количества отказов при получении кредитов и сроков ожидания одобрения кредитных заявок). Соответствующие поправки одобрены в ходе принятия закона о реформе институтов развития⁷. Новый механизм предполагает авто-

⁶ Проект Федерального закона N 1046569-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования отбора кредитных организаций на основании кредитного рейтинга для целей инвестирования и размещения денежных средств» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, принят в первом чтении 6 апреля 2021 г.). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1046569-7>; <http://council.gov.ru/events/news/125995/> (дата обращения: 04.07.2021).

⁷Федеральный закон от 02.07.2021 № 332-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части 1-1 статьи 8 Федерального закона «Об

матическое получение гарантий Корпорации МСП при обращении в банк с целью получения кредита при соответствии субъекта малого и среднего бизнеса определённым критериям. В итоге банки, которые заключат соглашение с Корпорацией МСП, получат возможность автоматического встраивания опции «государственной гарантии» в предлагаемые кредитные продукты для корпоративных клиентов. В данный момент наиболее вероятно включение крупных федеральных банков в данную программу, однако расширение списка банков — участников программы за счёт системно значимых региональных кредитных организаций, по мнению авторов, выглядит целесообразным и обоснованным.

Ещё одной мерой, направленной на стимулирование кредитования малого и среднего бизнеса со стороны региональных банков, является формирование специальных условий участия в программе льготного кредитования субъектов МСБ для системно значимых региональных банков. На данный момент основной программой льготного кредитования бизнеса является программа «1764», согласно условиям которой банки — участники программы предоставляют кредиты субъектам малого и среднего бизнеса по формуле «ключевая ставка Центрального Банка РФ + 2,75%». Для повышения эффективности реализации данной программы в регионах, по нашему мнению, видится целесообразным:

- активное привлечение к реализации данной программы региональных банков, в том числе за счёт смягчения критериев участия в программе системно значимых региональных банков (на 01.07.2021 имеет статус уполномоченного банка по данной программе 61 банк, при этом фактически осуществляют кредитование 53 банка⁸);
- выделение твёрдой квоты от общего объёма финансирования по программе льготного кредитования субъектов МСБ для системно значимых региональных банков;
- дифференциация формулы формирования ставки льготного кредитования для субъектов малого и среднего бизнеса, представляющих приоритетные сферы экономики конкретных субъектов РФ и кредитуемые через системно значимые региональные банки, с целью дополнительного снижения стоимости кредитных ресурсов для таких предприятий.

Ещё одним важным направлением поддержки региональных коммерческих банков и усиления их участия в региональных инвестиционных процессах, которому уделяется недостаточное внимание на государственном уровне, является активизация взаимодействия органов власти субъектов РФ и муниципалитетов с региональными кредитными организациями. На современном этапе наиболее перспективными представляются схемы взаимодей-

инновационном центре «Сколково» (на 17.07.2021 Закон не вступил в силу). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389014/ (дата обращения: 17.07.2021).

⁸ Актуальный перечень банков по программе льготного кредитования субъектов МСП по льготной ставке до 8,5%. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/ak aktualnyy_perechen_bankov_po_programme_lgotnogo_kreditovaniya_subekto msp_po_lgotnoy_stavke_do_85_.html (дата обращения: 15.07.2021).

ствия на базе наделениями ведущих системно значимых для региона банков специальными статусами («уполномоченный банк администрации региона», «опорный банк» и т. д.). Наделение таким статусом региональных коммерческих банков, с одной стороны, позволит кредитным организациям успешно решать многие организационные вопросы, а с другой стороны, органам власти участвовать в принятии решений по вопросам кредитования значимых для регионального хозяйства инвестиционных проектов.

Представляется эффективной схема привлечения региональных банков к реализации коммерчески привлекательных проектов в рамках выполнения региональных стратегий и программ развития. Отбор таких проектов мог бы осуществляться советом, включающим в себя представителей коммерческих банков, наделённых специальным статусом, представителей органов власти и бизнеса. Кредитование отобранных данным советом проектов со стороны региональных банков может осуществляться по льготным процентным ставкам за счёт получения дополнительных гарантий возврата предоставленных финансовых ресурсов. Также могут быть реализованы схемы совместного финансирования значимых для региона проектов за счёт ресурсов, выделенных на реализацию региональных программ, и банковского капитала.

Ещё одно возможное направление взаимодействия кредитных организаций и органов власти субъектов РФ и муниципалитетов — реализация инструментов привлечения свободных ресурсов населения в инвестиционные процессы через региональные банки. В качестве таких инструментов могут выступать региональные и муниципальные облигации, выпускаемые под инвестиционные цели. В условиях низких процентных ставок по депозитным продуктам к таким инструментам будет высокий интерес со стороны населения, а региональные банки обеспечат удобные схемы приобретения данных инструментов для физических лиц.

Наделение ключевых для региона банков специальными статусами будет также способствовать улучшению имиджа данных кредитных организаций и повышению доверия к таким банкам со стороны населения и бизнеса, что является значимым фактором в условиях, когда основные меры государственной поддержки направлены на повышение устойчивости и обеспечение стабильной работы крупнейших системно значимых банков страны.

В целом, реализация приведённых направлений будет способствовать сохранению на рынке системно значимых для регионов банков, созданию условий для активизации участия региональных кредитных организаций в кредитовании реального сектора экономики субъектов РФ и повышению степени участия органов власти в регулировании инвестиционных процессов.

Заключение

Проведённое исследование показало уменьшение за последние два года количества действующих кредитных организаций и их подразделений в Арктической зоне РФ. На настоящий момент в девяти регионах Арктической зоны РФ функционирует пять региональных кредитных организаций, из которых только четыре являются коммерческими банками. Из четырёх действующих региональных банков два банка имеют универсальную лицензию Цен-

трального банка РФ (Алмазэргиэнбанк и Северный Народный Банк) и два (Енисейский объединённый банк и Мурманский социальный коммерческий банк) — базовую лицензию.

Существующие методики оценки системной значимости региональных банков, по мнению авторов, требуют уточнения и модификации. Модифицированная методика оценки степени системной значимости региональной кредитной организации может быть определена как совокупность двух этапов: выполнение критериев отнесения к региональной кредитной организации и оценка по показателям, учитываемым при определении степени значимости региональных банков. Данная методика позволила оценить системную значимость региональных банков, зарегистрированных в субъектах Арктической зоны РФ. Согласно выполненным расчётам, при мягком подходе, сторонниками которого являются авторы исследования, к системно значимым могут быть отнесены АО «АФКБ «Алмазэргиэнбанк» (является системно значимым для Республики Саха (Якутия)) и АО «АИКБ «Енисейский объединенный банк» (является системно значимым для Красноярского края).

Опыт определения системно значимых банков для субъекта РФ с помощью представленной методики может быть использован для разработки мер поддержки региональных кредитных организаций. Наиболее эффективными направлениями поддержки региональных системно значимых кредитных организаций на данный момент представляются: изменение критериев участия банков в реализации существующих государственных программ поддержки банковского сектора и кредитной активности, формирование специальных условий участия в программе льготного кредитования субъектов МСБ для системно значимых региональных банков, включение системно значимых региональных банков в «зонтичный механизм» выдачи гарантий субъектам малого и среднего бизнеса, активизация взаимодействия органов власти субъектов РФ и муниципалитетов с региональными кредитными организациями. Реализация данных направлений будет в значительной степени способствовать созданию условий для повышения участия банковского сектора в обеспечении экономического развития регионов.

Список источников

1. Hakenes H., Hasan I., Molyneux P.P., Xie R. Small banks and local economic development // Review of Finance. 2015. Vol. 19 (Iss. 2). Pp. 653–683. DOI: 10.1093/rof/rfu003
2. Flögel F., Gärtner S. The COVID-19 Pandemic and Relationship Banking in Germany: Will Regional Banks Cushion an Economic Decline or is A Banking Crisis Looming? // Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie. 2020. Vol. 111 (Iss. 3). Pp. 416–433. DOI: 10.1111/tesg.12440
3. Fiapshev A.B., Travkina E.V., Poznyakov V.V. Transformation of the structure of the Russian banking sector: the impact on regional development // Regionology. Russian Journal of Regional Studies. 2020. Vol. 28 (4). Pp. 695–722. DOI: 10.15507/2413-1407.113.028.202004.695-722
4. Wojcik D., MacDonald-Korth D. The British and the German financial sectors in the wake of the crisis: size, structure and spatial concentration // Journal of Economic Geography. 2015. Vol. 15. No. 5. Pp. 1033–1054. DOI: 10.1093/jeg/lbu056
5. Kondo K. Does branch network size influence positively the management performance of Japanese regional banks? // Applied Economics. 2018. Vol. 50:56. Pp. 6061–6072. DOI: 10.1080/00036846.2018.1489114
6. Zhao B., Kenjegalieva K., Wood J., Glass A. A spatial production analysis of Chinese regional banks: case of urban commercial banks // International Transactions in Operational Research. Special

- Issue: Efficiency in Education, Health and Other Public Services. 2020. Vol. 27 (Iss. 4). Pp. 2021–2044. DOI: 10.1111/itor.12732
7. Антонюк О.А. Финансовая устойчивость региональных банков в условиях изменения институциональной структуры банковской системы России: дис. ... канд. экон. наук. Тольятти, 2018. 200 с.
 8. Федосеева В.А. К вопросу о влиянии сектора региональных банков на уровень экономической безопасности регионов России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2016. № 1 (28). С. 120–128.
 9. Дьячкова Т.Е., Косарева Д.А., Захарова О.В. Анализ значимости региональных банков на примере банков Приволжского федерального округа // Экономика. Бизнес. Банки. 2019. № 8 (34). С. 118–129.
 10. Авагян Г.Л. Оценка системной значимости банков в сегменте региональных банков // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 28 (2). С. 15–23. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10068
 11. Фиапшев А.Б. Структура российской банковской системы и ее влияние на развитие конкуренции на рынке банковских услуг // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 360–364. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0086
 12. Мусаев Р.А., Клешко Д.В. Меры государственного воздействия на развитие региональных банков в России / В кн.: Воспроизводственный потенциал региона: проблемы количественных измерений его структурных элементов. Материалы VI Международной научно-практической конференции / Под ред. Юсупова К.Н. Уфа: ИдельПресс, 2016. С. 244–255.
 13. Минатулаев И.Ш., Сулейманова С.С. Создание нового фонда поддержки малых банков: региональный аспект / В сб.: Инновации, кластеризация, информационная трансформация и экономическое развитие: региональный аспект. Сб. научных трудов Международной научно-практической конференции / Под ред. В.Н. Немцева, А.Г. Васильевой. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2018. С. 131–136.
 14. Варламова С.Б. Региональные банки в условиях экономической несвободы нуждаются в поддержке // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2015. № 29. С. 97–101.
 15. Жировов В.И. Актуальные проблемы региональных банков в условиях кризисного этапа развития экономики // В сб.: Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления. Материалы XI международной научно-практической конференции / Под ред. И.Е. Рисина. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2016. С. 66–70.

References

1. Hakenes H., Hasan I., Molyneux P.P., Xie R. Small Banks and Local Economic Development. *Review of Finance*, 2015, vol. 19, iss. 2, pp. 653–683. DOI: 10.1093/rof/rfu003
2. Flögel F., Gärtner S. The COVID-19 Pandemic and Relationship Banking in Germany: Will Regional Banks Cushion an Economic Decline or is A Banking Crisis Looming? *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*, 2020, vol. 111, iss. 3, pp. 416–433. DOI: 10.1111/tesg.12440
3. Fiapshev A.B., Travkina E.V., Poznyakov V.V. Transformation of the Structure of the Russian Banking Sector: The Impact on Regional Development. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 2020, vol. 28 (4), pp. 695–722. DOI: 10.15507/2413-1407.113.028.202004.695-722
4. Wojcik D., MacDonald-Korth D. The British and the German Financial Sectors in the Wake of the Crisis: Size, Structure and Spatial Concentration. *Journal of Economic Geography*, 2015, vol. 15, no. 5, pp. 1033–1054.
5. Kondo K. Does Branch Network Size Influence Positively the Management Performance of Japanese Regional Banks? *Applied Economics*, 2018, vol. 50:56, pp. 6061–6072. DOI: 10.1080/00036846.2018.1489114
6. Zhao B., Kenjegalieva K., Wood J., Glass A. A Spatial Production Analysis of Chinese Regional Banks: Case of Urban Commercial Banks. *International Transactions in Operational Research. Special Issue: Efficiency in Education, Health and Other Public Services*, 2020, vol. 27, iss. 4, pp. 2021–2044. DOI: 10.1111/itor.12732

7. Antonyuk O.A. *Finansovaya ustoychivost' regional'nykh bankov v usloviyakh izmeneniya institutsional'noy struktury bankovskoy sistemy Rossii: dis. kand. ekon. nauk.* [Financial Stability of Regional Banks in the Context of Changes in the Institutional Structure of the Russian Banking System: Cand. Econ. Sci. Diss.]. Tolyatti, 2018, 200 p. (In Russ.)
8. Fedoseyeva V.A. K voprosu o vliyanii sektora regional'nykh bankov na uroven' ekonomiceskoy bezopasnosti regionov Rossii [On the Question of Influence of the Regional Banking Sector on the Level of Economic Security of Russia's Regions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Perm University Herald. Economy], 2016, no. 1 (28), pp. 120–128.
9. Dyachkova T.E., Kosareva D.A., Zakharchova O.V. Analiz znachimosti regional'nykh bankov na primere bankov Privalzhskogo federal'nogo okruga [Analysis of the Significance of Regional Banks on the Example of Banks in the Volga Federal District]. *Ekonomika. Biznes. Banki* [Economy Business Banks], 2019, no. 8 (34), pp. 118–129.
10. Avagyan G.L. Otsenka sistemnoy znachimosti bankov v segmente regional'nykh bankov [Assessment of Systemic Significance of Banks in the Segment Regional Banks]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural-Humanitarian Studies], 2020, no. 28 (2), pp. 15–23. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10068
11. Fiapshev A.B. Struktura rossiyskoy bankovskoy sistemy i ee vliyanie na razvitiye konkurentsii na rynke bankovskikh uslug [Structure of the Russian Banking System and Its Impact on the Development of Competition in the Market of Banking Services]. *Azimut nauchnykh issledovanii: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration], 2019, vol. 8, no. 1 (26), pp. 360–364. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0086
12. Musaev R.A., Kleshko D.V. Mery gosudarstvennogo vozdeystviya na razvitiye regional'nykh bankov v Rossii [Measures of State Influence on the Development of Regional Banks in Russia]. In: *Vospriyvostvennyy potentsial regiona: problemy kolichestvennykh izmereniy ego strukturnykh elementov. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Reproductive Potential of the Region: Problems of Quantitative Measurements of its Structural Elements. Proc. of the 6th Intern. Sci. Pract. Conf.]. Ufa, IdelPress Publ., 2016, pp. 244–255.
13. Minatulaev I.Sh., Suleymanova S.S. Sozdanie novogo fonda podderzhki malykh bankov: regional'nyy aspekt [Creation of a New Fund to Support Small Banks: a Regional Aspect]. In: *Innovatsii, klasterizatsiya, informatsionnaya transformatsiya i ekonomicheskoe razvitiye: regional'nyy aspekt. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Innovations, Clustering, Information Transformation and Economic Development: a Regional Aspect. Collection of Scientific Papers of the Intern. Sci. Pract. Conf.]. Magnitogorsk, Nosov Magnitogorsk State Technical University Publ., 2018, pp. 131–136.
14. Varlamova S.B. Regional'nye banki v usloviyakh ekonomiceskoy nesvobody nuzhdayutsya v podderzhke [Regional Banks in Conditions of Economic Lack of Freedom Need Support]. *Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii* [Strategy for Sustainable Development of Russian Regions], 2015, no. 29, pp. 97–101.
15. Zhirovov V.I. Aktual'nye problemy regional'nykh bankov v usloviyakh krizisnogo etapa razvitiya ekonomiki [Actual Problems of Regional Banks in the Conditions of the Crisis Stage of Economic Development]. In: *Aktual'nye problemy razvitiya khozyaystvuyushchikh sub"ektorov, territoriy i sistem regional'nogo i munitsipal'nogo upravleniya. Materialy XI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual Problems of Development of Economic Entities, Territories and Systems of Regional and Municipal Management. Proc. the 11th Intern. Sci. Pract. Conf.]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2016, pp. 66–70.

Статья поступила в редакцию 26.10.2021; одобрена после рецензирования 18.11.2021; принята к публикации 26.11.2021.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 26–42.

Научная статья

УДК 332.12(985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.26

Траектории финансового развития регионов российской Арктики *

Дядик Наталья Викторовна^{1✉}, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Чапаргина Анастасия Николаевна², кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

^{1, 2} Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, Мурманская область, 184209, Россия

¹ ndyadik@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3651-6976>

² achapargina@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4399-4063>

Аннотация. Приоритетное развитие арктических территорий особенно актуально в условиях нестабильного экологического равновесия, значительных климатических изменений и территориальной уязвимости. Регионы Арктики имеют общие природно-климатические условия, географическое расположение, наличие природных ресурсов на их территории, уровень технико-технологического развития отраслей народного хозяйства, однако характеризуются неоднородными условиями социально-экономического развития, поэтому диспропорции в функционировании этих регионов проявляются более ярко. Устранение или нивелирование возникающих межрегиональных диспропорций является объективной необходимостью для сбалансированного развития регионов, обеспечения их финансовой устойчивости. Авторами на основе частных финансовых индексов (бюджетного, экономического, инвестиционного) проведена точечная настройка развития арктических территорий и определены траектории реализации и расширения потенциальных финансовых возможностей с учётом выявленных угроз и драйверов, оказывающих влияние на экономику региона. Данный подход позволил, во-первых, оценить финансовые возможности регионов по разноспектальным характеристикам (бюджетной, экономической и т. д.); во-вторых, выявить динамику их финансового развития; и, в-третьих, ранжировать регионы по уровню финансовой состоятельности. В результате были определены три кластера: регионы с высоким значением экономического индекса; регионы с высоким значением инвестиционного индекса и регионы с высоким значением бюджетного индекса. Для каждой группы определён вектор финансового развития, позволяющий эффективно использовать все возможности арктических регионов для обеспечения их как социального, так и финансово-инвестиционного развития.

Ключевые слова: российская Арктика, финансовое развитие, траектории, угрозы, драйверы, финансовые ресурсы, потенциал

Financial Development Trajectories of the Russian Arctic Regions

Natalya V. Dyadik^{1✉}, Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher

Anastasiya N. Chapargina², Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher

^{1, 2} Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, ul. Fersmana, 24a, Apatity, Murmansk Oblast, 184209, Russia

¹ ndyadik@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3651-6976>

² achapargina@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4399-4063>

* © Дядик Н.В., Чапаргина А.Н., 2022

Для цитирования: Дядик Н.В., Чапаргина А.Н. Траектории финансового развития регионов российской Арктики // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 26–42. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.26

For citation: Dyadik N.V., Chapargina A.N. Financial Development Trajectories of the Russian Arctic Regions. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 26–42. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.26

Abstract. Priority development of the Arctic territories is particularly relevant in conditions of unstable environmental balance, significant climate change, and territorial vulnerability. The Arctic regions have common natural and climatic conditions, geographical location, the availability of natural resources on their territory, the level of technical and technological development of the branches of the national economy, however, they are characterized by heterogeneous conditions of socio-economic development, therefore, the imbalances in the functioning of these regions are manifested more clearly. Elimination or levelling of the emerging interregional imbalances is an objective necessity for the sustainable development of regions, ensuring their financial stability. The authors, on the basis of private financial indices (budget, economic, investment), carried out a pinpoint adjustment of the development of the Arctic territories and determined the trajectories for the implementation and expansion of potential financial opportunities, taking into account the identified threats and drivers that affect the economy of the region. This approach made it possible, firstly, to assess the financial capabilities of the regions in terms of different aspects (budgetary, economic, etc.); secondly, to identify the dynamics of their financial development; and, thirdly, to rank the regions according to the level of financial solvency. As a result, three clusters were identified: regions with a high value of the economic index; regions with a high value of the investment index and regions with a high value of the budget index. For each group, a vector of financial development has been determined, which makes it possible to effectively use all the possibilities of the Arctic regions to ensure their both social and financial and investment development.

Keywords: Russian Arctic, financial development, trajectory, threat, driver, financial resource, potential

Введение

Сегодня Арктика — приоритетное направление государственной политики Российской Федерации, поскольку она является потенциальным регионом с мощным природно-ресурсным потенциалом. Однако Арктика — это не только минерально-сырьевые ресурсы, но и люди, проживающие на её территориях. В арктических регионах проживают 19 коренных малочисленных народов (около 102 тыс. человек), располагаются объекты их наследия, этноса, представляющие огромную историческую и культурную ценность¹. Улучшить качество и поднять уровень жизни населения арктических регионов, повысить устойчивость северной экономики посредством совершенствования социально-экономической политики использования ресурсов и обеспечить финансовую состоятельность региональных бюджетов — основные задачи, требующие решения объединёнными усилиями власти, бизнеса и общества. Тем не менее решение поставленных задач невозможно без достижения финансового благополучия регионов, то есть возможности самостоятельно исполнять возложенные на субъекты расходные полномочия.

В условиях неопределенности, разнонаправленности тенденций финансового развития регионов и достаточно длинного горизонта планирования необходим подход, позволяющий оценить варианты развития и возможные потери. В качестве такого подхода можно использовать разработку сценариев² [1; 2] или построение траекторий³ финансового развития территории.

¹ Будущее — за Арктикой: зачем нам она, отстоит ли Россия право на богатства региона. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/243489508> (дата обращения: 01.10.2021).

² Сценарий — это описание закономерных вариантов будущего развития, основанное на понимании сущности и динамики процессов и явлений, их трендов с учетом возможных неопределенностей [3, Петров и др.].

Существует множество механизмов и инструментов стратегического менеджмента применяемых для решения различных проблем регионального развития и управления. Например, для обеспечения конкурентоспособности территорий в мировой практике используется кластерный подход, предполагающий создание интегрированных образований для решения задач инновационного развития [3, Татенко Г.И.]. Кроме того, формирование кластеров на территории отдельных регионов способствует снижению издержек местных предприятий, тем самым обеспечивая условия для инвестиционной привлекательности [4]. В контексте данного подхода интересным представляется европейский подход, основанный на концепции «умной» специализации [5, Калюжнова Н.Я., Виолин С.И.; 6]. Суть данного подхода заключается в выявлении конкурентных преимуществ конкретных территорий на основе оценки перспективных направлений развития существующих производств и конкурентоспособности новых.

При реализации стратегического документа о развитии российской Арктики и обеспечения её национальной безопасности⁴ всё большую популярность приобретает сценарный подход. В рамках данной работы сосредоточимся на построении траекторий финансового развития арктических территорий, оставив за рамками исследования разработку конкретных сценариев.

Методология исследования

Предлагаемые ниже траектории финансового развития арктических регионов опираются на результаты проведённого ранее исследования [4]. Прежде чем проводить точечную настройку развития территорий и определять их индивидуальный путь реализации и расширения своих финансовых возможностей, необходимо уделить внимание фоновым условиям развития регионов, то есть условиям, определяющим, с одной стороны, их уникальность, с другой — пространственную (арктическую) идентификацию.

К фоновым условиям развития регионов российской Арктики следует отнести:

- экстремальные условия проживания в данных регионах, многие из которых являются абсолютно дискомфортными зонами для жизнедеятельности человека (Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий, Чукотский и Ненецкий автономные округа);
- инфраструктурные ограничения, прежде всего труднодоступность, а в некоторых районах Арктической зоны РФ в течение всего года отсутствует доступ наземного транспорта к соседним территориям и населённым пунктам (например, арктические районы Республики Саха (Якутия));

³ Траектория — это определение общего вектора развития региона с учётом основных движущих сил (драйверов - совокупности внешних и внутренних условий, определяющих векторность содержания и уровень регионального развития) и предполагаемых угроз.

⁴ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556/> (дата обращения: 03.10.2021).

- повышенную ресурсоёмкость, северное удорожание и высокие издержки при низкой конкурентной позиции товаров местных производителей;
- ультрадисперсное расселение населения, которое обусловлено природно-климатическими условиями, особенностями хозяйственного освоения, континентальностью перспектив развития региональной экономики, этносоциальной структурой населения. Низкий уровень социальной инфраструктуры (социальных, медицинских, образовательных и других услуг), отсутствие развитой транспортной доступности (особенно в арктических районах Республики Саха (Якутия), Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах) медленно модернизируют образ жизни арктического населения и ухудшают его адаптацию к социально-экономическим изменениям в обширных межгородских пространствах, тем самым оказывая значительное влияние на центры их расселения [5, Фаузер и др.];
- значительный природно-ресурсный потенциал. Российская Арктика представляет собой геостратегическую территорию РФ и имеет огромное хозяйственное, военно-стратегическое и транспортно-логистическое значение. На её территории сосредоточены колоссальные запасы нефти и газа, почти треть разведанных мировых запасов никеля и платиноидов, свыше 90% олова, алмазы, золото, слюды, апатит др.;
- экологическую нагрузку на территорию. Регионы российской Арктики характеризуются повышенной техно- и антропогенной нагрузкой на природу и требуют учёта экологической ёмкости территории (уровень антропогенной нагрузки, который может выдержать естественные экосистемы без необратимых нарушений выполняемых ими жизнеобеспечивающих функций) в связи с тем, что на их территории ведёт свою деятельность множество потенциально опасных с точки зрения экологии предприятий и организаций, занимающихся разработкой, добычей и переработкой природных ресурсов [6].

Далее с применением основ кластерного анализа изучаемая совокупность регионов по уровню финансовой состоятельности с учётом значения частных индексов была разбита на группы однородных в некотором смысле объектов, для каждой группы была определена своя траектория развития. Кластеризация проводилась исходя из максимальных значений частных индексов (табл. 1).

Таблица 1
Частные финансовые индексы⁵ за период 2005–2019 гг.

Регионы Арктики	Агрегированные финансовые индексы		
	Бюджетный	Экономический	Инвестиционный
Республика Карелия	0,143	0,164	0,069
Республика Коми	0,118	0,076	0,112
Ненецкий АО	0,124	0,051	0,179
Архангельская обл. (без АО)	0,156	0,121	0,122
Мурманская обл.	0,206	0,130	0,150

⁵ Методология расчёта подробно представлена в [7].

Ямало-Ненецкий АО	0,079	0,066	0,188
Красноярский край	0,109	0,114	0,113
Республика Саха (Якутия)	0,089	0,078	0,130
Чукотский АО	0,174	0,227	0,181

В результате состав кластеров определился следующим образом:

- кластер 1 — регионы с высоким значением экономического индекса;
- кластер 2 — регионы с высоким значением инвестиционного индекса;
- кластер 3 — регионы с высоким значением бюджетного индекса.

Следует отметить, что формирование групп регионов, входящих в тот или иной кластер, а именно распределение регионов по группам, основывалось на ранжировании значений агрегированных финансовых индексов внутри каждого региона. В связи с тем, что у Красноярского края значения экономического и инвестиционного индексов практически одинаковые, поэтому данный регион был отнесён в кластер 1 и 2 с возможностью оценки траектории его развития исходя из выявленных конкурентных преимуществ. Возможно, что при большей выборке регионов формирование кластеров будет несколько иным, но это уже вопрос отдельного исследования с другим объектом.

Траектория развития региона при высоких значениях экономического индекса

Контекст траектории. Для регионов, имеющих высокий экономический индекс, характерны высокая доля экспорта сырья (полезных ископаемых) во внешнеторговом балансе региона; низкий уровень убыточных предприятий в общей структуре валового регионального продукта; зависимость экономики от внешнеторговой деятельности региона.

По такой траектории движутся (развиваются) регионы кластера 1: Республика Карелия, Красноярский край, Чукотский автономный округ.

Драйверы:

- ресурсная база;
- международное сотрудничество;
- развитие добывающих отраслей.

Многообразие минеральных, лесных, водных биологических, земельных и др. ресурсов выступает драйвером для развития Республики Карелия. Минеральные ресурсы региона представлены более чем 50 видами полезных ископаемых. Значительная часть Республики Карелия покрыта лесами (примерно 53%), что формирует естественные преимущества региона для развития лесопромышленности. Кроме того, наличие выхода в бассейн Северного Ледовитого и Атлантического океанов к Северному морскому пути через Балтийское и Белое моря является потенциалом для развития морских грузоперевозок, рыбопереработки, а также может использоваться для туризма (как самый короткий путь на Соловецкие острова)⁶.

⁶ Проект стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года. URL: https://economy.gov.ru/material/file/89a071c19798e94c3478014f01520cf4/proekt_RK.pdf (дата обращения: 15.09.2021).

Следует отметить, что достаточно развитая пограничная инфраструктура позволит не только укрепить существующие международные связи и сотрудничество Республики Карелия с Финляндией, но и стать основным драйвером развития данного региона.

Основой экономического развития Чукотского автономного округа являются угольная промышленность и добыча руд цветных (драгоценных и недрагоценных) металлов, а также отрасли традиционной экономики малочисленных народов Севера.

Чукотка богата цветными и драгоценными металлами, каменным и бурым углём, нефтью и газом, что является главным драйвером развития этого региона, привлекающим крупных промышленных инвесторов в разработку и эксплуатацию месторождений.

Оленеводство и морской зверобойный промысел в Чукотском автономном круге, выступая традиционной отраслью экономики, обеспечивает его жителей до 50% потребностей в мясной продукции⁷.

Чукотский автономный округ обладает высоким экспортным потенциалом благодаря тому, что возможности добывающей отрасли значительно выше потребности внутреннего рынка региона. Логистика экспорта в страны Азиатско-Тихоокеанского региона является гораздо более реализуемым вариантом относительно выхода на российский рынок. Эффективным инструментом реализации экспортно-ориентированной модели в отношении соседних стран являются ТОРы с созданными для них налоговыми льготами и поддержкой создания требуемых инфраструктур.

Основой экономики Красноярского края выступает промышленный комплекс с тремя базовыми отраслями (цветная металлургия, топливно-энергетический комплекс и нефтегазовая отрасль), который является драйвером развития региона, поскольку обеспечивает значительную часть валового регионального продукта. Также дополнительными драйверами региона являются углеводородное сырьё и его географическое положение в условиях истощения сырьевой базы в Западной Сибири и европейской части России⁸.

Для обеспечения занятости населения и сохранения формы размещения населения и производительных сил на территории региона такие отрасли как лесо- и агропромышленность играют важную социальную роль, хотя они не относятся к базовым.

Угрозы. Для регионов данного кластера следует выделить следующие угрозы: истощение полезных ископаемых; нестабильность цен на мировых рынках и волатильность валютных рынков; экологическая обстановка.

В Республике Карелия лесной комплекс и горная промышленность формируют моноспециализацию региона. В последнее время особое внимание уделяется отраслям, ориентированным на конечный потребительский рынок (например, пищевая промышленность).

⁷ Проект стратегии социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/6f420547cf9ff60f79133cec6d6ef495/191219_CHAO.pdf (дата обращения: 10.08.2021).

⁸ Проект Стратегии развития Красноярского края до 2030 года. URL: http://www.krskstate.ru/2030/plan/4_1_1_1 (дата обращения: 10.09.2021).

Чукотский автономный округ, являясь одним из крупнейших золотодобывающих регионов России, обеспечивает высокий уровень ВРП, налоговые подушевые доходы, инвестиции и привлекает дополнительную рабочую силу. Тем не менее, сосредоточение на развитии одной флагманской отрасли вызывает монозависимость и приводит к уязвимости региональной экономики от внешней ценовой конъюнктуры.

Вектор финансового развития региона. С учётом движущих сил экономики регионов и выявленных угроз общая направленность траектории их финансового развития должна быть сосредоточена на наращивании бюджетных ресурсов и развитии инвестиционного потенциала (рис. 1). Индивидуальность траектории развития каждого региона из кластера 1 будет зависеть от специфических особенностей структуры экономики территории.

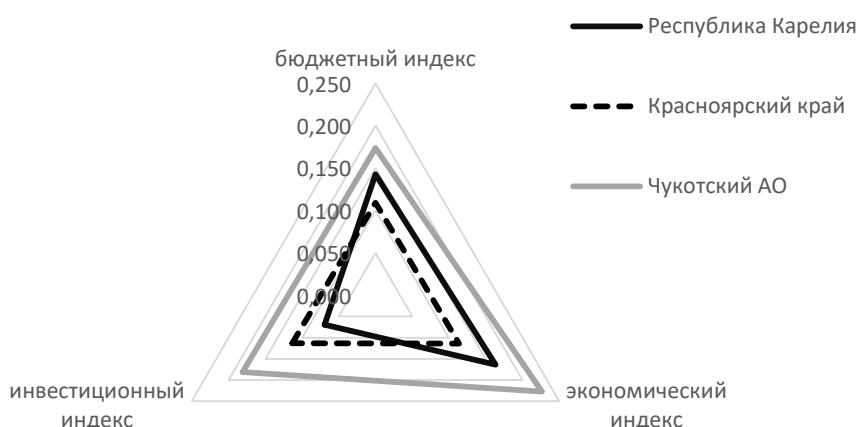

Рис. 1. Направленность траектории финансового развития регионов.

Так, например, основой экономики Чукотки является добыча полезных ископаемых (золотодобывающая промышленность составляет более 40% в структуре валовой добавленной стоимости), поэтому перспективой развития данного региона видится повышение его инвестиционной привлекательности. С 2016 г. в Чукотском АО функционирует ТОР «Беринговский», включающий в себя значительную часть Анадырского муниципального района и городской округ Анадырь [8]. В рамках ТОР возможна реализация крупных инвестиционных проектов на льготных условиях, что позволит региону привлечь дополнительные инвестиции и нарастить доходную базу бюджета. Экономика Республики Карелия, напротив, достаточно дифференцирована, поэтому основной вектор развития должен быть направлен как на перезагрузку промышленной политики, так и на развитие потенциала отдельных отраслей. Отличительной особенностью данного региона является значительное число объектов культурного наследия федерального уровня: Валаамский архипелаг, Соловецкие острова, Александро-Свирский монастырь, Муромский Свято-Успенский монастырь, Успенский собор в г. Кемь, Германовский скит с церковью Александра Невского, Музей культовых сооружений древних саамов, музей «Марциальные воды», музей «Рунопевцы Калевалы» и др. (более 1

500)⁹, что является основой для развития туризма в Карелии. Следует отметить, что большая часть рекреационных зон и объектов культурного наследия сконцентрирована в районах, отнесённых к Арктической зоне РФ.

Красноярский край по результатам проведённого анализа оказался самым гармоничным регионом с точки зрения финансового развития среди регионов российской Арктики, то есть рассматриваемые индексы образуют практически равнобедренный треугольник (рис. 1). Оценка финансовой состоятельности показала, что данная территория имеет достаточный уровень бюджетных ресурсов (бюджетный индекс равен 0,113), обладает относительно высоким инвестиционным потенциалом (инвестиционный индекс равен 0,114) и мощным внешнеэкономическим сектором (экономический индекс равен 0,109). Тем не менее, можно обозначить контуры дальнейшего развития данного региона. Необходимо продолжать стимулировать инвестиционную активность по средствам формирования комфортной бизнес-среды и предоставления инвесторам дополнительных государственных гарантий и мер поддержки. Изменение привычной структуры экономики за счёт опережающего развития обрабатывающих производств, внедрения инновационных технологий и выпуска инновационной продукции позволит еще больше её диверсифицировать. Высокий уровень ресурсного потенциала края даёт возможность развивать имеющиеся предприятия и практически не ограничивает возможности размещения здесь новых производств (в том числе инновационных), повышающих региональные доходы бюджета. Однако широкие перспективы создания новых производств, которыми обладает регион, не являются основанием для размещения здесь экологически опасных и вредных предприятий, поэтому необходима реализация мер государственного регулирования по возмещению экологического ущерба, восстановлению нарушенных естественных экологических систем, что приведёт к снижению негативного воздействия на окружающую среду и улучшит экологические условия проживания.

Траектория развития региона при высоких значениях инвестиционного индекса

Контекст траектории. Уровень финансовой состоятельности регионов определяется в большей степени инвестиционным индексом. Регионы, имеющие высокий инвестиционный индекс, характеризуются высокой инвестиционной активностью, а также высоким уровнем сбережений населения и предприятий, которые при благоприятных финансовых условиях могут быть трансформированы в инвестиционные ресурсы региона.

Среди арктических регионов траектория развития региона при высоких значениях инвестиционного индекса характерна для регионов из кластера 2, а именно Ненецкого АО, Ямalo-Ненецкого АО, Красноярского края, Республики Саха (Якутия).

Драйверы:

- инвестиционная привлекательность;

⁹ Проект Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2021).

- этнокультурный потенциал территорий.

Экономика российской Арктики направлена в целом на освоение и эксплуатацию минерально-сырьевой базы с учётом системообразующей роли Северного морского пути, что в первую очередь и определяет инвестиционную привлекательность данных регионов. Например, благодаря высокой инвестиционной активности Красноярский край занимает лидирующие позиции среди российских регионов, входя в «ТОП 10» регионов по объёму инвестиций в основной капитал. Так, в период 2002–2015 гг. объём инвестиций в регионе увеличился в 4,5 раза, что в два раза выше среднего по России. Инвестиционная активность в крае обеспечивается реализацией крупных инвестиционных проектов федерального уровня: комплексного проекта развития Нижнего Приангарья, проекта освоения месторождений Ванкорского кластера, строительства магистрального нефтепровода Куюмба — Тайшет для транспортировки нефти юга Эвенкии, проекта развития Сибирского федерального университета¹⁰.

Важным драйвером развития территорий из кластера 2 является их этнокультурный потенциал, выступающий одной из главных составляющих для развития этнокультурного туризма в целях диверсификации экономики и создания новых рабочих мест. Например, в некоторых арктических районах Республики Саха активно ведут традиционную хозяйственную деятельность эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи, северные якуты, русское старожильческое население (рускоустынцы и походчане). Данный регион является лидером среди российских регионов в вопросах защиты прав и интересов малочисленных коренного народов, в нём действует закон об этнологической экспертизе¹¹.

На территории Ямало-Ненецкого автономного округа проживает более 49 тыс. жителей, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, с сохраняющимися практиками жизнедеятельности и самобытной культурой хозяйствования. Сегодня в регионе развита сеть факторий по основным путям касления оленей, которые становятся центрами представления тундровикам различного рода услуг: медицинских, образовательных, культурных, социальных. Утверждён реестр факторий в Ямало-Ненецком автономном округе, в котором предусмотрено 30 факторий¹².

Угрозы:

- повышенная ресурсоёмкость и северное удорожание всех видов работ и услуг, обусловленные географическими особенностями территорий;

¹⁰ Инвестиционная политика / Красноярский край: офиц. портал. URL: http://www.krskstate.ru/2030/plan/8_4 (дата обращения: 11.09.2021).

¹¹ Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/57bec8bd660db6b7908430e5d5f73238/proekt_ark_zony_resp_saha.pdf (дата обращения: 11.07.2021).

¹² Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/54b0ca97c75f0c789e733191c545aaf5/PROEKT_STRATEGII.pdf (дата обращения: 11.07.2021).

- вероятность срыва реализации инвестиционных проектов при невысокой платёжеспособности;
- дефицит трудовых ресурсов (активный миграционный отток, сокращение численности трудоспособного населения);
- сокращение возможностей для ведения традиционного природопользования коренных народов Севера ввиду климатических изменений и промышленного освоения.

Вектор финансового развития. Основным вектором финансового развития по данной траектории должно быть укрепление бюджетного и экономического индексов территорий, благодаря развитию малого и среднего бизнеса в альтернативных добывающей и обрабатывающей промышленности отраслях, формирование энергоэффективной экономики и внедрение инноваций, обеспечение комфортных условий проживания, культурного многообразия для населения (рис. 2).

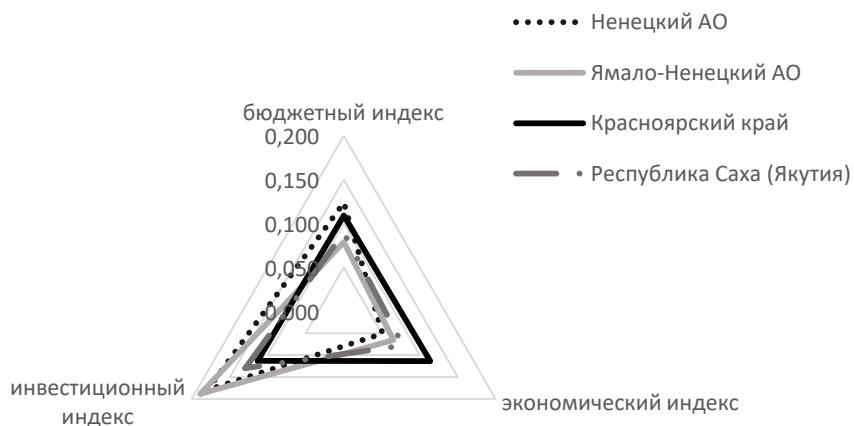

Рис. 2. Направленность траектории финансового развития регионов.

Для наращивания финансовой состоятельности регионов из кластера 2 требуется использовать комплексный подход, учитывающий не только собственные финансовые инвестиционные ресурсы, но и применение таких мер бюджетного стимулирования, как субсидированное кредитование, государственные гарантии, налоговые льготы и преференции.

С учётом того, например, что Ненецкий автономный округ продуцирует 0,4% от совокупного ВРП регионов России, диспропорции в бюджетной обеспеченности и в различных объемах поступлений вызывают вопросы. Для пополнения доходной части бюджета требуется: опережающее развитие и диверсификация экономики Ненецкого округа, создание высокооплачиваемых рабочих мест на микро- и малых предприятиях.

При этом проведение геологоразведочных работ и разработка полезных ископаемых на этих территориях должны быть направлены, прежде всего, на дополнительные доходы бюджетов, социально-экономическое развитие и повышение уровня и качества жизни населения.

Усиление диверсификации экономики регионов российской Арктики, поддержка северных традиционных видов деятельности и альтернативных форм занятости и самозанятости, в т. ч. развитие туристического сектора, инфраструктуры, позволяющей населению получать достойный доход и высокий уровень социального обслуживания, будут способствовать наращиванию экономического индекса.

Траектория развития региона при высоких значениях бюджетного индекса

Контекст траектории. Для регионов, имеющих высокие значения бюджетного индекса, характерны следующие черты финансового развития: достаточно сбалансированный бюджет; средний уровень бюджетной обеспеченности; незначительный объём дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности; невысокий уровень государственного долга; достаточно эффективный уровень налогового администрирования. Регионы с такими характеристиками образуют кластер 3: Мурманская и Архангельская (без Ненецкого автономного округа) области, Республика Коми.

Драйверы: высокий уровень налогового потенциала и диверсификация экономики.

Вопрос бюджетной самостоятельности и самодостаточности в настоящее время остаётся дискуссионным. Преобладание собственных доходов в структуре консолидированных бюджетов выделенных выше территорий, наличие эффективного налогового администрирования и достаточно диверсифицированной экономики позволило им сформировать большую финансовую независимость перед вышестоящими органами власти, чем в других арктических регионах. Исключение составляют автономные округа — Ямало-Ненецкий и Ненецкий (регионы-доноры), поэтому они как сильно выделяющиеся регионы не были включены в данный кластер. Кроме того, показатели, характеризующие бюджетно-налоговую систему, показывают, что уровень налогового потенциала Мурманской, Архангельской областей и Республики Коми высок по сравнению с другими арктическими регионами (за исключением регионов-доноров) (табл. 2).

Важнейшей предпосылкой регионального развития данного кластера является диверсифицированная экономика (рис. 3). Наибольшая диверсификация экономики из трёх регионов, входящих в кластер 3, отмечается в Мурманской области, где преобладает рыболовство, добыча и обработка минерально-сырьевых ресурсов, производство и ремонт машин и оборудования, транспорт. Несколько менее диверсифицирована экономика Архангельской области и Республики Коми, причём доля охоты, сельского и лесного хозяйства практически соответствует среднероссийскому уровню (например, Архангельская обл. — 4,3%, Российская Федерация — 5,0%), это связано со значительными запасами древесины в этих регионах (в Архангельской обл. — около 3,2% общего запаса древесины страны, в Республике Коми — 3,6 %) [9, Бакланов, Мошков].

Таблица 2
Показатели, характеризующие финансовую самостоятельность территории, 2019 г.^{13,14}

Арктические регионы	Бюджетная обеспеченность	Уровень обеспеченности собственными средствами	Уровень налоговой нагрузки	Коэффициент покрытия расходов ¹⁵
Республика Карелия	0,540	0,501	0,102	0,629
Республика Коми	0,970	0,902	0,130	0,799
Мурманская обл.	0,998	0,828	0,141	0,875
Архангельская обл. (без Ненецкого АО)	0,621	0,565	0,111	0,730
Красноярский край	0,960	0,742	0,108	0,783
Республика Саха (Якутия)	0,511	0,516	0,168	0,632
Чукотский АО	0,370	0,361	0,160	0,605

В остальных арктических регионах отраслевая структура экономики представлена в основном добычей полезных ископаемых и обрабатывающей промышленностью (табл. 3). Например, в Ямало-Ненецком АО газо- и нефтедобыча в структуре валовой добавленной стоимости составляет 67,3%, в Ненецком АО — 83,2%. В Красноярском крае основу экономики составляет добывающая и обрабатывающая промышленность (25,6 и 31,8% соответственно). В Республике Саха (Якутия) и на Чукотке основу добавленной стоимости составляет добыча руд, цветных и драгоценных металлов (40–50%).

Таблица 3
*Структура валовой добавленной стоимости, произведённой в арктических регионах России по отраслям в %, 2019 г.*¹⁶

Регионы российской Арктики	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Строительство	Торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Транспортировка и хранение	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Прочие услуги
Республика Карелия	6,1	17,1	20,8	3,5	5,3	11,3	0,9	35
Республика Коми	1,5	44,1	11,5	5,7	4,7	6,9	0,6	25
Ненецкий автономный округ	0,7	83,2	0,2	3,5	0,7	5,8	0,1	5,8
Архангельская область без АО	6,3	5,1	27,4	4,9	10	11,5	1,5	33,3
Мурманская область	14,4	12	11,5	7	9,1	10,7	1,7	33,6
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,1	67,3	1,6	12,4	6,4	3,8	0,3	8,1
Красноярский край	2,5	25,6	31,8	4,6	6	5,9	0,5	23,1
Республика Саха (Якутия)	1,6	51,5	1,1	9,6	5,7	6,3	0,8	23,4

¹³ Уровень налоговой нагрузки рассчитан за 2019 г. (отсутствие данных о ВРП за 2020 г.).

¹⁴ Расчёты авторов выполнены на основе базы данных: Чапаргина А.Н., Дядик Н.В. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019621273, 15.07.2019. Заявка № 2019621164 от 02.07.2019.

¹⁵ На основе данных [10, Бадылевич, Вербиненко].

¹⁶ Примечание: составлено авторами на основании базы данных: Чапаргина А.Н., Дядик Н.В. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019621273, 15.07.2019. Заявка № 2019621164 от 02.07.2019.

Чукотский автономный округ	2,5	40,3	0,3	7,3	6,3	4,3	0,4	38,6

Угрозы: постоянные изменения в федеральном законодательстве (в рамках бюджетной и налоговой политики) могут вызвать замедление темпов роста собственных налоговых и неналоговых доходов, увеличение дефицита финансовых ресурсов и государственного долга, что, в свою очередь, может спровоцировать регионы существовать в условиях жёстких бюджетных ограничений и, как следствие, повлечёт угрозу для долгосрочной устойчивости и сбалансированности региональной бюджетной системы.

Вектор финансового развития. В целом траектория финансового развития данного кластера должна быть направлена (рис. 4):

- на наращивание инвестиционной привлекательности (развитие законодательных основ для формирования благоприятной инвестиционной среды, развитие среднего и малого бизнеса);
- на повышение уровня экономического индекса (наращивание объёмов несырьевых неэнергетических товаров).

Рис. 3. Направленность траектории финансового развития регионов.

Причём для каждого региона стратегия развития будет зависеть от ресурсной составляющей и структуры региональной экономики. Так, например, в Мурманской области наращивание экспортного потенциала будет направлено на увеличение объёмов экспорта рыбы и морепродуктов, в Архангельской области (без Ненецкого АО) — на повышение в структуре экспорта лесопромышленного комплекса доли товаров высокой степени переработки [11, Васильев, Лисунова, 12, Мякшин и др.]. В фокусе стратегии развития Республики Коми будет находиться создание благоприятного инвестиционного климата (организация системы, обеспечивающей эффективное взаимодействие муниципальных органов с участниками инвестиционной деятельности) и реализация крупных инвестиционных проектов, в частности, формирование «транспортных коридоров»¹⁷ для создания оптимальной транспортной сети Европейского и Приуральского Севера России за счёт «включения в опорную транспортную сеть этой территории арктических портов Сабетта (строящийся) и Индига (перспективный) и со-

¹⁷ Инвестиционные проекты / Информационный портал. URL: <https://investprojects.info> (дата обращения: 20.07.2021).

единения их со сложившейся сетью железных дорог»¹⁸, а также развитие угольной отрасли (разработка Усинского месторождения, добыча каменного угля на Верхнесырьягинском месторождении, углеразрез «Промежуточный»).

Заключение

Внимание к установленным ранее специфическим особенностям и неспецифическим закономерностям позволяет нам более комплексно взглянуть на решение проблем арктических территорий и разработать определённую траекторию финансового развития региона с указанием его индивидуального пути. В качестве основы при разработке траекторий финансового развития арктических территорий выступали рассчитанные авторами значения интегрального показателя. На основе полученных значений агрегированных финансовых индексов, а также результатов проведённого SWOT-анализа (определенны драйверы региона и возможные угрозы) мы попытались определить три возможные траектории финансового развития.

Первая траектория характеризует наличие у регионов высокого экономического потенциала, поэтому основная стратегия развития должна быть направлена на наращивание бюджетных ресурсов и реализацию накопленного инвестиционного потенциала, а именно: необходимо изменить условия для крупных интегрированных структур, расширить региональные налоговые льготы и внедрять различные налоговые новации, способствующие повышению инвестиционного потенциала.

Вторая — траектория развития региона с высоким уровнем инвестиционного потенциала, которая предполагает разработку стратегии, сосредоточенную в большей степени на укреплении бюджетного и экономического потенциала. В качестве рекомендаций можно предложить поддерживать развитие института госпрограмм, расширять проектные принципы управления и применять специальный экономический режим в Арктической зоне с целью перехода к циркулярной экономике. В контексте мер по повышению бюджетного потенциала можно указать улучшение администрирования налоговых доходов и постепенное формирование единого информационного пространства бюджетно-налоговой сферы.

Третья траектория финансового развития характеризует высокий уровень бюджетной самостоятельности регионов при сниженных показателях их инвестиционной и экономической активности, поэтому основной вектор регионального финансового развития должен быть направлен на наращивание инвестиционной привлекательности и повышение уровня экспортного потенциала несырьевых товаров. По мнению авторов, для этого требуется обеспечение эффективной реализации инвестиционных проектов посредством инфраструктурной поддержки, субсидирования страховых взносов в отношении новых рабочих мест и процентных ставок по инвестиционным кредитам. Для повышения уровня экспортного потенциала несырьевых товаров могут потребоваться существенная активизация инвестиционного

¹⁸ Проект Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/2937c9a389fa4de5ca44afc8e0bcff8a/komistrateg.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

процесса и внедрение инновационных технологий в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве.

Таким образом, обозначенные в ходе данного исследования траектории развития при наличии грамотной государственной политики позволяют эффективно использовать все преимущества для обеспечения жизнедеятельности, динамичного социального и финансового развития арктических территорий.

Список источников

1. Zvyeryakov M., Kovalov A., Smentyna N. Strategic planning of balanced development of territorial socio-economic systems in the conditions of decentralization. ONEU. 2017.
2. David E. Strategic Management: Concepts. 7th ed. Prentice Hall, Upper Saddle River, N.J., 1999. 944 p.
3. Атамась Е.В., Косинов Д.В. Кластерный подход в управлении экономикой региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 11 (121). С. 79–86. DOI: 10.26726/1812-7096-2020-11-79-86.
4. Татенко Г.И. Европейская концепция стратегического планирования развития территории // Евразийский союз учёных. 2017. № 11–2 (44). С. 68–72.
5. Калюжнова Н.Я., Виолин С.И. Умная специализация российских регионов: возможности и ограничения // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 10. С. 2457–2472. DOI: 10.18334/epp.10.10.111061
6. Carayannis E., Grigoroudis E. Quadruple innovation helix and smart specialization: Knowledge production and national competitiveness // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10. No 1. Pp. 31–42. DOI: 10.17323/1995-459x.2016.1.31.42
7. Петров А.Н., Розанова М.С., Ключникова Е.М., Криворотов А.К., Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н., Бригам Л., Грецов А.Г., Кондратов Н.А., Ледков П.А., Малинин В.Н., Маслаков А.А., Михеев В.Л., Мо А., Потехин А.В., Сабуров А.А., Сивоброва И.А., Стрепетилова О.С., Токарев А.Н., Филиппова М.А., Хатанзейский Ю.А., Хелениак Т., Шадрин В.И., Шикломанов Н.И., Чупров М.М., Вовченко М.А., Карсонова Д.Д., Монахова М.В. Контуры будущего российской Арктики: опыт построения комплексных сценариев развития Арктической зоны России до 2050 г. // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2018. № 53. С. 156–171.
8. Чапаргина А.Н., Дядик Н.В. Статистический анализ финансовой состоятельности регионов российской Арктики // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 1. С. 28–37. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-1-28-37
9. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Расселение населения в российской Арктике: теория и практика / Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: Сб. статей VII Уральского демографического форума. Екатеринбург, 2–3 июня 2016 г. С. 126–132.
10. Денисенко Т.В. Экологическая емкость территории: проблемы оценки и управления // ГеоСибирь. 2007. Т. 6. С. 238–241.
11. Финансовая состоятельность регионов российской Арктики: монография / Под ред. Дядик Н.В., Чапаргиной А.Н. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2021. 150 с.
12. Тарасова О.В., Соколова А.А. Перспективы комплексного освоения Чукотского АО // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2018. № 2(18). С. 69–85. DOI: 10.25205/2542-0429-2018-18-2-69-85
13. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Пространственная дифференциация структуры экономики регионов Арктической зоны России // Экономика региона. 2015. № 1(41). С. 53–63. DOI: 10.17059/2015-1-5
14. Бадылевич Р.В., Вербиненко Е.А. Подходы к построению системы финансового регулирования развития регионов Севера на основе оценки финансового потенциала. Апатиты: КНЦ РАН, 2019. 144 с.

15. Васильев А.М., Лисунова Е.А. Необходимость обоснования для увеличения экспорта рыбной продукции // Рыбное хозяйство. 2020. № 1. С. 28–32. DOI: 10.37663/0131-6184-2020-1-28-32
16. Мякшин В.Н., Петров В.Н., Песьякова В.Н. Тенденции развития внешнеэкономических связей регионального лесопромышленного комплекса (на примере Архангельской области) // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2020. № 1 (15). С. 110–130. DOI: 10.17072/1994-9960-2020-1-110-130

References

1. Zvyeryakov M., Kovalov A., Smentyna N. *Strategic Planning of Balanced Development of Territorial Socio-Economic Systems in the Conditions of Decentralization*. Odesa, ONEU, 2017.
2. David F. *Strategic Management: Concepts and Cases (7th Edition)*, Upper Saddle River, NJ, Prentice Hall, 1999, 944 p.
3. Atamas E.V., Kosinov D.V. Klasternyy podkhod v upravlenii ekonomikoy regiona [The Cluster Approach in Managing the Economy of the Region]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Transformation of the Economy], 2020, no. 11 (121), pp. 79–86. DOI: 10.26726/1812-7096-2020-11-79-86.
4. Tatenko G.I. Evropeyskaya kontseptsiya strategicheskogo planirovaniya razvitiya territorii [European Concept of Strategic Planning for the Development of the Territory]. *Evrasiyskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2017, no. 11–2 (44), pp. 68–72.
5. Kalyuzhnova N.Ya., Violin S.I. Umnaya spetsializatsiya rossiyskikh regionov: vozmozhnosti i ograni-cheniya [Smart Specialization of Russian Regions: Prospects and Limitations]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo* [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law], 2020, vol. 10, no. 10, pp. 2457–2472. DOI: 10.18334/epp.10.10.111061
6. Carayannis E., Grigoroudis E. Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness. *Foresight and STI Governance*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 31–42. DOI: 10.17323/1995-459x.2016.1.31.42
7. Petrov A.N., Rozanova M.S., Klyuchnikova E.M., et al. Kontury budushchego rossiyskoy Arktiki: opyt postroeniya kompleksnykh stsenariev razvitiya Arkticheskoy zony Rossii do 2050 g. [Contours of the Russia's Arctic Futures: Experience of Integrated Scenario-Building till 2050]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta* [Proceedings of the Russian State Hydrometeorological University], 2018, no. 53, pp. 156–171.
8. Chapargina A.N., Dyadik N.V. Statisticheskiy analiz finansovoy sostoyatel'nosti regionov rossiyskoy Arktiki [Statistical Analysis of the Financial Solvency of the Russian Arctic Regions]. *Voprosy statistiki*, 2021, vol. 28, no. 1, pp. 28–37. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-1-28-37
9. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Rasselenie naseleniya v rossiyskoy Arktike: teoriya i praktika [Population Settling in the Russian Arctic: Theory and Practice]. *Dinamika i inertsiyonnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG: Sbornik statey VII Ural'skogo demograficheskogo foruma* [Dynamics and Inertia of Population Reproduction and Replacement of Generations in Russia and the CIS: Proc. the 7th Ural Demographic Forum], 2016, pp. 126–132.
10. Denisenko T.V. Ekologicheskaya emkost' territorii: problemy otsenki i upravleniya [Ecological Capacity of the Territory: Problems of Assessment and Management]. *Geo-Sibir'* [Geo Siberia], 2007, vol. 6, pp. 238–241.
11. Dyadik N.V., Chapargina A.N., eds. *Finansovaya sostoyatel'nost' regionov rossiyskoy Arktiki: monografiya* [Financial Viability of the Regions of the Russian Arctic]. Apatity, Federal Research Center of the RAS, 2021, 150 p.
12. Tarasova O.V., Sokolova A.A. Perspektivnye kompleksnogo osvoeniya Chukotskogo AO [Prospects for the Chukotka's Complex Development]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], 2018, no. 2(18), pp. 69–85.
13. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V. Prostranstvennaya differentsiatsiya struktury ekonomiki regionov Arkticheskoy zony Rossii [Spatial Differentiation of the Structure of the Economy of the Regions of the Arctic Zone of Russia]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2015, no. 1(41), pp. 53–63. DOI:10.17059/2015-1-5

14. Badylevich R.V., Verbinenko E.A. *Podkhody k postroeniyu sistemy finansovogo regulirovaniya razvitiya regionov Severa na osnove otsenki finansovogo potentsiala* [Approaches to Building a System of Financial Regulation of the Regions Development of the North Based on an Assessment of the Financial Potential]. Apatity, KSC RAS, 2019, 144 p.
15. Vasiliev A.M., Lisunova E.A. *Neobkhodimost' obosnovaniya dlya uvelicheniya eksporta rybnoy produktsii* [A Necessity of Substantiation for Fishery Products Export Increase]. *Rybnoe khozyaystvo* [The Fisheries Journal], 2020, no. 1, pp. 28–32. DOI: 10.37663/0131-6184-2020-1-28-32
16. Myakshin V.N., Petrov V.N., Pesyakova V.N. Tendentsii razvitiya vnesheekonomiceskikh svyazey regional'nogo lesopromyshlennogo kompleksa (na primere Arkhangel'skoy oblasti) [Development Trends in the Regional Forest Products Market (in the Case Study of the Arkhangelsk Region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Ekonomika* [Perm University Herald. Economy], 2020, no. 1 (15), pp. 110–130. DOI: 10.17072/1994-9960-2020-1-110-130

*Статья поступила в редакцию 29.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 17.01.2022*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 43–56.

Научная статья

УДК 331.21(985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.43

Оценка эффективности заработной платы в условиях монопсонии: применительно к Арктическому рыбопромышленному кластеру *

Самарина Вера Петровна¹, доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник

Скуфьина Татьяна Петровна²✉, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

^{1, 2} Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, ул. Ферсмана, 24а, Апатиты, 184209, Россия

¹ samarina_vp@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8901-5844>

² skufina@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7382-3110>

Аннотация. В настоящее время в России формируются и совершенствуются новые финансовые механизмы взаимодействия наёмных работников и работодателей в условиях рыночных отношений. Решающим фактором результативности деятельности работников является их заработка плата как элемент финансовой мотивации и стимулирования. Решающим фактором результативности деятельности предприятия является эффективность заработной платы как основы финансовой мотивации и стимулирования работников. Представляя собой основной элемент распределительных отношений в любой коммерческой системе, заработка плата достаточно гибкая, легко управляемая. Без установления её взаимосвязи с конечными финансовыми результатами создать на предприятии эффективный мотивационный механизм нельзя. В статье использованы показатели зарплатоёмкости и зарплатоотдачи — базовые индикаторы оценки эффективности заработной платы. Объектом исследования стали шестнадцать крупных и средних рыбодобывающих предприятий Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер. Эти предприятия осуществляют вылов основных промысловых видов рыб в Баренцевом и Норвежском морях, а также в Северной Атлантике. Показано, что финансовые результаты деятельности рыбодобывающих предприятий во многом зависят от внешних условий — в первую очередь от квот на вылов рыбы и цены на рыбную продукцию. В своем исследовании мы исходили из следующих гипотез: предприятия Арктического рыбопромышленного кластера действуют в условиях монопсонии на рынке труда; существует закономерность между размером фонда заработной платы и финансовыми результатами деятельности предприятий Арктического рыбопромышленного кластера; изменение фонда заработной платы является действенным механизмом повышения эффективности деятельности Арктического рыбопромышленного кластера. В ходе исследования решены следующие взаимосвязанные задачи: выявлены особенности рынка труда арктического рыболовного кластера; на основании авторской методики оценена эффективность использования фонда оплаты труда предприятий арктического рыболовного кластера; обоснована значимость проблемы недостаточной эффективности использования фонда оплаты труда в Арктическом рыбопромышленном кластере.

Ключевые слова: рынок труда, монопсония, Арктический рыбопромышленный кластер

* © Самарина В.П., Скуфьина Т.П., 2022

Для цитирования: Самарина В.П., Скуфьина Т.П. Оценка эффективности заработной платы в условиях монопсонии: применительно к Арктическому рыбопромышленному кластеру // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 43–56. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.43

For citation: Samarina V.P., Skufina T.P. The Estimation of Remuneration Efficiency in Monopsony: Concerning the Arctic Fishing Industrial Cluster. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 43–56. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.43

Благодарности и финансирование

Исследование включает результаты, полученные за счёт госзадания ФГБУН ФИЦ КНЦ РАН № АААА-А18-118051590118-0.

The Estimation of Remuneration Efficiency in Monopsony: Concerning the Arctic Fishing Industrial Cluster

Vera P. Samarina¹, Dr. Sci. (Econ.), Associated Professor, Senior Researcher

Tatyana P. Skufina²✉, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher

^{1, 2} Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, ul. Fersmana, 24a, Apatity, 184209, Russia

¹samarina_vp@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8901-5844>

²skufina@gmail.com✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7382-3110>

Abstract. At present, new financial mechanisms of interaction between employees and employers in the context of market relations are being formed and improved in Russia. The decisive factor in workers' performance is their financial motivation and stimulation. The determinative of productivity of an enterprise activity is remuneration efficiency as a base of laborers' financial motivation and stimulation. The remuneration is a flexible element of distributive relations and it is impossible to create an effective motivational mechanism without an establishment of its communication with final results. Such indices as salary distribution and salary intensity as basic indicators of wage efficiency assessment have been used in the paper. The object of the research is sixteen large and medium-sized fishing enterprises in the Arkhangelsk region as a part of the Arctic fishing cluster. These enterprises catch fish in the Barents and Norwegian seas, as well as in the North Atlantic. It has been shown that the financial results of fishing enterprises depend on external conditions — primarily on the quotas for fish catch and the price of fish products. In the research, the authors have proceeded from the following hypotheses: the Arctic fishing cluster's enterprises operate in a monopsony on the labor market; there is a pattern between the size of wage fund and financial performance of the Arctic fishery cluster enterprises; the change in wage fund is an effective mechanism to improve the efficiency of the Arctic fishery cluster. In the course of the research, the following interrelated tasks have been solved: the identification of the features of the Arctic fishing cluster's labor market; the assessment of the effectiveness of the wage fund use for the Arctic fishing cluster's enterprises based on the author's methodology; the identification of the importance of the problem of insufficient efficiency of wage fund use in the Arctic fishing cluster.

Keywords: *labor market, monopsony, Arctic fishing cluster*

Введение

Заработка плата — важнейшая часть системы оплаты и стимулирования труда, влияющая на результативность деятельности. Решающим фактором результативности деятельности работников является их заработка плата как элемент финансовой мотивации и стимулирования. Решающим фактором результативности деятельности предприятия является эффективность заработной платы как основы финансовой мотивации и стимулирования работников. Представляя собой основной элемент распределительных отношений в любой коммерческой системе, заработка плата является достаточно гибкой, легко управляемой. Без установления её взаимосвязи с конечными финансовыми результатами создать на предприятии эффективный мотивационный механизм нельзя.

Проблема исследования заключается в следующем. Российский рыбный промысел, как и многие другие сектора сельского хозяйства, в настоящее время находится в стадии

формирования и развития. Одной из форм территориального объединения предприятий является производственный кластер определённой специализации. От того, насколько эффективна заработка плата в отношении конечного результата, зависит развитие не только отдельных сельскохозяйственных предприятий, но и экономики территориального кластера и страны в целом. В то же время методологический аппарат оценки эффективности заработной платы с учётом особенностей функционирования рыбопромышленного кластера развит недостаточно.

Цель работы состоит в том, чтобы оценить эффективность заработной платы рыбодобывающих предприятий Архангельской области, входящих в Арктический рыбопромышленный кластер.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных задач:

- выявить особенности рынка труда для Арктического рыбопромышленного кластера;
- на основании авторской методики оценить эффективность использования фонда заработной платы для предприятий Арктического рыбопромышленного кластера;
- определить значимость проблемы недостаточной эффективности заработной платы в Арктическом рыбопромышленном кластере.

В своём исследовании мы исходили из следующих гипотез:

- предприятия Арктического рыбопромышленного кластера действуют в условиях монопсонии на рынке труда;
- существует закономерность между размером фонда заработной платы и финансово-экономическими результатами деятельности предприятий Арктического рыбопромышленного кластера;
- изменение фонда заработной платы является действенным механизмом повышения эффективности деятельности Арктического рыбопромышленного кластера.

Литературный обзор

Заработка плата является сложной и многогранной экономической категорией. Именно заработка плата как вознаграждение за труд определяет уровень жизни работников предприятия и членов их семей. В конечном итоге от заработка платы зависят темпы и масштабы социально-экономического развития государства и социальное равновесие общества.

Заработка плата формируется на пересечении отношений производства и распределения. Она отображает взаимодействие разных субъектов экономических отношений. Неслучайно в научной литературе постоянно обсуждаются такие вопросы, как характер вознаграждения, схема эффективности оплаты труда и др.

Для построения качественной программы совершенствования схемы оплаты очень важно правильно определить эффективность существующей схемы. Что означает схема эф-

фективности платежей? С точки зрения некоторых учёных, эффективность заработной платы является мерой достижения целей [1, Савина С.В., с. 30; 2, Rosefield S., с. 103].

Таким образом, результаты работы, то есть работы «полезные», влияют на стоимость рабочей силы. Обеспечение предприятий кадровыми ресурсами и эффективность их использования влияет на объёмы производства и продажи продукции [3, Стебакова Т.А., с. 56; 6, Marinescu I., Ouss I., Pape L.-D., с. 507; 5, Meer J., West J., с. 511].

Исследователи сходятся во мнении, что оценка эффективности заработной платы должна базироваться на теоретических разработках сущности взаимоотношений работодателя и наёмного рабочего. Тогда теория эффективности может обеспечить единое объяснение для оплаты труда и занятости тенденции некоторых ключевых труда рынка [6, Schlicht E., с. 2; 7, Goldin C., Katz L. F., с. 150]. При этом, как отмечает С.В. Савина, оплата труда имеет национальные и региональные аспекты [1, с. 25]. Это подтверждают работы Меган Милле и Мирии Гарсия-Вега с соавторами, в которых рассматриваются стратегии заработной платы в шести промышленно развитых странах с различными институтами рынка труда [8, Millea M., с. 320; 9, García-Vega M., Knellerb R., Stiebalec J., с. 3]. Robert Drago, исследуя стимулы, заработную плату и производительность сотрудников австралийских компаний, отмечает тенденции расцепления связи заработной платы и экономической эффективности [10]. Наблюдается такая ситуация и в России [11, Дмитриева С.О., Абубекерова Д.П., с. 6; 12, Деркач П.В., Шамрина И.В., с. 478].

Проблема оценки эффективности заработной платы заключается в отсутствии возможности использования одного агрегированного показателя [13, Борисова В.Ю., Пивень И.Г., с. 85, 14, Sandrini L., с. 6, 15, Westerman J., с. 176]. Это связано с тем, что на экономические показатели действует очень много факторов. И только одним из них является заработная плата. Это, в частности, отмечают в своих работах Сушил Вадхвани и Мартин Вэлл [16, Wadhwani S.B., Wall M.A., с. 530]. Свою систему оценки эффективности предложил Ариндрат Дубе, который изучал минимальную заработную плату в долгосрочной перспективе [17, Dube A., с. 820]. В плане методологии оценки представляет интерес работа Джона Аддисона [18, Addison J., с. 7]. Кристофер Мартин и Бингсонг Ванг предлагают свою методику исследования эффективности заработной платы в условиях нестабильности на рынке труда [19, Martin Ch., Wang B., с. 7].

Россия живёт по законам рыночной экономики всего 30 лет. Это крайне недолгие сроки. Рынок труда России, как и другие сектора экономики, стремительно меняется. Об этом, в частности, мы писали в своих публикациях [20, Самарина В.П., Скуфына Т.П., Самарин А.В., с. 712; 21, Skufina T. Baranov S. V., Samarina V. P., Samarin A. V., с. 3]. Реформирование стимулирования труда является необходимой предпосылкой выхода российской промышленности из системного кризиса.

Методология

Оценка эффективности системы оплаты труда проводится на практике с помощью специальных индексных показателей. Одним из основных методов оценки эффективности системы стимулирования можно считать отношение финансовых результатов деятельности предприятия (выручки, чистой прибыли) к фонду заработной платы. Данный показатель в экономике называется зарплатоотдачей или стоимостью продукции на один рубль фонда заработной платы. Второй показатель эффективности — зарплатоёмкость труда, т. е. доля заработной платы в себестоимости продукции [6, Schlicht E., с. 6; 13, Борисова В.Ю., Пивень И.Г., с. 85]. Очевидно, что чем выше зарплатоотдача и ниже зарплатоёмкость, тем эффективнее действует система оплаты и стимулирования труда.

Для оценки сбалансированности использования фонда заработной платы и достижения финансовых результатов мы предлагаем использовать критерии индексов эффективности. Будут оценены индексные показатели выручки, чистой прибыли и себестоимости, которые представляют собой темпы прироста соответствующих показателей (табл. 1).

Таблица 1
Формулы для расчёта индексных показателей эффективности использования фонда заработной платы¹

Показатели	Формулы
Коэффициент отношения индекса прироста выручки (ΔB) к индексу прироста фонда заработной платы (ΔFZP)	$\frac{\Delta B * 100\%}{\Delta FZP}$
Коэффициент отношения индекса прироста чистой прибыли ($\Delta ЧП$) к индексу прироста ФЗП (ΔFZP)	$\frac{\Delta ЧП * 100\%}{\Delta FZP}$
Коэффициент отношения индекса прироста ФЗП (ΔFZP) к индексу прироста себестоимости продаж (ΔC)	$\frac{\Delta FZP * 100\%}{\Delta C}$

Критерии сбалансированности:

- положительный индексный коэффициент свидетельствует о сбалансированности использования фонда заработной платы и достижения финансовых результатов;
- отрицательный индексный коэффициент свидетельствует о разбалансированности использования фонда заработной платы и достижения финансовых результатов.

Апробация предложенных методов оценки эффективности заработной платы будет проведена на примере шестнадцати крупных и средних рыбодобывающих предприятий Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер.

Исследования проводились на протяжении пяти лет в 2015–2019 гг. Данный временной ряд не особенно длинный, однако он даёт возможность выявить тенденции сбалансированности показателей использования фонда заработной платы и показателей финансовых результатов.

¹ Источник: разработки авторов.

Результаты и обсуждение

Особенности Арктического рыбопромышленного кластера с позиций формирования рынка труда

Рыбодобывающие предприятия Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер, осуществляют вылов рыбы в Баренцевом и Норвежском морях, а также в Северной Атлантике. Объём добычи основных промысловых видов рыб в 2019 г. составил 133 тыс. т. Выбор объекта исследования объясняется важностью предприятий для Арктического рыбопромышленного кластера и отрасли в целом. Рыболовецкие предприятия Архангельской области добывают 20% от объема уловов рыбы Северного бассейна и 3% от общего объема уловов рыбы в России.

Рассматриваемые предприятия действуют в суровых климатических условиях, связанных с выловом рыбы в высоких широтах [22, Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R., с. 20; 23, Kudryashova E.V., Lipina S.A., Zaikov K.S., Bocharova L.K., с. 449; 24, Samarina V. P., Samarin A. V., Skufina T. P., Baranov S. V., с. 1]. Деятельность предприятий также важна из-за высокой социальной значимости: пока есть работа, жители рыболовецких поселений не уезжают в другие населенные пункты [25, Skufina T., Bazhutova E., Samarina V., Serova N., с. 1030; 26, Larchenko L. V., Gladkiy Yu. N., Sukhorukov V. D., с. 2; 27, Самарина В.П., Баранов С.В., Скуфына Т.П., с. 208]. Таким образом, рыболовецкие предприятия поддерживают социально-экономическое развитие региона [28, Samarina V. P., Skufina T. P., Baranov S. V., Samarin A. V., с. 7; 29, Jennings S., Leocadio A. M., Metcalfe J. D., с. 901; 30 Торопушкина Е.Е., с. 620].

Помимо рыбодобывающих предприятий, осуществляющих вылов рыбы в Баренцевом и Норвежском морях, а также в Северной Атлантике, существует ещё около 200 малых и средних предприятий, ориентированных на освоение внутренних водных объектов — Белого моря, рек и озер. Также в состав Арктического рыбопромышленного кластера входят предприятия судостроения, ремонтов и обслуживания судов, портовики, образовательные и научные организации Архангельской, Мурманской, Ленинградской областей и Санкт-Петербурга. Их показатели не учитывались при анализе эффективности заработной платы.

С учётом всех факторов в Арктическом рыбопромышленном кластере сформировался рынок труда, имеющий следующие характеристики:

- в качестве работодателя выступают предприятия регионального кластера одной отрасли и узкой специализации, тесно связанные хозяйственными связями;
- в качестве рабочей силы выступают многочисленные независимые наёмные рабочие примерно одной квалификации;
- предприятия кластера находятся в сговоре относительно заработной платы работников;
- работники маломобильны и не имеют реальной возможности сменить сферу деятельности и работодателя при продаже своего труда.

Выявленные характеристики свидетельствуют о том, что рыбодобывающие предприятия Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер, действуют в условиях монопсонии на рынке труда.

Оценка показателей зарплатоёмкости и зарплатоотдачи

Промышленный вылов рыбы и соответствующее перерабатывающее производство традиционно развиты в Архангельской области. В последние годы происходит укрупнение рыбопромышленных хозяйств и предприятий. Между ними образуются прочные производственные и финансовые связи.

Оценим показатели зарплатоёмкости и зарплатоотдачи рыбодобывающих предприятий Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер, и представим их в табл. 2.

Таблица 2

Зарплатоёмкость и зарплатоотдача рыбодобывающих предприятий Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер²

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019
Зарплатоотдача по выручке, руб./руб.	24,64	25,08	24,15	24,28	17,08
Зарплатоотдача по чистой прибыли, руб./руб.	0,23	0,24	0,22	0,17	0,18
Зарплатоёмкость, %	4,35	4,22	4,20	4,14	6,12

Анализ показывает, что зарплатоёмкость по чистой прибыли на протяжении всего периода исследования низкая. Это говорит о том, что предприятия эффективно расходуют фонд заработной платы. Зарплатоотдача по чистой прибыли в 2015–2018 гг. более чем в сто раз ниже зарплатоотдачи по выручке. При этом зарплатоотдача по выручке была довольно высокой в 2015–2018 гг. Зарплатоотдача по выручке резко сократилась в 2019 г. Одновременно повысилась зарплатоёмкость. Это связано с тем, что квота на вылов рыбы была сокращена до 133 тыс. т по сравнению с 150 тыс. т в 2015 г. Соответственно, снизилась и прибыль. При этом фонд заработной платы продолжал расти. Таким образом, можно отметить нестабильность показателей.

Официальная статистическая информация свидетельствует о том, что в России зарплатоёмкость довольно высокая: в 2019 г. показатель составил 38,9%, увеличившись за 20 лет на 15% [31, Korchak E.A., Serova N.A., Emelyanova E.E., Yakovchuk A.A., с. 4]. Это связано с тем, что повышение заработных плат в России в последние годы не поддерживалось ростом производительности труда [32, Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И., 4; 33, Крюков В.А., Крюков Я.В., с. 32; 34 Шохин А.Н., Акиндина Н.В., Астров В.Ю., Гурвич Е.Т., Замулин О.А., Клепач А.Н., May В.А., Орлова Н.В., с. 21].

На общем фоне рыбодобывающие предприятия Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер, демонстрируют очень хорошие показате-

² Источник: расчёты авторов.

ли. Зарплатоёмкость в 2015–2018 гг. была менее 4,5%. В 2019 г. зарплатоёмкость повысилась, но осталась по-прежнему низкой.

Оценка сбалансированности фонда заработной платы и финансовых показателей предприятий Арктического рыболовецкого кластера

Для выявления сбалансированности фонда заработной платы и финансовых показателей предприятия мы использовали индексные показатели (табл. 3). Если индексный коэффициент положительный, то использование фонда заработной платы и достижение финансовых результатов сбалансировано. Если индексный коэффициент отрицательный, то использование фонда заработной платы и достижение финансовых результатов разбалансировано.

Таблица 3

Индексные показатели эффективности использования фонда заработной платы рыбодобывающих предприятий Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер³

Показатели	2015-2016	2016-2017	2017-2018	2018-2019
Индекс роста фонда заработной платы (ФЗП), %	1,97	4,78	13,40	16,01
Индекс роста выручки, %	3,78	0,92	14,00	-18,41
Индекс роста чистой прибыли, %	6,39	-1,29	-12,56	19,54
Индекс роста себестоимости продаж, %	5,23	5,30	14,93	-21,45
Коэффициент отношения индекса роста выручки к индексу роста ФЗП (КДВ/ΔФЗП), %	191,92	19,23	104,51	-115,00
Коэффициент отношения индекса роста чистой прибыли к индексу роста ФЗП (КДЧП/ΔФЗП), %	323,95	-26,97	-93,76	122,06
Коэффициент отношения индекса роста ФЗП к индексу роста себестоимости продаж (КДФЗП/ΔС), %	37,66	90,17	89,76	-74,64

Анализ выявил нестабильность ситуации. Значения коэффициентов свидетельствуют о том, что в 2015–2018 г. использование фонда заработной платы сбалансировано с выручкой и себестоимостью продаж (положительные значения коэффициентов), но разбалансировано с чистой прибылью (отрицательные значения коэффициентов). А в 2018–2019 гг. наоборот: использование фонда заработной платы разбалансировано с выручкой и себестоимостью (отрицательные значения коэффициентов), но сбалансировано с чистой прибылью (положительные значения коэффициентов).

В целом проведённое исследование показывает, что динамика финансовых результатов деятельности рыбодобывающих предприятий Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер, мало связана с динамикой фонда заработной платы. Эффективность заработной платы низкая. Такой вывод основан на сопоставлении финансовых результатов деятельности предприятия и фонда заработной платы с использованием показателей зарплатоотдачи и зарплатоёмкости.

³ Источник: расчёты авторов.

Значимость проблемы недостаточной эффективности заработной платы рыбопромышленного кластера

На современном этапе развития производственных отношений в рыбной промышленности Арктики проблема недостаточной эффективности заработной платы актуализируется несколькими взаимосвязанными аспектами. Обозначим некоторые из них.

Во-первых, арктическая рыбная промышленность не может считаться успешно развивающейся. Это объясняется рядом объективных причин природно-климатического генезиса и субъективных причин, связанных с управлением, на которых мы не будем останавливаться в этой статье.

Во-вторых, внутренние и внешние институциональные условия ведения рыбохозяйственного бизнеса постоянно меняются. Остается всё меньше рычагов быстрого антикризисного реагирования. Кризис вынуждает предпринимателей искать статьи сокращения расходов, в первую очередь за счёт снижения фонда заработной платы.

В-третьих, в России заработка плата является основным источником получения денежных средств для работающего человека. Особое значение приобретает заработка плата в условиях монопсонии, когда выбор работодателей у работников крайне ограничен.

В-четвёртых, рыбная промышленность в регионах России всё больше принимает кластерный характер. Предприятия, объединяющиеся в кластеры, разрабатывают совместную экономическую политику, в том числе — в отношении оплаты и стимулирования труда наёмных работников.

В-пятых, финансовые результаты деятельности рыбодобывающих предприятий во многом зависят от внешних условий — от квот на вылов рыбы и сложившейся цены на рыбную продукцию. С другой стороны, постоянный рост цен на ресурсы, в первую очередь, на топливо, снижает прибыль рыбодобывающих предприятий.

Выводы

1. Гипотеза о том, что рыбодобывающие предприятия Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер, действуют в условиях монопсонии на рынке труда, подтвердилась. Ситуация характеризуется тем, что в качестве работодателя выступают предприятия одной отрасли и узкой специализации, тесно связанные хозяйственными; в качестве рабочей силы выступают многочисленные независимые наёмные рабочие примерно одной квалификации; предприятия кластера находятся в сговоре относительно заработной платы работников; работники маломобильны и не имеют реальной возможности сменить сферу деятельности и работодателя при продаже своего труда.

2. Высказанная гипотеза о том, что существует закономерность между размером фонда заработной платы и финансовыми результатами для рыбодобывающих предприятий Архангельской области, которые вошли в Арктический рыбопромышленный кластер, не подтвердилась. Такой вывод основан на сопоставлении финансовых результатов деятельности

предприятия и фонда заработной платы с использование показателей зарплатоотдачи и зарплатоёмкости.

3. Проблема недостаточной эффективности заработной платы значима в силу нескольких взаимосвязанных аспектов: арктическая рыбная промышленность не может считаться успешно развивающейся; внутренние и внешние институциональные условия ведения рыбохозяйственного бизнеса постоянно меняются; заработка плата является основным источником получения денежных средств для работающего человека, при этом выбор работодателей у работников крайне ограничен; предприятия, объединяющиеся в кластеры, разрабатывают совместную экономическую политику, в том числе — в отношении оплаты и стимулирования труда наёмных работников; финансовые результаты деятельности рыбодобывающих предприятий во многом зависят от внешних условий.

4. В этих условиях дальнейшее развитие Арктического рыбопромышленного кластера, который, помимо рыбодобывающих предприятий, включает предприятия судостроения, ремонтов и обслуживания судов, порты, образовательные и научные организации Архангельской, Мурманской, Ленинградской областей и Санкт-Петербурга, представляется весьма перспективным для снижения затрат, повышения прибыли и эффективности заработной платы.

Список источников

1. Савина С.В. Оплата труда в современных условиях: общероссийский и региональный контексты // Нормирование и оплата труда в промышленности. 2021. № 6. С. 22–31. DOI: 10.33920/pro-3-2106-02
2. Rosefield S. Comparative economic systems. In: Comparative economic systems: culture, wealth and power in the 21st century (Comparison of economic systems in 21st century). Malden: John Wiley & Sons, 2015. 304 p. DOI:10.1002/9780470693667.ch1
3. Стебакова Т.А. Понятие политики заработной платы в инновационном развитии экономики // Мировая наука. 2018. № 9 (18). С. 54–57.
4. Marinescu I., Ouss I., Pape L.-D. Wages, hires, and labor market concentration // Journal of Economic Behavior and Organization. 2021. Vol. 184. Pp. 506–605. DOI: 10.1016/j.jebo.2021.01.033
5. Meer J., West J. Effects of the minimum wage on employment dynamics // The Journal of Human Resources. 2016. Vol. 51. No. 2. Pp. 500–522. DOI: 10.3368/jhr.51.2.0414-6298R1
6. Schlicht E. Efficiency wages: Variants and implications // IZA World of Labor. 2016. Vol. 275. DOI: 10.15185/izawol.275
7. Goldin C., Katz L.F. Long-Run changes in the U.S. wage structure: Narrowing, widening, polarizing // NBER Working Paper. 2007. No. w13568. 39 p. DOI: 10.3386/w13568
8. Millea M. Disentangling the wage-productivity relationship: Evidence from select OECD member countries // International Advances in Economic Research. 2002. Vol. 8, No. 4, Pp. 314–323. DOI: 10.1007/BF02295506
9. García-Vega M., Kneller R., Stiebale J. Labor market reform and innovation: Evidence from Spain // Research Policy. 2021. Vol. 50. No. 5. 104213. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104213
10. Drago R. Incentives, pay and performance: a study of Australian employees // Applied Economics. 1991. Vol. 23. Pp. 1433–1446. DOI: 10.1080/00036849100000194
11. Дмитриева С.О., Абубекерова Д.П. Заработка плата как основной мотивирующий фактор // Социальные науки. 2020. № 1 (28). С. 3–7.
12. Деркач П.В., Шамрина И.В. Высокая заработка плата как фактор повышения

- производительности труда // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1. С. 477–479.
13. Борисова В.Ю., Пивень И.Г. Вопросы анализа фонда заработной платы: методические аспекты и направления // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 3–1 (73). С. 84–86. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-3-1-84-86
14. Sandrini L. Incentives for labour-augmenting innovations in vertical markets: The role of wage rate // International Journal of Industrial Organization. 2021. Vol. 75. 102715. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2021.102715
15. Westerman J. Unequal involvement, unequal attainment? A theoretical reassessment and empirical analysis of the value of motivation in the labor market // Social Science Research. 2018. Vol. 76. Pp. 169–185. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2018.08.007
16. Wadhwani S.B., Wall M. A direct test of the efficiency wage model using UK micro-data // Economics. 1991. DOI: 10.1093/OXFORDJOURNALS.OEP.A042015
17. Dube A. The long-run impact of minimum wage research: A case study of Myth and Measurement // Industrial and Labor Relations Review. 2017. Vol. 70. No. 3. Pp. 818–823. DOI: 10.1177/0019793917696309b
18. Addison J., Blackburn M.L., Cotti Ch.D. On the robustness of minimum wage effects: Geographically-disparate trends and job growth equations // Working Paper Series in Economics. 2014. No. 330.
19. Martin Ch., Wang B. Search, shirking and labor market volatility // Journal of Macroeconomics. 2020. Vol. 66. 103243. DOI: 10.1016/j.jmacro.2020.103243
20. Самарина В.П., Скуфина Т.П., Самарин А.В. Russia's north regions as frontier territories: demographic indicators and management features // European Research Studies Journal. 2018. No. 21 (3). Pp. 705–716. DOI: 10.35808/ersj/1094
21. Skufina T., Baranov S.V., Samarina V.P., Samarin A.V. Natural resources as a factor of socio-economic development of the Arctic territories: theoretical components of the research problem // IOP Conf. Series: Earth and Environ. Science. 2019. Vol. 302. No. 1. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012156
22. Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R. Demographic change and labour market challenges in regions with large-scale resource-based industries in the Northern Periphery and Arctic. Stockholm: Nordregio, 2018. 42 p.
23. Kudryashova E.V., Lipina S.A., Zaikov K.S., Bocharova L.K., Lipina A.V., Kuprikov M.Yu., Kuprikov N.M. Arctic Zone of the Russian Federation: Development Problems and New Management Philosophy // The Polar Journal. 2019. Vol. 9. Iss. 2. Pp. 445–458. DOI: 10.1080/2154896X.2019.1685173
24. Samarina V.P., Samarin A.V., Skufina T.P., Baranov S.V. The population settlement in Russia's Arctic Zone: Facts and trends // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 302. No. 1. 012081. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012081
25. Skufina T., Bazhutova E., Samarina V., Serova N. Corporate social responsibility as a reserve for the growth of entrepreneurial activity in the Russian Arctic // Humanities & Social Scien. Reviews. 2019. Vol. 7. No. 6. Pp. 1024–1031. DOI: 10.18510/hssr.2019.76151
26. Larchenko L.V., Gladkiy Yu.N., Sukhorukov V.D. Resources for sustainable development of Russian Arctic territories of raw orientation // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 302. 012121. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012121
27. Самарина В.П., Баранов С.В., Скуфына Т.П. Особенности территориальной организации населения регионов Севера // Вестник Тюменского государственного университета. Экология и природопользование. 2007. № 3. С. 204–212.
28. Samarina V.P., Skufina T.P., Samarin A.V., Baranov S.V. Russia's agro industrial complex: Economic and political influence factors and state support. In: Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production. 2020. Pp. 579–593. DOI: 10.1007/978-3-030-15577-3_55
29. Jennings S., Stentiford G., Leocadio A.M., Jeffery K.R. et al. Aquatic food security: insights into challenges and solutions from an analysis of interactions between fisheries, aquaculture, food safety, human health, fish and human welfare, economy and environment // Fish and Fisheries. 2016. Vol. 17. No. 4. Pp. 893–938. DOI: 10.1111/faf.12152

30. Торопушина Е.Е. Влияние повышения пенсионного возраста на изменение медико-демографических резервов регионов Арктической зоны Российской Федерации // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 7. С. 617–630. DOI: 10.18334/et.7.7.110367
31. Korchak E.A., Serova N.A., Emelyanova E.E., Yakovchuk A.A. Human Capital of the Arctic: Problems and Development Prospects // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 302. 012078. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012078
32. Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И. Сценарии развития арктического региона (2020–2035 гг.) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5
33. Крюков В.А., Крюков Я.В. Экономика Арктики в современной системе координат // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 5. С. 25–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-25-52
34. Шохин А.Н., Акиндина Н.В., Астров В.Ю., Гурвич Е.Т., Замулин О.А., Клепач А.Н., May В.А., Орлова Н.В. Макроэкономические эффекты пандемии и перспективы восстановления экономики (По материалам круглого стола в рамках XXII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2021. № 7. С. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-5-30

References

1. Savina S.V. Oplata truda v sovremennykh usloviyakh: obshcherossiyskiy i regional'nyy konteksty [Labor Remuneration in Modern Conditions: All-Russian and Regional Contexts]. *Normirovanie i oplata truda v promyshlennosti* [Rationing and Wages in Industry], 2021, no. 6, pp. 22–31. DOI: 10.33920/pro-3-2106-02
2. Rosefield S. Comparative Economic Systems. In: *Comparative Economic Systems: Culture, Wealth and Power in the 21st Century (Comparison of Economic Systems in 21st Century)*. Malden, John Wiley & Sons, 2015, 304 p. DOI:10.1002/9780470693667.ch1
3. Stebakova T.A. Ponyatie politiki zarabotnoy platy v innovatsionnom razvitiu ekonomiki [Concept of the Policy of Wages in Innovative Economic Development]. *Mirovaya nauka* [World Science], 2018, No. 9 (18), pp. 54–57.
4. Marinescu I., Ouss I., Pape L.-D. Wages, Hires, and Labor Market Concentration. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 2021, vol. 184, pp. 506–605. DOI: 10.1016/j.jebo.2021.01.033
5. Meer J., West J. Effects of the Minimum Wage on Employment Dynamics. *The Journal of Human Resources*, 2016, vol. 51, no. 2, pp. 500–522. DOI: 10.3368/jhr.51.2.0414-6298R1
6. Schlicht E. Efficiency Wages: Variants and Implications. *IZA World of Labor*, 2016, vol. 275. DOI: 10.15185/izawol.275
7. Goldin C., Katz L.F. Long-Run Changes in the U.S. Wage Structure: Narrowing, Widening, Polarizing. *NBER Working Paper*, 2007, no. w13568, 39 p. DOI: 10.3386/w13568
8. Millea M. Disentangling the Wage-Productivity Relationship: Evidence from Select OECD Member Countries. *International Advances in Economic Research*, 2002, vol. 8, no. 4, pp. 314–323. DOI: 10.1007/BF02295506
9. García-Vega M., Kneller R., Stiebale J. Labor Market Reform and Innovation: Evidence from Spain. *Research Policy*, 2021, vol. 50, no. 5. 104213. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104213
10. Drago R. Incentives, Pay and Performance: a Study of Australian Employees. *Applied Economics*, 1991, vol. 23, pp. 1433–1446. DOI: 10.1080/00036849100000194
11. Dmitrieva S.O., Abubekerova D.P. Zarabotnaya plata kak osnovnoy motiviruyushchiy faktor [Salary as the Main Motivating Factor]. *Sotsial'nye nauki* [Social-Economic Sciences], 2020, no. 1 (28), pp. 3–7.
12. Derkach P.V., Shamrina I.V. Vysokaya zarabotnaya plata kak faktor povysheniya proizvoditel'nosti truda [High Wages as a Factor of Increase Labour Productivity]. *Vestnik Tul'skogo filiala Finiversiteta* [Bulletin of the Tula Branch of the Financial University], 2020, no. 1, pp. 477–479.
13. Borisova V.Yu., Piven I.G. Voprosy analiza fonda zarabotnoy platy: metodicheskie aspekty i napravleniya [Issues of Salary Fund Analysis: Methodological Aspects and Directions]. *Ekonomika i biznes*:

- teoriya i praktika [Economy and Business: Theory and Practice], 2021, No. 3–1 (73), pp. 84–86. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-3-1-84-86
14. Sandrini L. Incentives for Labour—Augmenting Innovations in Vertical Markets: The Role of Wage Rate. *International Journal of Industrial Organization*, 2021, vol. 75. 102715. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2021.102715
15. Westerman J. Unequal Involvement, Unequal Attainment? A Theoretical Reassessment and Empirical Analysis of the Value of Motivation in the Labor Market. *Social Science Research*, 2018, vol. 76, pp. 169–185. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2018.08.007
16. Wadhwani S.B., Wall M. A Direct Test of the Efficiency Wage Model Using UK Micro-Data. *Economics*, 1991. DOI: 10.1093/OXFORDJOURNALS.OEP.A042015
17. Dube A. The Long-Run Impact of Minimum Wage Research: A Case Study of Myth and Measurement. *Industrial and Labor Relations Review*, 2017, vol. 70, no. 3, pp. 818–823. DOI: 10.1177/0019793917696309b
18. Addison J., Blackburn M.L., Cotti Ch.D. On the Robustness of Minimum Wage Effects: Geographically-Disparate Trends and Job Growth Equations. *Working Paper Series in Economics*, 2014, no. 330.
19. Martin Ch., Wang B. Search, Shirk and Labor Market Volatility. *Journal of Macroeconomics*, 2020, vol. 66. 103243. DOI: 10.1016/j.jmacro.2020.103243
20. Samarina V.P., Skufina T.P., Samarin A.V. Russia's North Regions as Frontier Territories: Demographic Indicators and Management Features. *European Research Studies Journal*, 2018, no. 21(3), pp. 705–716. DOI: 10.35808/ersj/1094
21. Skufina T., Baranov S.V., Samarina V.P., Samarin A.V. Natural Resources as a Factor of Socio-Economic Development of the Arctic Territories: Theoretical Components of the Research Problem. *IOP Conf. Series: Earth and Environ. Science*, 2019, vol. 302, no. 1. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012156
22. Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R. *Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Large-scale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic*. Stockholm, Nordregio, 2018, 42 p.
23. Kudryashova E.V., Lipina S.A., Zaikov K.S., Bocharova L.K., Lipina A.V., Kuprikov M.Yu., Kuprikov N.M. Arctic Zone of the Russian Federation: Development Problems and New Management Philosophy. *The Polar Journal*, 2019, vol. 9, iss. 2, pp. 445–458. DOI: 10.1080/2154896X.2019.1685173
24. Samarina V.P., Samarin A.V., Skufina T.P., Baranov S.V. The Population Settlement in Russia's Arctic Zone: Facts and Trends. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*, 2019, vol. 302, no. 1, 012081. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012081
25. Skufina T., Bazhutova E., Samarina V., Serova N. Corporate Social Responsibility as a Reserve for the Growth of Entrepreneurial Activity in the Russian Arctic. *Humanities & Social Scien. Reviews*, 2019, vol. 7, no. 6, pp. 1024–1031. DOI: 10.18510/hssr.2019.76151
26. Larchenko L.V., Gladkiy Yu.N., Sukhorukov V.D. Resources for Sustainable Development of Russian Arctic Territories of Raw Orientation. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*, 2019, vol. 302. 012121. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012121
27. Samarina V.P., Baranov S.V., Skufina T.P. Osobennosti territorial'noy organizatsii naseleniya regionov Severa [Features of the Territorial Organization of the Population of the Regions of the North]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekologiya i prirodopol'zovanie* [Bulletin of the Tyumen State University. Ecology and Nature Management], 2007, no. 3, pp. 204–212.
28. Samarina V.P., Skufina T.P., Samarin A.V., Baranov S.V. Russia's agro industrial complex: Economic and political influence factors and state support. In: *Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production*, 2020, pp. 579–593. DOI: 10.1007/978-3-030-15577-3_55
29. Jennings S., Stentiford G., Leocadio A.M., Jeffery K.R. et al. Aquatic Food Security: Insights into Challenges and Solutions from an Analysis of Interactions between Fisheries, Aquaculture, Food Safety, Human Health, Fish and Human Welfare, Economy and Environment. *Fish and Fisheries*, 2016, vol. 17, no. 4, pp. 893–938. DOI: 10.1111/faf.12152
30. Toropushina E.E. Vliyanie povysheniya pensionnogo vozrasta na izmenenie mediko-demograficheskikh rezervov regionov Arkticheskoy zony Rossiyiskoy Federatsii [The Impact of Rais-

- ing the Retirement Age on Changes in the Medical and Demographic Reserves of the Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics], 2020, vol. 7, no. 7, pp. 617–630. DOI: 10.18334/et.7.7.110367
31. Korchak E.A., Serova N.A., Emelyanova E.E., Yakovchuk A.A. Human Capital of the Arctic: Problems and Development Prospects. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2019, vol. 302. 012078. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012078
32. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Lipina S.A., Chistobaev A.I. Scenarios for the Development of the Arctic Region (2020–2035). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 4–19. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5
33. Kryukov V.A., Kryukov Ya.V. *Ekonomika Arktiki v sovremennoy sisteme koordinat* [The Economy of the Arctic in the Modern Coordinate System]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, parvo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2019, no. 5, pp. 25–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-25-52.
34. Shokhin A.N., Akindinova N.V., Astrov V.Yu., Gurvich E.T., Zamulin O.A., Klepach A.N., Mau V.A., Orlova N.V. Macroeconomic Effects of the Pandemic and Prospects for Economic Recovery (Proceedings of the Roundtable Discussion at the 22nd April International Academic Conference on Economic and Social Development). *Voprosy ekonomiki*, 2021, no. 7, pp. 5–30. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-7-5-30>

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 57–75.

Научная статья

УДК 338(985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.57

Оценка современного состояния инновационного развития северных и Арктических территорий^{*}

Тишков Сергей Вячеславович^{1✉}, кандидат экономических наук, учёный секретарь

Егоров Николай Егорович², кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Волков Александр Дмитриевич³, младший научный сотрудник

^{1,3} Институт экономики КарНЦ РАН, пр. А. Невского, 50, Петрозаводск, 185030, Россия

² Институт региональной экономики Севера, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, ул. Строителей, 8, Якутск, 677000, Россия

¹insteco_85@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-4165>

²ene01@ya.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8459-0903>

³kov8vol@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-8483>

Аннотация. В современных реалиях глобальной смены технологического уклада и становления постиндустриального общества инновационная деятельность укрепляет своё значение как важнейший ресурс социально-экономического развития. Территориальные различия в потенциале инновационного развития, препятствующие эффективному встраиванию северных регионов в единую инновационную систему страны, предопределяют необходимость глубокого изучения проблематики их развития и исследования основных факторов и перспектив в сфере инновационной деятельности. Особый акцент в исследовании сделан на северных регионах европейской части России, поскольку они концентрируют в себе более половины кадрового потенциала Севера и определяют стратегические перспективы развития и укрепления национальной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации в условиях существующих рисков и вызовов: экологических, социальных, экономических и геополитических. Цель данной работы — выявление перспектив и оценка современного состояния инновационного развития северных регионов европейской части России. В достижении цели применялись методы статистического и компаративного анализа, диалектический метод. Информационную основу исследования составили данные подразделений Росстата, Роспатента и ведомственной отчётности государственных служб регионального уровня. Анализ выявил существующую дифференциацию регионов севера европейской части России в уровне инновационного развития и определяющих его компонентов региональных экономических систем. Важнейшей перспективой преодоления слабых сторон региональных инновационных систем является их интеграция и взаимное дополнение, что достижимо с опорой на новые системные инструменты пространственной организации экономики, в частности — специальный экономический режим Арктической зоны России. Исследование проведено на примере пяти регионов Европейского севера России: Архангельской области, Мурманской области, Республики Карелии, Республики Коми и Ненецкого автономного округа.

Ключевые слова: инновации, северные регионы, перспективы инновационного развития, инновационный потенциал, специальный экономический режим, Арктическая зона

* © Тишков С.В., Егоров Н.Е., Волков А.Д., 2022

Для цитирования: Тишков С.В., Егоров Н.Е., Волков А.Д. Оценка современного состояния инновационного развития северных и Арктических территорий // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 57–75. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.57

For citation: Tishkov S.V., Egorov N.E., Volkov A.D. Assessment of the Current State of Innovative Development of the Northern and Arctic Territories. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 57–75. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.57

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России, темы НИР: «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов» и № FSRG-2020-0010 «Закономерности пространственной организации и пространственного развития социально-экономических систем северного региона ресурсного типа».

Assessment of the Current State of Innovative Development of the Northern and Arctic Territories

Sergey V. Tishkov^{1✉}, Cand. Sci. (Econ.), Scientific Secretary

Nikolay E. Egorov², Cand. Sci. (Phys. and Math.), Associate Professor, Senior Research Scientist

Aleksandr D. Volkov³, Research Assistant

^{1,3} Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, pr. A. Nevskogo, 50, Petrozavodsk, 185030, Russia

² Research Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, ul. Stroiteley, 8, Yakutsk, 677000, Russia

¹insteco_85@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-4165>

²ene01@ya.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8459-0903>

³kov8vol@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-8483>

Abstract. In the modern realities of the global change in the technological order and the emergence of a post-industrial society, innovative activity strengthens its significance as the most important resource for socio-economic development. Territorial differences in the potential for innovative development, which impede the effective integration of the northern regions into a single innovation system of the country, predetermine the need for a deep study of the problems of their development and the study of the main factors and prospects in the field of innovation. The study focuses on the northern regions of the European part of Russia, since they concentrate more than half of the human potential of the North and determine the strategic prospects for the development and strengthening of national security in the Arctic zone of the Russian Federation in the face of existing risks and challenges: environmental, social, economic and geopolitical. The purpose of this work is to identify prospects and to assess the current state of innovative development of the northern regions of the European part of Russia. In order to achieve the goal, the methods of statistical and comparative analysis, the dialectical method were used. The informational basis of the study was made up of data from Rosstat and the departmental civil service at the regional level. The analysis demonstrates the differentiation of the regions of the northern European part of Russia at the level of innovation and regional economic systems that include it. The most important prospect of overcoming the weaknesses of regional innovation systems is their integration and mutual complementarity, which is sometimes achievable with new systemic tools for the spatial organization of the economy, in particular, the special economic regime of the Arctic zone of Russia. The study was conducted on the example of five regions of the European North of Russia: the Arkhangelsk Oblast, the Murmansk Oblast, the Republic of Karelia, the Komi Republic and the Nenets Autonomous Okrug.

Keywords: innovation, northern region, prospect for innovative development, innovation potential, special economic regime, Arctic zone

Введение

Инновационное развитие российской экономики сдерживается нерешённостью проблем, связанных с её структурными особенностями, технологической зависимостью от иностранных предприятий, в т. ч. в критически важных для экономики отраслях, комплексом вызовов инфраструктурного, социально-демографического, правового, финансового и информационного характера. Одной из ключевых нерешённых проблем является низкая инновационная активность и ограниченность инновационного потенциала многих северных регионов, вызванная реализацией упомянутого выше комплекса вызовов. В течение последних 15 лет уровень инновационной активности и инновационный потенциал заметно колебались, в начале 2000-х гг. наблюдалось снижение показателей, затем произошла стабилизация и вновь снижение.

Структура экономики Российской Федерации, особенно Арктической зоны, значительно изменилась за последние 15 лет, вырос удельный вес одних отраслей и их влияние на существующую модель развития экономики России, и уменьшилась доля других. Однако значительная роль, которую играют северные и арктические территории в развитии экономики страны [1, Цукерман В.А., Горячевская Е.С.], продолжает заключаться в фактически ресурсо-ориентированной и истощительной модели эксплуатации природного потенциала [2, Gritsenko D., Efimova E.]. За тот же период в мировой экономике произошли трансформационные процессы, определившие черты её нового уклада: «энергопереход» от ископаемых источников энергии к возобновляемым [3, Escribano G.], экологизация и введение соответствующих мер налогового и таможенного стимулирования [4], переход к экономике Индустрии 4.0 и 5.0 [5, Kurt R.; 6, Fukuda K.; 7, Bessonova E., Battalov R.; 8, Klóska R.]. Набирая силу, данные процессы ускоряют исчерпание перспектив дальнейшего сохранения ресурсо-ориентированной модели развития экономики России, в том числе в социальном и политическом аспектах [9, Agyekum E.B.; 10, Romanova T.]. Кроме того, важнейшее влияние оказывает санкционное давление [11, Shapovalova D., Galimullin E., Grushevenko E.]. В совокупности данные внутренние и внешние обстоятельства формируют развитию экономики России актуальные вызовы, обуславливая необходимость активизации её инновационного потенциала и поиска новой модели развития северных регионов [12, Плотникова Т.Н., Коняхина Т.Б., Соломонова Е.Б.; 13, Kookueva V., Tsertseil Y.].

Специфика северных регионов как объекта исследования

Северные регионы важны для развития страны, в первую очередь для обеспечения её потребностей в природных ресурсах. Они обеспечивают 100% потребности в апатитовом концентрате, на Севере сосредоточено от 40% до 100% запасов золота, нефти, природного газа, хрома и марганца, платины и алмазов [14, Татаркин А.И., Логинов В.Г.; 15, Лаженцев В.Н.]. Значительная часть этих ресурсов сосредоточена в Арктической зоне. В Арктическую

зону Европейской части РФ полностью или частично попадают Мурманская и Архангельская области, республики Карелия и Коми [16, Дружинин П.В., Поташева О.В.].

Однако Арктическая зона России на современном этапе развития характеризуется тенденцией к исчерпанию ресурсов воспроизводства региональной социально-экономической системы в рамках существовавшей ранее сырьевой модели воспроизводства. Это отражает большой, а в ряде территорий — критический накопленный экологический ущерб от ведения хозяйственной деятельности, низкую энергоэффективность экономики, отрицательную демографическую динамику и размывание сложившейся на предшествующем этапе освоения Арктики системы расселения, значительную степень исчерпания разведанных и разрабатываемых месторождений стратегических ресурсов. Большие вызовы в рамках статьи рассматриваются как система ограничений технологического, ресурсного и экологического характера, а также формирующихся геополитических рисков.

Северные регионы, входящие в СЗФО, имеют ряд специфических особенностей и множество предпосылок для научно-инновационного развития. К числу таких особенностей следует отнести:

- выгодное географическое положение, в том числе приграничное;
- особые климатические условия, из которых вытекают суровые природные условия, ограниченность жизнедеятельности населения, затраты на отопление, строительство зданий с утеплениями, большие энергозатраты на производство продукции и др.;
- развитие транспортно-логистических путей (Северного морского пути, портовой инфраструктуры, ледокольного флота, добыча на морском шельфе);
- преобладание ресурсодобывающих отраслей в экономике региона [17, Румянцев А.А.; 18, Михайлов А.С., Горочная В.В., Михайлова А.А., Плотникова А.П., Вольхин Д.А.];
- сокращение численности населения от 20 до 40% за последние десятилетия;
- зависимость от поставок продовольствия, топлива и различной продукции;
- высокая материалоёмкость выпускаемой продукции [19, Дружинин П.В.];
- «северное удорожание» и высокие затраты на содержание территорий, что определяет низкий уровень развития человеческого капитала и низкую инновационную активность субъектов инновационной деятельности [20, Набережная А.Т.; 21, Глухов В.В., Деттер Г.Ф., Туктель И.Л.].

Методика исследования и информационная база

При анализе инновационного развития северных территорий европейской части России авторами применялись методы статистического и компаративного анализа, диалектический

метод. Информационные источники исследования включают в себя официальную статистическую информацию, а также данные государственных служб и ведомств.

Методология составления рейтинговых оценок инновационного развития регионов (ИРР) основана на методике Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)¹. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации базируется на упорядочивании субъектов РФ по убыванию значений сводного инновационного индекса — российского регионального инновационного индекса (РРИИ). Он сформирован на базе 53 показателей, сгруппированных в 16 разделов и распределённых по пяти тематическим блокам. Итоговое значение РРИИ определяется как среднее арифметическое нормализованных значений всех включённых в рейтинг показателей.

Для проведения сравнительного анализа и динамики уровня инновационного потенциала регионов можно использовать основные ключевые индикаторы, приводимые в официальных статистических сборниках Росстата² и Роспатента³, а также на материалах НИАЦ МИИРИС⁴ (табл. 1).

Ключевые показатели инновационного развития северных регионов СЗФО

Обозначение	Наименование показателя
И ₁	Уровень инновационной активности организаций, %.
И ₂	Удельный вес занятых исследованиями и разработками на 10 000 среднедневной численности занятых в экономике региона, %.
И ₃	Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки к ВРП, %.
И ₄	Удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %.
И ₅	Количество выданных патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы на 10 000 численности рабочей силы, ед.
И ₆	Объём инновационных товаров, работ, услуг в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг %.
И ₇	Удельный вес бюджетных средств во внутренних затратах на исследования и разработки, %.

Для удобства восприятия и интерпретации результатов оценки численные расчёты выполняются на основе нормированных средних значений ключевых показателей ИРР регионов, приводимых в сопоставимый вид в диапазоне от 0 до 1. При этом 1 балл характеризует

¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Стат. сб. НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (дата обращения: 10.09.2021).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2021).

³ Годовые отчеты Роспатента. URL: <https://rospatent.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2021).

⁴ Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности РФ. НИАЦ МИИРИС. URL: <https://www.miiris.ru> (дата обращения: 10.02.2021).

субъект как лидера, а 0 баллов — как абсолютного аутсайдера [22, Бобылёв Н.Г., Гадаль Себастьян, Коновалова М.О., Сергунина А.А., Тронин А.А., Тюнкюнен Вели-Пекка].

Эмпирические результаты исследования

Результат рейтинговой оценки северных регионов СЗФО по значению РРИИ за 2018/2019 гг., нормированный к 1 относительно значения субъекта-лидера РФ (в данном случае — г. Москвы), приведён на рис. 1.

Рис. 1. Рейтинг уровня ИРР в 2018/2019 гг.

Как показывают результаты рейтинговой оценки, все регионы, кроме Ненецкого АО, имеют сопоставимые значения РРИИ (0,59–0,63). В табл. 2 представлены уровни ИРР по разности значений РРИИ от значения субъекта-лидера по РФ.

Таблица 2
Оценка уровня ИРР в 2018/2019 гг.⁵

Регионы	Разность средних значений РРИИ от лидера, %	Уровень ИРР
Субъект-лидер	0,0	высокий
Мурманская область	39,2	средний
Республика Карелия	41,0	низкий
Архангельская область	37,0	средний
Республика Коми	39,5	средний
Ненецкий АО	71,9	крайне низкий

Анализ табл. 2 показывает, что среди Северных регионов СЗФО нет субъектов с высоким уровнем инновационного развития, к которому относятся регионы по величине отставания значений РРИИ от результата субъекта-лидера меньше 20%. Средний уровень ИРР (20–40%) имеют Мурманская область и Архангельская области, Республика Коми. Низкий (40–60%) и крайне низкий (>60%) уровни показывают Республика Карелия и Ненецкий АО соответственно.

Анализ сопоставления динамики ИРР за 10 лет показал различные темпы роста уровня показателей в 2019 г. по сравнению с 2010 г. (табл. 3). Например, у трёх субъектов СЗФО (Архангельская область, Республика Коми, Ненецкий АО) в 2019 г. наблюдается существенное повышение финансирования на исследования и разработки за счёт региональных бюд-

⁵ Источник: составлена авторами на основе данных НИУ ВШЭ.

жетов (показатель I_7), что характеризует внимание и поддержку местной власти инновационного развития экономики региона.

Таблица 3
Темп увеличения/уменьшения показателей ИРР регионов за 2019/2010 гг., %⁶

Северные регионы СЗФО	I_1	I_2	I_3	I_4	I_5	I_6	I_7
Мурманская область	-0,1	0,06	-0,4	-1,18	-0,50	2,3	3,0
Республика Карелия	0,5	0,14	-0,1	-0,78	2,02	0,9	-13,2
Архангельская область	5,3	0,01	-0,05	0,3	0,74	3,9	16,4
Республика Коми	-0,3	0,0	-0,2	0,5	0,8	-1,6	19,2
Ненецкий АО	-2,6	-0,2	0,0	0,0	0,0	-0,4	18,6

Инновационная активность регионов (I_1) за рассматриваемый период времени развивается нестабильно: в 2019 г. по данному показателю лидирующее положение занимает Архангельская область, у которой темп роста за 10 лет составил 5,3% (табл. 2). Остальные регионы, кроме Карелии, показывают уменьшение уровня инновационной активности (рис. 2).

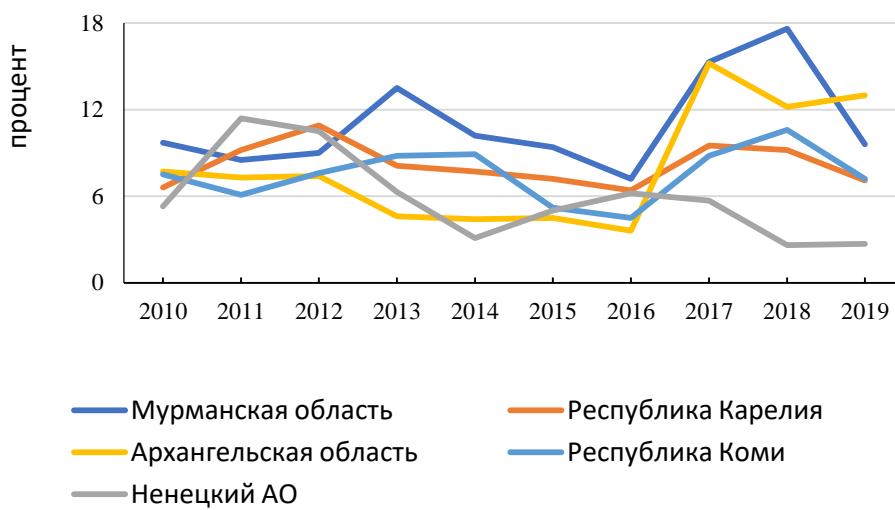

Рис. 2. Динамика уровня инновационной активности регионов СЗФО.

Как известно, на результативность инновационной деятельности основное влияние оказывает наличие и профессионализм людей, занятых научными исследованиями и разработками. Данный показатель в регионах относительно стабилен, кроме Ненецкого АО ввиду малочисленности населения по сравнению с другими субъектами (рис. 3). Надо отметить, что в Ненецком АО практически отсутствует нормативно-правовая база по инновационной деятельности, в том числе отсутствует самостоятельная инновационная стратегия [23, Егоров Н.Е., Ковров Г.С.].

⁶ Источник: составлено авторами.

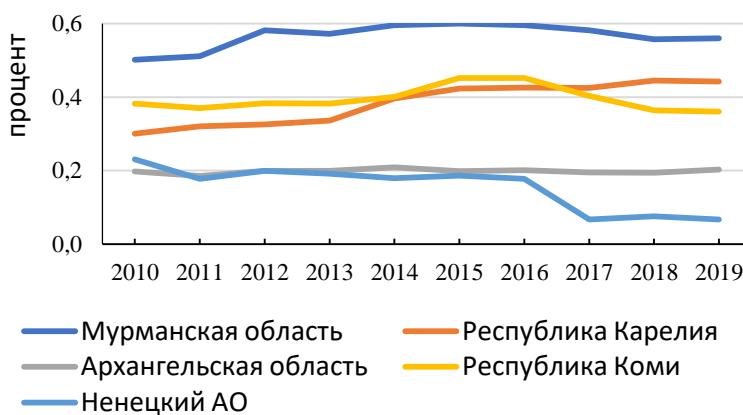

Рис. 3. Динамика удельного веса занятых исследованиями и разработками в расчете на 10 тыс. среднегодовой численности занятых в экономике региона.

Показатель удельного веса внутренних затрат на научные исследования и разработки к валовому региональному продукту (ВРП) является одним из основных плановых индикаторов, включаемых в большинство нормативно-правовых актов по социально-экономическому развитию субъектов РФ. Региональным властям по данному показателю следует обратить особое внимание, т. к. в последние годы в субъектах СЗФО наблюдается постоянное снижение его уровня (рис. 4).

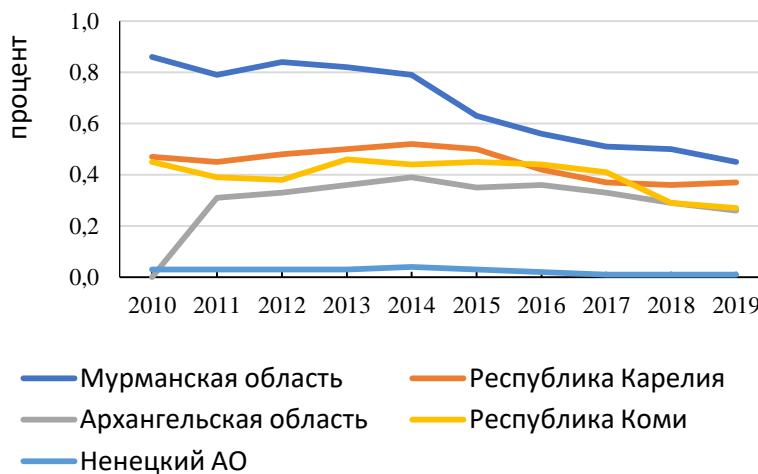

Рис. 4. Динамика доли внутренних затрат на научные исследования и разработки к ВРП.

Немаловажное значение для развития инновационной экономики имеет величина затрат на инновационную деятельность, которая характеризует фактические расходы организации, направляемые в основном на разработку и внедрение технологических инноваций. По данному критерию в 2019 г. высокие показатели с большим отрывом от других регионов имеет Республика Карелия (1,8 %), хотя в динамике его развития она постоянно имела низкие значения. В 2011–2012 гг. у Республики Коми, Архангельской области и Ненецкой АО наблюдаются высокие значения затрат организаций на инновационную деятельность (рис. 5).

Рис. 5. Динамика удельного веса затрат на инновационную деятельность от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

Патентная статистика является основным индикатором результативности инновационной деятельности и одним из ключевых показателей технологического развития стран и регионов [24]. Обычно для оценки изобретательской активности населения используется коэффициент, определяемый как число поданных отечественными заявителями в патентное ведомство страны заявок на изобретения в расчёте на 10 тыс. человек населения. Поскольку интеллектуальные способности человека к труду больше всего проявляются в возрасте от 15 до 72 лет (экономически активное население), целесообразно в расчёте использовать число рабочей силы (ЧРС), приводимое в ежегодных статистических сборниках Росстата.

По количеству выданных патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы на 10 000 ЧРС лидирующее положение в 2019 г. и в целом за 10 лет среди северных регионов СЗФО занимает Республика Карелия (рис. 6). Как следует из приведённого графика, динамика развития выданных патентов в регионах в целом показывает положительный тренд.

Рис. 6. Динамика количества выданных патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы на 10 000 ЧРС.

Основным ключевым показателем, характеризующим конечный результат (результативность) инновационной деятельности, является объём произведённой инновационной продукции. По данному индикатору среди северных регионов СЗФО существенно высокие значения показывает Архангельская область (в связи с этим график представлен отдельно, рис. 7). Но по данным 2019 г., первое место занимает Мурманская область (4,7%), у которой объём инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров вырос в 5,9 раз по сравнению с предыдущим годом. Надо отметить, что у Республики Коми в 2019 г. показатель уменьшился в 4,9 раз по сравнению с 2011 г., когда наблюдался наибольший пик его уровня (7,8%).

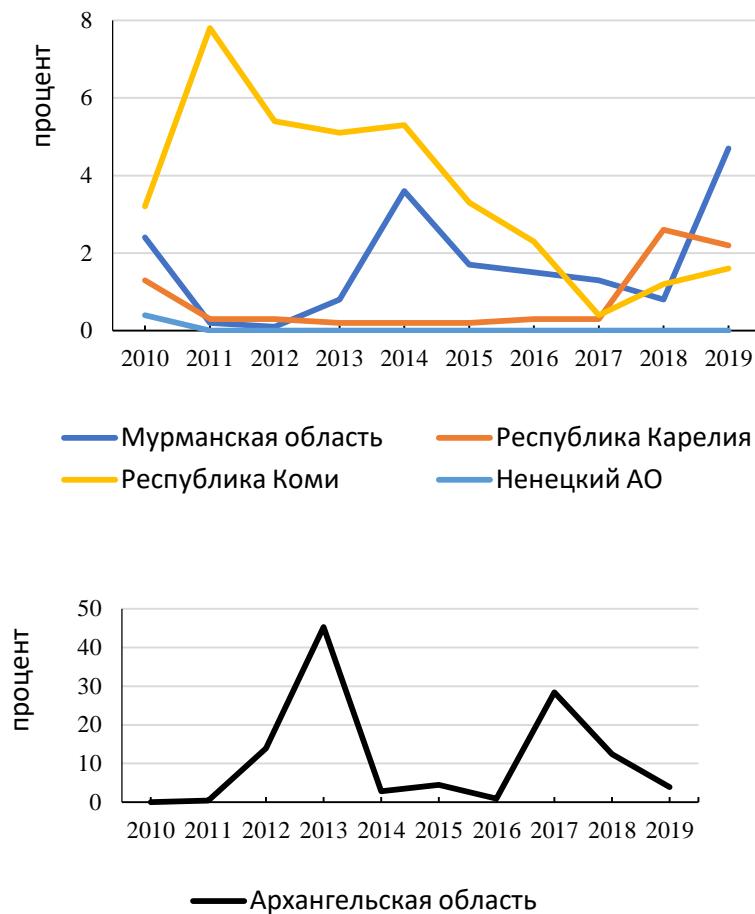

Рис. 7. Динамика объёма инновационных товаров, работ, услуг в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ в 2010–2019 гг.

Основным индикатором, отражающим содействие и поддержку региональной власти развитию инновационной экономики, является выделение финансирования научных исследований и прикладных разработок из средств местного бюджета через соответствующие региональные программы. Так как финансирование выделяется конкретным организациям, выполняющим научные исследования и разработки и имеющим свои внутренние затраты на инновационную деятельность, объём бюджетных средств зависит от количества этих организаций, которых в Ненецком АО всего 32 ед., поэтому данное соотношение выше в этом автономном округе, чем в других субъектах (рис. 8). Следует отметить тенденцию увеличе-

ния бюджетного финансирования в Республике Коми за последние годы 3 года (2017–2019 гг.) на 28,4% при количестве организаций (25–27 ед.).

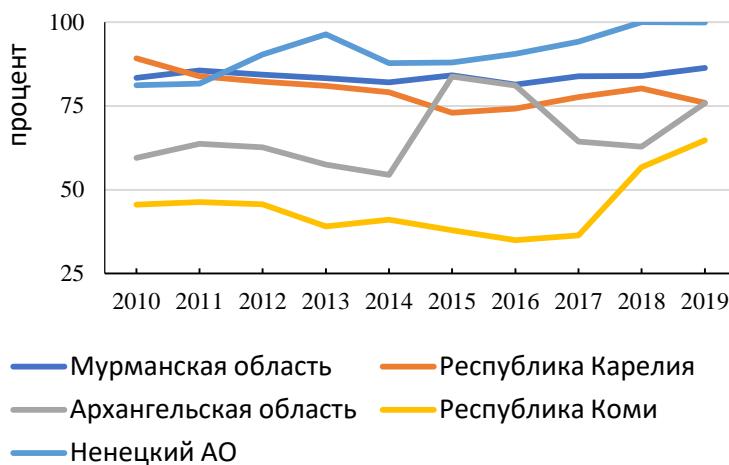
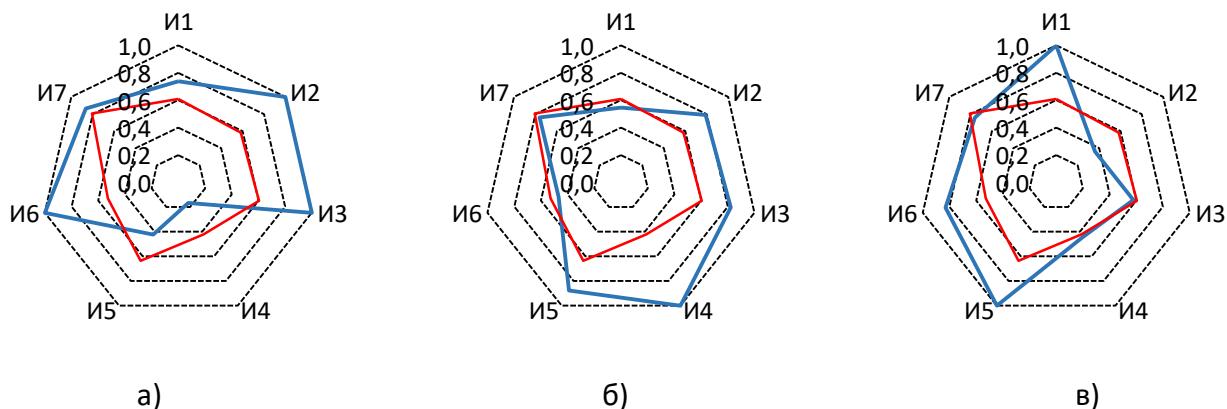

Рис. 8. Динамика удельного веса бюджетных средств во внутренних затратах на исследования и разработки в 2010–2019 гг.

В целях определения и анализа сильных и слабых сторон ИРР применяется инновационный профиль в виде лепестковой гистограммы (рис. 9). На приведённых ниже иллюстрациях красным цветом обозначено распределение нормированных средних значений ключевых показателей ИРР по макрорегиону СЗФО за 2019 г. Как видно из рис. 9а, в Мурманской области наблюдается высокий уровень (значение 1,0) занятых исследованиями и разработками на 10 000 среднегодовой численности занятых в экономике региона (показатель И₂), доли внутренних затрат на научные исследования и разработки к ВРП (И₃) и объема инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (И₆). В целом, кроме показателей И₄ и И₅, инновационный потенциал региона выше, чем среднее по рассматриваемому макрорегиону.

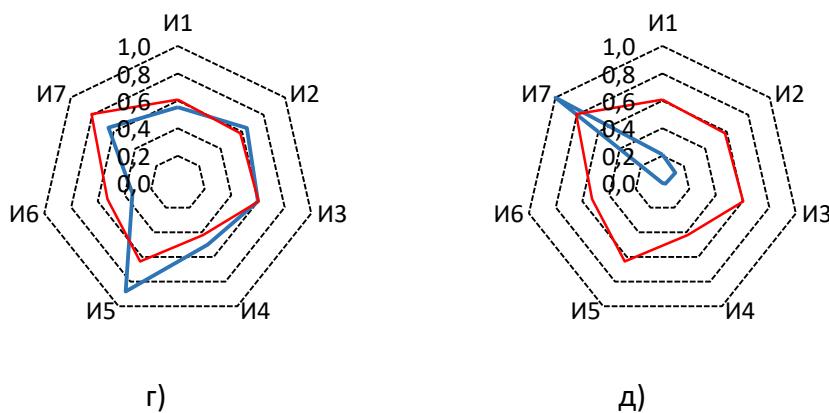

Рис. 9. Инновационные профили северных регионов СЗФО в 2019 г.

а) — Мурманская область; б) — Республика Карелия; в) — Архангельская область; г) — Республика Коми; д) — Ненецкий АО.

Уровень инновационного развития Республики Коми почти совпадает со средним уровнем по макрорегиону (рис. 9г), но отличается большим количеством выданных патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы на десять тысяч ЧРС ($I_5 = 0,9$). Как видно из рис. 9в, максимальное значение данного показателя принадлежит Архангельской области. Ненецкий АО, как аутсайдер по макрорегиону, имеет низкий инновационный потенциал, хотя региональные власти оказывают определенные усилия по финансовой поддержке инновационной деятельности (I_7), которые, как обычно, проявляются через определённый временной лаг. Таким образом, результаты исследования подтверждают факт о том, что между регионами Крайнего Севера Российской Федерации существует значительная разница по уровню инновационного развития [25, Егоров Н.Е., Kovrov G.S.].

Перспективы инновационного развития северных регионов на основе создания индустриальных и технологических парков

Технопарковые структуры создаются в целях предоставления комплекса услуг для инвестора при размещении инновационного бизнеса на территории региона. Сегодня в России насчитывается 80 технопарков, из них функционируют 36. Большая часть действующих парков (31 парк) создана после 2006 г. В них уже размещено 958 компаний-резидентов и создано 56 тысяч рабочих мест. В крупнейших парках занято от 5 до 7 тысяч человек. Технопарки созданы в 33 субъектах Российской Федерации [26, Тишков С.В.; 27, Третьякова Е.А., Носков А.А.].

Подавляющее большинство созданных технопарков являются частными (34 из 36 действующих парков). Проектируемые парки, наоборот, характеризуются более высокой долей государственных парков и парков, создаваемых на условиях государственно-частного партнёрства. Интерес государства к технопаркам как к инструменту привлечения инвестиций связан с высокой эффективностью, которую показали созданные частные парки. Более того, в тех регионах,

где уже были созданы и функционируют технопарки, проектируются новые. Из 44 проектируемых сегодня технопарков только 14 являются первыми в своих регионах.

Сегодня существует тенденция к уменьшению площади технопарков, что позволяет сократить инвестиционные риски. Brownfield-парки характеризуются более высокой заполняемостью, что объясняется возросшим в последние годы спросом на готовые производственные площади со стороны малых компаний. Среднее количество резидентов для Greenfield-парков — 11, для Brownfield-проектов оно составляет 51.

В отраслевом разрезе технопарки представляют достаточно широкий спектр видов промышленности, среди которых преобладают машиностроение, автомобилестроение, химическая промышленность и металлургия, деревообработка и производство строительных материалов. Как правило на территории парка также размещаются компании, бизнес которых ориентирован на потребности других резидентов этого технопарка. Высокая концентрация компаний-резидентов может быть фактором формирования кластера.

Обычно технопарки представляют собой только один из инструментов инвестиционной и инновационной политики [10, Romanova T.; 28, Иванова И., Стрэнд О., Лейдесдорфф Л.]. В северных регионах действует ряд технопарков различной формы собственности. Перечень действующих технопарков представлен в табл. 4.

*Таблица 4
Действующие технопарки северных регионов Северо-Запада России⁷*

Регион	Название технопарка	Статус технопарка	Тип технопарка	Форма собственности
Мурманская область	«ТЕХНО-ПАРК-НОР АС»	Действующий	Greenfield	Частная
Мурманская область	«Квантариум 51»	Действующий	Brownfield	Государственная
Республика Карелия	«Техноград ПетрГУ»	Действующий	Brownfield	Государственная
Республика Коми	«Квантариум»	Действующий	Brownfield	Государственная
Республика Коми	«Город будущего»	Действующий	Brownfield	Государственная

В северных регионах создано и действует 5 технопарков, в основном государственной формы собственности. К созданию планируется технопарк в Архангельской области. Тип технопарков преимущественно Brownfield, это означает, что они построены на старых площадях.

Основной проблемой при формировании и развитии технопарковых структур, которую приводят исследователи Н.И. Комков и В.А. Цукерман, является недостаточная эффективность государственного регулирования, например, изобилие инструментов приводит к тому, что они дублируют друг друга, затрудняя предприятиям возможность ими воспользоваться [29; 30; 31].

В случае привлечения крупного «якорного» инвестора, заинтересованного в больших промышленных площадях, это может быть Greenfield-парк. Обычно размещение подобных парков обусловлено либо близостью рынка сбыта, либо наличием необходимых ресурсов (трудовых или природных). В случае его появления место и условия создания технопарка будут определяться его индивидуальными требованиями к инвестиционной площадке. Для привле-

⁷ Источник: составлено авторами.

чения «якорного» инвестора необходима детальная оценка конкурентных преимуществ региона и анализ рынков инновационной продукции, которые могут быть выполнены в рамках подготовки стратегии инновационного развития региона.

Возможность создания технопарков в северных городах обусловлена тенденцией высвобождения производственных площадей на территории градообразующих предприятий. При этом само градообразующее предприятие может выступить в качестве учредителя управляющей компании технопарка, обеспечив себя дополнительным источником дохода. Появление новых производств для северных регионов позволит диверсифицировать местную экономику и обеспечить занятость населения.

Технопарк, ориентированный на малые и средние инновационные предприятия, может выполнять (в случае необходимости) функции бизнес-инкубатора, а его управляющая компания — функции консалтингового центра. В рамках такого варианта могут создаваться центры коллективного пользования, обеспечивающие доступ к наиболее востребованному производственному оборудованию. Если создается технопарк определённой специализации (например, производство строительных материалов), то управляющая компания может заниматься продвижением продукции компаний-резидентов на рынках.

Заключение

Сырьевая зависимость и низкий уровень инновационного развития обуславливают систему ограничений и рисков развития огромного северного и приграничного пространства российской Арктики, являющегося, при всём колossalном стратегическом значении, проблемной периферией.

Существующие на сегодняшний день стратегии развития (как регионов, так и страны в целом) не содержат целостного видения движущих сил пространственного и инновационного развития, не отражают в полной мере геополитических и геоэкономических аспектов и не имеют необходимой проработки инструментов реализации. Это искаляет управленческие решения по пространственному и инновационному развитию, оставляя без должного внимания как глобальные тенденции, так и глубокие противоречия внутреннего развития.

Потребность в формировании нового экономико-правового режима Арктики требует активизации исследовательских работ в области как информационной и аналитической подготовки управленческих решений, так и обоснования новой парадигмы развития региона. При этом исключительную важность приобретает выработка переходных социально-экономических механизмов, позволяющих осуществить переход к новой парадигме развития, становление которой мы наблюдаем сегодня, без ущерба для экологических систем Арктики, социума и с максимальным экономическим эффектом как в ближней, так и в дальней перспективе. С учётом опыта развития Арктических регионов России и зарубежных стран можно обоснованно полагать, что такими перспективными направлениями являются:

- создание инновационных промышленных кластеров на базе перспективных минерально-сырьевых центров (МСЦ) и существующих производств;
- создание туристических кластеров на основе усиления и объединения инфраструктуры существующих и перспективных туристических дестинаций;
- развитие сектора биотоплива (биодизеля, биогаза), работающего во взаимодействии с указанными инновационными кластерами (например, биотехнологический кластер и кластер аквакультуры).

Принципиальным положением в формировании переходной модели развития является снижение нагрузки на окружающую среду, энергосбережение и сокращение накопленного экологического ущерба для экосистем Арктики.

В рамках исследования разработаны основные предложения по совершенствованию инновационного развития северных регионов:

- совершенствование инструментария сбора, обработки и анализа информации о социально-экономическом развитии региона Арктической зоны России на основе использования междисциплинарных методов, в т. ч. с применением передовых компьютерных и сетевых технологий краудсорсинга и коммуникативного планирования;
- выявление актуальных параметров социально-экономической динамики, сценариев инновационного развития Арктической зоны России в условиях технологических, ресурсных, экологических ограничений и геополитических рисков;
- разработка фундаментальных теоретических положений, системно обосновывающих принципиально новый этап становления социально-экономической архитектуры Арктической зоны России. Развитие данных положений в соответствующем актуальным внутренним и внешним вызовам инструментарии обоснования и выработки управленческих решений, прогнозирования социально-экономического развития в условиях высокой неопределенности ряда параметров среды;
- разработка моделей и механизмов переходного этапа развития Арктической зоны, основанного на активизации инновационной составляющей экономики, при одновременной активизации механизмов снижения нагрузки на окружающую среду, энергосбережения и сокращения накопленного экологического ущерба для экосистем Арктики;
- формирование нового информационного ресурса, характеризующегося полнотой, достоверностью и актуальностью предоставляемой информации, соответствующей новой управленческой повестке, реализации задач на качественно новом уровне за счёт инновационных средств их обоснования;

- разработка аналитических основ совершенствования нормативно-правовой базы нового экономико-правового режима Арктической зоны РФ федерального и регионального уровней.

Список источников

1. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Геоэкономическая стратегия России в Арктике // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 1 (44). С. 115–122.
2. Gritsenko D., Efimova E. Is there Arctic resource curse? Evidence from the Russian Arctic regions // Resources Policy. 2020. Vol. 65. 101547. DOI: 10.1016/j.resourpol.2019.101547
3. Escribano G. Beyond energy independence: the geopolitical externalities of renewables. In: Handbook of energy economics and policy fundamentals and applications for engineers and energy planners. Chapter 13. Academic Press, 2021. Pp. 549–576. DOI: 10.1016/B978-0-12-814712-2.00013-0
4. Johnson C. et al. The bio-based industries joint undertaking as a catalyst for a green transition in Europe under the European Green Deal // EFB Bioeconomy Journal. 2021. Vol. 1. 100014. DOI: 10.1016/j.bioeco.2021.100014
5. Kurt R. Industry 4.0 in terms of industrial relations and its impacts on labour life // Procedia Computer Science. 2019. Vol. 158. Pp. 590–601. DOI: 10.1016/j.procs.2019.09.093
6. Fukuda K. Science, technology and innovation ecosystem transformation toward society 5.0 // International Journal of Production Economics. 2019. Vol. 220. 107460. DOI: 10.1016/j.ijpe.2019.07.033
7. Bessonova E., Battalov R. Digitalization as a tool for innovative economic development // Economic Annals-XXI. 2020. Vol. 186 (11–12). Pp. 66–74. DOI: 10.21003/ea.V186-08
8. Klóska R. Proinnovative regional development in Poland as a criterion for cluster analysis // Geography. 2018. No. 129. Pp. 143–151. DOI: 10.18276/epu.2018.129-12
9. Agyekum E.B. et al. Decarbonize Russia — A best worst method approach for assessing the renewable energy potentials, opportunities and challenges // Energy Reports. 2021. Vol. 7. Pp. 4498–4515. DOI: 10.1016/j.egyr.2021.07.039
10. Romanova T. Russia's political discourse on the EU's energy transition (2014–2019) and its effect on EU-Russia energy relations // Energy Policy. 2021. Vol. 154. 112309. DOI: 10.1016/j.enpol.2021.112309
11. Shapovalova D., Galimullin E., Grushevenko E. Russian Arctic offshore petroleum governance: The effects of western sanctions and outlook for northern development // Energy Policy. 2020. Vol. 146. 111753. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111753
12. Плотникова Т.Н., Коняхина Т.Б., Соломонова Е.Б. Индикативная оценка инновационной восприимчивости региона // Фундаментальные исследования. 2015. № 12 (1). С. 181–186.
13. Kookueva V.V., Tsertseil J.S. Clustering as a basis for an innovative development strategy // European Research Studies Journal. 2018. No. 4 (21). Pp. 818–830. DOI: 10.35808/ersj/1249
14. Татаркин А.И., Логинов В.Г. Оценка природно-ресурсного и производственного потенциала северных и арктических районов: состояние и перспективы использования // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1. С. 33–44.
15. Лаженцев В.Н. Север России: альтернативы на будущее // Современные производительные силы. 2013. № 2. С. 115–124.
16. Дружинин П.В., Поташева О.В. Роль инноваций в развитии экономики северных и арктических территорий // Арктика: экология и экономика. 2019. № 3 (35). С. 4–15. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-3-4-15
17. Румянцев А.А. Инвестиции в инновации и в основной капитал во временном аспекте в регионах Северо-Запада России // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1 (184). С. 145–151. DOI: 10.47711/0868-6351-184-145-151

18. Михайлов А.С., Горочная В.В., Михайлова А.А., Плотникова А.П., Вольхин Д.А. Кластеры При-морских регионов Европейской части России // Географический вестник. 2020. № 4 (55). С. 81–96. DOI: 10.17072/2079-7877-2020-4-81-96
19. Дружинин П.В. Проблемы инновационного развития предприятий приграничной Карелии // Север и рынок. Формирование экономического порядка. 2008. № 2 (21). С. 103а–107.
20. Набережная А.Т. Региональные факторы удорожания стоимости жизни населения на Севере // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 25. С. 51–55.
21. Глухов В.В., Деттер Г.Ф., Туккель И.Л. Создание региональной инновационной системы в условиях Арктической зоны Российской Федерации: проектирование и опыт реализации // Инновации. 2015. № 5. С. 86–98.
22. Бобылёв Н.Г., Гадаль С., Коновалова М.О., Сергунин А.А., Тронин А.А., Тюнкюнен В.-П. Ранжирование регионов арктической зоны Российской Федерации по индексу экологической безопасности // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 3 (69). С. 17–40. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.69.002
23. Егоров Н.Е., Ковров Г.С. Инновационное развитие северных регионов ресурсного типа // Инновации. 2021. № 1 (267). С. 68–78. DOI: 10.26310/2071-3010.2021.267.1.010
24. Домнич Е.Л. Патентная статистика как измеритель экономики науки и инноваций в регионах России // Инновации. 2013. № 5. С. 92–95.
25. Егоров Н.Е., Ковров Г.С. Сравнительная оценка инновационного развития регионов Крайнего Севера // Арктика и Север. 2020. №. 41. Рр. 62–74. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.62
26. Тишков С.В. Формирование и развитие региональной инновационной системы регионов Северо-Запада России: проблемы и перспективы. Москва: Первое экономическое издательство, 2021. 190 с. DOI: 10.18334/9785912923739
27. Третьякова Е.А., Носков А.А. Инновационная деятельность регионов Северо-Западного федерального округа: сопоставительный оценочный анализ // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 1. С. 4–22. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-1
28. Иванова И., Стрэнд О., Лейдесдорфф Л. Синергия и цикличность региональных инновационных систем: пример Норвегии // Форсайт. 2019. Т. 13. № 1. С. 48–61. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.48.61
29. Комков Н.И., Селин В.С., Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Проблемы и перспективы инновационного развития промышленного комплекса российской Арктики // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1 (160). С. 41–49.
30. Комков Н.И., Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Анализ основных факторов инновационного развития регионов Арктической зоны РФ // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1 (172). С. 33–40.
31. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Оценка дифференциации инновационного развития Арктических регионов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 2 (58). С. 138–146. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-2-2018-58-138-146

References

1. Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. Geoekonomiceskaya strategiya Rossii v Arktike [Geo-Economic Strategy of Russia in the Arctic]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2015, no. 1 (44), pp. 115–122.
2. Gritsenko D., Efimova E. Is There Arctic Resource Curse? Evidence from the Russian Arctic Regions. *Resources Policy*, 2020, vol. 65. 101547. DOI: 10.1016/j.resourpol.2019.101547
3. Escribano G. Beyond Energy Independence: The Geopolitical Externalities of Renewables. In: *Handbook of Energy Economics and Policy Fundamentals and Applications for Engineers and Energy Planners*. Chapter 13. Academic Press, 2021, pp. 549–576. DOI: 10.1016/B978-0-12-814712-2.00013-0
4. Johnson C. et al. The Bio-Based Industries Joint Undertaking as a Catalyst for a Green Transition in Europe under the European Green Deal. *EFB Bioeconomy Journal*, 2021, vol. 1. 100014. DOI: 10.1016/j.bioeco.2021.100014

5. Kurt R. Industry 4.0 in Terms of Industrial Relations and Its Impacts on Labour Life. *Procedia Computer Science*, 2019, vol. 158, pp. 590–601. DOI: 10.1016/j.procs.2019.09.093
6. Fukuda K. Science, Technology and Innovation Ecosystem Transformation toward Society 5.0. *International Journal of Production Economics*, 2019, vol. 220. 107460. DOI: 10.1016/j.ijpe.2019.07.033
7. Bessonova E., Battalov R. Digitalization as a Tool for Innovative Economic Development. *Economic Annals-XXI*, 2020, vol. 186 (11–12), pp. 66–74. DOI: 10.21003/ea.V186-08
8. Klóska R. Proinnovative Regional Development in Poland as a Criterion for Cluster Analysis. *Geography*, 2018, no. 129, pp. 143–151. DOI: 10.18276/epu.2018.129-12
9. Agyekum E.B. et al. Decarbonize Russia — A Best-Worst Method Approach for Assessing the Renewable Energy Potentials, Opportunities and Challenges. *Energy Reports*, 2021, vol. 7, pp. 4498–4515. DOI: 10.1016/j.egyr.2021.07.039
10. Romanova T. Russia's Political Discourse on the EU's Energy Transition (2014–2019) and Its Effect on EU-Russia Energy Relations. *Energy Policy*, 2021, vol. 154. 112309. DOI: 10.1016/j.enpol.2021.112309
11. Shapovalova D., Galimullin E., Grushevenko E. Russian Arctic Offshore Petroleum Governance: The Effects of Western Sanctions and Outlook for Northern Development. *Energy Policy*, 2020, vol. 146. 111753. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111753
12. Plotnikova T.N., Konyakhina T.B., Solomonova E.B. Indikativnaya otsenka innovatsionnoy vospriimchivosti regiona [Indicative Estimates Innovative Susceptibility Region]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2015, no. 12 (1), pp. 181–186.
13. Kookueva V.V., Tsertseil J.S. Clustering as a Basis for an Innovative Development Strategy. *European Research Studies Journal*, 2018, no. 4 (21), pp. 818–830. DOI: 10.35808/ersj/1249
14. Tatarkin A.I., Loginov V.G. Otsenka prirodno-resursnogo i proizvodstvennogo potentsiala severnykh i arkticheskikh rayonov: sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya [Estimation of Potential for Natural Resources and Production in Northern and Arctic Areas: Conditions and Prospects for Use]. *Studies on Russian Economic Development*, 2015, vol. 26, no. 1, pp. 22–31.
15. Lazhentsev V.N. Sever Rossii: al'ternativy na budushchee [North of Russia: Alternatives for the Future]. *Sovremennye proizvoditel'nye sily* [Modern Productive Forces], 2013, no. 2, pp. 115–124.
16. Druzhinin P.V., Potasheva O.V. Rol' innovatsiy v razvitiyu ekonomiki severnykh i arkticheskikh territoriy [The Role of Innovation in the Economic Development of the Northern and Arctic Regions]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2019, no. 3 (35), pp. 4–15. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-3-4-15
17. Rumyantsev A.A. Investitsii v innovatsii i v osnovnoy kapital vo vremennom aspekte v regionakh Severo-Zapada Rossii [Investments in Innovation and Fixed Capital in the Regions of Northwest Russia in Terms of Time]. *Studies on Russian Economic Development*, 2021, vol. 32, no. 1, pp. 98–102. DOI: 10.47711/0868-6351-184-145-151
18. Mikhaylov A.S., Gorochnaya V.V., Mikhaylova A.A., Plotnikova A.P., Volkhin D.A. Klastery Primorskikh regionov Evropeyskoy chasti Rossii [Clusters in the Coastal Regions of the European Part of Russia]. *Geograficheskiy vestnik* [Geographical Bulletin], 2020, no. 4 (55), pp. 81–96. DOI: 10.17072/2079-7877-2020-4-81-96
19. Druzhinin P.V. Problemy innovatsionnogo razvitiya predpriyatiy prigranichnoy Karelii [Problems of Innovative Development of Enterprises in Border Karelia]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2008, no. 2 (21), pp. 103–107.
20. Naberezhnaya A.T. Regional'nye faktory udorozhaniya stoinosti zhizni naseleniya na Severo-Zapade Rossii [Regional Factors Increasing the Cost of Living of the Population in the North]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2013, no. 25, pp. 51–55.
21. Glukhov V.V., Detter G.F., Tukkel I.L. Sozdanie regional'noy innovatsionnoy sistemy v usloviyah Arktycheskoy zony Rossiyskoy Federatsii: proektirovanie i opyt realizatsii [The Creation of a Regional Innovation System in the Arctic Zone of Russian Federation: Design and Implementation Experience]. *Innovatsii* [Innovations], 2015, no. 5, pp. 86–98.
22. Bobylev N.G., Gadal S., Konovalova M.O., Sergunin A.A., Tronin A.A., Tynkkynen V.-P. Ranzhirovaniye regionov arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii po indeksu ekologicheskoy bezopasnosti [Regional

- Ranking of the Arctic Zone of the Russian Federation on the Basis of the Environmental Security Index]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2020, no. 3 (69), pp. 17–40. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.69.002
23. Egorov N.E., Kovrov G.S. Innovatsionnoe razvitiye severnykh regionov resursnogo tipa [Innovative Development of the Northern Regions of the Resource Type]. *Innovatsii* [Innovations], 2021, no. 1 (267), pp. 68–78. DOI: 10.26310/2071-3010.2021.267.1.010
24. Domnich E.L. Patentnaya statistika kak izmeritel' ekonomiki nauki i innovatsiy v regionakh Rossii [Patent Statistics as a Measuring Instrument for Science and Innovation Economy in Russian Regions]. *Innovatsii* [Innovations], 2013, no. 5, pp. 92–95.
25. Egorov N.E., Kovrov G.S. Comparative Assessment of Innovative Development of the Far North Regions. *Arctic and North*, 2020, no. 41, pp. 62–74. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.62
26. Tishkov S.V. *Formirovanie i razvitiye regional'noy innovatsionnoy sistemy regionov Severo-Zapada Rossii: problemy i perspektivy* [Formation and Development Regional Innovation System Regional Systems North-West of Russia: Problems and Prospects]. Moscow, Pervoe ekonomicheskoe izdatelstvo Publ., 2021, 190 p. DOI: 10.18334/9785912923739 (In Russ.)
27. Tretyakova E.A., Noskov A.A. Innovatsionnaya deyatel'nost' regionov Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga: sopostavitel'nyy otsenochnyy analiz [Innovation Performance of Russia's North-western Regions: A Comparative Evaluation]. *Baltiyskiy region* [Baltic Region], 2021, vol. 13, no. 1, pp. 4–22. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-1
28. Ivanova I., Strand O., Leydesdorff L. Sinergiya i tsiklichnost' regional'nykh innovatsionnykh sistem: primer Norvegii [The Synergy and Cycle Values in Regional Innovation Systems: The Case of Norway]. *Forsayt* [Foresight and STI Governance], 2019, vol. 13, no. 1, pp. 48–61. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.48.61
29. Komkov N.I., Selin V.S., Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. Problemy i perspektivy innovatsionnogo razvitiya promyshlennogo kompleksa rossiyskoy Arktiki [Problems and Perspectives of Innovative Development of the Industrial System in Russian Arctic Regions]. *Studies on Russian Economic Development*, 2017, no. 1 (160), pp. 41–49.
30. Komkov N.I., Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. Analiz osnovnykh faktorov innovatsionnogo razvitiya regionov Arkticheskoy zony RF [Analysis of the Main Factors of Innovative Development of the Arctic Regions of Russia]. *Studies on Russian Economic Development*, 2019, no. 1 (172), pp. 33–40.
31. Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. Otsenka differentsiatsii innovatsionnogo razvitiya Arkticheskikh regionov [Assessment of the Differentiation of Innovative Development of the Arctic Regions]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2018, no. 2, pp. 138–146. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-2-2018-58-138-146

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 31.12.2021; принята к публикации 03.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ

POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 76–99.

Научная статья

УДК 338.47(470.1/.2)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.76

Государственная транспортная политика по развитию СМП в СССР и Российской Федерации в XX в. *

Бхагват Джавахар¹, PhD, доцент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ jawahar71@mail.ru , ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8100-9976>

Аннотация. Автор рассматривает вопросы освоения и использования Северного морского пути (далее — СМП) во времена СССР и РФ в XX в. СМП очень важен с geopolитической точки зрения. В статье также рассматриваются различные тенденции развития государственной транспортной политики в мире и значимые аспекты её оценки. Несмотря на то, что СССР не смог реализовать коммерческий потенциал СМП и его круглогодичную эксплуатацию, он добился значительных успехов в развитии СМП для достижения политических и стратегических целей Советского Союза. В статье анализируются существенные аспекты советской и российской политики в XX в. Автор доказывает, что транспортные инновации, вызванные энергетическими кризисами 1970-х и 1980-х гг. и связанными с ними экологическими проблемами, в значительной степени обошли советскую экономику стороной из-за периода застоя. Автор утверждает, что если бы СССР шёл в ногу с современными тенденциями в технологиях и распада Советского Союза не произошло бы, СМП смог бы стать самоподдерживающимся маршрутом, и была бы достигнута цель круглогодичного судоходства по СМП ещё во времена СССР в XX в.

Ключевые слова: СССР, Арктика, СМП, государственная транспортная политика, транспортные коммуникации

The State Transport Policy for Development of the NSR and the Russian Federation in the 20th Century

Jawahar Bhagwat¹, PhD., Associate Professor

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹ jawahar71@mail.ru , ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8100-9976>

Abstract. The article examines the development and use of the Northern Sea Route (hereinafter: the NSR) during the Soviet era. It also considers various trends in the development of the state transport policy in the world and significant aspects of its assessment. The above-mentioned transport route is significant

* © Бхагват Д., 2022

Для цитирования: Бхагват Д. Государственная транспортная политика по развитию СМП в СССР и Российской Федерации в XX в. // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 76–99. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.76

For citation: Bhagwat J. The State Transport Policy for Development of the NSR in the USSR and the Russian Federation in the 20th Century. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 76–99. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.76

from a geopolitical point of view. Although the USSR failed to realize the commercial potential of the NSR and its year-round operation, it made significant progress in the development of the NSR to achieve the political and strategic goals of the Soviet Union. The article analyzes the essential aspects of Soviet and Russian transport policy in the XX century. The author argues that transport innovations caused by the energy crises of the 1970s and 1980s and related environmental problems largely bypassed the Soviet economy due to the period of stagnation. The author concludes that if the USSR had kept pace with modern trends in technology and the Soviet Union had not collapsed, the NSR could have become a self-sustaining route and the goal of year-round navigation on the NSR would have been achieved in Soviet times in the 20th century.

Keywords: USSR, Arctic, NSR, transport policy, transport communications

Введение

Целью данной статьи является изучение эволюции Северного морского пути (СМП) в эпоху существования Советского Союза с учётом специфики транспортной политики. Анализ будет сосредоточен на том, как Советский Союз стремился развивать арктический регион путем развития СМП. В теоретической части статьи проанализированы концепции транспортной политики и различные методы, используемые в развитых странах для оценки транспортной политики и планов, рассмотрена эволюция развития СМП в СССР, а также конкретные стратегии и планы в поддержку этой стратегии.

Актуальность исследования заключается в необходимости подчеркнуть важность использования методов оценки транспортной политики и планов любого правительства. Цель статьи — подчеркнуть примат политической воли в развитии СМП в СССР по сравнению с объективной оценкой транспортной политики и планов.

Достижение этой цели возможно при решении следующих задач:

- проанализировать развитие СМП в СССР;
- изучить транспортную политику и методы оценки;
- показать применимость методов оценки к СМП;
- подчеркнуть необходимость использования обоснованных методов оценки при определении государственной транспортной политики в области развития транспортных маршрутов (на примере Северного морского пути).

Объектом исследования является развитие СМП в СССР. Предметом исследования является разработка транспортной политики СМП в СССР и применение или применимость методов оценки транспортной политики и планов развития СМП в СССР.

Методологическая основа исследования — анализ и синтез, описание и объяснение, диалектический подход, системный анализ и сравнительный анализ.

Системный анализ позволил исследовать проблему в целом, а также рассмотреть отдельные элементы системы изучаемых явлений. Метод сравнительного анализа реализован на сравнении эволюции транспортной политики и оценки в мире с развитием СМП СССР. На основе использованных методов сделан вывод, что, хотя развитие СМП СССР

имело много положительных сторон, оно не могло быть устойчивым из-за отсутствия периодической оценки и экономической базы.

Транспортная политика и оценка

Транспортная политика — это разработка стратегий и осуществление мероприятий, направленных на достижение конкретных целей, связанных с социальными, экономическими и экологическими условиями, а также функционированием и эффективностью транспортной системы. Транспортное планирование связано с подготовкой и осуществлением мероприятий, направленных на решение конкретных проблем [1, Rodrigue J.P., Comtois C., Slack B., с. 322–323]. Целью транспортной политики является принятие эффективных решений по распределению транспортных ресурсов, включая управление и регулирование существующей транспортной деятельности. Таким образом, транспортная политика может быть одновременно государственной и частной [Там же]. Тем не менее, правительства зачастую в большей степени вовлечены в процесс разработки политики, поскольку они либо владеют многими компонентами транспортной системы, либо управляют ими, а также обладают различными уровнями юрисдикции в отношении всех существующих видов транспорта. Правительства также часто осознают, что их роль заключается в управлении транспортными системами в силу того, что они предоставляют важнейшие государственные услуги в дополнение к введению нормативной базы [Там же].

Транспортные услуги и инфраструктура уже давно считаются ключевыми составляющими темпов и географической структуры экономического роста. Таким образом, транспортные инвестиции были направлены на предоставление основных услуг (в том числе населению, промышленности, торговле) и достижение государственной политики и политических целей [1, с. 322–329]. Ключевыми примерами этого были строительство Суэцкого и Панамского каналов. Такие соображения усугубили опасения по поводу экономии на масштабе, монополии и деструктивной конкуренции, заставив правительства искать пути контроля над основными объектами транспортной инфраструктуры и некоторыми ключевыми транспортными услугами [Там же]. В Соединённых Штатах традиция частной собственности привела к экономическому регулированию частных транспортных компаний. Во многих других странах национальные транспортные системы начинались с частных железных дорог и со временем трансформировались в государственные структуры как по политическим, так и по экономическим причинам [Там же]. Вариант разрешения частной собственности и обеспечения государственного регулирования был отвергнут большинством стран, так что только Соединённые Штаты и несколько других стран имели транспортные «отправные точки», которые включали регулируемые частные секторы промышленности. Большинство стран имеют давнее наследие государственных предприятий и прямую роль правительства в эксплуатации, инвестициях и владении транспортом [2, Oster C.V.,

Strong J., с. 19].

Во многих странах считалось, что каждый вид транспорта играет уникальную и чётко определённую роль в транспортной системе и что эти роли перекрываются очень мало, если вообще перекрываются [Там же]. Исходя из этого рассуждения, потенциальная конкуренция между видами транспорта считалась крайне ограниченной [Там же]. Каждый из них рассматривался отдельно, без учёта других видов транспорта, а также не уделялось особого внимания влиянию конкуренции поставщиков или потребителей на транспортные услуги [Там же]. Даже когда интермодальная конкуренция была очевидной, государственная политика имела тенденцию защищать отдельные виды транспорта. Попытки международных морских грузоотправителей предоставлять внутренние услуги часто встречали сопротивление, особенно в Японии, Китае и Корее [Там же]. Но, возможно, самым ярким примером было регулирование грузовых перевозок в Соединенных Штатах, которое стимулировалось дискриминацией железнодорожных тарифов и железнодорожными ценовыми войнами [Там же].

Во второй половине XX в. в транспортном секторе произошли приватизация и отмена государственного регулирования, и правительства столкнулись с различными обязанностями, требованиями и вызовами. Принято выделять пять ключевых задач для государственного сектора в новой транспортной политике [2, с. 24]:

- реструктуризация;
- управление концессиями;
- политика в области конкуренции;
- сохранение доступа;
- безопасность и экологический контроль.

В транспорте, как и в любой другой сфере государственной политики, всё можно оплатить одним из двух способов: взиманием платы или налогообложением. Ценность метода оценки транспортных инвестиций, основанного на методе анализа затрат и выгод, вытекает из обзора международной практики, который был представлен в различных исследованиях. Большинство развитых стран приняло метод анализа затрат и выгод в качестве средства предоставления лицам, принимающим решения, консультаций по поводу обоснования схемы рекомендаций и обоснований по проектам [3, Worsley T., Mackie P., с. 42]. Этот метод развивался в период 1960–1975 гг. [3, Worsley T., Mackie P., с. 3–4]. Между странами были отмечены различия в степени влияния распределительных и пространственных факторов, выходящих за рамки метода анализа затрат и выгод, на принятие решений, а также различия в распределении полномочий в странах с федеративным устройством. Однако сходство методов оценки в семи изученных странах значительно превосходило количество различий [3, Worsley T., Mackie P., с. 42].

Система оценки перестанет быть полезной, если она окостнеет и станет далёкой от интересов лиц, принимающих решения. Ниже мы обсудим, как реагировать на текущие вызовы, но сначала полезно изложить, как мы пришли к этим выводам и какую роль играет экономический анализ в политическом процессе [Там же]. Из различных исследований транспортной политики можно сделать вывод, что экономический анализ играл переменную, но относительно скромную роль в разработке политики. Часто политика представляется как «не подлежащая обсуждению» [Там же]. Она является частью предварительного обязательства, и лица, принимающие решения, могут отвергать альтернативные варианты политики как несовместимые с их целями [Там же]. В качестве примера можно привести политические цели госсекретаря Великобритании по вопросам транспорта Николаса Ридли, занимавшего пост с 1983 по 1986 гг., в отношении автобусной отрасли в 1984 г.: отмена государственного регулирования, приватизация и полная отмена субсидирования отрасли. Когда ему сказали, что он может реализовать первые две цели, но не третью, он согласился на это [3, с. 27]. Различные исследования, проведённые в Европе, показали, что существует «институционализированный» экономический и политический уклон в пользу государственных расходов на наземную транспортную инфраструктуру. Политика ЕС в области морских магистралей признала эти искажения, и были созданы механизмы, позволяющие судоходству развиваться дальше. Однако по-прежнему существует несоответствие, при котором транспортная политика по всей Европе допускает постоянное государственное финансирование дорожной и железнодорожной инфраструктуры, но не морской.

Эксперты в области политической науки утверждают, что система анализа затрат и выгод (ЦБА) слишком сильно посягает на свободу выбора демократически избранных политиков, чтобы делать выбор от имени общества [3, Worsley T., Mackie P., с. 15]. Попытка сложить яблоки и груши, говорят сторонники, является в значительной степени бесполезным упражнением, которое может как сбить с толку, так и привести к результату [3, Worsley T., Mackie P., с. 14–15].

Во второй половине XVIII и в начале XIX вв. многие транспортные маршруты были созданы по политическим причинам, таким как национальная доступность, создание рабочих мест или безопасность. Экономическая целесообразность начала играть более важную роль во второй половине XX в. Транспорт является важным фактором, влияющим на экономическую деятельность, но также и формируемым ею. Поэтому многие западные страны в 1970-х и 1980-х гг. начали принимать политические решения по транспортным проектам, включая приватизацию или совместную государственно-частную собственность, на основе анализа экономических затрат и выгод. Таким образом, мы можем сказать, что правительства играют решающую роль в транспорте как инициаторы инвестиций и регулирования. Нельзя отрицать политическую роль транспорта, поскольку правительства

субсидируют мобильность населения и грузов.

Стратегия развития СМП СССР

«Царское правительство имело самые мощные ледоколы в мире, построенные за границей, в Англии, но не смогло ими воспользоваться ... Советские рабочие в Арктике смогли с большим успехом использовать ледоколы в Северном Ледовитом океане» [4, Joffe S., с. 22].

Дореволюционный период России по развитию СМП

Всерьёз освоение Арктики началось ещё в царской России. Нансен и Амундсен стали национальными героями в своих странах в то время, когда в Европе проводились важнейшие исследования Арктики, поскольку их деятельность полностью соответствовала духу времени. Российские усилия по освоению Арктики были направлены на то, чтобы устраниć Северный морской путь из международной конкуренции, в основном со стороны североевропейских стран, хотя данные экспедиции ещё не имели чёткой доходной ценности [5, Kitagawa H., с. 12].

Царская Россия тоже посыпала ряд экспедиций для исследования СМП, но лишь ограниченное число из них было успешными [6, Зубков К.И., Карпов В.П., с. 46–55]. В период с 1876 по 1919 гг. в поисках морского пути по Карскому морю, который изучал и пропагандировал полярник А.Э. Норденшельд, было зарегистрировано 122 экспедиции. Одна из причин интереса к ним связана с богатством природных ресурсов региона [5, Kitagawa H., с. 12]. К сожалению, большинство этих рейсов были достаточно опасными, потому вероятность их успеха ожидаемо не была высокой [5, Kitagawa H., с. 12]. Например, в период с 1874 по 1901 гг. по Северному морскому пути в Обь-Енисейский бассейн было организовано 87 экспедиций, из них достигли своей цели только 60, ещё 22 не смогли дойти и вернулись в порт, а 5 потерпели кораблекрушение [5, Kitagawa H., с. 12]. К 1910 г. коммерческие рейсы по этому маршруту полностью прекратились. [5, Kitagawa H., с. 12].

Русско-японская война 1904–1905 гг. вынудила царское правительство серьёзно заняться проблемами Северного морского пути. Дипломатические и иные сложности, связанные с посылкой через три океана эскадры адмирала Рожественского, а затем и цусимская трагедия заставили власти задуматься о том, что существует более короткий и полностью проходящий по собственным водам путь к восточным владениям страны [7, Широкорад А.Б., с. 12]. Первым ледоколом для целей арктического плавания стал «Ермак», построенный в британском порту Ньюкасл под руководством русского адмирала С.О. Макарова, и 4 марта 1899 г. он привел его в Кронштадт [8, Белов М.И., с. 70]. Успешные

инициативы были связаны с тем, что Адмирал Макаров инициировал закупку ледоколов и открытие Новой Земли (плавания «Таймыра» и «Вайгача») в 1913 г. [6, Зубков К.И., Карпов В.П., с. 46–55]. Это вершина того, чего могла достигнуть царская Россия в изучении СМП, и само по себе не решало проблему регулярного арктического плавания [8, Белов М.И., с. 75–78]. Хотя было выдвинуто много инициатив, в этот период не было обнародовано Государственной транспортной политики по развитию Северного морского пути.

После Революции 1917 г.

После Октябрьской революции 1917 г. началось плановое освоение СМП, ставшее актуальной народнохозяйственной задачей [6, Зубков К.И., Карпов В.П., с. 56–57]. В 1921–1922 гг. белогвардейцы вывели за границу сотни русских кораблей [8, Белов М.И., с. 6]. Некоторые из этих судов были проданы, в том числе ледокол «Микула Селянинович» (5 250 т), который был продан Канаде [9, Широкорад А.Б., с. 4]. Другие ледоколы «Илья Муромец» (2 500 т) и «Волорец» (3 600 т) также были проданы и захвачены Финляндией соответственно. Были также похищены и захвачены другие более мелкие ледоколы водоизмещением 500–1 000 т [9, Широкорад А.Б., с. 4]. Несмотря на потерю нескольких ледоколов и торговых судов, советское руководство было решительно настроено на освоение Арктики и СМП [9, Широкорад А.Б., с. 6].

В.И. Ленин уделял большое внимание развитию арктического судоходства и научных исследований на Советском Севере [10, Булатов В.Н., с. 23]. Он инициировал перевозку продовольствия по СМП в 1920 г. из Сибири в центральные регионы России через Архангельск. Он также подписал указ от 10 марта 1921 г. о создании плавучего военно-морского научного института (Плавоморнин) [9, Широкорад А.Б., с. 5]. В 1920 г. был образован Комитет СМП по планированию Карских экспедиций [9, Широкорад А.Б., с. 5]. Карские экспедиции (осуществлялись с 1921 г.) и Колымские рейсы (с 1923 г.) подготовили почву для открытия навигации по всему маршруту СМП [9, Широкорад А.Б., с. 6]. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. территорией Союза ССР объявляются «все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к моменту опубликования настоящего постановления признанной правительством Союза ССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане, к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса в пределах между меридианами тридцать два градуса четыре минуты тридцать пять секунд восточной долготы ($32^{\circ}4'5''$ E) от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак на мысу Кекурском, и меридианом сто шестьдесят восемь градусов сорок девять минут тридцать секунд западной долготы ($168^{\circ}49'30''$ W) от Гринвича, проходящим по середине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомида в

Беринговом проливе»¹.

Главсевморпуть

В декабре 1932 г. была создана государственная организация «Главное Управление Северного морского пути» (сокращенно — Главсевморпуть), целью которой являлось обеспечение судоходства по СМП и народно-хозяйственное освоение Арктики, основные обязанности которой — «окончательно проложить Северный морской путь от Белого до Берингова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить плавание по этому пути» [11, Тимошенко А.И., с. 3]. Первоначально во главе Главсевморпути был поставлен О.Ю. Шмидт, руководитель Сибиряковской исследовательской группы [5, Kitagawa H., с. 12]. В 1934 г. советское правительство объявило о своих планах строительства ледоколов в Советском Союзе, которые до этого момента строились только за пределами страны [12, Lloyd, T., с. 108]. Оглядываясь назад, можно сказать, что решение о строительстве пароходов ледоколов было спорным, хотя в то время оно казалось логичным, учитывая нехватку нефти и наличие угля на севере [12, Lloyd, T., с. 108]. Согласно статье западного эксперта по СМП, в 1937–1938 гг. произошёл кризис, который вынудил 26 судов, в том числе 7 из 8 ледоколов, оставаться в море зимой. Это привело к резкому сокращению полномочий Главсевморпути [13, Amstrong T.E., с. 136–138]. В 1939 г. главой организации был назначен выдающийся деятель арктической навигации Иван Папанин [13, Amstrong T.E., с. 145]. Под его руководством помимо проведения геологоразведочных работ были открыты несколько новых портов, построены четыре ледокола класса «Сталин», увеличен торговый флот.

К сожалению, в пик развития СМП разразилась Вторая Мировая война, и СМП стал применяться не только для народнохозяйственных целей, но и для военных [11, Тимошенко А.И., с. 12]. В годы Великой Отечественной войны СМП, по сравнению с мирным временем, стал более востребованным. Это доказало эффективность транспортной политики советского правительства [11, Тимошенко А.И., с. 12]. Например, в 1942 г. первому советскому военно-морскому флоту при поддержке ледокола удалось пройти от Владивостока до Полярного [11, Тимошенко А.И., с. 12], военные вспомогательные материалы были доставлены из США через Берингов пролив к северному побережью Сибири [8, Белов М.И., с. 195–197].

¹ СССР. Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане. Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 15 апреля 1926 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901761796> (дата обращения: 05.02.2022).

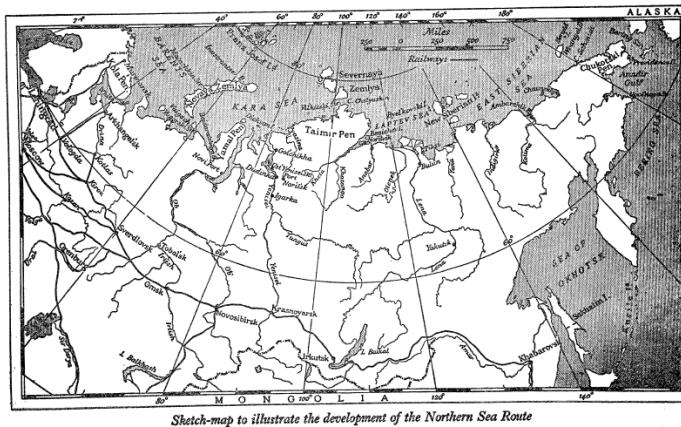

Рис. 1. Эскиз карты для иллюстрации развития СМП [12, Lloyd T., с. 100].

После Второй мировой войны

После окончания Второй мировой войны Советское руководство из соображений оборонной стратегии стало уделять ещё больше внимания СМП. В 1959 г. была запущена ядерная силовая установка на ледоколе «Ленин», что послужило открытием нового этапа в освоении Арктики и СМП. СССР — первое государство в мире, применившее вышеуказанные технологии в Арктике, что позволило закрепить лидерские позиции в регионе [14, Фомичев А.А., с. 123].

В 50–60-х гг. началась крупная реорганизация Главного управления Северного морского пути [10, с. 120]. В марте 1953 г. был принят закон об объединении Министерства морского флота СССР, Министерства речного флота СССР и Главного управления Северного морского пути в единое Министерство морского и речного флота СССР [10, Булатов В.Н., с. 120]. В 1963 г. из системы Главсевморпути были выделены: полярная авиация, вошедшая в подчинение Главного управления гражданской авиации, Арктический научно-исследовательский институт, полярные станции и обсерватории (которые перешли под контроль Главного управления гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР). Ещё ранее в ведение общесоюзных министерств были переданы различные хозяйствственные предприятия Главсевморпути. К 1969 г. основные функции управления СМП полностью выполняло Министерство морского флота СССР [10, Булатов В.Н., с. 120].

Международно-правовой режим и Севморпути

Вопреки распространенному мнению, Канада была первой арктической страной, которая регулировала судоходство в своих арктических водах [15, Bankes N.D., с. 286]. В 1970 г. Канада приняла меры по строгому регулированию всего судоходства в канадских арктических водах в целях защиты окружающей среды [15, Bankes N.D., с. 286]. В отличие от Канадской Арктики, где присутствие человека было минимальным, Советская Арктика на протяжении нескольких десятилетий являлась объектом широкомасштабного, устойчивого и

планомерного освоения силами государства. Советские претензии на «все земли и острова» в пределах определенных географических координат (исключая Шпицберген), так называемая «секторная теория», основаны на декрете от 15 апреля 1926 г. [10, Булатов В.Н., с. 1], который в свою очередь был скопирован с аналогичного Канадского акта 1925 г. [16, Vylegzhinan V., Bunik I., Torkunova E., Kienko E., с. 289]. Однако воды в этом секторе за пределами двенадцатимильного территориального моря в советской государственной практике считаются открытыми морями и открытыми, насколько позволяют ледовые условия, для иностранного судоходства [17, Butler W.E., с. 462–463]. Общепринятые нормы секторального метода не предусматривали никаких суверенных прав для стран за пределами Исключительных экономических зон. В то время ни одна страна не оспаривала права, принятые Канадой и Россией [16, Vylegzhinan V., Bunik I., Torkunova E., Kienko E., с. 289]. Проход через советские территориальные воды в Арктике регулировался преобладающими нормами международного права и законами или постановлениями Советского правительства, применимыми к территориальным водам в целом [17, Butler W.E., с. 462–463]. Это было так, несмотря на различные юридические теории, выдвинутые в советских юридических СМИ о суверенитете над льдами, закрытыми морями или историческими морями [17, Butler W.E., с. 462–466].

В сентябре 1971 г. советское правительство предприняло первую из серии мер, направленных на предотвращение загрязнения окружающей среды в регионе [17, Butler W.E., с. 462–463]. Администрации СМП были предоставлены дополнительные полномочия по предотвращению и ликвидации последствий загрязнения на побережье СМП [17, Butler W.E., с. 462–463]. В 1972 г. произошла ещё одна организационная перемена в управлении СМП. Администрация СМП при Министерстве морского флота СССР было создано в целях обеспечения безопасности арктического судоходства, а также принятия мер по предупреждению и ликвидации последствий загрязнения морской среды и северного побережья СССР². Администрации СМП были предоставлены широкие полномочия по разработке и осуществлению требований по борьбе с загрязнением окружающей среды (включая минимальные технические стандарты для судов, намеревающихся плавать по Северному морскому пути); с правом направлять инспекторов на суда для определения того, соблюдаются ли эти стандарты, приостанавливать судоходство в районах, где загрязнение может быть проблемой, и накладывать штрафы за нарушения [17, Butler W.E., с. 462–463]. Администрация не формулировала и не применяла правила против загрязнения таким образом, чтобы они дискриминировали иностранные суда [17, Butler W.E., с. 463]. Однако не было предпринято никаких усилий для того, чтобы сделать Северный морской путь

² USSR Statute. Administration of the Northern Sea Route attached to the Ministry of the Maritime Marine Fleet. International Legal Materials, 1972, vol. 11, no. 3, pp. 645–646. URL: <https://www.jstor.org/stable/i20690906> (дата обращения: 05.02.2022).

коммерчески привлекательной альтернативой для международного судоходства Атлантического и Тихого океанов при одновременной защите окружающей среды [17, Butler W.E., с. 463]. Западный аналитик Армстронг писал, что было приглашение иностранным грузоотправителям использовать Северный морской путь в 1967 г. [18, Amstrong T.E., с. 123–124]. Это отмечает и российский исследователь [19, Gudev P.A., с. 133]. Однако ни один иностранный грузоотправитель не воспользовался этим предложением. По мнению этого западного аналитика, вполне возможно, что это предложение было молчаливо отозвано после арабо-израильской войны 1967 г. [18, Amstrong T.E., с. 123–124]. Когда Соединённые Штаты направили ледоколы в пролив Вилькицкого в 1965 г. («Северный ветер») и 1967 г. «Эдисто» и «Иствинд», Советский Союз не разрешил судам осуществить проход, мотивируя свой отказ требованием, предусмотренным федеральным законодательством, чтобы военные корабли запрашивали предварительное разрешение [16, Vylegzhannin A., Bunik I., Torkunova E., Kienko E., с. 289; 20, Franckx E., с. 270–275]. Во время третьей конференции ООН по морскому праву (1973–1982) беспрепятственный проход был предоставлен как торговым, так и военным судам [20, Franckx E. с. 270–275]. Однако между Советским Союзом и США существовали разногласия относительно того, что представляет собой мирный проход, но они согласились, что разногласия будут разрешены дипломатическим путём в соответствии с совместным заявлением в 1989 г.³ В этом совместном заявлении не упоминается СМП, который оспаривался двумя сторонами в 1960-х г. По мнению российских исследователей, Арктика не была в центре внимания Конвенции ООН по морскому праву, несмотря на введение статьи 234, предоставляющей особые права прибрежным государствам Арктики [19, Gudev P.A., с. 132–133, 21, Vylegzhannin A.N., с. 27–29].

1970-е и 1980-е гг.

Северный морской путь являлся главной национальной коммуникацией СССР в Арктике, и одной из основных целей было обеспечение безопасности арктического мореплавания. В декабре 1970 г. при Министерстве морского флота СССР была создана администрация СМП, главными задачами которой стали обеспечение безопасности арктического мореплавания и осуществление государственного надзора за рациональным использованием Северного морского пути как главной национальной коммуникации СССР в Арктике [10, Булатов В.Н., с. 120]. В задачу администрации входила также организация арктического судоходства на всех аспектах [10, Булатов В.Н., с. 120]. В последующие годы Советский Союз выделял крупные средства на судоходство по СМП. В декабре 1972 г. — январе 1973 г. грузовой ледокол «Индигирка» впервые прошёл путь по СМП от Мурманска до Дудинки всего за 12 дней [5, Kitagawa H., с. 12]. С 24 февраля по 5 марта 1976 г. проходил

³USSR-USA. Joint statement with attached uniform interpretation of rules of international law governing innocent passage. 23 сентября 1989. URL: <https://www.jstor.org/stable/20693384> (дата обращения: 05.02.2022).

XXV съезд КПСС [10, Булатов В.Н., с. 116]. В новом пятилетнем плане перед моряками, речниками и полярниками была поставлена ответственная задача: «Осуществить меры по продлению навигации по СМП и в замерзающих портах» [10, Булатов В.Н., с. 116]. Начиная с 1978 г. морской грузовой маршрут между Дудинкой и Мурманском был расширен [5, Kitagawa H., с. 12]. Достижения в развитии Северного морского пути были поистине впечатляющими, и в западном секторе Арктики навигационный сезон был продлён до полных двенадцати месяцев [22, Barr W., Wilson E., с. 1]. Плавать по СМП круглый год не казалось мечтой. Прогресс в этом направлении был всесторонне обобщён и проанализирован Т.Э. Армстронгом (британским полярным географом, специалистом по морскому льду) в 1952 и 1980 гг. [23, Barr W., Wilson E., с. 1].

К 1983 г. для работы в арктических водах Советский Союз накопил очень большой флот ледоколов и грузовых судов с ледовым усилением [22, Barr W., Wilson E., с. 1]. В его составе было более 14 полярных ледоколов, из них три — атомные. [22, Barr W., Wilson E., с. 1]. С этим мощным флотом кораблей и сложной системой обеспечения, включающей метеостанции, самолёты ледовой разведки и спутники, оказалось, что круглогодичное плавание по всему Северному морскому пути является реальным и достижимым. В летне-осеннюю навигацию 1983 г. в восточном районе Арктики сложилась крайне тяжёлая ледовая обстановка [10, Булатов В.Н., с. 121]. Арктические льды всё ещё могли серьёзно нарушить судоходство: поступали сообщения об очень суровых ледовых условиях в проливе Лонга, между островом Врангеля и материком (рис. 2), о большом количестве судов, застрявших во льдах, о раздавленном и потопленном корабле [23, Barr W., Wilson E., с. 1]. Эта тема широко освещалась в советской прессе, трактовалась как мастерство, героизм и преданность долгу моряков и учёных, однако также были и статьи, в которых выдвигались обвинения [23, Barr W., Wilson E., с. 1–2].

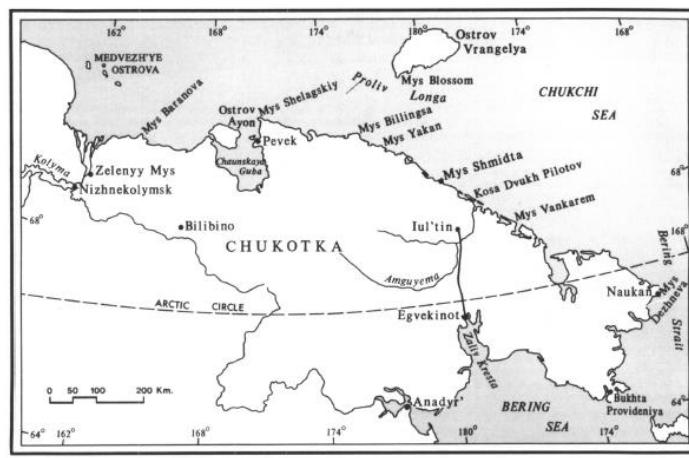

Рис. 2. Основные места Чукотки, связанные с кризисом советского арктического судоходства 1983 г. [22, Barr W., Wilson E., с. 1].

Посмертный кризис советского арктического судоходства 1983 г.

В своей итоговой оценке Толстиков, заместитель председателя Государственного комитета по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, сделал очень красноречивый вывод, что посыпать старые, менее мощные грузовые суда в тяжёлые льды за кормой даже самого мощного ледокола было бы катастрофой [22, Barr W., Wilson E., с. 11]. Некоторые аналитики комментировали разделение полномочий между различными министерствами, предлагали вновь создать единую организацию, как «Главсевморпуть», который был упразднён в 60-е гг. Обсуждался также вопрос о ежегодной ледовой разведке и возможном дополнении её спутниковыми снимками. Все аналитики сходились во мнении, что большая часть вины лежит на грузоотправителях. Чрезмерное количество времени тратилось впустую на обработку грузов, и была чрезмерная порча, когда груз находился на открытом воздухе в Арктике [23, Barr W., Wilson E., с. 1–2].

В 1976 г. правительством заявлена долгосрочная цель Министерства морского флота по продлению навигации всего Северного морского пути [10, Булатов В.Н., с. 116], хотя эта цель, как ожидается, будет достигнута не ранее 1990 г., что это потребует времени, денег и применения новых технологий [22, Barr W., Wilson E., с. 11–12]. Введение в строй более мощных атомных ледоколов позволило увеличить период навигации, а также сократить расстояния между портами за счёт возможности использования маршрутов, расположенных на более высоких широтах [23, Selin V.S., Istomin A.V., с. 11–12].

В 1987 г. в выступлении М.С. Горбачёва на торжественном собрании, посвящённом вручению городу Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», впервые прозвучали слова о том, что Северный полюс должен стать Полюсом мира и дружбы [10, Булатов В.Н., с. 137]. «Полярный мост» через Северный полюс между СССР и Канадой проложила первая в истории советско-канадская Трансарктическая лыжная экспедиция [10, Булатов В.Н., с. 137]. В 1987 г. начал действовать первый отечественный нефтепромысел в Северном Ледовитом океане [10, Булатов В.Н., с. 137]. 15 августа 1987 г. танкер «Нефтерудовоз-56» взял курс от острова Колгуев на Кандалакшу. На его борту находилось 2 700 т арктической нефти [10, Булатов В.Н., с. 137].

В 1988 г. для активизации и координации научной и хозяйственной деятельности в Советской Арктике была образована Государственная комиссия по делам Арктики при Совете Министров СССР [10, Булатов В.Н., с. 137]. Почти шестьдесят лет минуло со дня организации Главсевморпути, за это время судоходство в Арктике прошло несколько этапов, в перспективе новый — самый сложный и самый нужный — обеспечение круглогодичной навигации во всех арктических морях [10, Булатов В.Н., с. 137]. 70–80-е гг. также были сосредоточены на количественных экономических показателях, а не на качестве и диверсификации, что привело к окончательному запустению в 1990-е гг. городов на СМП, таких как Игарка [24, Замятин Н.Ю., с. 789]. Исследования показывают, что ни один из

партийных съездов не ставил задачи сделать СМП экономически самодостаточным [10, Булатов В.Н., с. 116–156]. Транспортная политика СССР оставалась изолированной от изменений в транспортной политике на Западе.

1990-е гг.

Стратегическое планирование и практика государственного управления в отношении территорий Крайнего Севера в Российской Федерации претерпели значительные изменения в 90-е гг. ХХ в. Сторонники экономико-технократического подхода, превалирующего в эти годы, апеллировали к необходимости снижения издержек по поддержанию инфраструктуры в суровых климатических условиях, призывали к «оптимизации расходов» и увеличению «эффективности затрачиваемых государством и компаниями средств» [25, Паникар М.М., Шапаров А.Е., с. 33–44]. Политика правительства диктовалась западными странами и Всемирным банком [26, Мельникова, Л.В., с. 34–47]. Политическое руководство приняло их без серьёзного учёта социально-экономических последствий для Арктики [26, Мельникова, Л.В., с. 34–47]. Это привело к деградации инфраструктуры СМП, и исследования Арктики зашли в тупик. Его можно считать потерянным десятилетием для СМП [24, Замятин Н.Ю., с. 789]. Однако, в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации», принятом в 1998 г., СМП признан историческим национальным транспортным маршрутом России в Арктике⁴.

Изменение объёма отгрузки

Таблица 1

Динамика и направления грузоперевозок СМП 1945–1995 гг. (ед.: 1 000 м)⁵

	1945	1960	1970	1980	1987	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Поставки в Арктику из других регионов СССР, всего	71.4	349.1	1563.0	2279.9	2943.6	2490.4	2261.6	1806.9	1413.6	795.3	829.3
Из которых: с Запада	63.9	188.1	932.0	1418.9	1808.1	1355.1	1193.8	974.4	768.9	573.5	576.8
Из которых: с Востока	7.5	161.0	631.0	861.0	1135.5	1135.3	1067.8	834.5	644.7	221.8	252.5
Поставки из Арктики в другие регионы СССР, всего	116.2	113.4	392.7	1292.3	1684.7	1556.0	1450.7	1272.2	728.5	710.3	766.0
Внутри Арк-	85.4	88.0	340.7	398.6	358.6	136.2	170.0	169.7	95.3	18.3	10.8

⁴РФ. О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации от 31 июля 1998 года N 155-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19643/ (дата обращения: 05.02.2022).

⁵ Источник: [5, Kitagawa H., с. 90].

тической прибрежной пересылкой											
Внешние комерче- ские постав- ки	171.1	412.0	683.6	980.6	1590.7	1212.8	745.5	456.1	520.3	636.0	655.5
Из которых: экспорт	51.3	412.0	616.9	888.1	1080.9	1201.0	743.6	450.8	517.3	578.9	606.0
Из которых: импорт	119.8	0	66.7	92.5	509.8	11.8	1.9	5.3	3.0	57.1	49.5
Транзит	0	0	0.1	0	1.0	115.1	176.2	202.3	208.6	140.2	100.2
Всего	441.1	962.5	2980.1	4951.4	6578.6	5510.5	4804.0	3909.2	2966.3	2300.1	2361.8

Судоходство по СМП достигло своего самого высокого объёма в истории в 1987 г. — 6,58 млн метрических т [5, Kitagawa H., с. 90]. С этого времени судоходство по СМП сокращалось (табл. 1). За исключением небольшого подъёма в 1995 г., по сравнению с предыдущим годом [5, Kitagawa H., с. 90], этот спад не прерывается до 2000 г. (1,60 млн метрических т) [27, Goldin V.I. с. 35]. Объём достиг 2,36 млн метрических т в 1995 г., затем упал до 1,64 млн метрических т в 1996 г., что составляет менее четверти объёма на пике СМП 1987 г. [5, Kitagawa H., с. 90]. Основной причиной роста объёмов в конце 1980-х гг. стало освоение природных ресурсов. На Западе СМП увеличение объёмов внутреннего судоходства поддерживалось за счёт добычи нефти и газа, а также меди, никеля и дефицитных металлов в Норильске [5, Kitagawa H., с. 90]. На восток из Чукотки и Якутии отгружались дефицитные и другие цветные металлы, в том числе золото, но их объём был значительно ниже, чем на Западе [5, Kitagawa H., с. 90]. Внедрение атомных ледоколов привело к расширению судоходства по СМП, но и сделало его экономически выгодным только для более дорогих грузов, таких как нефть и никель [24, Замятин Н.Ю., 793–794]. Был введён налог на содержание ледоколов и навигационных сооружений вдоль СМП⁶. Это также привело к упадку портов на СМП, не связанных с дорогами грузами [24, Замятин Н.Ю., с. 789]. Менее дорогие грузы, такие как древесина, больше не могли перевозиться по СМП [24, Замятин Н.Ю., с. 793–794].

В табл. 2 представлено разделение статей импорта и экспорта. Экспорт никеля и других металлов из Норильска начался в 1968 г. и достиг 2,5 млн метрических т, составив 40% от общего объёма поставок [5, Kitagawa H., с. 90]. В 1976 г. на полуострове Ямал начали разрабатывать газовые месторождения, и к 1988 г. было добыто в общей сложности 102 тыс. метрических т [5, Kitagawa H., с. 90]. В связи с этим проектом из Японии было экспортировано оборудование для строительства трубопроводов. Лес из Сибири, добываемый главным образом в районе Игарки, в 1980-х гг. имел тенденцию к росту в районе 700–750 тыс. т [5,

⁶СССР. Тарифы на перевозки грузов морским транспортом в каботажном плавании. Утвержден Постановлением Госкомцентра СССР от 27 марта 1989 г. № 274. Москва: Госкомцен СССР, 1989. URL: <https://docs.cntd.ru/document/568906074> (дата обращения: 05.02.2022).

Kitagawa H., с. 90]. Этот экспорт достиг своего пика в 1990 г. на уровне 1,2 млн метрических т, затем значительно снизился в 1991 и 1992 гг., а затем снова вырос в 1993 г. [5, Kitagawa H., с. 91]. В табл. 2 представлено разделение статей импорта и экспорта в 1990–1995 гг. [5, Kitagawa H., с. 91].

Таблица 2
Экспорт и импорт грузов по СМП 1990–1995 гг. (ед.: 1 000 т)⁷

	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Экспорт, всего	1201.8	743.6	450.8	517.3	578.9	606.0
Который:						
Лес из Игарки	711.3	448.2	247.2	296.5	297.6	272.7
Лес из Тикси	147.6	47.6	67.2	95.9	42.4	19.6
Цветные металлы из Дудинки	164.1	90.7	80.3	116.7	222.8	302.4
Никель матовый из Дудинки	29.3	17.1	13.7	6.0	2.6	-
Сера из Дудинки	106.6	15.1	-	-	-	-
Уголь из Якутии	25.9	108.7	39.0	-	-	-
Конденсат с Енисея и Ямала	-	-	-	-	13.5	11.3
Импорт, всего	11.8	1.9	5.3	3.0	57.1	49.5
Который:						
Уголь на Новую Землю из Польши	8.9	-	-	-	-	-
Стальные трубы в Обской губе	-	-	-	3.0	1.3	-
Стальные трубы в Дудинку	2.9	-	0.1	-	30.5	20.4
Стальные трубы в Певек	-	-	-	-	30.5	20.4
Стальные трубы в Мыс Шmidta	-	-	-	-	14.4	19.5

Обсуждение

Освоение Северного морского пути советским правительством после распада СССР до 2000 г.

Советское правительство считало необходимым освоение СМП для развития экономики страны и укрепления военно-политического положения государства [28, Тимошенко А.И., с. 23]. Ресурсы, разбросанные по огромной территории, и постоянные споры соседних стран и идеологий создавали условия неустойчивого динамичного роста [28, Тимошенко А.И., с. 20].

В течение первой пятилетки (FYP) были построены железнодорожные линии для получения доступа к природным ресурсам и создания внутреннего производства [28, Тимошенко А.И., с. 23]. План второй пятилетки призывал к резкому сокращению

⁷ Источник: [5, Kitagawa H., с. 91].

капиталовложений, более важными были планы коллективизации [28, Тимошенко А.И., с. 20]. Но Советское правительство предоставило Главному управлению Северного морского пути необходимые средства для практического освоения великой морской полярной магистрали. В результате исключительно большого масштаба работ, выполненных по плану, который был начертан правительством, задача установления торгового мореплавания по Северному морскому пути была в основном разрешена в течение семи — восьми лет [29, Визе В. с. 106].

Однако СМП не имел такого же приоритета, как другие виды транспорта, из-за меняющегося геополитического климата перед Второй мировой войной [11, Тимошенко А.И., с. 7–12]. Но одной из важных вещей, которые сделало Советское правительство, было обеспечение более высокой заработной платы, чтобы привлечь трудовые ресурсы для развития не только Арктического региона, но и СМП [11, Тимошенко А.И., с. 7–12]. Адекватный приоритет был отдан и созданию социальной инфраструктуры. Это продолжалось на протяжении всего советского периода [11, Тимошенко А.И., с. 7–12].

По мнению западного аналитика Т. Ллойда, северный маршрут осваивался правительством СССР по практическим соображениям [12, Lyoyd T., с. 98–99]:

- весь маршрут лежит в пределах контролируемых Советским Союзом вод, хорошо защищённых от врагов в военное время и охраняемых от посторонних глаз в мирное время [12];
- природные ресурсы Северной Азии могут быть освоены с помощью длинных рек, текущих на север, и собраны в портах, построенных в их устьях [Там же];
- сам маршрут, а также морские порты, полярные станции и навигационные средства обеспечивают базу для исследования и оккупации Крайнего Севера, что необходимо для сохранения суверенитета [Там же];
- маршрут обеспечивает связь с коренными жителями северного побережья и увеличивает степень их участия в советской жизни [Там же].

Согласно дискуссии западных экспертов в 1954 г., советское руководство поняло, что приоритетными должны быть:

- улучшенные метеорологические сводки;
- ледовые сводки и т. д.;
- улучшенные карты и направления плавания;
- решение проблем транспорта, снабжения и связи между их различными аванпостами.

Данные эксперты считали, что Западу есть чему поучиться у Советского Союза [30, Cornwall J.M., с. 146–148]. Они также отметили, что после 1947 г. в отношении информации о

СМП было многое секретности, что, вероятно, указывало на то, что её военное использование стало более важным, чем экономические аспекты [30, Cornwall J.M., с. 146–148].

В 1960-е и 1970-е гг. советские капитальные инвестиции, по-видимому, больше выделялись на морские и речные перевозки [31, Вej Е., с. 29]. При Советской политике «самодостаточности» и централизованного планирования меньше внимания уделялось развитию транспорта во всех сферах на рациональной основе, кроме обслуживания нужд тяжелой промышленности или добычи природных ресурсов. К примеру, с 1913 г. по 1956 г. капиталовложения в тяжелую промышленность выросли в 32,6 раза, а в транспорт — только в 8,2 раза, а капитальные затраты на транспорт снизились с 23% до 10% (в 1928 и 1955 гг. соответственно) [31, Вej Е., с. 30]. Академик Хачатуров утверждал, что такая политика является нормальной чертой всех социалистических стран, однако для обеспечения эффективной работы в будущем необходимо будет остановить эту тенденцию к снижению и больше заботиться о создании сильного транспортного резерва [31, Вej Е., с. 22]. Доля транспорта в национальном доходе (НМП) составляет около 7%, в валовом внутреннем продукте (ВВП) — только 4% [31, Вej Е., с. 23]. Несмотря на свою рентабельность, доля транспорта слишком низка и могла бы быть увеличена за счёт более рационального распределения ресурсов и / или производительности факторов производства. [31, Вej Е., с. 23]. Однако для эффективной экономической деятельности необходима сильная и надёжная транспортная система, основанная на самообеспечении.

Во времена СССР был достигнут значительный прогресс в развитии Северного морского пути [8, Белов М.И.; 9, Широкорад А.Б.; 10, Булатов В.Н.]. Однако не все российские аналитики согласны с этим мнением [6, Зубков К.И., Карпов В.П., с. 8–17]. Некоторые говорят, что советская власть получила больше, чем вернула регионам, и это плохо сказалось на окружающей среде [6, Зубков К.И., Карпов В.П., с. 313–323]. Кроме того, есть критики советской экономической политики, которая была основана на максимальном производстве при минимальных затратах [6, Зубков К.И., Карпов В.П., с. 322]. Но нельзя отрицать, что всё, что было получено государством, было распределено между всеми гражданами в виде социальных льгот, таких как бесплатное жильё, образование, здравоохранение и сильно субсидированные цены на продукты питания. Такого рода система не имела себе равных в мире. Ни одна фирма не приносила прибыли в пользу нескольких привилегированных людей.

Вся история советского периода освоения Арктики, которая была тесно связана с организацией мореплавания по Северному морскому пути, была в то же время историей создания очень дорогостоящей инфраструктуры [32, Могилевкин И.М., с. 202–203]. Результаты были достигнуты впечатляющие. Однако нельзя не признать, что эта колossalная работа с экономической точки зрения была проведена «авансом» в расчёте на будущее, т. е., по сути, преждевременно [32, Могилевкин И.М., с. 202–203]. Только сейчас

наступает эпоха, когда эти вложения капиталов и человеческого труда начинают коммерчески (в чисто рыночном смысле) себя окупать в связи с тем, что появилась техническая возможность добычи нефти и газа на Крайнем Севере в условиях, когда уровень цен на нефть и газ на мировых рынках поднялся настолько, что оправдывает добывчу энергоносителей в Арктике [32, Могилевкин И.М., с. 202–203].

Однако, за исключением нескольких законов, принятых в 1926 и 1971 гг. в отношении Арктики, а также создания Главсевморпути и последующей его реорганизации через регулярные промежутки времени в 1938, 1953, 1957, 1969 и 1970 гг., в этот период не было обнародовано никакой государственной транспортной политики, связанной с развитием Северного морского пути. Задачи, подлежащие выполнению, периодически оглашались партийным съездом, однако эти задачи не заменяют Государственной транспортной политики. Малое количество исследователей рассматривало исторический или организационный аспекты развития СМП, но до 1990 г. (до распада СССР) не было работ по экономической оценке или анализу затрат и выгод СМП, по сравнению транспортной политики с западными странами.

В 90-е гг. в стратегическом планировании и государственном управлении в отношении территорий крайнего севера применялся экономико-технократический подход [25, Паникар М.М., Шапаров А.Е., с. 35]. Его сторонники подчёркивали необходимость снижения издержек и оптимизации расходов по содержанию инфраструктуры в суровых климатических условиях, за счёт чего будет увеличиваться эффективность затрачиваемых государством и компаниями средств [26, Мельникова Л.В., с. 34–35]. Однако эта политика не учитывала, что субсидии получают и другие арктические государства, такие как Канада⁸. Соединённые Штаты, сторонники свободной рыночной экономики, тоже проводят политику защиты своего торгового судоходства⁹.

Заключение

Арктика — зона стратегических интересов России. Это обусловлено, во-первых, историческим прошлым страны и, в частности, её большим вкладом в изучение и освоение региона, во-вторых, масштабами присутствия Российской Федерации в высоких широтах (самая большая доля населения, самая большая территория и самый мощный индустриальный комплекс в мировой Арктике), в-третьих, удельным весом арктической экономики в общем балансе страны и её перспективами, в-четвёртых, огромным

⁸Touchette Y., Gass, P., Echeverría D. Costing Energy and Fossil fuel subsidies in Nunavut: A Mapping Exercise. International Institute for Sustainable Development. 12 апреля 2017 г. URL: <https://www.iisd.org/publications/costing-energy-and-fossil-fuel-subsidies-nunavut-mapping-exercise> (дата обращения: 06.02.2022).

⁹United States Department of Transportation. Cargo Preference FAQs. Maritime Transportation. 2020. URL: <https://www.maritime.dot.gov/ports/cargo-preference/frequently-asked-questions-faqs-cargo-preference> (дата обращения: 06.02.2022).

потенциалом арктической минерально-сырьевой базы, в-пятых, самой протяжённой границей в Арктике (почти 60% мирового арктического побережья).

Одним из самых интересных и, пожалуй, самых зрелищных событий в советской Арктике стало развитие грузового морского пути по СМП, о котором мечтали и пытались мечтать многие моряки и раньше. Транспортная система Советского Союза была обусловлена суровым климатом и экономической географией, в которой природные ресурсы располагались на больших расстояниях от рынков сбыта. Государственная политика в отношении тяжёлой промышленности и экономического развития укрепила географию этих ресурсов и создала транспортную систему с очень высокой интенсивностью перевозок на единицу ВВП. В рамках видов транспорта железная дорога была доминирующей, отчасти из-за условий эксплуатации, но также из-за выбора промышленной политики и акцента на удельных затратах, а не на качестве или ценности услуг. СМП продвигался в первую очередь для содействия развитию Арктического региона и по военным соображениям. Были отмечены невероятные достижения, такие как освоение арктического региона; богатая база знаний СМП и перевозки грузов неуклонно пополнялась. Не следует забывать о важных элементах героических советских усилий по развитию СМП. Руководители СССР не забывали о растущей роли Арктики в мировой geopolитике. Но цены и тарифы поддерживались на искусственно заниженном уровне, чему способствовали цены на энергоносители, которые были значительно ниже мировых. Это означало, например, что транспортные инновации, вызванные энергетическими кризисами 1970-х и 1980-х гг. и связанными с ними экологическими проблемами, в значительной степени обошли советскую экономику стороной.

Но, пожалуй, самым важным наследием советской системы была экономическая организация, характеризовавшаяся крупными государственными монополями, контролируемыми ценами и административными директивами. Эта структура создавала транспортную систему с низкими темпами технологических инноваций и искусственным государственным дефицитом, обусловленным ориентацией правительства только на тяжёлую промышленность, космос и оборону, а также субсидированием экономик других стран, считавшихся дружественными советским интересам, путём предоставления кредитов по сильно сниженным ставкам. Длительная изоляция от международной рыночной экономики, обширные энергетические субсидии и отсутствие экологических проблем также означали, что транспортные инновации в других странах были просто «пропущены» в Советском Союзе. Это неравенство, конечно, создало как серьёзные проблемы, так и возможности для модернизации и интеграции экономики в глобальные транспортные системы.

Стагнация 1980-х гг., перестройка экономики с 1985 г. без надлежащего планирования и отсутствия политического контроля, распад СССР, резкое ослабление государственности,

ломка прежних экономических отношений поставили под угрозу само функционирование Севморпути. Происходила быстрая деградация СМП и всей его инфраструктуры, шёл отток работавших здесь людей. В результате его использование в 1990-е и первое десятилетие XXI в. резко сократилось. Инфраструктура не была модернизирована. По мнению автора, это препятствовало достижению круглогодичной навигации по СМП. С учётом прежней плановой структуры экономики требовалась масштабная транспортная реформа, которая в СССР и Российской Федерации в XX в. продвигалась медленно. Транспорт, особенно Северный морской путь, давно субсидируемый и недооценённый в советской экономике, должен использоваться рационально. Необходима надёжная система для оценки пригодности любого нового транспортного маршрута, подготовленная независимым департаментом правительства. Это будет способствовать адекватности проверок и рациональности государственных расходов. Предполагается, что это также будет способствовать принятию корректирующих мер в отношении Государственной транспортной политики и планов, если это будет сочтено необходимым. Самодостаточная транспортная система Северного морского пути с учётом особенностей климата, социально-экономических факторов и стратегически-политических особенностей могла бы способствовать развитию экономики и выдержать испытание временем. Поскольку транспорт имеет исторические, социальные, политические, экономические и экологические связи, транспортная политика должна учитывать междисциплинарные аспекты.

Выводы, сделанные на основании анализа государственной транспортной политики для СМП в XX в., могут быть применены для улучшения нынешней политики. Так, например, видится целесообразным создание надёжной системы, предпочтительно с использованием Национальной системы транспортного моделирования, изучающей методы, используемые в разных странах, как в Западной, так и в Северо-Восточной Азии, для оценки пригодности СМП, особенно в отношении амбициозных целей в 80 млн т и 110 млн т, которые должны быть достигнуты к 2024 и 2030 гг. соответственно. С учётом текущих тенденций, видится важным и необходимым более углублённое вовлечение Комитета по транспорту в изучение национальной транспортной модели и независимого отчёта об оценке, прежде чем они будут преобразованы в план действий правительства. Это поможет созданию надлежащих сдержек точек контроля и противовесов, предшествующих установлению подобных амбициозных целей государственных расходов. Несмотря на то, что план был составлен в 2019 г., есть основания полагать, что его надёжность и экономическая эффективность должны быть подвергнуты независимой оценке.

Список источников

1. Rodrigue J.P., Comtois C., Slack B. The geography of transport systems. Tokyo: Routledge, 2020. 456 p.
DOI:10.5860/choice.44-1075

2. Oster C.V., Strong J. Transport restructuring and reform in an international context // Transportation Journal. 2000. Vol. 39. No. 3. Pp. 18–32.
3. Mackie P., Worsley T. Transport policy, appraisal and decision-making. London: RAC Foundation, 2015. 50 p.
4. Joffe S. The Northern Sea Route as a transportation problem. Institute of Pacific Relations, 1936. Pp. 1–22.
5. Kitagawa H. The Northern Sea Route: The shortest sea route linking East Asia and Europe. Tokyo: The Ship and Ocean Foundation, 2001. 238 p.
6. Зубков К.И., Карпов В.П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера, Урала и Западной Сибири). Москва: Политическая Энциклопедия. 2019. 367 с.
7. Широкорад А.Б. Битва за Русскую Арктику. Москва: Вече. 2008. 429 с.
8. Белов М.И. Путь через Ледовитый океан. Морской Транспорт, Москва: Морской транспорт. 1963. 237 с.
9. Широкорад А. Б. Арктика и Северный морской путь. Москва: Вече. 2017. 412 с.
10. Булатов В.Н. КПСС — организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917–1980). Москва: Издательство МГУ, 1989. 156 с.
11. Тимошенко А.И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и северного морского пути в 1930—1950-х гг. // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 150–168.
12. Lloyd T. The Northern Sea Route // The Russian Review. 1950. Vol. 9. No. 2. Pp. 98–111.
13. Amstrong T.E. The Soviet Northern Sea Route // The Geographical Journal. 1955. Vol. 121. Iss. 2. Pp. 136–146.
14. Фомичев А.А. Политический вектор развития Северного морского пути // Вестник МГИМО-Университета. 2015. Т. 3. № 42. С. 122–127.
15. Bankes N.D. Forty Years of Canadian Sovereignty Assertion in the Arctic, 1947—87 // Arctic. 1987. Vol. 40. Iss. 4. Pp. 285–291. DOI: 10.14430/arctic1785
16. Vylegzhannin V., Bunik I., Torkunova E., Kienko E. Navigation in the Northern Sea Route: interaction of Russian and international applicable law // The Polar Journal. 2020. No. 10:2. Pp. 285–302. DOI: 10.1080/2154896X.2020.1844404
17. Butler W.E. Soviet maritime policy in legal perspective // The World Today. 1972. Vol. 28. Iss. 10. Pp. 457–466.
18. Amstrong T.E. The Soviet Northern Sea Route in 1967 // Inter-Nord. 1970. Vol. 1. Iss. 2. Pp. 123–124.
19. Гудев П.А. Северный морской путь: перспективы легитимизации национального статуса в рамках международного права (часть 2) // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 130–147. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.130
20. Franckx E. Non-Soviet shipping in the Northeast Passage, and the legal status of Proliv Vil'kitskogo // Polar Record. 1988. Vol. 24. Iss. 151. Pp. 269–276. DOI: 10.1017/S0032247400009530
21. Вылегжанин А.Н. Применимые правовые источники / сост. А.Н. Вылегжанин [и др.]. Том 3. В кн.: Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия в 3 томах. Москва: Аспект Пресс, 2013. 662 с.
22. Barr W., Wilson E. The Shipping Crisis in the Soviet Eastern Arctic at the close of the 1983 Navigation Season // Arctic. 1985. Vol. 38. No. 1. Pp. 1–17.
23. Селин В.С., Истомин А.В. Экономика Северного морского пути: исторические тенденции, современное состояние, перспективы. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2003. 202 с.
24. Замятина Н.Ю. Игарка как фронтир: уроки «пионера» Севморпути // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2020. Т. 13. № 5. С. 783–799. DOI: 10.17516/1997-1370-0607.
25. Паникар М.М., Шапаров А.Е. Императивы современной государственной политики стран Арктического региона по освоению территорий Крайнего Севера // Вестник САФУ. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 33–44. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.33
26. Мельникова Л.В. Освоение Сибири в зеркале либеральной экономической науки. Глава 1. В кн.: Проблемные регионы ресурсного типа. Азиатская часть России / Под ред. В.А. Ламина, В.Ю. Малова. Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2005. С. 34–47.

27. Голдин В. Северный морской путь в арктической политике России: исторический опыт, современность и перспективы // Россия XXI. 2019. № 1. С. 32–57.
28. Тимошенко А.И. Трансформации в российской государственной политике освоения Арктики и Северного морского пути (XVIII–XXI вв.) / Государственная политика России в Арктике: стратегия и практика освоения в XVIII–XXI вв. Сборник научных трудов / Под ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2012. С. 4–35.
29. Визе В. Моря Российской Арктики. Том II. Москва: Паулсен (Издание переработанное), 2016. 256 с.
30. Marshall-Cornwall J., Roberts B., Courtney A. The Soviet Northern Sea Route: Discussion // The Geographical Journal. 1955. Vol. 121. Iss. 2. Pp. 146–148.
31. Bej E. Soviet Transportation Policies, 1922–1965: A Survey of Irregularities in Passenger Traffic // International Journal of Transport Economics. 1987. Vol. 14. No. 1. Pp. 19–43.
32. Могилевкин И.М. Глобальная инфраструктура: механизм движения в будущее. Москва: Магистр, 2010. 317 с.

References

1. Rodrigue J.P., Comtois C., Slack B. *The Geography of Transport Systems*. Tokyo, Routledge, 2020, 456 p. DOI:10.5860/choice.44-1075
2. Oster C.V., Strong J. Transport Restructuring and Reform in an International Context. *Transportation Journal*, 2000, vol. 39, no. 3, pp. 18–32.
3. Mackie P., Worsley T. *Transport Policy, Appraisal and Decision-Making*. London, RAC Foundation, 2015, 50 p.
4. Joffe S. *The Northern Sea Route as a Transportation Problem*. Institute of Pacific Relations, 1936, pp. 1–22.
5. Kitagawa H. *The Northern Sea Route: The Shortest Sea Route Linking East Asia and Europe*. Tokyo, The Ship and Ocean Foundation, 2001, 238 p.
6. Zubkov K.I., Karpov V.P. *Razvitiye rossiyskoy Arktiki: sovetskiy opyt v kontekste sovremennykh strategiy (na materialakh Kraynego Severa, Urala i Zapadnoy Sibiri)* [Development of the Russian Arctic: Soviet Experience in the Context of Modern Strategies (Based on the Materials of the Far North, the Urals and Western Siberia)]. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2019, 367 p. (In Russ.)
7. Shirokorad A.B. *Bitva za Russkuyu Arktiku* [Battle for the Russian Arctic]. Moscow, Veche Publ., 2008, 429 p.
8. Belov M.I. *Put' cherez Ledovityy ocean* [Path Across the Arctic Ocean]. Moscow, Morskoy Transport Publ., 1963, 237 p. (In Russ.)
9. Shirokorad A.B. *Arktika i Severnyy morskoy put'* [The Arctic and the Northern Sea Route]. Moscow, Veche Publ., 2017, 412 p. (In Russ.)
10. Bulatov V.N. *KPSS — organizator osvoeniya Arktiki i Severnogo morskogo puti (1917–1980)* [The CPSU is the Organizer of the Development of the Arctic and the Northern Sea Route (1917–1980)]. Moscow, MSU Publ., 1989, 156 p. (In Russ.)
11. Timoshenko A. The Soviet Experience of the Mobilization Decisions in Developing the Arctic and the Northern Sea Route in 1930–1950 Years. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 13, pp. 150–168.
12. Lloyd T. The Northern Sea Route. *The Russian Review*, 1950, vol. 9, no. 2, pp. 98–111.
13. Armstrong T.E. The Soviet Northern Sea Route. *The Geographical Journal*, 1955, vol. 121, iss. 2, pp. 136–146.
14. Fomichev A.A. Politicheskiy vektor razvitiya Severnogo morskogo puti [Political Vector of Northern Sea Route Development]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2015, vol. 3, no. 42, pp. 122–127.
15. Bankes N.D. Forty Years of Canadian Sovereignty Assertion in the Arctic, 1947–87. *Arctic*, 1987, vol. 40, iss. 4, pp. 285–291. DOI: 10.14430/arctic1785
16. Vylegzhannin V., Bunik I., Torkunova E., Kienko E. Navigation in the Northern Sea Route: Interaction of Russian and International Applicable Law. *The Polar Journal*, 2020, no. 10:2, pp. 285–302. DOI: 10.1080/2154896X.2020.1844404

17. Butler W.E. Soviet Maritime Policy in Legal Perspective. *The World Today*, 1972, vol. 28, iss. 10, pp. 457–466.
18. Armstrong T.E. The Soviet Northern Sea Route in 1967. *Inter-Nord*, 1970, vol. 1, iss. 2, pp. 123–124.
19. Gudev P.A. The Northern Sea Route: Problems of National Status Legitimization under International Law. Part II. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 130–147. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.130
20. Franckx E. Non-Soviet Shipping in the Northeast Passage, and the Legal Status of Proliv Vil'kitskogo. *Polar Record*, 1988, vol. 24, iss. 151, pp. 269–276. DOI: 10.1017/S0032247400009530
21. Vylegzhannin A.N. Primenimye pravovye istochniki [Applicable Legal Sources. Volume 3]. In: *Arkticheskiy region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: khrestomatiya v 3 tomakh* [The Arctic Region: Problems of International Cooperation: In 3 Volumes]. Moscow, Aspect Press Publ., 2013, 662 p. (In Russ.)
22. Barr W., Wilson E. The Shipping Crisis in the Soviet Eastern Arctic at the Close of the 1983 Navigation Season. *Arctic*, 1985, vol. 38, no. 1, pp. 1–17.
23. Selin V.S., Istomin A.V. *Ekonomika Severnogo morskogo puti: istoricheskie tendentsii, sovremennoe sostoyanie, perspektivy* [Economics of the Northern Sea Route: Historical Trends, Current State, Prospects]. Apatity, KSC RAN Publ., 2003, 202 p. (In Russ.)
24. Zamiatina N.Yu. Igarka kak frontir: uroki «pionera» Sevmorputi [Igarka as a Frontier: Lessons from the Pioneer of the Northern Sea Route]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], 2020, vol. 13, no. 5, pp. 783–799. DOI: 10.17516/1997-1370-0607
25. Panikar M.M., Shaparov A.E. Imperatives of the Current State Policy of the Arctic Countries on Far North Development. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanitarian and Social Sciences], 2016, no. 6, pp. 33–44. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.33.
26. Melnikova L.V. Osvoenie Sibiri v zerkale liberal'noy ekonomiceskoy nauki. Glava 1 [The Development of Siberia in the Mirror of the Liberal Economic Science. Chapter 1]. In: *Problemnye regiony resursnogo tipa. Aziatskaya chast' Rossii* [Problem Regions of the Resource Type. The Asian Part of Russia]. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch RAS, 2005, pp. 34–47.
27. Goldin V. Covernyy morskoy put' v arkticheskoy politike Rossii: istoricheskiy opyt, sovremennost' i perspektivy [The Northern Sea Route in Russia's Arctic Policy: Historical Experience, Modernity and Prospects]. *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2019, no. 1, pp. 32–57.
28. Timoshenko A.I. Transformatsii v rossiyskoy gosudarstvennoy politike osvoeniya Arktiki i Severnogo morskogo puti (XVIII–XXI vv.) [Transformations in the Russian State Policy for the Development of the Arctic and the Northern Sea Route (XVIII–XXI Centuries)]. *Gosudarstvennaya politika Rossii v Arkte: strategiya i praktika osvoeniya v XVIII–XXI vv. Sbornik nauchnykh trudov* [State Policy of Russia in the Arctic: Strategy and Practice of Development in the 18th–21st Centuries]. Novosibirsk, Siberian Scientific Publishing House, 2012, pp. 4–35. (In Russ.)
29. Vize V. *Morya Rossiyskoy Arktiki. Tom II* [Seas of the Russian Arctic. Volume II]. Moscow, Paulsen Publ., 2016, 256 p. (In Russ.)
30. Marshall-Cornwall J., Roberts B., Courtney A. The Soviet Northern Sea Route: Discussion. *The Geographical Journal*, 1955, vol. 121, iss. 2, pp. 146–148.
31. Bej E. Soviet Transportation Policies, 1922–1965: A Survey of Irregularities in Passenger Traffic. *International Journal of Transport Economics*, 1987, vol. 14, no. 1, pp. 19–43.
32. Mogilevkin I.M. *Global'naya infrastruktura: mekhanizm dvizheniya v budushchее* [Global Infrastructure: a Mechanism for Moving into the Future]. Moscow, Magistr Publ., 2010, 317 p. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 23.12.2021; одобрена после рецензирования 04.02.2022;
принята к публикации 07.02.2022.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 100–125.

Научная статья

УДК [316.774:364.14](47+57)(481)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.100

Влияние реализации концепции государства всеобщего благосостояния на уровень бедности в России и Норвегии *

Верещагин Илья Федорович¹, кандидат исторических наук, доцент

Вахрушев Артём Владимирович^{2✉}, соискатель кафедры философии и социологии

^{1, 2} Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Набережная Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ i.vereschagin@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5405-0762>

² a.vahrushev@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2565-6770>

Аннотация. На сегодняшний момент проблема бедности является актуальной как для России, так и для Норвегии. По предварительным данным Росстата, во 2 квартале 2021 г. 12,1% населения России находилось за чертой бедности¹. По данным Всемирного банка, национальный уровень бедности в Норвегии в 2018 г. составил 12,7%². При этом оба государства позиционируют себя как страны, преодолевшие крайнюю бедность. И оба государства применяют в качестве основы социальной политики социал-демократический тип концепции государства всеобщего благосостояния. Целью данного исследования является изучение влияния реализации концепции государства всеобщего благосостояния на национальный уровень бедности в России и Норвегии. Основными методами исследования служат анализ материалов официальной статистики России, Норвегии и Всемирного банка, серии международных отчётов и докладов, законодательных актов, а также анализ материалов, размещаемых в СМИ. Основные выводы проведённого исследования заключаются в том, что применение концепции государства всеобщего благосостояния в Российской Федерации и Королевстве Норвегия способно положительно влиять на национальный уровень бедности, но содержит в себе набор существенных рисков. Результаты показывают, что дальнейшее использование элементов концепции государства всеобщего благосостояния для борьбы с бедностью возможно в обеих странах, но с учётом современных реалий, а именно: применения принципов многомерности в оценке, адресности в реализации и учёта региональной специфики в практической работе с феноменом бедности, а также вовлечения иных (помимо государства) социальных институтов в этот процесс. В заключении данной работы сформулированы выводы и рекомендации органам государственной и муниципальной власти арктических субъектов Российской Федерации (преимущественно) и Королевства Норвегия (в меньшей степени) по корректировке используемых социальных практик с учётом современных тенденций и учёту выявленных рисков.

Ключевые слова: борьба с бедностью, Норвегия, Россия, Арктика, государство всеобщего благосостояния, социальная политика, меры социальной поддержки, социальный контракт

* © Верещагин И.Ф., Вахрушев А.В., 2022

Для цитирования: Верещагин И.Ф., Вахрушев А.В. Влияние реализации концепции государства всеобщего благосостояния на уровень бедности в России и Норвегии // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 100–125. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.100

For citation: Vereshchagin I.F., Vakhrushev A.V. The Impact of the Implementation of the Welfare State Concept on the Level of Poverty in Russia and Norway. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 100–125. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.100

¹ О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, установленной на 2021 год, и численности малоимущего населения за I и II кварталы 2021 года. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/143.htm (дата обращения 13.10.2021).

² Poverty headcount ratio at national poverty lines (% of population). Norway. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?locations=NO> (дата обращения 13.10.2021).

The Impact of the Implementation of the Welfare State Concept on the Level of Poverty in Russia and Norway

Ilya F. Vereshchagin¹, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

Artem V. Vakhrushev²✉, Independent Postgraduate Researcher, Department of Philosophy and Sociology

^{1, 2} Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹ i.vereschagin@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5405-0762>

² a.vakhrushev@narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2565-6770>

Abstract. At present, the problem of poverty is urgent for both Russia and Norway. According to Federal State Statistics Service of the Russian Federation, 12.1% of the Russian population was below the poverty line in the second quarter of 2021. According to the World Bank, the national poverty rate in Norway in 2018 was 12.7%. At the same time, both states position themselves as having overcome extreme poverty. Both states use the social-democratic type of the welfare state concept as the basis of social policy. The purpose of this study is to research the influence the welfare state concept application on the national level of poverty in Russia and Norway. The research methods are the analysis of official statistics of Russia, Norway and the World Bank, international reports, legislative acts and the analysis of media texts. The conclusions of this study highlight that the use of the welfare state concept in the Russian Federation and the Kingdom of Norway can positively affect the national level of poverty, but it contains a set of significant risks. The results show that further use of elements of the welfare state concept to combat poverty is possible in both countries, but taking into account the current realities, namely, the application of the principles of multidimensional evaluation, targeting in implementation and consideration of regional specificity in practical work with the phenomenon of poverty, and the involvement of other (besides the state) social institutions in this process. The conclusion of this paper formulates recommendations for state and municipal authorities of the Arctic subjects of the Russian Federation (mainly) and the Kingdom of Norway (to a lesser extent) to adjust the social practices used with regard to current trends and taking into account the identified risks.

Keywords: poverty reduction, Norway, Russia, Arctic, welfare state, social policy, social support measure, social contract

Введение

В мировой практике неоднократно предпринимались попытки построения государства всеобщего благосостояния как модели, способной преодолеть неравенство и бедность. Особенно интересно социал-демократическое направление реализации этой концепции. Именно этот тип государственного устройства, по мнению авторов, не просто декларирует, но и пытается на практике реализовать принцип всеобщего равенства. Начало было положено эгалитаристами; развитие теоретических моделей, а также практическая реализация предпринимались как в странах социалистического строя (прежде всего, в СССР), так и в ряде стран Северной Европы (в частности, в Норвегии). Коммунистическая концепция со временем трансформировалась, но на её базисе были построены новые системы, которые в большей или меньшей степени продолжают использовать принципы всеобщего благосостояния. Скандинавская модель реализуется по настоящее время (в том числе в Норвегии), но вызывает всё больше и больше вопросов. Есть ли будущее у реализации идеи всеобщего благосостояния? Какие риски существуют, и как их преодолеть? Как реализация модели влияет на

уровень бедности в стране? Именно на эти вопросы авторы попытались ответить в данной статье.

По предварительным данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, во 2 квартале 2021 г. 12,1% населения России находилось за чертой бедности³. При этом к 2008 г. доля населения, живущая на 1,9 доллара США в день (по ППС на 2011 г.), сократилась до 0,1%, а в 2011 г., по данным Всемирного Банка, стала равна нулю⁴. Норвегия позиционируют себя как государство, победившее абсолютную бедность благодаря реализации концепции всеобщего благосостояния. По данным Всемирного банка, доля населения, живущего на 1,9 доллара США в день, составила 0,3% в 2018 г.⁵ Но национальный уровень бедности в Норвегии в 2018 г. составил 12,7⁶. Более поздние данные, к сожалению, отсутствуют как на сайте Всемирного банка, так и на сайте официальной статистики Норвегии.

Реализация модели концепции государства всеобщего благосостояния в Норвегии осуществлялась в течение последних 60 лет. На наш взгляд, благодаря изучению данного опыта, у российского научного и экономического сообщества есть уникальная возможность «заглянуть за горизонт» 20–25 лет и увидеть не только эффективные социальные практики, но и риски, сопутствующие осуществлению социал-демократической модели социальной политики.

Авторами статьи выдвигается гипотеза о том, что реализация элементов концепции государства всеобщего благосостояния в Российской Федерации и Королевстве Норвегия способна положительно влиять на национальный уровень бедности, но несёт в себе набор существенных рисков. Объект данного исследования — это системы социальной политики России и Норвегии, реализованные по социал-демократическому типу государства всеобщего благосостояния. Предмет исследования — факторы влияния концепции государства всеобщего благосостояния на уровень бедности в рассматриваемых странах. Целью данного исследования является изучение влияния реализации концепции государства всеобщего благосостояния в Российской Федерации и Королевстве Норвегия на национальный уровень бедности.

Для достижения цели исследования авторы сформулировали ряд задач, а именно:

³ О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, установленной на 2021 год, и численности малоимущего населения за I и II кварталы 2021 года. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d02/143.htm (дата обращения 13.10.2021).

⁴ Poverty headcount ratio at \$1.90 a day (2011 PPP) (% of population) — Russian Federation. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.DDAY?locations=RU> (дата обращения 27.09.2021).

⁵ Poverty headcount ratio at \$1.90 a day (2011 PPP) (% of population) — Norway. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.DDAY?locations=NO> (дата обращения 13.10.2021).

⁶ Poverty headcount ratio at national poverty lines (% of population) — Norway. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?locations=NO> (дата обращения 15.09.2021).

- теоретически обосновать возможность продолжения применения концепции государства всеобщего благосостояния в Российской Федерации и Королевстве Норвегия на современном этапе;
- проанализировать действующие системы социальной политики России и Норвегии;
- выявить эффективные социальные практики, современные тенденции и риски реализации данной концепции в обеих странах;
- сформулировать рекомендации органам государственной и муниципальной власти по дальнейшей борьбе с бедностью.

Основными методами исследования служат анализ материалов официальной статистики России, Норвегии и Всемирного банка, серии международных отчётов и докладов, законодательных актов, а также анализ материалов, размещаемых в СМИ.

Возможность применения концепции государства всеобщего благосостояния в России и Норвегии на современном этапе

Как показал практический опыт реализации идей эгалитаристов и марксистов, проблему неравенства и бедности простым перераспределением и тем более обобществлением собственности решить невозможно. В эссе «Гражданство и социальный класс» (1949 г.) британский социолог Томас Хэмфри Маршал [1, Marshall T.H.] назвал современные государства всеобщего благосостояния комбинацией демократии, благосостояния и капитализма. Термин «государство всеобщего благосостояния» начинает использоваться тогда, когда страна комбинирует социальные права с гражданскими и политическими. Несмотря на неудачный опыт Советского Союза и ряда стран социалистического строя, реализация концепции государства всеобщего благосостояния декларируется практически по всему миру, например, в Канаде, Германии, Нидерландах, Франции, Индии, Бразилии. Но практически, по нашему мнению, модель была реализована только в ряде стран социал-демократического типа, в том числе в Норвегии.

В своей книге 1990 г. «Три мира капитализма благосостояния» датский социолог Гёста Эспинг-Андерсен выделил три подтипа моделей государства всеобщего благосостояния: социал-демократический, либеральный и консервативный [2, Esping-Andersen G.]. Модель, используемая в Норвегии, относится к социал-демократическому подтипу. Основные её принципы — это всеобщий охват, с одной стороны, и потребность в масштабном взимании налогов для реализации социальной политики, с другой стороны.

В данном исследовании мы анализируем опыт Российской Федерации и Королевства Норвегия. Выбор данных стран для совместного исследования эффективных социальных практик, направленных на борьбу с бедностью, обоснован следующими аспектами:

- социал-демократический тип системы социальной защиты страны: Россия и Норвегия имеют сходные позиции в формировании модели систем социальной полити-

ки, основанной на категориальном принципе, в основе лежит концепция построения государства всеобщего благосостояния;

- географические и климатические признаки: данный аспект Норвегии имеет много общего с северными территориями Российской Федерации, а следовательно, используемые социальные практики и перечень рисков могут быть применены на арктических и приарктических территориях России;
- похожие структуры экономик: зависимость от нефтегазовых ресурсов и мировой конъюнктуры цен на углеводороды является серьёзным вызовом и риском для экономик обеих стран;
- результаты анализа различных мировых рейтингов (например, индекс счастья [3, Helliwell J.F., Layard R., Sachs J., De Neve J.-E., Wang S., с. 18], индекс человеческого развития [4, Conceição P., с. 397]) показывают лидирующие позиции Норвегии в преодолении неравенства, несмотря на высокие государственные расходы на социальную сферу, на сложные климатические условия и серьёзные экономические риски.

Анализ действующих систем реализации социальной политики России и Норвегии

Модель благосостояния Норвегии отличается от других типов государств всеобщего благосостояния тем, что использует комплекс взаимосвязанных аспектов, а именно, принципы полной занятости, гендерного равенства, обширного спектра социальных пособий и услуг, а также масштабного перераспределения доходов в пользу малообеспеченных слоёв населения путем жёсткого контроля рынка и использования механизмов фискальной политики. Система социального обеспечения Норвегии в основном финансируется за счёт налогообложения. При первичном анализе видно, что норвежская модель формирования государства всеобщего благосостояния демонстрирует положительные результаты с точки зрения реального снижения уровня неравенства среди граждан и формирования широкого спектра социальных услуг для широких слоёв населения. Другой вопрос: сколько это стоит государству? И как долго Норвегия сможет себе позволить финансировать это в таком объёме?

Основными характеристиками норвежской модели социальной политики принято считать [5, Andersen T.M., Holmström B., Honkapohja S., Korkman S., Söderström H.T., Vartiainen J., с. 13–14]:

- бесплатное образование, всеобщий, гарантированный государством охват здравоохранением и широкий спектр социальных услуг, что предполагает высокие государственные расходы на эти направления;
- наличие государственной пенсионной системы, обеспечивающей содержание старшего поколения;

- невысокий показатель коррумпированности государственной власти;
- развитое профсоюзное движение;
- постоянную конструктивную коммуникацию профсоюзов, работодателей и власти, в том числе неформальное взаимодействие, цель которого — проработка условий труда и защита прав трудящихся;
- серьёзные гарантии от государства для потерявших работу (высокий уровень пособий);
- прозрачные условия для ведения бизнеса.

При этом существует ряд рисков, которые не позволяют считать систему идеальной и лёгкой в реализации в долгосрочной перспективе:

1. Увеличение продолжительности жизни приводит к старению нации⁷. Рост доли старшего поколения⁸ увеличивает финансовую нагрузку на государство как в направлении выплаты пенсий, так и в обеспечении иных социальных услуг.

2. Работающее поколение испытывает дополнительную налоговую нагрузку для обеспечения вышеописанных задач. При этом всё больше и больше работоспособного населения вынуждено связывать свою профессиональную деятельность с оказанием социальных услуг, тем самым наращивая и без того высокую нагрузку на государство.

3. Коммуникация трёх институциональных форм (профсоюз, работодатель, государство), а также борьба с коррупцией и активная деятельность профсоюзных организаций провоцируют рост бюрократической машины и периодически снижают эффективность управления системой.

4. Высокие налоговые ставки и одна из самых серьёзных налоговых нагрузок в мире на бизнес несёт в себе риск демотивации предпринимателей к развитию собственного дела.

5. Дополнительным демотиватором может служить высокий уровень заработных плат и социальных гарантий. Уже сейчас норвежские компании предпочитают нанимать сотрудников со средним специальным, а не высшим образованием, так как они обходятся компании дешевле. Отсутствие роста безработицы в стране эксперты связывают с феноменом «вечно учащейся молодёжи». Получив высшее образование и столкнувшись с проблемами трудоустройства, граждане продолжают обучение за государственный счёт, увеличивая и без того существенные социальные расходы. Также стоит отметить риск скрытой безработицы среди молодых специалистов с высшим образованием. Многие из них продолжают обучение, так как не могут найти вакансии на рынке труда. В стране появилось новое понятие «ung-voksenperiode» (период молодости и зрелости). Это группа населения в возрасте

⁷ Deaths. URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/fodte-og-dode/statistikk/dode> (дата обращения 16.09.2021).

⁸ Population. URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/folketall/statistikk/befolkning> (дата обращения 16.09.2021).

от завершения подросткового периода до 35 лет, которые не желают взросльеть, создавать семью, видя смысл жизни в получении удовольствия.

6. В связи с ростом продолжительности жизни и увеличением доли старшего поколения серьёзно возрастает нагрузка на систему здравоохранения, которая начинает испытывать как дефицит кадров и необходимого оборудования, так и дефицит финансирования.

7. Ещё одним серьёзным риском является зависимость экономики страны от добычи углеводородов. Значительная доля ВВП Норвегии обеспечивается нефтяной промышленностью⁹. С одной стороны, это стало отправной точкой и важным фактором текущего процветания страны, а с другой, является серьёзнейшим риском в связи с высокой долей отрасли в национальной экономике и исчерпаемостью ресурса. Норвежцы нашли выход в создании Государственного нефтяного фонда, который концентрирует избыточные доходы от нефтяной промышленности и инвестирует их в различные проекты по всему миру¹⁰. Хотя изначальная задача фонда — это забота о будущих поколениях, в 2006 г. он был переименован в Государственный глобальный пенсионный фонд, что подтверждает один из основных социально-экономических рисков Норвегии на сегодня — старение нации. Фонд является одним из крупнейших мировых инвесторов, при этом он практически не финансирует ни экономические, ни социальные проекты внутри страны, справедливо опасаясь роста инфляции.

Норвежцы довольно рано перешли к демократическому политическому режиму и стали перераспределять доходы от обеспеченных граждан к бедным слоям населения. И это, по нашему мнению, явилось одной из причин низкого уровня бедности в стране. Дополнительным фактором успеха является небольшое и компактно проживающее население, а также отсутствие доминирующей роли наследственных классов. В сравнении с большинством как развитых, так и развивающихся стран, в Норвегии уровень абсолютной монетарной бедности крайне низок, он практически нивелирован. Уровень экстремальной бедности (1,9 доллара США в день по методике Всемирного банка) в рассматриваемом государстве в 2018 г. составлял 0,3%¹¹.

Понимая под бедностью отсутствие ресурсов, достаточных для жизнедеятельности в том обществе, в котором существует индивид, норвежцы, естественно, используют относительный подход в оценке. В 2018 г. национальный уровень бедности в стране составил 12,7%¹². На наш взгляд, это значительный уровень для страны, позиционирующей себя как государ-

⁹ National accounts. URL: <https://www.ssb.no/en/nasjonalregnskap-og-konjunkturer/nasjonalregnskap/statistikk/nasjonalregnskap> (дата обращения 13.10.2021).

¹⁰ The fund's market value. URL: <https://www.nbim.no/> (дата обращения 13.10.2021).

¹¹ Poverty headcount ratio at \$1.90 a day (2011 PPP) (% of population) — Norway. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.DDAY?locations=NO> (дата обращения 17.09.2021).

¹² Poverty headcount ratio at national poverty lines (% of population) — Norway. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?locations=NO> (дата обращения 15.09.2021).

ство, где возможности равны для всех, а ресурсы распределяются равномерно. Многомерный подход дает ещё более серьёзные результаты — 16,1%¹³.

При этом дети, как и во многих странах мира, являются одной из наиболее незащищённых категорий населения. Доля детей, проживающих в условиях низких доходов, в Норвегии выросла с 7,7% (2008–2010 гг.) до 10,7% (2015–2017 гг.) [6, Mølland E., Vigsnes K.L., Bøe T., Danielsen H., Grimstad Lundberg K., Haraldstad K., Ask T.A., Wilson P., Abildsnes E., с. 571]. Среди других профилей малоимущих были выявлены следующие: молодые одинокие люди, родители-одиночки, пары с маленькими детьми и семьи с тремя и более детьми, иммигранты (в основном неевропейского происхождения), длительно безработные, длительно больные, пенсионеры (в основном одинокие), люди с психическими расстройствами, получатели социальной помощи. Общее количество получателей социальной помощи в Норвегии составляло на конец 2020 г. порядка 124 тыс. человек¹⁴ или 2,3% населения. Порядка 49 тыс. человек на конец 2020 г. используют социальные пособия как основной источник дохода¹⁵. Это 0,9% населения, которые при отмене или потере социальной поддержки потенциально могут стать экстремально бедными.

Способы борьбы с феноменом бедности в Норвегии достаточно традиционны. Это, прежде всего, обеспечение низкого уровня безработицы, поддержание высокого среднего дохода, а также всеобщая социальная поддержка населения. Учёные-социологи В. Корпи (Швеция) и Г. Эспинг-Андерсен (Дания), которые и ввели понятие «государство всеобщего благосостояния», полагают, что современная ситуация в Норвегии — это результат социально-экономических реформ и трансформации идеологии норвежской социал-демократии при наличии чёткой преемственности правящего класса [7, Зайков К.С., с. 9]. В работах С. Кюнля и А. Хатланда влияние политических и социально-экономических факторов ставится под сомнение, на первый план выдвигается влияние культуры, которая и обусловила появление этого феномена [7]. Так или иначе, основным проводником политики государства всеобщего благосостояния является Норвежская Рабочая Партия (далее — НРП), которая в 1935–1965 гг. начала формирование этой системы, в дальнейшем периодически утрачивая лидирующие позиции, но систематически возвращаясь к управлению страной. В 2021 г. НРП вновь сумела вернуть себе большинство в национальном парламенте Норвегии, получив возможность сформировать правительство, а, следовательно, определять курс развития страны на ближайшие 4 года. Руководство НРП заявило о возобновлении целенаправленной работы по снижению социального неравенства. По оценке экспертов, это может означать дальнейшее

¹³ Multidimensional poverty headcount ratio (% of total population) — Norway. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.MDIM?locations=NO> (дата обращения 17.09.2021).

¹⁴ Social assistance. URL: <https://www.ssb.no/en/sosiale-forhold-og-kriminalitet/trygd-og-stonad/statistikk/okonomisk-sosialhjelp> (дата обращения 16.09.2021).

¹⁵ Social assistance. URL: <https://www.ssb.no/en/sosiale-forhold-og-kriminalitet/trygd-og-stonad/statistikk/okonomisk-sosialhjelp> (дата обращения 16.09.2021).

повышение налогов для тех, кто зарабатывает много, сокращение числа частных школ, укрепление государственной системы здравоохранения¹⁶.

Социальная сфера Норвегии финансируется за счёт взимания налогов с граждан и юридических лиц и частично за счёт Государственного глобального пенсионного фонда. Налоговые ставки в Норвегии одни из самых высоких в мире. Действует прогрессивная шкала налогообложения, и в зависимости от получаемых доходов налоговое бремя в среднем составляет свыше 40% [5, Andersen T.M., Holmström B., Honkapohja S., Korkman S., Söderström H. T., Vartiainen J., с. 67]. Налогообложение юридических лиц также одно из самых высоких в мире. Согласно концепции государства всеобщего благосостояния, каждый житель страны имеет право на бесплатное образование, здравоохранение, а также при необходимости социально-бытовое обслуживание, гарантии на пенсионное обеспечение, обеспечение людей с ограниченными возможностями здоровья и временно безработных. Те, кто трудится, могут рассчитывать на гарантированно достаточный заработок, который позволяет сохранять своё материальное положение выше черты бедности. Профсоюзы контролируют риск попадания работающего человека в трудную финансовую ситуацию. Ещё одной особенностью рынка труда Норвегии является то, что большинство взрослого населения работает, а многие пенсионеры после выхода на заслуженный отдых также продолжают трудовую деятельность.

Одним из основных профилей бедности в Норвегии являются мигранты. Недостаточно владея языком и не обладая необходимой квалификацией, они испытывают сложности с трудоустройством. Имея высокий уровень пособий по безработице, данная категория населения зачастую не решает задачу по интеграции на рынке труда страны. Обладая иными навыками и компетенциями (например, ремесленничество или сельское хозяйство), они остаются невостребованными в Норвегии. Использование социальных пособий не даёт необходимого эффекта для преодоления черты бедности. Постепенно происходит формирование определённого маргинализированного андеркласса, в котором вчерашние беженцы являются основой. Особенностью данной категории является высокая доля детей и представителей старшего поколения. Первые ещё не способны работать, вторые по законодательству не имеют прав на государственное пенсионное обеспечение. Как результат, стал формироваться новый низший класс, состоящий в первую очередь из недавних иммигрантов. Дети иммигрантов попадают в ловушки бедности из-за происхождения, незнания языка, отсутствия понимания культуры и правил поведения нового для них общества. Очень важен сформировавшийся психологический аспект восприятия своего состояния (бедность на исторической родине и в Норвегии отличается). Псевдоботыгополучное существование на севере

¹⁶ Левоцентристы вернутся к власти в Норвегии после восьмилетнего перерыва. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12375945?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1631690487000 (дата обращения 15.09.2021).

Европы расслабляет представителей этой социальной группы, что является одной из причин криминализации и радикализации её молодёжной части [8, Родионова М.Е., с. 42–47].

При анализе общей экономической ситуации в Норвегии были выявлены тенденции, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать, при формировании социальной политики в целом и тактики по борьбе с бедностью в частности в данном государстве в долгосрочной перспективе:

1. Снижение уровня занятости на 3% (с 78% в 2000 г. до 75% в 2018 г.) [9, Manyika J., Madgavkar A., Tacke T., Woetzel J., Smit S., Abdulaal A., с. 6]. При этом наблюдается рост этого показателя среди людей старше 65% на 7,9% (в 2018 г. в сравнении с 2000 г.). В остальных возрастных категориях идёт снижение, особенно это заметно в категории «15–24 года» — 8,4% [9, Manyika J., Madgavkar A., Tacke T., Woetzel J., Smit S., Abdulaal A., с. 42]. Одновременно наблюдается снижение всех видов занятости (полной, частичной и т. д.), что свидетельствует о росте (хотя и незначительном) безработицы в стране [9, Manyika J., Madgavkar A., Tacke T., Woetzel J., Smit S., Abdulaal A., с. 48].

2. Снижение реальной средней заработной платы. За два пятилетних периода (1995–2000 и 2013–2018 гг.) оно составило 2,4 процентных пункта. При этом наблюдается рост относительного уровня бедности после уплаты налогов и трансфертов среди трудоспособного населения (2000–2017 гг.) на 3,5% (показатель 2000 года — 6%) [9, Manyika J., Madgavkar A., Tacke T., Woetzel J., Smit S., Abdulaal A., с. 9] при общей тенденции роста уровня бедности в этот период¹⁷.

3. Чистая доля пенсионного обязательного возмещения снизилась в 2018 г. по сравнению с 2004 г. на 13% (с 65% до 52%). При этом чистые пенсионные активы обеспечивали в 2018 г. только 10 лет при ожидаемой продолжительности жизни на пенсии 20 лет [9, Manyika J., Madgavkar A., Tacke T., Woetzel J., Smit S., Abdulaal A., с. 15].

4. Норвегия имеет высокую степень институционального вмешательства в рыночные отношения и высокие расходы государственного сектора [10, Пипия Л. К., Дорогокупец В. С., Осипова О. Е., Шашкова Н. В., Хохлова В. А., с. 87]. Расходы государственного сектора включают в себя заработную плату в государственном секторе и социальные расходы, определяемые как денежные пособия или прямое предоставление товаров и услуг в натуральной форме, а также социальные налоговые льготы; исключение составляют сфера образования и инфраструктура, которые отражают общие государственные расходы. В 2000 г. Норвегия набрала 134 балла по индексу вмешательства в рыночную структуру, что является самым высоким показателем среди стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития, в то время как расходы государственного сектора составляли 43% ВВП [10, Пипия Л.К., Дорогокупец В.С., Осипова О.Е., Шашкова Н.В., Хохлова В.А., с. 51–52]. Государственные рас-

¹⁷ Poverty headcount ratio at national poverty lines (% of population). Norway. <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?locations=NO> (дата обращения 14.10.2021).

ходы Норвегии по прямой поддержке физических лиц (в том числе социальные расходы на выплату пенсий по старости и по случаю потери кормильца) в период с 2000 по 2018 гг. увеличились на 9% [10, с. 49].

5. Наблюдается низкий рост личного благосостояния, что подтверждается сочетанием достаточно скромного объёма сбережений у населения и невысокими доходами от вложений. Фактически совокупный годовой темп прироста среднего благосостояния жителей Норвегии в 2013–2018 гг. имеет отрицательную тенденцию (−11,9%). В период с 2015 по 2017 гг. реальный темп роста среднего чистого богатства был отрицательным [10, с. 41]. Проблемой становится отношение долга к активам домохозяйства. Высокие (и растущие) уровни задолженности продолжают вызывать обеспокоенность в Норвегии. Этот показатель в 2017 г. составил 28% [10, с. 42].

Таким образом, основными точками приложения усилий норвежского правительства может стать деятельность по трудоустройству молодёжи (15–24 года), дальнейшему снятию рисков попадания в ловушку бедности старшего поколения (в том числе поиск альтернативных источников выплаты пенсий) и мигрантов (особенно детей). Открытым остаётся вопрос о степени влияния государства на рыночную экономику.

При анализе реализуемой концепции нами был выявлен ряд факторов, повлиявших на эффективность борьбы с бедностью в Норвегии:

- исторические предпосылки, в том числе раннее построение демократического общества, использование принципа перераспределения доходов от богатых слоёв населения к бедным, а также отсутствие доминирующей роли наследственных классов;
- продолжительный период экономического роста;
- географические особенности, в том числе небольшое и компактно проживающее население;
- специфика и преемственность существующего государственного строя (социал-демократический тип социальной политики, реализация концепции государства всеобщего благосостояния, роль НРП и профсоюзов).

Возвращение Норвежской Рабочей Партии к власти в 2021 г. ставит страну перед сложным выбором: продолжить реализацию концепции государства всеобщего благосостояния или искать иные пути преодоления социального неравенства и борьбы с бедностью. Ведь данная стратегия является одновременно и механизмом преодоления рассматриваемого феномена, и основным источником вышеперечисленных рисков. В представленной системе существует множество проблем. И с каждым годом они становятся только серьёзнее, хотя нельзя сказать, что положительной динамики не существует. Как уже было описано выше, последние несколько лет Норвегия входит в десятку, а зачастую возглавляет рейтинг

стран с самым высоким уровнем жизни. Многие называют Норвегию страной, в которой хотели бы жить. Но нужно понимать, что система норвежского благополучия не такая неразрушимая, как может показаться, и имеет свои риски, которые стоит учитывать и норвежскому правительству, и странам, желающим заимствовать те или иные механизмы борьбы с бедностью.

Переходя к анализу настоящей ситуации в Российской Федерации, нельзя не упомянуть об исторических предпосылках формирования современной социальной политики рассматриваемого государства. В Советском Союзе система социальной поддержки и оказания помощи малоимущим была обширна и разнообразна, несмотря на то, что в данный исторический период проблема существования бедности в стране не признавалась. Ещё в 30-х гг. XX в. было объявлено о победе над этим явлением, и вплоть до 1960-х гг. не проводилось никаких открытых исследований. Впоследствии именно советская система социальных льгот и выплат стала основой современной российской системы. Данная ситуация имеет как свои положительные, так и отрицательные моменты. По мнению авторов, Российская Федерация может быть отнесена к странам социал-демократического типа организации и реализации национальной социальной политики. Доказательством служит ряд характеристик: это и всеобщая гарантия минимального дохода, и уравнительная социальная политика, и разветвленная система социальной защиты. Данные аспекты сближают Россию с Норвегией и дают потенциальную возможность взаимного использования социальных практик. Но всеобщность, неприменение критериев нуждаемости порождает развитие иждивенческой модели поведения части населения. Отсутствие адресности также приводит к неэффективному расходованию денежных средств. Всё это в целом ведёт к формированию двух типов дисфункций действующей системы, а именно:

- ошибок включения, когда социальные выплаты получают не только бедные, а люди, просто находящиеся в этой категории;
- ошибок исключения, когда выплаты и помощь не попадают реально бедным слоям населения.

Но, несмотря на непростое «наследие» Советского Союза, численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в Российской Федерации имеет стабильную тенденцию к снижению. Советская система социальной поддержки позволила выжить (в прямом смысле этого слова) части населения России в сложнейшие 1990-е гг. Начиная с 2000 г., наблюдалось устойчивое снижение уровня бедности: с 29% в 2000 году до исторического минимума 10,7% в 2012 г.¹⁸ Это связано как с активным экономическим ростом в стране в 2000–2007 гг., так и с развитием и совершенствованием системы социальной по-

¹⁸ Росстат. Статистический бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности», Москва 2021 г. С. 15. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения 11.08.2021).

мощи и поддержки (в том числе введение критериев нуждаемости и адресности, увеличение МРОТ, пособий по безработице и уровня пенсий). В качестве основных вех стоит отметить принятие нескольких важных законодательных актов. На наш взгляд, в Российской Федерации существует достаточно качественный набор федеральных нормативных документов, которые определяют понятие прожиточного минимума, среднедушевого дохода, формируют методики расчёта основных показателей и моделей распределения помощи, а также ставят борьбу с бедностью на уровень национальных целей.

С 2005 г. регионы получили возможность развивать собственные адресные программы социальной поддержки малоимущих граждан. Этот шаг очень важен, так как Россия — страна со множеством субъектов, которые зачастую очень сильно отличаются даже в моделях поведения конкретных индивидов. Следовательно, адаптация и формирование региональных механизмов для реализации общенациональной задачи¹⁹ жизненно необходимы. И это становится возможным при переносе ответственности и полномочий на уровень региона.

В 2014 г. в связи с глобальными негативными экономическими явлениями реальные доходы населения стали снижаться, что привело к росту доли бедного населения в Российской Федерации. Исторического максимума на отрезке 2000-х гг. Россия достигла в 2005 г. на отметке 13,4%. Затем началось плавное снижение, которое привело к показателю 12,1% в конце 2020 г. С одной стороны, такая тенденция не может не радовать (доля бедного населения снижается). С другой стороны, темпы снижения могут быть недостаточными для того, чтобы достичь реализации задачи, поставленной Президентом, по снижению уровня бедности в 2 раза к 2030 г., по сравнению с показателем 2017 г.

В Российской Федерации попытки повысить влияние адресности предпринимались с начала 2000-х гг., но исторически используемый категориальный подход и принцип коммунальности к предоставлению социальной поддержки продолжали доминировать, так как государство приняло решение о том, что объём социальных выплат не должен уменьшаться, а условия не должны ухудшаться. Таким образом, регионы оказались в определённой ловушке. Они имели все полномочия, чтобы развивать собственные адресные программы, но не имели необходимого финансирования. В дальнейшем на федеральном уровне начали вводиться дополнительные меры адресной социальной поддержки, позволившие вывести определённые группы за пределы черты бедности. Например, доплата к пенсии неработающим пенсионерам до величины прожиточного минимума в 2010 г. или формулирование основных принципов предоставления социального контракта в качестве механизма помощи

¹⁹ Снижение уровня бедности в 2 раза к 2030 году по сравнению с 2017 годом.

малоимущим семьям в 2013 г. В 2015 г. регионы получили возможность установления критериев нуждаемости для предоставления отдельных мер социальной поддержки²⁰.

Но, несмотря на все предпринимаемые меры и осознание необходимости применения адресного подхода, к 2016 г. только 7% [11, Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А., с. 13–14] от общего объёма всех расходов на социальную помощь осуществляется с учётом нуждаемости. Категориальные механизмы продолжали превалировать. Это являлось, с одной стороны, явной дисфункцией действующей системы, а с другой, в ней был заложен несомненный потенциал развития адресной концепции. Задача современного российского государства — максимально мягко осуществить переход к социальной политике с учётом нуждаемости конкретного домохозяйства.

В отличие от Норвегии в России существуют достаточно серьёзные различия на региональном уровне. Это связано и с климатическими, географическими и экономическими особенностями, и с национальным составом населения. Следовательно, существует разница в доле бедного населения. При уровне в 12,1% в целом по Российской Федерации разброс составляет от 5,0% в Ямало-Ненецком автономном округе до 34,1% в Республике Тыва²¹. Это ещё раз подтверждает необходимость дифференцированного подхода к формированию региональных программ по повышению благосостояния граждан конкретного субъекта Российской Федерации. На сегодня практически во всех субъектах Российской Федерации запущены программы снижения доли населения субъекта с доходами ниже прожиточного минимума.

С самого начала формирования системы мониторинга за уровнем бедности в Российской Федерации применялся абсолютный подход. Это было оправдано и с точки зрения простоты измерения, и с политической точки зрения (такой подход даёт самое низкое значение уровня бедности). При этом, осознавая риски расширения дисфункционального влияния ошибок включения и ошибок исключения, правительство России вело планомерную работу по подготовке к переходу на относительную модель в оценке уровня бедности. Росстат в качестве эксперимента использовал факультативно соответствующие методики, а с 1 января 2021 г. страна официально перешла к такому понятию, как «медианный доход».

Переход к относительному подходу в оценке уровня бедности частично решает вопрос с дисфункцией «ошибка исключения» и одновременно несёт в себе риск расширения категории граждан, получающих социальную помощь, но при этом не являющихся бедными (дисфункция «ошибка включения» и категориальный подход в целом). Именно поэтому

²⁰ В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. №338-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости».

²¹ Росстат. Статистический бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности», Москва 2021 г. С. 23 URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения 11.08.2021).

важно развивать концепцию адресности, в том числе постоянно проводить региональные исследования (с разбивкой по муниципальным образованиям) профилей и причин бедности. Переход к относительному подходу стал важным шагом к формированию многомерной модели бедности, расширил категории и профили, попадающие в данную социальную группу. Параллельно с переходом к относительной оценке Россия применяет для аналитических и исследовательских целей многомерные подходы.

Использование относительного подхода не отрицает необходимость работы с депривациями и ограничениями по основным профилям бедности. На это направлены стартовавшие в 2018 г. национальные проекты, а также ряд государственных программ и проектов, реализуемых в последнее время в Российской Федерации. Например, в марте 2021 г. стартовала государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»²², реализация которой, по словам Председателя Правительства Российской Федерации Михаила Мишустина, «позволит создать десятки тысяч новых рабочих мест и повысить доходы людей, оказать бизнесу поддержку в реализации перспективных проектов и привлечь в регионы Арктики инвесторов и квалифицированных специалистов, обеспечить приток частных капиталов в объёмах, которые во много раз превосходят вложения государственных средств»²³.

В качестве основных целей в документе указаны: 1) ускорение экономического развития территорий, входящих в состав Арктической зоны Российской Федерации; 2) увеличение вклада территорий, входящих в состав Арктической зоны Российской Федерации, в экономический рост страны. Основа программы — это попытка привлечения на данные территории дополнительных инвестиционных потоков путём создания комфортных экономических условий. За это направление отвечает подпрограмма «Создание условий для привлечения частных инвестиций и создания новых рабочих мест в Арктической зоне Российской Федерации».

Но для того, чтобы люди приезжали и оставались в арктических районах, необходимо создавать не только экономическую, но и дополнительную социальную инфраструктуру и среду. Основной критерий достаточности этих условий — возможность поддерживать среднероссийский уровень жизни. За это должна отвечать (судя по названию) подпрограмма № 2 «Создание условий для устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации». При этом в базовом документе отсутствует какое-либо финансирование, а мероприятия носят либо законотворческий, либо мониторинговый характер. По

²² Утверждена постановлением Правительства от 30 марта 2021 года № 484 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации».

²³ Правительство утвердило государственную программу развития Арктики. URL: <http://government.ru/docs/41894/> (дата обращения 29.09.2021).

мнению авторов, этого явно недостаточно для достижения качественного показателя повышение уровня жизни населения Арктической зоны Российской Федерации.

Для достижения уровня, сопоставимого со среднероссийским, необходимо принятие специальной программы развития, включающей инфраструктурные проекты. Проект такой программы был разработан Правительством Архангельской области и представлен на федеральном уровне в 2019 г. Он предусматривал доведение основных показателей уровня жизни в арктических муниципальных образованиях до приемлемого уровня путём реализации ряда мероприятий во всех основных социальных сферах. Рекомендуем региональной власти привести проект в соответствие с реалиями и предпринять новую попытку его защиты на федеральном уровне. В противном случае, существует риск ещё более активного оттока населения из вышеуказанных районов. При формировании списка мероприятий также рекомендуется учитывать уровень бедности конкретного муниципального образования.

Говоря о бедных в России, необходимо осознавать, что помимо групп, уже находящихся за чертой бедности и испытывающих различную глубину феномена на себе, существует достаточно обширная группа риска. Это те, кто находится в пограничном состоянии и в случае потери работы, болезни и т. п. может достаточно быстро перейти черту. Именно поэтому необходимо систематически, на постоянной основе проводить региональные социологические исследования, используя в качестве единицы измерения не только домохозяйство, но и населённый пункт. По данным Росстата [11, Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А., с. 20], к наиболее рисковым категориям относятся сельские домохозяйства, жители небольших городов (население до 100 тыс. человек), семьи с несовершеннолетними детьми, работающие бедные. Но определить конкретно, в каком муниципальном образовании, кому и какими способами помогать, можно только в результате полевых исследовательских работ.

Сейчас в период сложной экономической и эпидемической ситуации во всем мире риски перехода части среднего класса в состав малоимущих растут, следовательно, внимание государства к феномену бедности должно не только не ослабевать, но и усиливаться. Параллельно не стоит недооценивать риск того, что и в России, и в Норвегии уже сформировался инертный слой населения (по мнению экспертов, он составляет 10–11% населения государства [11, Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А., с. 23]), который не имеет каких-либо существенных экономических и социальных активов, при этом практически никак не реагирует на внешние раздражители. Даже при повышении денежных доходов эти домохозяйства не меняют своё социальное положение и не повышают свой социальный статус. Это может явиться существенным фактором сложности достижения национальной цели по снижению уровня бедности в Российской Федерации и заслуживает особого внимания со стороны профессионального сообщества.

В результате анализа нами были выявлены несколько социальных групп и особенностей, которые были отмечены в постковидный период впервые в России. Это, прежде всего, рост доли «профессиональных безработных». По данным Минтруда, за 4,5 месяца работы в 2021 г. государственной программы субсидирования найма безработных службы занятости получили от компаний заявки на 143 тыс. рабочих мест, но фактически смогли трудоустроить только 25 тысяч человек (при общей численности данной категории в 350 тысяч человек)²⁴. Вторая категория — это представители NEET-молодёжи (молодые люди в возрасте до 24 лет, которые нигде не учатся, не работают и не пытаются найти работу). По оценке Минтруда России — это каждый десятый представитель данной возрастной группы. Часть из них, это те, кто не могут трудоустроиться после окончания вузов²⁵.

При этом 2021 г. наблюдались две тенденции, которые смогут частично сбалансировать описанные выше негативные явления, а именно:

1. Ухудшение материального положения семей (отсутствие необходимых финансовых ресурсов для получения высоких баллов при сдаче ЕГЭ, отсутствие возможностей для переезда), а также стремление к более раннему выходу на рынок труда, к успешному трудоустройству, высокой зарплате и престижной профессии или специальности стимулирует молодых людей (выпускников 9–11 классов) выбирать вместо поступления в вузы систему профессионального образования для получения рабочей специальности и выхода на рынок труда через 2–3 года после окончания школы [12]. Эта тенденция позволит в среднесрочной перспективе решить дефицит ряда рабочих профессий, а также снизить уровень бедности в ряде домохозяйств. Государству необходимо обратить особое внимание на качество обучения данной категории и, прежде всего, на актуальность профессий и увеличение количества бюджетных мест в системе среднего профессионального образования²⁶.

2. Вторая тенденция — это увеличение количества самозанятых граждан, что, несомненно, свидетельствует о снижении теневой занятости. По данным Федеральной налоговой службы Российской Федерации, на конец июня 2021 г. в России было 2,5 млн официально зарегистрированных самозанятых граждан, а с момента запуска налогового режима в 2019 г. они заработали более 463 млрд рублей. Но не все исполнители пока «вышли из тени»: по оценкам Высшей школы экономики, на конец 2020 г. в России могло быть совокупно около 7,2 млн самозанятых, а общий объём рынка при таких подсчётах составил 1,58 трлн

²⁴ У армии безработных свои генералы. В программе субсидирования рабочих мест не хватает желающих трудиться. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4947406?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (дата обращения 30.08.2021).

²⁵ Минтруд оценил число не занятых работой и учебой молодых россиян. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61167fb39a794765c7c222a9> (дата обращения 30.08.2021).

²⁶ Молодежь вынуждена выбирать ПТУ вместо МГУ. Мониторинг неравенства. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4919065?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (дата обращения 30.08.2021).

рублей²⁷. Данная деятельность позволяет не только увеличивать благосостояние ряда до-мохозяйств, но и активно работать с ошибками включения в государственные программы социальной поддержки, усиливая адресность мер по борьбе с бедностью, а, следовательно, обеспечивая рост благосостояния людей, реально нуждающихся в помощи. Оценки экспертов позволяют спрогнозировать усиление этого тренда, так как разница между реально «вышедшими из тени» и до сих пор находящимися там существенна. Правительству России необходимо провести дополнительное стимулирование данной категории. Например, в сфере кредитования.

По предварительным данным Росстата²⁸, на конец первого квартала 2021 г. доля населения Российской Федерации с доходами ниже величины прожиточного минимума возросла до 14,4% (или до 21,1 млн человек). Это объясняется как изменением методики расчёта, так и сезонными колебаниями доходов (например, выплата многих видов социальной помощи и пенсий за декабрь 2020 г. в декабре 2020 г., а не в январе 2021 г.). При этом уже во втором квартале 2021 г. доля данной категории граждан вновь снизилась до 12,1% или на 3,4 млн человек. На сегодняшний момент это крупнейшее снижение доли бедного населения за многие годы в Российской Федерации, связанное, по мнению авторов статьи, прежде всего, с адресной поддержкой детей от трех до семи лет, реализованной Правительством Российской Федерации в 2021 г.²⁹. Так как мера носит постоянный характер, влияние этого фактора сохранится, причём эффект от такой адресной работы по основному профилю (по мнению Минтруда России, 82% малообеспеченных — это семьи с детьми) может наращиваться.

Конечно, на снижение доли бедного населения в России во втором квартале 2021 г. оказали влияние и другие факторы. Например, ожидаемый постковидный рост доходов населения практически по всем направлениям, а также снижение безработицы и восстановление потребительской активности в сфере услуг³⁰. Высока вероятность того, что доля бед-

²⁷ HeadHunter и YouDo связала самозанятость. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4910122?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (дата обращения 30.08.2021).

²⁸ О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, установленной на 2021 год, и численности малоимущего населения за I и II кварталы 2021 года. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d02/143.htm (дата обращения 30.08.2021).

²⁹ С 1 апреля 2021 года в системе мер соцподдержки изменились правила крупнейшей соцвыплаты — поддержки семей с детьми в возрасте от трех до семи лет: если в I квартале 2021 года она ещё была «безадресной», то со II квартала — адресной и ориентированной на «доплату» бедным семьям 50%, 75% или 100% прожиточного минимума в зависимости от уровня доходов. По данным Минтруда, с 1 апреля подано или переназначено 1,73 миллиона таких выплат, из них 1,33 миллиона — на сто процентов минимума, всего такую помощь получают родители почти 4 миллиона детей. ещё одна мера соцподдержки — выплаты семьям с детьми до трех лет для семей с подушевым доходом менее двух прожиточных минимумов на человека: это ещё свыше 1,8 миллиона семей.

³⁰ Оплата труда во II квартале 2021 года выше, чем год назад, на 14,2%, предпринимательские доходы — на 56,2%, прочие денежные поступления — на 31,8%, доходы от собственности — на 10,6%, снижение безработи-

ных продолжит своё снижение и за счёт иных мер поддержки. Это и пособия для одиноких родителей с детьми возрастом от 8 до 17 лет (1/2 регионального прожиточного минимума, 1,2 млн человек до конца года), и меры по поддержке будущих матерей (1/2 прожиточного минимума трудоспособного населения, 400 тысяч семей).

Несомненно, влияние на показатель 2021 г. оказали единовременные выплаты семьям с детьми к 1 сентября, пенсионерам и сотрудникам силовых структур³¹. В качестве основной системной меры адресной социальной политики современной России хочется отметить развитие механизма социального контракта. Реализация данной модели может стать решающим фактором достижения национальной цели по снижению уровня бедности.

После проведённого анализа последних изменений и тенденций показатель, заявленный в национальной задаче по снижению уровня бедности, не выглядит недостижимым. Но победа над так называемой «статистической» бедностью ставит ещё более сложные комплексные цели по преодолению малообеспеченности на основе многомерной оценки, которая включает в себя не только монетарные признаки, но и социальные депривации и субъективные оценки индивида. Именно поэтому уже сейчас необходимо уделить особое внимание развитию следующего этапа как в оценке бедности, так и в поиске новых решений в борьбе с ней³².

Ещё одним существенным риском является тот факт, что концепция адресности в России активно декларируется, но применение её на практике пока малоэффективно. Связано это, прежде всего, с превалированием категориального подхода и нежеланием работать над преодолением «кошибок включения». Преодоление его связано с введением непопулярных мер, что может негативно сказаться на настроениях, в том числе политических, значительной части населения. Дополнительным сдерживающим фактором является то, что использование адресности требует усилий со стороны региона и муниципальных образований (поиск источников финансирования, формирование критериев нуждаемости, ведение реестра малоимущих граждан, учёт доходов и расходов заявителей и т. д.).

Несмотря на активное развитие региональных программ по снижению уровня бедности, в Российской Федерации существует ряд моментов, на которые необходимо обратить особое пристальное внимание, а именно:

цы (в начале года — 5,8%, в июне — 4,8%, только сезонной занятостью это не обеспечивается), рост средних зарплат (с 52,1 тыс. руб. в I квартале до 56,2 тыс. руб. во II квартале).

³¹ Разовые выплаты пенсионерам и военным, а также выделение 21 млрд руб. на дополнительные ежемесячные выплаты малоимущим семьям с детьми в возрасте от трех до семи лет вызовут прирост годовых nominalных располагаемых доходов населения на 0,8–0,9% (на 0,6–0,9% в реальном выражении), а если учитывать только получателей выплат, то прирост составит более 5%. Такую оценку последствий инициативы В. Путина дали аналитики агентства АКРА. Они отметили, что выплаты вызовут краткосрочное снижение неравенства в доходах, поскольку их получателями в основном являются менее обеспеченные слои населения.

³² Деньги детям не игрушка. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4935646> (дата обращения 30.08.2021).

1. На сегодняшний момент региональные программы по борьбе с бедностью представляют собой преимущественно компиляцию из мероприятий, которые уже были ранее заявлены в других программах и проектах как федерального, так и регионального уровней. То есть, по мнению составителей, их комбинирование должно создать некий дополнительный эффект, который приведёт к снижению уровня бедности. На наш взгляд, наряду с использованием стандартных приемов, необходимо формулировать новые мероприятия, формирующие новые механизмы и социальные практики.

2. Несовершенство и недостаточно массовое использование механизма социального контракта. Необходимо постоянно совершенствовать и тиражировать эту меру предоставления государственной социальной помощи. Одной из мер может стать введение обязательного входного психологического тестирования для определения предрасположенности и уровня мотивированности пользователя услуги, а также постоянное наблюдение со стороны специалиста-психолога на протяжении реализации контракта для корректировок мероприятий в случае необходимости.

3. Недостаточное вовлечение иных (помимо государственных мер поддержки) институциональных форм в борьбу с бедностью. Например, развитие благотворительности среди крупных компаний и использование ресурса некоммерческих организаций в конкретных поселениях.

4. Смещение вектора в сторону безвозвратных мер социальной помощи без использования критериев нуждаемости и принципов адресности. Большинство исполнительных органов государственной власти и представителей муниципальных образований полагает, что борьба с бедностью — это задача регионального Министерства труда (или его аналога) и его подведомственных учреждений. Хотя без вовлечения организаций, отвечающих, например, за развитие сельского хозяйства или малого и среднего предпринимательства, победить бедность невозможно. Возможно только усилить риски укрепления иждивенческой модели поведения граждан.

Все участники процесса реализации региональных программ по борьбе с бедностью должны осознать, что это не столько гуманистическая или политическая задача, сколько экономическая. Увеличение количества бедных снижает как количество потребителей (а это потеря доходов компаний), так и региональный уровень человеческого капитала, что в свою очередь ведёт к замедлению экономического роста, а зачастую и к росту государственных расходов. Например, тенденция криминализации маргинализированных слоев бедного населения ведёт к росту расходов на обеспечение правопорядка. Осознание того, что снижение уровня бедности ведёт к повышению благосостояния всего общества, несомненно, повысит мотивацию всех участников процесса борьбы с бедностью. И именно через многомерность в оценке, в осознании бедности возможно более активное вовлечение и осознание своей роли в борьбе с этим явлением не только иных органов государственной и муни-

ципальной власти, но и прочих институциональных форм (например, более активное развитие благотворительности коммерческих компаний через осознание потери потребителя).

По мнению экспертов [11, Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А., с. 17], изменение системы необходимо осуществлять через переход от поддержки массовых категорий к социально уязвимым на основе критериев нуждаемости. Несомненно, нуждаемость должна определяться не только на монетарной основе, а на принципах многоокритериальности и комплексности. В качестве единицы оценки, а в последствии и единицы поддержки, следует рассматривать не индивида, а домохозяйство, которое соответствует выявленному на основе проведённых социологических исследований профилю бедности. Целесообразно активнее вовлекать бизнес и некоммерческие организации, развивать участие иных институциональных форм в борьбе с бедностью. Например, использовать опыт Норвегии по более активному вовлечению профсоюзов.

В конце статьи авторы сочли целесообразным резюмировать выводы, полученные в результате анализа социальных практик и рисков, направленных на борьбу с бедностью в рассматриваемых странах, в виде табл. 1.

Используемые подходы в оценке и борьбе с бедностью в Норвегии и России

Страна	Принятие решения на уровне региона	Участие иных социальных институтов (помимо государства)	Адресность мер социальной поддержки	Многомерный подход в оценке бедности	Прочее
Россия	Применяется	В основном превалирует государственная составляющая	Применяется, но слабо	Используется	Преемственность курса на протяжении длительного периода
Норвегия	Нечелесообразно	Активная работа с профсоюзами	Применяется, но слабо	Используется	Использование прогрессивной шкалы подоходного налога. Жёсткое государственное регулирование рынка.

В каждой из рассматриваемых выше стран действовала и продолжает действовать своя модель по борьбе с бедностью. Есть общие черты, есть существенные различия. Очевидно, что без главенствующей роли государства, которое определяет стратегию борьбы, и перманентной продолжительной (в течение нескольких десятилетий) работы добиться успеха невозможно. При этом, на наш взгляд, есть ключевые аспекты, вовлечение или не вовлечение которых в борьбу оказывает серьёзное влияние на результаты. По мнению авторов, на сегодняшний момент 4 области определяют успех дальнейших действий, а именно:

- обеспечение адресности мер социальной поддержки;
- осуществление модели, когда тактические и оперативные действия реализуются на уровне региона и муниципалитета;

- более активное вовлечение иных социальных институтов и институциональных форм (помимо национального и регионального профильного министерства или департамента);
- применение многомерного подхода в оценке уровня бедности.

Заключение

В целом анализ моделей реализации социальной политики в России и Норвегии показывает, что использование какого-либо одного типа (либерального, консервативного, социал-демократического) уже осталось в прошлом. Большинство стран двигается к комбинированию различных подходов с учётом современных реалий. Мир меняется очень стремительно, меняется состав и психология жителей (например, за счёт миграции), поэтому государство должно достаточно оперативно реагировать на новые реалии, зачастую выходя за рамки привычных, стандартных схем. При этом реализация принципов социал-демократического типа концепции государства всеобщего благосостояния, несомненно, имеет серьёзнейшее влияние на снижение национального уровня бедности.

Сложившееся понимание того, что бедность — это многофакторный феномен, не ограниченный только понятием «доход», также вносит корректировки в стратегию формирования национальной социальной политики. При этом понимание бедности пока ещё отличается у россиян и норвежцев, но необходимость комплексного подхода, включающего абсолютные, относительные, депривационные и субъективные критерии, осознали уже все. Именно на основе комбинирования методов, которые расширяют понимание феномена бедности, принимаются политические и экономические решения, хотя зачастую это расширяет охват нуждающихся в помощи и поддержке.

Проведя анализ социальных практик и направлений социальной политики, отвечающих за борьбу с бедностью в Норвегии и России, было обнаружено, что решающую роль сыграли и играют до сих пор следующие факторы:

1. Приоритизация задачи по борьбе с бедностью и её законодательное формулирование на национальном уровне. Подготовка необходимого пакета нормативно-правовых актов, формирование чёткого плана действий и отдельной системы управления.

2. При этом стратегия остаётся на уровне национального правительства, финансовые полномочия и формирование тактики являются прерогативой региональной власти, а оперативный прикладной уровень работы должен находиться в муниципальных образованиях, а чаще всего в конкретных поселениях. Объектом оценки и дальнейшего воздействия должен стать не индивид, а домохозяйство.

3. Помимо государства, которое, несомненно, является и будет являться базовым социальным институтом в преодолении феномена бедности, должны быть вовлечены иные институциональные формы: бизнес (через расширение благотворительной деятельности),

СМИ и новые медиа (формирование сценариев поведения конкретных людей), научное сообщество, некоммерческие организации (например, в реализации функций комбедов на местах для организации прикладной работы с конкретным домохозяйством), волонтёрские организации, профессиональные союзы и ассоциации.

4. В государственном секторе России борьбой с бедностью должны заниматься не только Минтруд, его аналоги и региональные организационные формы, но и иные органы государственной и муниципальной власти. Это вовлечение должно быть простимулировано пониманием и осознанием того, что снижение количества малообеспеченных граждан — это не столько гуманистическая задача или предмет национальной гордости, сколько экономическая категория, связанная с развитием потребления (интересы бизнеса) и развитием человеческого капитала страны (основной интерес государства и его граждан).

5. Новые реалии предполагают переход от монетарных оценок уровня бедности к комплексному многомерному подходу, потому что в настоящее время использование монетарных принципов, особенно абсолютного подхода — это минимизация проблемы и обслуживание, прежде всего, политических декларативных целей государства. Многомерный подход, использующий депривационные принципы, субъективные оценки индивида своего благосостояния позволяют подойти к проблеме более качественно и эффективно с точки зрения развития человеческого капитала. Особое внимание при использовании депривационного подхода стоит обратить на ограничения в области превентивного здравоохранения (в том числе формирования здорового образа жизни каждого гражданина), образования и формирования комфортных условий проживания.

6. Использование комплексного подхода, несомненно, ведёт к расширению целевой аудитории, а следовательно, и к увеличению затрачиваемых финансовых и организационных ресурсов. Ресурсы ограничены и у России, и у Норвегии, а «заливание» деньгами целых социальных групп может привести и к формированию иждивенческой модели поведения человека, и к неконтролируемому росту инфляции в стране, и к подрыву национальной экономической системы. Рецепт один — постепенный уход от категориального подхода, а тем более от подхода социал-демократического в сторону адресной концепции. Применение категориального принципа реализации социальной политики должно в конечном итоге использоваться только в преодолении явления абсолютной бедности малоимущего населения, то есть компенсации части выпадающих доходов до размера прожиточного минимума. Все остальные меры помощи и поддержки (сверх прожиточного минимума) должны носить строго адресный характер.

7. Основой адресной концепции должен стать механизм социального контракта, который обеспечивает не только принцип точечного воздействия на проблему, но и несёт в себе принцип временного стимулирования деятельности домохозяйства с учётом мотивов конкретных индивидов, входящих в него. Несомненно, данный механизм нуждается в даль-

нейшем развитии и адаптации. Например, в привлечении специалистов-психологов для выявления базовых мотивов индивида и типологизации по видам поддержки и помощи, а также для оценки психологического состояния во время реализации процесса выхода из ловушки бедности и корректировки траектории. Финансирование необходимо осуществлять за счёт прогрессивной налоговой шкалы, путём перераспределения доходов богатых и сверхбогатых граждан. Здесь опыт Норвегии будет особенно актуален для России.

8. Без постоянных социологических исследований невозможно иметь оперативную информацию об основных профилях бедности и причинах ее возникновения. Без информации о профилях невозможно типологизировать малоимущих и подобрать правильную модель помощи. Исследования необходимо проводить в два этапа: 1) определение наиболее бедных районов, например, на основе индекса многомерной бедности; 2) проведение отбора домохозяйств для разработки траектории и модели выхода из ловушки бедности в районах с низкими показателями.

9. Дальнейшее развитие и совершенствование системы государственного социального страхования. Механизмы, сформированные в Российской Федерации, являются неплохим базисом, и от этого пути развития нельзя ни в коем случае отказываться, особенно в части медицинского страхования. Несомненно, не все элементы на сегодня достаточно обеспечены финансированием, но при этом необходимо работать над установлением чёткой взаимосвязи у каждого гражданина между обязанностью платить страховые взносы и правом получать определённый перечень услуг не только от Фонда обязательного медицинского страхования (далее — ФОМС), но и от Фонда социального страхования (далее — ФСС) и Пенсионного Фонда Российской Федерации. Возможно, стоит рассмотреть вариант передачи функций страховых компаний ФОМСу, а ФСС активнее развивать направление, связанное с оздоровлением граждан, с их реабилитацией.

И в завершение хотелось бы ещё раз обратить внимание на два основополагающих принципа. Во-первых, это перманентное экономическое развитие страны, основанное на росте производительности труда, диверсификации национальной экономики (с учётом риска колебания цен и исчерпаемости углеводородов) и стремлении к достижению полной занятости трудоспособного населения. Во-вторых, это постоянная работа по сглаживанию экономического и депривационного неравенства населения, в частности снижение значения индекса Джини. Это возможно при продолжении работы по дифференциации шкалы налога на доходы физических лиц и исполнения принципа, используемого в Норвегии, когда богатые платят за бедных, и активизации масштабных благотворительных программ.

Таким образом, продолжение использования элементов концепции государства всеобщего благосостояния возможно и в России, и в Норвегии, но с учётом современных общемировых реалий, а именно: принципов многомерности в оценке явления, адресности в реализации программ борьбы, вовлечения иных (помимо профильных органов исполнительной

государственной власти) институциональных форм в процесс и учёта региональной специфики в практической работе с феноменом бедности. Несмотря на имеющиеся различия, и Норвегии, и России на современном этапе следует учесть опыт друг друга и обозначенные выше риски. Основные риски обеих стран лежат в области экономического роста, старения нации, применения категориальной модели социальной политики и формирования иждивенческой модели поведения части населения.

Руководство победившей в 2021 г. на выборах Норвежской Рабочей Партии заявило не только о продолжении работы по борьбе с бедностью внутри страны, но и о необходимости усиления взаимодействия и сотрудничества с Российской Федерацией. Возможно, именно этот момент станет отправной точкой в дальнейшем снижении уровня бедности обеих стран.

Список источников

1. Marshall T.H. *Citizenship and social class*. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. 154 p.
2. Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1990. 264 p.
3. Helliwell J.F., Layard R., Sachs J., De Neve J.-E., Wang S. *World Happiness Report 2021*. New York: Sustainable Development Solutions Network. 2021. 212 p.
4. Conceição P. *The 2020 Human Development Report*. New York: United Nation. 2020. 397 p.
5. Andersen T.M., Holmström B., Honkapohja S., Korkman S., Söderström H.T., Vartiainen J. *The Nordic Model. Embracing globalization and sharing risks*. The Research Institute of the Finnish Economy (ETLA). Helsinki: Taloustieto Oy. 2007. 165 p.
6. Mølland E., Vigsnes K.L., Bøe T., Danielsen H., Lundberg K.G., Haraldstad K., Ask T.A., Wilson P., Abildsnæs E. *The New Patterns study: coordinated measures to combat child poverty* // Scandinavian Journal of Public Health. 2021. Vol. 49. Iss. 5. DOI: 10.1177/1403494820956452
7. Зайков К.С. Норвежская рабочая партия и социал-демократическое движение Норвегии (1945–1973 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук: 22.00.04 / Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Архангельск, 2007. 198 с.
8. Родионова М.Е. Методы измерения бедности в зарубежных странах и России: сравнительный анализ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 1 (17). С. 42–47. DOI: 10.12737/10500
9. Manyika J., Madgavkar A., Tacke T., Smit S., Woetzel J., Abdulaal A. *The Social Contract in the 21st Century. Outcomes so far for workers, consumers, and savers in advanced economies*. McKinsey Global Institute. 2020. 175 p.
10. Пипия Л.К., Дорогокупец В.С. Социальный контракт в XXI веке: подводя итоги // Наука за рубежом. 2020. № 90. С. 1–92 с. DOI: 10.37437/2222517X-2020-90-5-1-92
11. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. Москва: Дело, 2019. 51 с.
12. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021. № 13 (145) / Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Колесникова А.В., May В.А., Синельникова-Мурылева С.Г. Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 24 с.

References

1. Marshall T.H. *Citizenship and Social Class*. Cambridge, Cambridge University Press, 1950, 154 p.

2. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1990, 264 p.
3. Helliwell J.F., Layard R., Sachs J., De Neve J.-E., Wang S. *World Happiness Report 2021*. New York, Sustainable Development Solutions Network, 2021, 212 p.
4. Conceição P. *The 2020 Human Development Report*. New York, United Nation, 2020, 397 p.
5. Andersen T.M., Holmström B., Honkapohja S., Korkman S., Söderström H. T., Vartiainen J. *The Nordic Model. Embracing Globalization and Sharing Risks*. The Research Institute of the Finnish Economy (ETLA). Helsinki, Taloustieto Oy, 2007, 165 p.
6. Mølland E., Vigsnes K.L., Bøe T., Danielsen H., Lundberg K.G., Haraldstad K., Ask T.A., Wilson P., Abildsnes E. The New Patterns Study: Coordinated Measures to Combat Child Poverty. *Scandinavian Journal of Public Health*, 2021, vol. 49, iss. 5. DOI: 10.1177/1403494820956452
7. Zaykov K.S. *Norvezhskaya rabochaya partiya i sotsial-demokraticeskoe dvizhenie Norvegii (1945–1973 gg.): avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Norwegian Labor Party and the Norwegian Social Democratic Movement (1945–1973): Cand. Hist. Sci. Diss. Abs.]. Arkhangelsk, 2007, 198 p.
8. Rodionova M.E. Metody izmereniya bednosti v zarubezhnykh stranakh i Rossii: sravnitel'nyy analiz [Methods of Measurement of Poverty in Foreign Countries and Russia: Comparative Analysis]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2015, no. 1 (17), pp. 42–47. DOI: 10.12737/10500
9. Manyika J., Madgavkar A., Tacke T., Smit S., Woetzel J., Abdulaal A. *The Social Contract in the 21st Century. Outcomes so far for workers, consumers, and savers in advanced economies*. McKinsey Global Institute, 2020, 175 p.
10. Pipiya L.K., Dorogokupets V.S. Sotsial'nyy kontrakt v XXI veke: podvodya itogi [Social Contract in the 21st Century: Summing Up]. *Nauka za rubezhom* [Science Abroad], 2020, no. 90, pp. 1–92. DOI: 10.37437/2222517X-2020-90-5-1-92
11. Maleva T.M., Grishina E.E., Tsatsura E.A. *Sotsial'naya politika v dolgosrochnoy perspektive: mnogomernaya bednost' i effektivnaya adresnost'* [Social Policy in the Long Run: Multidimensional Poverty and Effective Targeting]. Moscow, Delo Publ., 2019, 51 p.
12. Gurevich V.S., Drobyshevskiy S.M., Kolesnikov A.V., Mau V.A., Sinelnikov-Murylev S.G., eds. *Monitoring ekonomiceskoy situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomiceskogo razvitiya* [Monitoring of the Economic Situation in Russia: Trends and Challenges of Socio-Economic Development]. The Gaidar Institute for Economic Policy, RANEPA, 2021, no. 13 (145), 24 p. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 11.12.2021;
принята к публикации 25.01.2022*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 126–141.

Научная статья

УДК 327(98)(485)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.126

Последовательность и адаптивность: новые грани политики Швеции в Арктике *

Марченков Максим Леонидович^{1✉}, ассистент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Набережная Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ m.marchenkov@narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3706-2817>

Аннотация. Данная статья представляет собой аналитический обзор арктической политики Швеции с момента принятия первой арктической стратегии страны в 2011 г. по настоящее время. Анализируются приоритеты арктической стратегии Швеции 2011 г. в сферах охраны окружающей среды, экономического сотрудничества и жизнедеятельности человека в Арктике. Программы председательства Швеции в Арктическом совете на 2011–2013 гг. и в Совете Баренцева Евро-Арктического на 2017–2019 гг. оценены на предмет соответствия приоритетам национальной арктической стратегии. Представлено участие Швеции в проектах под эгидой Арктического совета в 2010-х гг. и в настоящее время. Анализируется содержание обновлённой арктической стратегии Швеции 2020 г. Проводится сравнение обновлённой стратегии с документом 2011 г.; объясняются причины увеличения тематического охвата арктической стратегии Швеции к 2020 г. (дополнительными приоритетами были выбраны международное сотрудничество в Арктике, безопасность и стабильность в регионе, научное сотрудничество). Объясняются причины большого внимания Швеции к вопросам безопасности в Арктике. Делается вывод о том, что арктическая политика Швеции с 2011 г. по настоящее время является последовательной и способной адаптироваться ввиду меняющейся климатической, экономической, политической и военной обстановки в Арктическом регионе. Среди новшеств арктической политики Швеции отмечается стремление сотрудничать со странами Северной Европы и НАТО в области военного сотрудничества в Арктике. Прослеживается новая роль Европейского союза, Канады и Германии в реализации арктической политики Швеции на современном этапе. Оценивается соответствие арктической стратегии Швеции положениям Стратегического плана Арктического совета на 2021–2030 гг.

Ключевые слова: Швеция, стратегия, арктическая политика, безопасность в Арктике, Арктический совет, Баренцево сотрудничество

Consistency and Adaptability: New Aspects of the Arctic Policy of Sweden

Maksim L. Marchenkov^{1✉}, Research Assistant

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹ m.marchenkov@narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3706-2817>

Abstract. The article is an analytical review of Sweden's Arctic policy since the adoption of the country's first Arctic strategy in 2011 until nowadays. The priorities of Sweden's 2011 Arctic Strategy in the areas of environmental protection, economic cooperation and human life in the Arctic are analyzed. Sweden's

* © Марченков М.Л., 2022

Для цитирования: Марченков М.Л. Последовательность и адаптивность: новые грани политики Швеции в Арктике // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 126–141. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.126

For citation: Marchenkov M.L. Consistency and Adaptability: New Aspects of the Arctic Policy of Sweden. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 126–141. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.126

chairmanship programs at the Arctic Council for 2011–2013 and at the Barents Euro-Arctic Council for 2017–2019 are assessed for compliance with the national Arctic strategy priorities. The participation of Sweden in projects under the auspices of the Arctic Council in the 2010s and at present is presented. The content of the updated Sweden's Arctic strategy of 2020 is analyzed. The updated strategy is compared with the strategy of 2011; the reasons for the enlargement of the thematic coverage of Sweden's Arctic strategy of 2020 (additional priorities are international cooperation in the Arctic, security and stability in the region, and scientific cooperation) are explained. The reasons for Sweden's emphasis on security issues in the Arctic are explained. It is concluded that Sweden's Arctic policy from 2011 to the present is consistent and adaptable due to the changing climatic, economic, political and military situation in the Arctic region. The desire of Sweden to cooperate with the Nordic countries and NATO in the field of military cooperation in the Arctic is marked as a new tendency in Sweden's Arctic policy. The new role of the European Union, Canada and Germany in the implementation of Swedish Arctic policy at the present stage is traced. Sweden's Arctic strategy is also estimated in correspondence to the provisions of the Arctic Council Strategic Plan for 2021–2030.

Keywords: Sweden, strategy, Arctic policy, Arctic security, Arctic Council, Barents cooperation

Введение

Арктика, будучи сложным геополитическим регионом, внутри которого сосредоточен комплекс проблем, приобретших в последние десятилетия глобальную значимость (изменение климата и ухудшение состояния экосистем, добыча полезных ископаемых, перспективные транспортные коммуникации и др.), постулирует необходимость последовательного решения этих проблем через стратегические инструменты. Учреждение в 1990-х гг. Баренцева сотрудничества, Арктического совета, «Северного измерения» катализировало обращение внимания многих стран мира к проблемам Арктического региона; в этот же период арктическая политика начинает оформляться как отдельное направление внутри- и внешнеполитической деятельности развитых стран. Как следствие, последние десятилетия также характеризуются принятием ряда политических документов стратегического уровня планирования, посвящённых арктической проблематике, не только государствами «Арктической восьмёрки», но и в различных европейских и азиатских странах.

Так, в сентябре 2020 г. Швеция приняла новую национальную арктическую стратегию¹, спустя практически десятилетие с выхода предыдущей, попав в определённый тренд по обновлению арктических концептуальных документов среди стран-соседей. В октябре 2020 г. (продолжение принятых в начале 2020 г. основ государственной политики в Арктике²) в России была утверждена новая стратегия развития Арктической зоны³, традиционно по

¹ Sweden's strategy for the Arctic region. URL: <https://www.government.se/4ab869/contentassets/c197945c0be646a482733275d8b702cd/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

² Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129/b47e2d435797dc3a7274b6564259fbe47d16a565/ (дата обращения: 10.09.2021).

³ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/f816e270336e0e2d9c1e07a4faf1fd0241a911b4/ (дата обращения: 10.09.2021).

большой части ориентированная на аспекты развития собственных арктических территорий, но также учитывающая международные вызовы в регионе. Кроме того, в конце 2020 г. (всего через три года после выхода предыдущего концептуального документа по Арктике⁴) Норвегия выпустила обновлённую концепцию арктической политики⁵, оформив в один стратегический документ как направления внешнеполитической деятельности в Арктическом регионе, так и приоритеты внутренней политики по развитию Северной Норвегии. Также, хотя полноценную арктическую стратегию⁶ в обновлённой редакции финское правительство приняло позднее Швеции, летом 2021 г., важно подчеркнуть, что фактическое обновление арктической политики Финляндии было совершено ещё весной 2017 г., когда страна вступила в двухлетнее председательство в Арктическом совете.

Несомненно, с момента выхода предшествующей арктической стратегии Швеции в 2011 г. проблемы международной политики в Арктическом регионе и его окружении значительно трансформировались. Крымские события 2014 г. породили череду взаимных санкций между Россией и странами Запада. Редкие страны Европейского союза оказались не подвержены социальным проблемам вследствие Европейского миграционного кризиса, начавшегося в 2015 г. Турублентность внутренних процессов евроинтеграции увенчалась Брекзитом. Новые вызовы международной безопасности и особая позиция США к НАТО в течение последних лет спровоцировали новую конфигурацию сил и приоритетов внутри Североатлантического Альянса [1, Sauer T., с. 215; 2, Koivula T., с. 157–158]. Наконец, фактором развития глобализации в регионе выступили научные данные об ухудшении состояния окружающей среды в Арктике вследствие негативных последствий изменения климата [3, Box J.E. et al.]. Все эти обстоятельства (в совокупности с приобретавшей в течение 2010-х гг. всё более концептуализированные формы арктической политикой Европейского союза) оказали влияние на содержание нового стратегического документа Швеции по Арктике.

Арктическая стратегия 2011 г. и её реализация

По сравнению со многими другими северными странами Европы, Швеция издала свою первую арктическую стратегию несколько позднее, в мае 2011 г.⁷; тем самым можно отметить, что данный документ возможно рассматривать в том числе как ответ на ранее

⁴ Norway's Arctic Strategy – between geopolitics and social development. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

⁵ The Norwegian Government's Arctic Policy. URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/arctic_policy/id2830120/ (дата обращения: 10.09.2021).

⁶ Finland's Strategy for Arctic Policy. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/163247/VN_2021_55.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

⁷ Норвегия опубликовала стратегию развития Крайнего Севера в 2006 г., дополнив её положения в 2009 г. Основы государственной политики РФ в Арктике были утверждены в 2008 г. Арктическая стратегия Финляндии была принята в июне 2010 г. Арктическая политика Исландии была продекларирована в виде резолюции Альтинга в марте 2011 г. Отметим, что арктическая стратегия Дании была выпущена позднее шведской, в августе 2011 г.

опубликованные позиции других европейских государственных акторов в Арктическом регионе. Более того, незадолго до этого, в 2008–2011 гг., политические заявления по отношению к Арктике были представлены в официальных документах руководящих структур Европейского союза: Совета министров ЕС⁸, Еврокомиссии⁹ и Европарламента¹⁰. Таким образом, Швеция, будучи членом Евросоюза, могла усилить свою позицию, транслируя в том числе интересы этого наднационального института в своей первой арктической стратегии (забегая вперёд, отметим, что в тексте этого документа роль ЕС в реализации арктической политики Швеции была раскрыта достаточно сдержанно и фрагментарно).

Приоритеты объявленной арктической политики Швеции охватывали такие сферы, как **окружающая среда и изменение климата** (проведение природоохранных мероприятий, поддержание биоразнообразия и исследовательская деятельность), **экономический рост** (реализация торгового и промышленного потенциала Северной Европы и Арктического региона в целом), **жизнь человека в Арктике** (вопросы здравоохранения и демографии, положение коренных народов). Данный набор направлений политики в Арктике в целом соответствовал ранее заданному другими арктическими странами спектру вопросов развития региона. Более подробно тематические направления шведской арктической стратегии 2011 г. раскрыты на рисунке ниже.

Рис. 1. Основные направления деятельности Швеции в Арктике (согласно арктической стратегии 2011 г.)¹¹.

Внешнеполитические планы, обозначенные в стратегии, главным образом сводились к тезису о том, что Арктика должна оставаться территорией без сильных политических трендов. Во исполнение этой цели предполагалось использовать переговорный потенциал уже

⁸ Council of European Union conclusions on Arctic issues. URL: https://webgate.ec.europa.eu/maritimeforum/system/files/arctic_council_conclusions_09_en.pdf (дата обращения: 16.09.2021).

⁹ Communication from the Commission of the European Communities to the European Parliament and the Council "The European Union and the Arctic Region". URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0763:FIN:%20EN:PDF> (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁰ European Parliament resolution of 20 January 2011 on a sustainable EU policy for the High North. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2011-0024_EN.html (дата обращения: 16.09.2021).

¹¹ Источник: разработка автора по материалам арктической стратегии Швеции 2011 г.

созданных платформ арктического сотрудничества: Арктического совета и Баренцева сотрудничества. Также были анонсированы планы по реализации арктического трека сотрудничества внутри международных структур более обширной тематической направленности: Северного совета, Европейского союза, Организации Объединённых Наций, а также по линии взаимодействия саамских парламентов Норвегии, Финляндии и Швеции с участием наблюдателей от российских саамов.

Двухуровневая система сотрудничества в Баренцевом регионе рассматривалась как платформа для реализации закреплённых в стратегии приоритетов в области окружающей среды, экономических связей и жизнедеятельности человека в условиях Арктики. Через деятельность внутри Северного совета Швеция намеревалась оказывать содействие проектам Арктического совета и Баренцева сотрудничества за счёт финансируемых Советом министров Северных стран инициатив, направленных на развитие территорий Арктики. В стратегии также подчёркивался переговорный потенциал структур ООН в областях урегулирования территориальных споров в Арктике, охраны окружающей среды, климатической политики, здравоохранения и положения коренных народов. В отношении работы «Арктической пятерки» Швеция, напротив, предложила прекратить использование подобного переговорного формата, соответствующим образом расширив повестку «Арктической восьмёрки» и легитимизировав положение Исландии, Финляндии и Швеции в этом вопросе (к тому моменту прибрежные страны Арктики уже провели две министерские встречи в 2008 и 2010 гг., утвердив общую позицию по решению территориальных претензий в Арктике [4, Коптелов В.В., с. 193].

Особый акцент в реализации международной арктической политики Швеции был сделан на усилении политической и институциональной роли Арктического совета, что было, с одной стороны, в ключе генерального тренда арктического сотрудничества, разделяемого большинством стран региона, и с другой стороны, весьма своевременно, учитывая шведское председательство в этом институте в 2011–2013 гг. Важно отметить, что шведская стратегия при стремлении усилить потенциал сотрудничества в сферах хозяйственной деятельности и социальных вопросов также предлагала рассмотреть возможность расширить мандат Арктического совета, включив в него вопросы коллективной безопасности¹², но на практике это предложение не было реализовано.

Программа председательства Швеции в этом международном институте на 2011–2013 гг. предлагала три блока: окружающаяся среда и климат, человек в Арктике и усиление Арктического совета¹³. Тематические приоритеты внутри этих блоков в целом отражали со-

¹² Sweden's strategy for the Arctic region, c. 19. URL: <https://www.government.se/4ab1ed/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region> (дата обращения: 20.09.2021).

¹³ Sweden's Chairmanship Programme for the Arctic Council 2011–2013. URL: <http://hdl.handle.net/11374/1610> (дата обращения: 20.09.2021).

ответствующие вопросы в шведской арктической стратегии. Таким образом, можно отметить тематическую преемственность повестки председательства Швеции в Арктическом совете с национальной арктической стратегией с оговоркой о том, что вопросы экономического сотрудничества не были выделены в отдельный блок, однако данная тема была раскрыта через акцент на ответственном природопользовании, а также подход к судоходству и добыче полезных ископаемых в Арктике, отвечающий концепции устойчивого развития.

Можно отметить несколько заметных проектов, реализованных в течение шведского председательства. Рабочей группой по реализации программы арктического мониторинга и оценки (АМАР) был выпущен доклад об окислении вод Северного Ледовитого океана. Рабочая группа по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЕПРР) разрабатывала инициативы, направленные на предотвращение разливов нефти. Проект по проведению комплексной оценки биоразнообразия в Арктике был выполнен рабочей группой по сохранению арктической флоры и фауны (CAFF). Рабочая группа по защите арктической морской среды (РАМЕ) выпустила обзор состояния экосистем Северного Ледовитого океана, а также предложила разработки по использованию экосистемного подхода в управлении проектами в Арктике. Проекты в сфере корпоративной социальной ответственности бизнеса и устойчивого развития компаний, инициативы в сфере здравоохранения в Арктике, программа по адаптации арктических сообществ к меняющимся условиям окружающей среды были предложены Рабочей группой по устойчивому развитию (SDWG). Рабочая группа по устранению загрязнения Арктики (АСАР) реализовала проект по противодействию выбросам фурана и диоксинов на российских промышленных предприятиях, а также по улучшению условий хранения устаревших пестицидов на Севере России (большинство проектов этой рабочей группы реализовывались на территории России)¹⁴. Переговорный потенциал арктического сотрудничества был реализован в виде 16 встреч на высоком уровне, среди которых можно отметить встречу глав природоохранных министерств стран «Арктической восьмёрки» в феврале 2013 г. (с участием представителей коренных народов), а также встречу с представителями Совета министров Северных стран, Совета государств Балтийского моря и Совета Баренцева Евро-Арктического региона в марте 2012 г.

Таким образом, можно заключить, что председательство Швеции в Арктическом совете смогло реализовать поставленные тематические приоритеты и оказалось успешным. Закономерно, что тезисы выступления Министра иностранных дел Швеции К. Бильдта на министерской встрече в Кируне были посвящены проблемам изменения климата и глобальному значению их последствий, мероприятиям по развитию экономических связей в Арктике

¹⁴ Senior Arctic Officials' Report to Ministers (Kiruna, Sweden, 15 May 2013). URL: <http://hdl.handle.net/11374/848> (дата обращения: 23.09.2021).

и институциональному развитию совета¹⁵. Также на этой министерской встрече было принято совместное заявление «Vision for the Arctic». Этот документ предложил участникам Арктического совета реализацию в будущем таких направлений, как приоритет мирного сотрудничества в регионе, природоохранная деятельность, улучшение качества жизни населения Арктики (включая коренные народы), устойчивая экономика и природопользование, научно-образовательное сотрудничество, вопросы комплексной безопасности в Арктике, а также усиление роли Арктического совета как ведущей площадки для арктического диалога¹⁶. Тем самым Швеция смогла обеспечить трансляцию своих национальных арктических приоритетов в международную повестку арктического диалога уже за пределами периода своего председательства в Арктическом совете.

Отмечается, что в целом арктическая политика Швеции после 2013 г. продолжалась в схожем тематическом ключе [5, Eklund N.]. Проекты под эгидой Арктического совета, начатые после окончания шведского председательства, в которых Швеция выступала или продолжает выступать одним из исполнителей, демонстрируют приверженность страны ранее выбранным тематическим приоритетам в арктической деятельности: охране окружающей среды¹⁷, устойчивому развитию¹⁸, социальным вопросам¹⁹.

Одним из шагов по постепенному обновлению повестки арктической политики Швеции можно считать председательство в Совете Баренцева Евро-Арктического региона в 2017–2019 гг. Анализ программы председательства позволяет констатировать, что приоритеты Баренцева сотрудничества, предложенные Швецией на этот период, в целом являлись методичным продолжением тематических приоритетов, обозначенных в национальной арктической стратегии, с учётом регионального измерения БЕАР. В предложененной программе вопросы природоохранных мероприятий были тесно переплетены с климатической повесткой, аспекты экономического сотрудничества были связаны с вопросами комплексной безопасности и устойчивости (в том числе подчёркивалась необходимость развития устойчивого туризма), а социальная сфера охватывала проблемы здравоохранения, академической мобильности, культурного сотрудничества и вовлечения молодёжи. Также можно отметить, что шведское председательство намеревалось сделать Баренцев регион более заметным на

¹⁵ Statements and speeches from the Kiruna Ministerial Meeting, 15 May 2013. URL: <http://hdl.handle.net/11374/1569> (дата обращения: 23.09.2021).

¹⁶ Vision for the Arctic. URL: <http://hdl.handle.net/11374/287> (дата обращения: 23.09.2021).

¹⁷ ACAP project “Demonstration of Rapid Environmental Assessment of Pesticide-Contaminated Sites”. URL: <https://arctic-council.org/projects/demonstration-of-rapid-environmental-assessment-of-pesticides-contaminated-sites/> (дата обращения: 25.09.2021); PAME project “Synthesis Report on Ecosystem Status, Human Impact and Management Measures in the Central Arctic Ocean (CAO)”. URL: <https://www.pame.is/projects-new/ecosystem-approach-to-management/ea-activities/446-synthesis-report-on-ecosystem-status-human-impact-and-management-measures-in-the-central-arctic-ocean-cao> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁸ SDWG project “Arctic Resilience Action Framework (ARAF)”. URL: <https://sdwg.org/what-we-do/projects/arctic-resilience-action-framework-araf/> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁹ SDWG project “Gender Equality in the Arctic”. URL: <https://arcticgenderequality.network/> (дата обращения: 25.09.2021).

карте международных арктических партнёрств через укрепление коммуникации и упорядочивания структур внутри Баренцева сотрудничества²⁰. Рассмотрев итоги шведского председательства в БЕАР, можно подытожить, что деятельность в рамках Баренцева сотрудничества в этот период соответствовала обозначенным в программе приоритетам. Отдельно можно отметить, что по некоторым направлениям был достигнут заметный прогресс: в частности, в 2019 г. были выпущены комплексные рекомендации по вовлечению молодёжи в работу структур Баренцева сотрудничества; также в 2019 г. состоялась встреча министров транспорта стран БЕАР, на которой был одобрен актуализированный Совместный транспортный план Баренцева региона²¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что за почти десять лет с момента принятия первой арктической стратегии Швеция последовательно реализовывала обозначенные в документе направления политики. Проекты в области охраны окружающей среды, улучшения качества жизни в условиях Арктики, устойчивого экономического развития в этот период оставались в фокусе внимания и активности Швеции как во время её председательства в Арктическом совете и Совете Баренцева Евро-Арктического региона, так и в промежуточный этап. Также Швеция усилила коммуникационную и организационную составляющие деятельности этих структур во время своего председательства. Тем не менее, изменившаяся по ряду направлений ситуация в Арктическом регионе, обусловила необходимость принятия обновлённого национального политического документа по Арктике.

Дополненный взгляд на актуальные вызовы

Новая арктическая стратегия Швеции²² была выпущена в сентябре 2020 г. по линии министерства иностранных дел, что подчёркивает ориентацию этого документа на внешнеполитическую деятельность страны в Арктическом регионе. Как мы уже отмечали ранее, обновление арктических концептуальных документов стало определённым трендом в 2019–2021 гг.; в частности, до Швеции в 2019 г. концепции арктической политики были пересмотрены в Канаде²³ и Германии²⁴, а в начале 2020 г. обновлённые основы государственной политики в Арктике утвердили в России, что должно было оказать влияние на спектр поднима-

²⁰ Swedish Chairmanship of the Barents Euro-Arctic Council 2017–2019. URL: <https://www.barentsinfo.fi/beac/docs/SwedishChairmanshipprogram2017-2019.pdf> (дата обращения: 26.09.2021).

²¹ Более подробная информация об итогах председательства Швеции представлена в отчёте: Summary of the priorities and achievements of the Swedish Chairmanship of the Barents Euro-Arctic Council 2017–2019. URL: https://www.barentsinfo.fi/beac/docs/Rapport_2017_2019.pdf (дата обращения: 26.09.2021).

²² Sweden's Strategy for the Arctic Region. URL: <https://www.government.se/4ab869/contentassets/c197945c0be646a482733275d8b702cd/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

²³ Canada's Arctic and Northern Policy Framework. URL: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587> (дата обращения: 30.09.2021).

²⁴ Germany's Arctic Policy Guidelines. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2240002/eb0b681be9415118ca87bc8e215c0cf4/arktisleitlinien-data.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

емых в стратегии вопросов и набор инструментов для реализации арктической политики Швеции.

Так, приоритетами новой шведской арктической стратегии стали вопросы **международного сотрудничества** в Арктике, обеспечение **безопасности и стабильности** в регионе, **климатическая политика и природоохранная деятельность**, **арктические исследования** (с уклоном в экосистемный мониторинг), **устойчивое развитие экономики** и **повышение качества жизни** населения Арктики. Более детально направления обновлённой арктической политики Швеции представлены на рисунке ниже.

Рис. 2. Приоритеты арктической политики Швеции (согласно арктической стратегии 2020 г.)²⁵.

При внешне кажущемся балансе внутренних и внешнеполитических задач внутри стратегии отметим, что, несмотря на двухкратное увеличение количества приоритетных тем в новом шведском документе по Арктике, предметная направленность этих приоритетов в целом совпадает с предыдущей стратегией. Так, арктическое сотрудничество и проблемы безопасности в регионе (представленные в стратегии 2011 г. в отдельном разделе документа) были преобразованы и внесены как обособленные приоритеты в стратегии 2020 г. Кроме того, необходимость проведения исследований по обширному спектру арктических проблем, включая экологические, экономические и социальные вопросы, уже была отмечена в

²⁵ Источник: разработка автора по материалам арктической стратегии Швеции 2020 г.

стратегии 2011 г. в соответствующих приоритетах; однако этот приоритет действительно заслуживал отдельного внимания в связи с необходимостью реализации Соглашения по укреплению международного арктического научного сотрудничества²⁶, подписанного под эгидой Арктического совета.

Тем не менее, нельзя резюмировать, что новая арктическая стратегия Швеции дублирует свою предыдущую версию. Аргументация каждого выбранного приоритета подкреплена актуализированными данными по состоянию проблем в этой сфере. Кроме того, в обновлённом политическом документе более обширно раскрыт потенциал международного (как многостороннего, так и двухстороннего) сотрудничества и политики в области безопасности. Рассмотрим факторы, способствовавшие акцентированию внимания на этих областях.

Безопасность и сотрудничество в Арктике. Новые роли партнёрств и партнёров

Традиционно предписываемый шведскому правительству фокус на проблемах безопасности (в том числе в Арктическом регионе) не является исследовательским стереотипом. Ещё в стратегии 2011 г. было обозначено, что вопрос безопасности в Арктике встал перед Швецией уже во времена холодной войны, а сквозная цель реализации арктической политики страны заключалась в достижении состояния безопасности в регионе через реализацию обозначенных приоритетов в экономике, окружающей среде и социальной сфере²⁷. В обновлённой арктической стратегии тоже сохраняется генеральный принцип реализации арктической деятельности страны через призму обеспечения безопасности в Арктике. Однако заметим, что в данном политическом документе проблемы обеспечения безопасности рассматриваются более вариативно, дополняя концепцию «жёстких» угроз ответами на вызовы в сфере безопасности человека (реализация человеческого капитала и обеспечение его составляющих)²⁸.

Причиной превалирующего внимания Швеции, уделяемым проблемам безопасности в Арктическом регионе служит комплекс обстоятельств, актуализировавшихся в течение 2010-х гг. Изменение климата в Арктике влияет не только на деградацию местных экосистем, но и провоцирует природные катаклизмы, повышение уровня мирового океана и другие глобальные последствия [6, Palosaari T., Tynkkynen N., с. 91]; данные обстоятельства обусловливают риски для жизни северных сообществ. Кроме того, климатические изменения в Арктике открывают дополнительные возможности для хозяйственной эксплуатации региона:

²⁶ Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. URL: <http://hdl.handle.net/11374/1916> (дата обращения: 02.10.2021).

²⁷ Sweden's strategy for the Arctic region, c. 14–15, 23. URL: <https://www.government.se/4ab1ed/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region> (дата обращения: 02.10.2021).

²⁸ Khorrami N. Sweden's New Arctic Strategy: Change and Continuity in the Face of Rising Global Uncertainty. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/sweden-new-arctic-strategy-change-continuity-face-rising-global-uncertainty> (дата обращения: 04.10.2021).

становятся более доступными для извлечения полезные ископаемые, животные и растительные ресурсы Арктики, увеличивается навигационный период арктического судоходства [7, Crépin A.-S., Karcher M., Gascard J.-C.]. Важно отметить, что вследствие облегчённого доступа к месторождениям углеводородов на Севере может серьёзно измениться ситуация на мировом энергетическом рынке, но также возрастают риски возникновения экологических проблем в связи с потенциальными разливами нефти, увеличением объёмов судоходства и другими связанными причинами.

Рост экономической привлекательности арктических ресурсов также обусловливает повышение интереса неарктических стран и транснациональных корпораций к региону. Характерно, что по итогам шведского председательства в Арктическом совете на министерской встрече в Кируне статус наблюдателя совета был дан пяти азиатским странам, а также Италии (всего течение 2010-х гг. этот статус получили семь стран). Так, вследствие включения новых легитимных игроков в арктическую политику постепенно меняется геополитическая ситуация в Арктике.

Последовательное расширение в последние годы военного присутствия России и сил НАТО в регионе [8, Sergunin A.] детерминирует присутствие в новой арктической стратегии Швеции тезисов о стремлении страны к военному сотрудничеству в Арктике по линии NORDEFCO (что закономерно в силу важности Северного совета для Швеции) и НАТО (что является необходимостью, учитывая членство ряда арктических стран в альянсе) [9, Воронов, К.В., с. 36–37]. Учитывая традиционную для страны политику нейтралитета, чёткое акцентирование военного сотрудничества в Арктике в стратегическом документе является новшеством в арктической политике Швеции. Можно отметить, что усилиению военной риторики в тексте обновлённой стратегии способствовали и события за пределами Арктического региона, среди которых крымский кризис и хронические конфликты Швеции и России, связанные с пересечением государственной границы в Балтийском регионе. Также подчеркнём, что на политические тезисы Швеции по вопросам безопасности в Арктике могли повлиять изданные в США и Франции арктические стратегии вооруженных сил²⁹.

Таким образом, учитывая представленный спектр вызовов безопасности в Арктическом регионе, становится очевидно, что основной инструмент, на который Швеция делает ставку в арктической политике, — это консолидация своей позиции с другими дружественными странами. Разумеется, что в форматах многостороннего сотрудничества это направление будет главным образом проявляться в координации Швецией своей арктической политики с другими членами Северного совета. В формате двусторонних отношений для обеспе-

²⁹ В 2019 г. Министерство обороны США выпустило новую арктическую стратегию. В 2020 г. была выпущена арктическая стратегия Военно-воздушных сил США. Аналогичный документ разрабатывается Военно-морскими силами США. В 2019 г. арктическую стратегию приняло Министерство обороны Франции.

чения безопасности в Арктике для Швеции ключевую роль играют США. Подобный подход был обозначен в стратегии 2011 г. и продолжает фигурировать в обновлённом документе 2020 г.

Отдельно можно обозначить определённую эволюцию роли Европейского союза в арктической политике Швеции. Так, в дополнение к ранее продекларированному стремлению Швеции реализовывать в Арктическом регионе положения общей внешней политики и политики безопасности ЕС появился новый тезис — о Евросоюзе как одном из стратегических партнёров Швеции в национальной арктической политике. Кроме того, шведское правительство намерено поддерживать планы ЕС по вхождению в Арктический совет в качестве наблюдателя. Учитывая эти обстоятельства и недавний выход Великобритании (страны с собственной арктической политикой) из Европейского союза, представляется, что ЕС постараётся усилить реализацию своей арктической политики через Швецию. Вместе с тем возникает отдельный вопрос: сможет ли экономика Северной Швеции, зависящая в том числе от лесной и горнорудной промышленности, полностью вписаться в новую политику углеродной нейтральности Евросоюза?

Также обновлённая шведская арктическая стратегия присваивает статусы стратегических партнёров Швеции по арктической политике Канаде и Германии. С Канадой Швеция рассчитывает укрепить взаимодействие в рамках Арктического совета. Германия для Швеции привлекательна как стратегический партнёр, поскольку обе страны разделяют приверженность к верховенству права в мировой политике, имеют схожие позиции в реализации политики обороны и выступают за реализацию повестки дня в области устойчивого развития.

Говоря о роли партнёрств в арктической политике Швеции, нельзя не затронуть вопрос обновлённого статуса Арктического совета в связи с принятием в мае 2021 г. на министерской сессии в Рейкьявике Стратегического плана Арктического совета на 2021–2030 годы³⁰. Внедрение первого в своём роде долгосрочного руководства к действию для этой международной структуры является крайне важным, поскольку в развитии министерских деклараций (оценивавших прогресс Арктического совета за последние два года и одобрявших планы рабочих групп на несколько лет вперёд) этот план обозначает установку на предметное сотрудничество участников совета в десятилетнем периоде.

Стратегический план предлагает реализацию ряда мер для достижения семи стратегических целей в Арктике, охватывающих сферы изменения климата, состояния экосистем и биоразнообразия, устойчивого социального и экономического развития, обмена знаниями и укрепления Арктического совета. Закономерно предположить, что практический смысл принятия такого стратегического документа под эгидой Арктического совета заключается в том, что легитимной деятельностью в Арктике (как арктических, так и неарктических акторов) от-

³⁰ Arctic Council Strategic Plan 2021-2030. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2601> (дата обращения: 21.11.2021).

ныне будет считаться та, которая учитывает положения этого стратегического плана. В этом контексте актуальные приоритеты арктической политики Швеции (будь то вопросы климата и устойчивого развития или проблемы арктических исследований) находят своё отражение в каждой цели, поставленной в стратегическом плане Арктического совета. В частности, можно отметить, что в своей национальной арктической стратегии Швеция тоже делала акцент на необходимости усилить роль и влияние Арктического совета, тем самым создаются предпосылки для укрепления институционального компонента системы безопасности в Арктике.

Заключение

Стратегические документы и реализация политики Швеции в Арктике создали определённый образ страны, которая, с одной стороны, является участником различных форматов арктического сотрудничества, а с другой стороны, решительно стремится обеспечить национальную безопасность в Арктическом регионе. Несмотря на то, что эти политические векторы не являются противоположными, шведское правительство регулярно оказывается перед дилеммой арктического сотрудничества: как можно последовательно реализовывать меры по улучшению состояния международного Арктического региона и при этом полноценno сотрудничать с (потенциальными) соперниками среди других арктических стран (например, Россией) или других стран, присутствующих в Арктике (например, Китаем)?

После принятия новой арктической стратегии, которая подтвердила ранее выбранные приоритеты национальной арктической политики, Швеция продолжила реализацию своей деятельности в Арктике в том же ключе. Так, по линии Арктического совета Швеция продолжает участвовать в реализации проектов, соответствующих приоритетам новой арктической стратегии³¹. Также шведский регион Вестерботтен, несмотря на пандемию Covid-19, в 2019–2021 гг. в тесном сотрудничестве с Норвегией (как председателем Совета Баренцева Евро-Арктического региона) успешно реализовал программу председательства в Баренцевом региональном совете; на встрече совета в октябре 2021 г. в Тромсё губернатор Вестерботтена Х.Х. Кнутссон весьма доброжелательно передала председательство губернатору Ненецкого автономного округа Ю.В. Бездудному.

Таким образом, мы можем констатировать, что, несмотря на периодическую смену сил в национальном правительстве, стратегические приоритеты и реализация арктической политики Швеции сохранились и смогли адаптироваться к изменившимся в течение 2010-х гг. внешним условиям. В каком-то смысле на современном этапе глобального арктического диалога мы можем охарактеризовать Швецию как умеренного арктического консерватора, верного своим базовым принципам, но готового скорректировать выбранные установки вследствие общего изменения арктической системы. Примером подобной корректировки можно обозначить усиление роли Евросоюза в арктической политике страны. Так, раньше

³¹ Arctic Council projects. URL: <https://arctic-council.org/fr/projects/> (дата обращения: 07.10.2021).

Швеция содействовала формированию арктической повестки ЕС и в целом поддерживала арктический вектор политики Евросоюза [10, Biedermann R., с. 179], но не была агентом её непосредственной реализации; сегодня же Швеция рассматривает себя в том числе как более активного транслятора арктических приоритетов ЕС.

В арктической стратегии 2011 г. было отмечено сходство позиций Швеции и Финляндии по многим вопросам арктической политики. Однако стоит отметить, что в течение 2010-х гг. арктическая деятельность Финляндии трансформировалась в сторону лидерства в отдельных областях, связанных с экономикой и инновациями в Арктике. В новой стратегии Швеция ставит похожие задачи, рассчитывая стать лидером области «умных» инвестиций и инновационных решений для горнорудной промышленности в Арктике³².

Необходимо отметить и определённую тематическую гармонию между приоритетами арктической стратегии Швеции и целями Стратегического плана Арктического совета на 2021–2030 гг., ввиду чего прослеживается потенциал приверженности Швеции деятельности Арктического совета как ключевого элемента системы безопасности в регионе.

Примечательно, что при всей обеспокоенности Швеции проблемами безопасности по какой-то причине в актуальной арктической стратегии не уделяется внимания такому важному инструменту «мягкой силы» во внешней политике, как формирование региональной идентичности. Тем более, данное направление является одним из стратегических приоритетов Совета государств Балтийского моря³³, прослеживается в рамках Баренцева сотрудничества [11, Cambou D., Heninen L., с. 20–22]. Кроме того, де-факто Швеция использует в своей внешней политике в отношении других арктических стран некоторые инструменты «мягкой силы». Среди них — «Шведский институт» (географически направлен на европейские страны постсоветского пространства и Польшу), который поддерживает проекты в областях гражданского общества, инноваций, безопасности, регионального развития, энергетики, охраны окружающей среды, здравоохранения и в социальной сфере³⁴. Кроме того, действует Шведско-Карельский информационный бизнес-центр, который организует проекты регионального сотрудничества между Вестерботтеном и Республикой Карелия и активно взаимодействует с Советом министров Северных стран (в последние годы также реализует проекты в сфере культурного обмена, социальных вопросов, устойчивого развития, управления природными ресурсами и отходами, содействует некоммерческим организациям, работающим в областях культуры, образования и информации³⁵).

³² Khorrami N. Sweden's New Arctic Strategy: Change and Continuity in the Face of Rising Global Uncertainty. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/sweden-new-arctic-strategy-change-continuity-face-rising-global-uncertainty> (дата обращения: 08.10.2021).

³³ Regional Identity // Council of the Baltic Sea States. URL: <https://cbss.org/our-work/regional-identity/> (дата обращения: 09.10.2021).

³⁴ Events and projects // Swedish Institute. URL: <https://si.se/en/events-projects/> (дата обращения: 09.10.2021).

³⁵ Activity reports // Swedish (Västerbotten) Karelian Business and Information Centre. URL: <https://skbic.ru/en/reports/> (дата обращения: 09.10.2021).

Конечно, в реализации арктической политики Швеции с 2020 г. можно отметить и моменты, вызывающие вопросы. На министерской встрече Совета Баренцева Евро-Арктического региона, состоявшейся в 26 октября 2021 г. в Тромсё, собрались все министры иностранных дел ключевых стран БЕАР, кроме Анн Линде, которая в этот день принимала участие в семинаре, организованном по линии НАТО в Стокгольме и направила на встречу своего заместителя³⁶. Данный выбор шведского МИДа, тем не менее, также вписывается в шведскую концепцию обеспечения безопасности в Арктике через различные форматы сотрудничества.

Отметим также, что амбициозная и напрашивавшаяся для шведской арктической политики задача по предложению коллективного инструмента для переговоров по вопросам военного присутствия и безопасности в Арктике не была вынесена в приоритеты в новой национальной арктической стратегии. Не был этот спектр вопросов (немаловажных для геополитической ситуации в Арктике) внесён и в план деятельности Арктического совета на ближайшее десятилетие. Поэтому на современном этапе Швеция вероятно не изменит своё положение в диспозиции арктических стран, последовательно придерживаясь ранее выбранных приоритетов.

Список источников

1. Sauer T. Rough Times Ahead for NATO / Security and defence in Europe. Advanced sciences and technologies for security applications. Ed. by J.Ramírez, J. Biziewski. Springer, Cham, 2020. Pp. 245–254. DOI: 10.1007/978-3-030-12293-5_18
2. Koivula T. Carry that weight: assessing continuity and change in NATO's burden-sharing disputes // Defense & Security Analysis. 2021. No. 37 (2). Pp. 145–163. DOI: 10.1080/14751798.2021.1920092
3. Box J.E., Colgan W.T., Christensen T.R., Schmidt N.M. et al. Key indicators of Arctic climate change: 1971–2017 // Environmental Research Letters. 2019. No. 14 (4). 045010. DOI: 10.1088/1748-9326/aafc1b
4. Коптелов В.В. Арктическая стратегия Швеции // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества / Под. ред. И.С. Иванова. Т. 1. Москва: Аспект Пресс, 2013. С. 191–196.
5. Eklund N. The Swedish chairmanship: foresight and hindsight in Arctic activism: Methods and protocols / Leadership for the North. Ed. by D.S. Nord. Springer, Cham. 2019. Pp. 71–88. DOI: 10.1007/978-3-030-03107-7_5
6. Palosaari T., Tynkkynen N. Arctic securitization and climate change / Handbook of the Politics of the Arctic. Ed. by L.C. Jensen, G. Hønneland. Cheltenham, Edward Elgar Publishing. 2015. Pp. 87–104. DOI: 10.4337/9780857934741.00013
7. Crépin A.-S., Karcher M., Gascard J.-C. Arctic climate change, economy and society (ACCESS): Integrated perspectives // Ambio. 2017. No. 46. Pp. 341–354. DOI: 10.1007/s13280-017-0953-3
8. Sergunin A. Thinking about Russian Arctic council chairmanship: Challenges and opportunities // Polar Science. 2021. Vol. 29. 100694. DOI: 10.1016/j.polar.2021.100694
9. Воронов К.В. Северные страны и Россия: «неприкосновенный запас» прочности двусторонних отношений // Современная Европа. 2021. № 1. С. 33–40. DOI: 10.15211/soveurope120213340

³⁶ Big blow for Barents Council as Swedish FM skips meeting with Lavrov in Tromsø to host NATO seminar. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/life-and-public/2021/10/lavrov-barents-cooperation-demonstrates-persistent-immunity-changing> (дата обращения: 24.10.2021).

10. Biedermann R. Adapting to the changing Arctic? The European Union, the Nordics, and the Barents Governance Mosaic // *Journal of Contemporary European Studies*. 2020. No. 28. Pp. 167–181. DOI: 10.1080/14782804.2019.1693352
11. Cambou D., Heninen L. The Barents Region, a society with shared security concerns in the Arctic / Society, environment and human security in the Arctic Barents Region. Ed. by K. Hossain, D. Cambou. Routledge. 2018. Pp. 19–34. DOI: 10.4324/9781351171243

References

1. Sauer T. Rough Times Ahead for NATO. In: *Security and Defence in Europe. Advanced Sciences and Technologies for Security Applications*. Ed. by J. Ramírez, J. Biziewski. 2020, pp. 245–254. DOI: 10.1007/978-3-030-12293-5_18
2. Koivula T. Carry That Weight: Assessing Continuity and Change in NATO's Burden-Sharing Disputes. *Defense & Security Analysis*, 2021, no. 37 (2), pp. 145–163. DOI: 10.1080/14751798.2021.1920092
3. Box J.E., Colgan W.T., Christensen T.R. et al. Key Indicators of Arctic Climate Change: 1971–2017. *Environmental Research Letters*, 2019, no. 14 (4). 045010. DOI: 10.1088/1748-9326/aafc1b
4. Koptelov V.V. Arkticheskaya strategiya Shvetsii [Arctic Strategy of Sweden]. In: *Arkticheskiy region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Arctic Region: Problems of International Cooperation]. Moscow, Aspect Press, 2013, vol. 1, pp. 191–196. (In Russ.)
5. Eklund N. The Swedish Chairmanship: Foresight and Hindsight in Arctic Activism: Methods and Protocols. *Leadership for the North*. Ed. by D.S. Nord. 2019, pp. 71–88. DOI: 10.1007/978-3-030-03107-7_5
6. Palosaari T., Tynkkynen N. Arctic Securitization and Climate Change. *Handbook of the Politics of the Arctic*. Ed. by L.C. Jensen, G. Hønneland. 2015, pp. 87–104. DOI: 10.4337/9780857934741.00013
7. Crépin A.-S., Karcher M., Gascard J.-C. Arctic Climate Change, Economy and Society (ACCESS): Integrated Perspectives. *Ambio*, 2017, no. 46, pp. 341–354. DOI: 10.1007/s13280-017-0953-3
8. Sergunin A. Thinking about Russian Arctic Council Chairmanship: Challenges and Opportunities. *Polar Science*, 2021, vol. 29, 100694. DOI: 10.1016/j.polar.2021.100694
9. Voronov K.V. Severnye strany i Rossiya: «neprikosnovennyj zapas» prochnosti dvustoronnikh otnosheniij [The Nordic Countries and Russia: an Untouchable Reserve of Strength to Maintain Bilateral Relations]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2021, no. 1, pp. 33–40. DOI: 10.15211/soveurope120213340
10. Biedermann R. Adapting to the Changing Arctic? The European Union, the Nordics, and the Barents Governance Mosaic. *Journal of Contemporary European Studies*, 2020, no. 28, pp. 167–181. DOI: 10.1080/14782804.2019.1693352
11. Cambou D., Heninen L. The Barents Region, a Society with Shared Security Concerns in the Arctic. *Society, Environment and Human Security in the Arctic Barents Region*. Ed. by K. Hossain, D. Cambou. 2018, pp. 19–34. DOI: 10.4324/9781351171243

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята к публикации 24.11.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 142–163

Научная статья

УДК 327(98)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.142

Основные теоретические подходы в политических исследованиях Арктики *

Набок Сергей Дмитриевич¹, кандидат исторических наук, старший преподаватель

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

¹ naboks@inbox.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7879-8014>

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу основных теоретических подходов, используемых в международно-политических исследованиях Арктики. В современных исследованиях Арктики используются элементы четырёх основных подходов в области международных отношений: реализма, либерализма, социального конструктивизма и глобального управления, а также некоторые другие. Теоретическая альтернатива реализма-либерализма наиболее явно проявляет себя в вопросах арктической безопасности. Либерализм и концепция глобального управления играют важную роль в объяснении многоуровневого и полиакторного характера политических процессов и управления в регионе. Социальный конструктивизм вносит вклад в понимание и функционирование арктических политических нарративов. Однако в большинстве случаев эти подходы присутствуют в виде имплицитных предположений, а не систематически разрабатываемых и обосновываемых моделей. Основные пункты расхождений связаны с определением единиц и уровней анализа, в частности, роли государств и других категорий акторов, — а также характера отношений между ними. Несмотря на то, что подходы, опирающиеся на положения реализма и рассматривающие арктическую политику через призму неизбежной конкуренции государств в логике «игр с нулевой суммой», остаются достаточно распространёнными, общая тенденция заключается в поиске более сложных теоретических моделей, признающих разнообразие типов акторов, вовлечённых в арктические процессы, а также возможность кооперативных отношений.

Ключевые слова: Арктика, международные отношения, мировая политика, теория, реализм, либерализм, социальный конструктивизм, глобальное управление, режимный комплекс, новый регионализм, парадипломатия

Main Theoretical Approaches in the Arctic Policy Studies

Sergey D. Nabok^{1✉}, Cand. Sci. (Hist.), Senior Lecturer

¹ Saint Petersburg State University, ul. Universitetskaya naberezhnaya, 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia

¹ naboks@inbox.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7879-8014>

Abstract. The article identifies and analyzes the main theoretical approaches used in the studies of international relations and politics in the Arctic. Contemporary studies of the Arctic use elements of several main approaches in the field of international relations: realism, liberalism, social constructivism and global governance, as well as some others. The theoretical alternative between realism and liberalism manifests itself primarily in the issues of Arctic security. Liberalism and the concept of global governance play an important

* © Набок С.Д., 2022

Для цитирования: Набок С.Д. Основные теоретические подходы в политических исследованиях Арктики // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 142–163. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.142

For citation: Nabok S.D. Main Theoretical Approaches in the Arctic Policy Studies. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 142–163. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.142

role in explaining the multilevel and multi-actor nature of political processes and governance in the region. Social constructivism contributes to the understanding and functioning of Arctic political narratives. However, in most cases, they exist in the form of implicit assumptions rather than as systematically developed and substantiated models. The theoretical differences are mainly related to the definition of units and levels of analysis, particularly the role of states and other types of actors, and the nature of the relationship between them. Despite the fact that realistic approaches considering Arctic politics as inevitable competition of states in the logic of “zero-sum games” remain quite common, the general tendency is to search for more complex theoretical models that recognize the diversity of actors involved in Arctic processes, as well as the possibility of cooperative relations.

Keywords: Arctic, international relations, world politics, theory, realism, liberalism, social constructivism, global governance, regime complex, new regionalism, paradiplomacy

В научном изучении международных отношений, международных политических процессов и систем управления роль теории характеризуется двумя специфическими чертами, отличающими его от других социальных дисциплин. Во-первых, фактический политический анализ, использующийся при исследовании конкретных проблем, таких как политика отдельного государства, отношения между странами или деятельность международных организаций, редко опирается на чётко определенный набор понятий и пропозиций, устанавливающих ключевые взаимосвязи между исследуемыми явлениями, носит ситуативный характер и претендует на генерализуемость выводов. Несмотря на то, что теория признается необходимым элементом научного дискурса, её фактическая полезность в политическом анализе оказывается незначительной, а теоретические положения (являющиеся в эпистемологическом смысле гипотезами) зачастую принимаются как неявные допущения, без рефлексии и критического анализа.

Во-вторых, как справедливо отмечает Ф. Чернофф, в теории международных отношений исключительно большое значение имеет прескриптивная составляющая: хотя некоторые теории стремятся исключительно описывать взаимосвязи явлений, нередко теоретический анализ выходит за рамки строго описания и явным или неявным образом формулирует определенные политические цели и нормативные критерии, используемые для оценки определенного курса действий, фактического или гипотетического [1, с. 3–4]. Последнее приводит к тому, что политическая теория выступает в качестве дискурсивного обоснования определенной политической модели и в качестве основы политического нарратива, легитимирующего определенный курс действий.

Рассмотрим, например, простое теоретическое утверждение, соответствующее позиции парадигмы реализма: «Единственным типом акторов, действия которых имеют значение для международной политики и международных отношений, являются государства». Принятие этого утверждения в качестве неявного предположения фокусирует политический анализ исключительно на действиях и решениях, принимаемых высшими органами государственной власти, не позволяя даже поставить вопрос о возможной роли негосударственных акторов. Если такой политический анализ встанет перед необходимостью объяснить пове-

дение негосударственных акторов (например, НКО), они будут интерпретироваться либо как незначимые, либо как инструментальные, то есть являющиеся инструментами решений государственных акторов. Если эта теоретическая предпосылка становится основой выработки политики, то следствием её принятия становится вынужденная интерпретация любых значимых процессов в международных отношениях как следствии решений государственных акторов. Любые действия негосударственных акторов интерпретируются как инспирированные правительствами других стран, а сами акторы лишаются субъектности — в том числе в практическом политическом смысле.

Такое некритичное принятие теоретических положений и неспособность различать дескриптивные и прескриптивные элементы теории имеют важные негативные последствия как для научного изучения политических процессов, так и для политической практики. В практическом смысле тем самым неверно оценивается информация и принимаются ошибочные решения, а также сужается спектр доступных стратегий поведения. В аналитическом плане,искажается фокус внимания и повышается риск неверной интерпретации наблюдаемых явлений. Например, систематические усилия КНР по воздействию на региональную политику в США [2, de La Bruyère D., Picarsic N.] в случае некритичного принятия постулата о государстве как единственном акторе на мировой политической арене должны быть признаны бессмысленными и не имеющими рационального обоснования.

Названные проблемы теории международных отношений характерны и для изучения Арктики. Авторы публикаций, приводящих результаты эмпирических исследований и политического анализа, далеко не всегда опираются на чётко сформулированные теоретические положения и аналитические модели, а дескриптивные характеристики изучаемого предмета (например, арктической стратегии конкретного государства) явно или неявно исходят из принятия определённых политических целей, в соответствии с которыми оценивается ситуация и принимаемые решения. При этом наличие явно сформулированных теоретических положений играет важную роль как в научном исследовании, так и в формулировании практических рекомендаций. Теория выполняет несколько важных функций: определяет фокус исследования и конкретные предметы, которые подлежат изучению и анализу; устанавливает содержание и отношения между ключевыми переменными, используемыми для объяснения и предсказания; позволяет оценивать альтернативные механизмы достижения политических целей (без априорного определения тих целей).

Цель настоящей статьи заключается в выявлении и анализе ключевых теоретических моделей и подходов, де-факто используемых в современных исследованиях арктической международной политики и управления.

Реализм и либерализм в исследованиях арктической безопасности

Два главных вопроса, относительно которых в исследовании Арктики проявляются альтернативные теоретические позиции, касаются определения роли государственных акторов и преимущественного характера отношений между ними. Традиционно в теории международных отношений в качестве двух главных парадигм рассматриваются реализм и либерализм [1, Chernoff F.]. В сильно упрощённом виде парадигма реализма исходит из того, что в международных отношениях главным типом акторов являются государства, которые находятся в состоянии борьбы за доминирование с другими государствами. Объективные интересы и мотивация государств в общем и целом остаются неизменными и связаны с обеспечением и укреплением собственной безопасности и положения в мировой иерархии. Либеральная парадигма, признавая, что государства являются важными акторами, утверждает, что абсолютные преимущества, получаемые в результате действий на международной арене, важнее, чем относительные, из чего вытекает предпочтение государств к преимущественно кооперативному поведению, которое способно обеспечить взаимовыгодное развитие в логике «игр с ненулевой суммой». При этом, поскольку общая логика политического либерализма предполагает ограничение роли государственного вмешательства, эта теория допускает возможную роль и других типов акторов, негосударственных, а ограничение насилиственных последствий анархии в международных делах возможно за счёт развития международных институтов и регуляторных режимов.

Хотя эти парадигмы, а также их современные версии, неореализм и неолиберализм, включают большое число конкретных теорий, которые не сводятся к названным тезисам или даже представляют более широкий взгляд, например, на государственные интересы или роль негосударственных акторов, такое упрощённое понимание, тем не менее, полезно для выявления общих мотивов и альтернатив, встречающихся в исследованиях арктической безопасности. В исследованиях Арктики различие между реалистической и либеральной традициями наиболее явно проявляется в сфере безопасности. В узком смысле безопасность в международных отношениях может пониматься как отсутствие военных конфликтов, угрожающих границам государства. Несложно видеть, что эта трактовка больше соответствует логике парадигмы реализма. В дальнейшем сугубо военное понимание безопасности было расширено за счёт способности государств преследовать свои интересы на международной арене не только военными, но и дипломатическими средствами. Однако, как указывает С. Тарри, со временем такое понимание безопасности стало восприниматься многими исследователями как недостаточное, и было расширено за счёт двух предположений, отражающих логику парадигмы либерализма [3]. Первое заключалось в расширении типов угроз и секторов, к которым стало применяться понятие безопасности, за счёт экономических, экологических и социальных проблем, угрожающих государству, особенно если речь идет о странах «третьего мира». Второе предположение подвергает сомнению представление о

государстве как единственном или главном объекте исследований безопасности, и включает в их число индивидов, всю человеческую цивилизацию, окружающую среду.

Теоретические альтернативы, задаваемые «традиционистскими» и «нетрадиционистскими» трактовками безопасности, как показала Б. Падртова, оказались полностью применимы и к Арктике [4]. Согласно логике традиционистского подхода, безопасность в Арктике должна рассматриваться, прежде всего, как отражение военно-политического противостояния государств. Более того, из общей логики реалистической парадигмы следует, что наибольшее влияние на всю систему международных отношений в регионе оказывают государства с наибольшими ресурсами и возможностями. На роль таковых в регионе претендуют, прежде всего, Россия и США, а потому арктическая система международных отношений должна анализироваться через призму геополитического противостояния двух «великих держав» [5, Hough P; 6, Huebert R., 7; Гольцов А.Г.; 8, Коневских О.В.]. Безусловно, приписывание авторам, исследующим вопросы безопасности, только на этом основании более широкой теоретической позиции не вполне обосновано. Однако в отсутствие более общих теоретических рамок такой традиционистский взгляд задаёт вполне определённую логику политического анализа, в котором основное внимание уделяется милитаризации Арктики и роли геополитического противостояния России и США, и эта логика отражается в публичном нарративе «Новой холодной войны» в регионе. Интересным следствием применения традиционистского подхода, иллюстрирующим практическое, нормативное измерение теоретирования в области международных отношений, является обоснование арктической роли КНР, напрямую вытекающее из признания её статуса «великой державы» [9, Li X., Peng B; 10, Корга S.; 11, Pincus R.]. Обратим также внимание, что в логике традиционистской политической теории международные системы выстраиваются именно вокруг интересов и стратегий конкретных национальных государств, а не блоков или союзов. Поэтому роль НАТО или Евросоюза в этой теоретической модели должна рассматриваться как вторичная и производная от интересов наиболее влиятельных государственных акторов.

Одной из главных проблем традиционистского подхода является тот факт, что, несмотря на широкую распространённость публичного нарратива «геополитического противостояния» в Арктике, регион де-факто характеризуется крайне низким уровнем конфликтности и преимущественно прагматическим и кооперационным характером международных отношений. Достаточно отметить, что Гедельбергский институт изучения международных конфликтов, осуществляющий регулярный мониторинг конфликтов в мире, включил в свой последний барометр только один сугубо региональный конфликт (между Россией и Норвегией), оценив его всего на 2 балла из 5, притом что только в Европе в 2020 г. было зафиксиро-

вано 53 конфликта¹. Поэтому традиционалистская интерпретация проблем безопасности в Арктике, хотя и сохраняет свою актуальность, в целом не является доминирующей и уступает место более широким теоретическим подходам. Большинство современных авторов признают исключительную значимость экономических интересов при анализе международных отношений в регионе, а также эколого-климатической повестки и социального развития населения региона, что соответствует логике «расширяющей» версии нетрадиционалистских подходов к безопасности [12, Конышев В., Сергунин А.; 13, Weber J.; 14, Heininen L.; Exner-Pirot H.; Barnes J.; 15, Gjørv G.H., Lanteigne M., Sam-Aggrey H.]. Однако в вопросе о ключевых акторах имеются значительные различия.

В ряде работ, несмотря на признание многоаспектности безопасности, сохраняется принятие безусловной приоритетности не просто государственных акторов, но именно «великих держав», которые в силу своего положения и ресурсов несут ответственность не только за военно-политическую стабильность, но и за прочие аспекты безопасности, важные для международной системы, включая решение экологических и климатических проблем и обеспечение устойчивого развития в Арктике [10, Kopra S.; 11, Pincus R.]. Альтернативный взгляд опирается на концепцию «средних держав», которая утверждает, что ведущую роль в поддержании международного порядка, мира и кооперативных отношений играют страны, достаточно развитые экономически и институционально, имеющие высокую репутацию, но не обладающие исключительной экономической и военной мощью и geopolитическими амбициями [16, Behringer R.M.; 17, Carr A.]. Согласно этой концепции, средние державы наиболее заинтересованы в поддержании международного порядка, основанного на правилах, а также дипломатических способах разрешения противоречий между государствами и поиска основы для сотрудничества.

Применение этой теории к арктическому региону выглядит достаточно естественным. За исключением России и США, все остальные арктические страны могут в той или иной степени претендовать на статус «средних держав», а Канада и вовсе считается хрестоматийным примером таковой. В научных публикациях действительно используется концепция средних держав, как правило, при описании внешней политики конкретных стран: как арктических, так и внeregиональных [18, Dolata-Kreutzkamp P.; 19, Kim E., Stenport A.; 20, Østhagen A.; 21, Rosamond A.B.], а также при анализе формирования альянсов, которые считаются сильной стороной таких стран [22, Watson I.].

Одной из наиболее интересных теоретических конструкций, разработанных в рамках нетрадиционалистского подхода к безопасности и применимых к анализу Арктики, стала теория региональных комплексов безопасности (РКБ). Эта теория, основанная на общем представлении о том, что любая страна рассматривает свою безопасность прежде всего с

¹ Conflict Barometer 2020. Heidelberg: HIIK, 2021. URL: https://hiik.de/wp-content/uploads/2021/05/ConflictBarometer_2020_2.pdf. Р. 59-60 (дата обращения: 20.10.2021).

точки зрения отношений со своими соседями, обосновывает исключительную роль малых и средних государств в формировании регионально-центричного взгляда на проблемы безопасности [23, Buzan B., Waever O.]. Кроме того, рассматривая государства в качестве основного актора, она исходит из интерпретации безопасности, опирающуюся на социально-конструктивистскую парадигму: последняя отражает то, что сами государства относят к своим угрозам и сферам безопасности, а в региональном аспекте, особенно для средних и малых государств такие проблемы не ограничиваются военной безопасностью, но включают в себя экономические, социальные и экологические аспекты. Как показал анализ Б. Падртовы, применение теории РКБ к Арктике имеет свою специфику [4, с. 32–34]. В отличие от стандартной модели РКБ, границы региона не могут определяться как границы арктических государств, а ведущие арктические страны, особенно Россия и США, могут относиться к различным региональным комплексам. Вместе с тем Арктика характеризуется анархическим режимом управления, многополярностью и преобладанием прагматических и кооперативных отношений, сопровождающимися ростом напряженности по отдельным направлениям. Не являясь объяснительной моделью, теория РКБ в то же время задает ключевые направления анализа региональных международных отношений. Её главные теоретические ограничения связаны с проблемой определения арктических границ, недооценкой стратегической значимости отношений и угроз, исходящих от географически удаленных стран, а также ограниченностью «государство-центричного» взгляда на безопасность.

Второе направление в современных нетрадиционистских подходах к безопасности отчасти решает названные проблемы, отказываясь от примата государства как единственного типа акторов, заслуживающего внимания в качестве объекта анализа. Это направление в значительной мере является логическим развитием «расширяющей» теории международной безопасности. Военная безопасность является исключительной сферой ответственности государств, и фокус на военной безопасности естественным образом делает их главным референтным объектом теории. Однако смещение внимания к экономическим, экологическим и социальным аспектам предоставляет возможности более активной роли других типов акторов [14, Heininen L. et al.]. После окончания Холодной войны военное значение Арктики начало сокращаться, хотя и неравномерно и с некоторыми обратными тенденциями, а основными областями кооперации и сотрудничества стали вопросы охраны окружающей среды, научной и мониторинговой деятельности, а также, в меньшей степени, вопросы экономического сотрудничества и социального развития. Такой профиль сотрудничества способствует как фактической активизации негосударственных акторов (международных организаций, ассоциаций коренных народов, компаний, научных институтов, региональных и глобальных НКО и др.), так и большей готовности аналитиков включать их в политический анализ в качестве легитимной и важной категории акторов, имеющих свои интересы и ресурсы в области безопасности.

***Негосударственные акторы в Арктике:
парадипломатия, новый регионализм, глобальное управление***

Заданная либерализмом тенденция к признанию роли негосударственных акторов в арктических исследованиях получила своё развитие при переключении внимания с проблем безопасности (даже широко понимаемых) на более широкий спектр вопросов международного взаимодействия и управления в арктическом регионе. Одним из ярких примеров отказа от примата государственных акторов стало активное использование в арктических исследованиях концепции парадипломатии. Теория парадипломатии утверждает, что субнациональный уровень государственного управления и субнациональные акторы (в том числе негосударственные) играют относительно самостоятельную роль в формировании международных отношений и могут влиять на них посредством горизонтального межрегионального взаимодействия [24, Kuznetsov A.S.]. В качестве примера применения концепции парадипломатии можно привести работу М. Акрен, в которой она сравнила парадипломатию в Арктике с традиционными каналами дипломатических отношений [25, Ackren M.]. Рассматривая её как реакцию на процессы глобализации, она выделила три уровня управления, на которых региональные арктические акторы участвуют в парадипломатических отношениях:

- – экономическое сотрудничество, направленное на привлечение иностранных инвестиций и развитие экспортных рынков (прежде всего, эти усилия касаются рыболовства и добывающей промышленности);
- – сотрудничество в неэкономических сферах: защита окружающей среды, культурные контакты, формирование общей арктической идентичности;
- – взаимодействие в правовом поле с целью участия в международных соглашениях и организациях.

Однако соотношение дипломатии и парадипломатии в деятельности различных стран существенно различается. Как показал выборочный анализ, проведённый М. Акрен, в некоторых случаях регионы (например, Фарерские острова, Гренландия, Нунавут) получили значительную автономию (в том числе в плане участия в международной деятельности) и активно ей пользуются: участвуют в деятельности международных организаций, заключают соглашения, создают зарубежные представительства. Однако в других случаях регионы, участвуя в парадипломатической активности, де-факто являются инструментом государственной политики и межгосударственных отношений, — как в случае российско-норвежского взаимодействия на Шпицбергене. Это позволяет утверждать, что теория парадипломатии применительно к арктическому сотрудничеству не может рассматриваться как полностью самостоятельный вид политических процессов и должна учитывать как характер межгосударственных отношений на высшем уровне, так и природу отношений «центр — регионы» внутри каждого государства.

Другая теоретическая интерпретация роли субнациональных акторов в арктической политике основана на концепции нового регионализма. Этот подход вводит понятие степени регионализации, то есть степени, в которой определённая географическая территория может рассматриваться как политический регион. В некоторых вариантах выделяется до пяти различных уровней (региональное пространство, региональный комплекс, региональное общество, региональное сообщество, региональное государство), отражающих рост интеграции и взаимозависимости государств. Как утверждает С. Кнехт, Арктика, являясь во многом уникальным регионом, характеризуется постепенным движением от простой кооперации к полноценной интеграции, ключевую роль в которой играет эволюция Арктического совета².

Более сложный вариант теоретического описания роли негосударственных акторов представлен в подходе А. Сергунина, который основан на сочетании «нового регионализма» и концепции «глобального региона» [26, Sergunin A.]. Новый регионализм предлагает отказ от государство-центричного анализа региональных процессов в пользу многоуровневого и полицентричного, исследующего тройные отношения между государствами, институтами гражданского общества и частными компаниями в качестве основы международных отношений. Действия субнациональных арктических акторов рассматриваются именно через призму этой более сложной системы отношений, а не просто в рамках отношений «центр — регионы» и межрегионального горизонтального взаимодействия. В свою очередь, Арктика рассматривается в качестве «глобального региона» — региона, для которого фактор территориальной близости и связности не является безусловно определяющим. Идея глобальной региональности предполагает, что формирование международного режима в регионе находится под существенным влиянием в том числе наднациональных и экстерриториальных отношений, в которых свою роль играют как государственные, так и негосударственные акторы.

Наибольшим потенциалом для включения негосударственных акторов в теорию международных отношений в настоящее время представляет концепция глобального управления. Теории глобального управления сочетают в себе дескриптивные и нормативные элементы и отражают идею «управления без управляемых» в международных отношениях, основанного не на иерархии подчинения, а на сложных многоуровневых системах договоренностей, формальных и неформальных механизмах координации и согласования интересов между акторами разного типа [27, Rosenau J.N.; 28, Zürn M.A]. Принимая тезис либерализма о негативных последствиях избыточного присутствия государства, которое в международных отношениях является главным источником угроз, теория глобального управления утверждает, что решение многих современных проблем носит трансграничный характер, а ресурсы и

² Knecht S. Arctic regionalism in theory and practice: from cooperation to integration? // Arctic Yearbook. 2013. URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2013/Scholarly_Papers/8.KNECHT.pdf. 20 p. (дата обращения: 27.11.2021).

возможности, которые имеют значение для их решения, находятся не только у государства, но и у других акторов. В зависимости от сферы анализа и теоретической позиции, особое значение может уделяться глобальным НКО, транснациональным корпорациям, региональным и муниципальным властям, гражданским инициативам на местах, международным организациям и др. Эти ресурсы и возможности могут включать в себя готовность к коллективному действию, компетенции, социальный и символический капитал, реже — финансовые и организационные возможности. Особое значение для процессов глобального управления имеют процессы трансграничного и межуровневого трансфера знаний, относящегося к определённой проблеме.

Учитывая отсутствие единого международно-правового режима в Арктике и преимущественно координационный характер основных институтов, таких как Арктический совет, применение теории глобального управления к анализу политico-управленческих процессов в регионе выглядит перспективным. Однако она на удивление редко используется систематически и явным образом как инструмент анализа и объяснения. В качестве одного из немногих примеров обратного можно привести работу Р. Бертельсена, который анализирует позитивную роль транснациональных научных связей и обменов в компенсации новых линий напряженности в регионе [29, Bertelsen R.G.]. Взгляд на эти конфликтные отношения с позиции глобального управления позволяет увидеть альтернативную систему процессов и институтов, основанную на интенсивном обмене научными и экспертными знаниями в различных областях, а также основанную на ней кооперацию между академическим сектором, бизнесом, гражданским обществом и правительственные структурами. Поскольку научные знания имеют особую значимость в сложном арктическом регионе, результаты такой многоуровневой и межсекторальной кооперации влияют на принятие решений, система международных отношений в Арктике имеет определенные черты глобального управления. Ряд исследователей справедливо указывают на особенности Арктического совета (консенсусный характер принятия решений, многоуровневость взаимодействия, активное участие негосударственных акторов) как соответствующих общим принципам глобального управления [30, Wehrmann D.; 31, Chater A.]. В ряде случаев эта концепция используется и более специфическим образом, в частности, для обоснования более активного вовлечения Китая в арктическое управление [9, Li X., Peng B., с. 204–206; 32, Jiang Y.].

Наконец, близкой к логике глобального управления является концепция режимного комплекса, применяемая О. Янгом для арктического региона [33, Young O.R.; 34, Young O.R.]. В её основе лежит представление о континууме «интеграция / фрагментация» как главной переменной, характеризующей международный режим или подходы к решению международных проблем. На одном полюсе этого континуума находится создание хорошо интегрированных иерархических систем, имеющих развитую бюрократическую организацию и формально-правовую основу. В случае Арктики основой такого режима могло бы выступать со-

здание всеобъемлющего договора об Арктике. На противоположном конце континуума находится фрагментированный набор практически несвязанных друг с другом инициатив, программ, соглашений, разрабатываемых независимо друг от друга и направленных на решение отдельных вопросов (например, регулирование рыболовства в определённом районе, мониторинг загрязнений, сотрудничество в культурной сфере и т.п.). Как полагает О. Янг, для характеристики Арктики обе альтернативы оказываются непригодными, а систему управления в регионе следует определить как режимный комплекс. Режимный комплекс — это набор нескольких режимов, или элементов, относящихся к определенной проблеме или региону, которые связаны друг с другом неиерархическим образом, и которые взаимодействуют друг с другом, оказывая взаимное влияние [33, с. 394]. В случае Арктики применимость идеи режимного комплекса связана тому факту, что в регионе исторически сформировался набор отдельных элементов, которые обеспечивали международное взаимодействие в решении конкретных вопросов и доказали свою полезность. Некоторые из таких элементов носят достаточно общий характер (UNCLOS, Полярный кодекс, Арктический совет), другие более сфокусированы на решении вопросов в сфере судоходства, туризма, добычи нефти и газа, рыболовства, спасательных операций, защиты экосистем и прав коренных народов, научного сотрудничества, контроля за вооружениями. Несмотря на то, что Арктический совет имеет ограниченные возможности для непосредственного управления и принятия обязательных решений, он выступает в качестве важной платформы для координации и обменов между отдельными программами и механизмами.

Хотя концепция режимного комплекса не тождественна идеи глобального управления (поскольку относится прежде всего к регулятивным механизмам), они могут рассматриваться как часть общей теоретической модели, представляющей международные процессы как своего рода сеть институтов и механизмов, обеспечивающих взаимодействие разных типов акторов для решения общих проблем без всеобъемлющих обязывающих систем правил и иерархических структур. Тем не менее, следует констатировать, что к настоящему времени потенциал такого теоретического подхода к описанию и анализу арктической политики остается в значительной мере нереализованным, а многие его пропоненты используют его скорее в качестве нормативной, а не аналитической модели или объяснительной теории.

Социальный конструктивизм и другие подходы

Теоретические альтернативы, описанные выше, наиболее часто встречаются в современных политических исследованиях Арктики, хотя зачастую в несистематизированном и неявном виде, отражая логику наиболее общих подходов в международных отношениях. Однако в ряде работ используются и другие теоретические модели, в частности, социальный конструктивизм. В сфере государственной политики и международных отношений конструктивизм отличается как от реализма, так и либерализма тем, что не признаёт «объективные»

интересы и идентичность государства и утверждает, что они сами по себе являются объектом «переговоров» различных заинтересованных лиц, подвержены конъюнктурным влияниям и действию социальных факторов, не сводятся к материалистическим (экономическим, военным) факторам и отражают в большей степени сферу публичных, разделяемых представлений и норм. В арктических исследованиях конструктивистская парадигма в наибольшей степени проявляет в себя в анализе политической идентичности различных групп и акторов (государств, международных организаций, арктических регионов, коренных народов и др.), а также политических нарративов, которые используют различные акторы для формирования и продвижения определенной картины мира и обоснования тех или иных решений.

Одним из наиболее интересных и ярких примеров «конфликта интерпретаций» является различие между политическим дискурсом секьюритизации и милитаризации, который играет ключевую роль в политических нарративах государственной политики (особенно таких стран как Россия и США), и дискурсом локальных сообществ, в которых ключевую роль играют идеи проблемно-ориентированного трансграничного сотрудничества для защиты своих социально-экономических интересов, защиты среды обитания и самоуправления [35, Shadian J.M.]. Другим примером конструктивистского подхода является использование Р. Пинкусом и С. Али теории фреймов для анализа формирования арктического дискурса и его влияния на арктическую дипломатию [36, Pinkus R., Ali S.H.]. Анализ содержания медиа, посвящённых арктическим делам в англоязычных политических СМИ, позволил Р. Пинкус и С. Али проследить, как актуальные темы и тенденции интерпретируются в терминах конфликта, задавая соответствующее публичное восприятие различных аспектов арктической политики, будь то освоение региона («схватка за Арктику»), международные отношения («Холодная война») или нефтедобыча (конфликт между нефтяными компаниями и защитниками окружающей среды).

Нарративы, описывающие Арктику как сферу ответственности арктических государств или, наоборот, как «общее наследие человечества», подчеркивающие её исключительность или, наоборот, включённость в более общий контекст мировой политики, представляющие её как преемственную область конкуренции или, наоборот, кооперации, как сферу ответственности великих или средних держав либо же международных организаций, сами по себе являются частью международных отношений [37, Auerswald D.P.]. Однако если в рамках более традиционных теоретических моделей такие нарративы должны рассматриваться исключительно с инструментальной точки зрения, как часть эксплицитных стратегий государств, выполняющих функцию легитимации, — то конструктивизм исходит из более сложной системы факторов, определяющих их содержание и динамику. Поскольку нарративы, а также групповая идентичность, относятся к символической сфере, то любые акторы и системы социальных отношений, влияющие на их содержание и распространение, способны влиять и на политические процессы. Например, распространение «зелёной» повестки в демо-

кратическом обществе формирует общественный запрос, на который не может не реагировать правительство в определении приоритетов арктической политики и позиции в межгосударственных переговорах. Аналогично, декларативное признание на уровне Арктического совета прав коренных народов в определении арктической политики задаёт определённые рамки, или фреймы восприятия, которые вынуждены принимать в расчёт в том числе государственные акторы, для которых более предпочтительными являются вестфальская картина мира и дискурс секьюритизации. Поэтому конструктивистский подход, на наш взгляд, имеет значительный потенциал прежде всего для расширения аналитических возможностей при изучении факторов, влияющих на внутреннюю и внешнюю арктическую политику, международные отношения и режим управления в регионе.

Помимо конструктивизма и прочих описанных выше подходов, в арктических исследованиях, конечно, встречаются и другие теоретические ориентации, подходы и модели. Например, С. Коул, С. Измайлков и Э. Сьоберг, описали перспективы применения теории игр для выявления источников конфликтов и оптимальные способы их разрешения в таких областях как добыча природных ресурсов (в частности, рыболовство) и экологическое регулирование в Арктике [38]. Теория игр достаточно регулярно применялась в истории изучения международных отношений, однако её применение в Арктике на удивление редкое явление. Как полагают авторы, многие арктические проблемы относятся к типичным ситуациям «трагедии общественного достояния», при которой общедоступность ресурса приводит к его истощению и, в конечном итоге, плохо для всех игроков. Авторы считают, что теория игр способна помочь в создании механизмов компенсации за использование общих ресурсов, а также повысить качество управления ими за счёт более эффективного распространения информации между «игроками» (ключевая роль отводится Арктическому совету). Однако следует отметить, что в данной работе теория игр используется скорее как эвристический приём; формальный аппарат и соответствующая операционализация конкретных арктических проблем авторами не приводится. Кроме того, в данном виде теория игр может рассматриваться скорее как формальное ответвление политического анализа в логике парадигмы реализма.

Ключевые вопросы теории международных отношений в Арктике

Суммируя краткий обзор теоретических подходов, фактически используемых в современных публикациях по международным отношениям и управлению в Арктике, можно заключить, что они образуют весьма разнородную, но достаточно поверхностную и фрагментарную основу для политического анализа. В большинстве своём они являются отражением общих дискуссий в теории международных отношений, прежде всего, относительно роли государства и других акторов, а также характера отношений между ними (конфликт или коопeração). В большинстве случаев такие подходы правильнее рассматривать не столько

как теории, образованные чётким набором логически связанных пропозиций, объясняющих и предсказывающих определённый круг явлений, систематически подвергаемых эмпирической проверке, сколько как аналитические инструменты, которые авторы используют для описания предмета изучения, определения фокуса внимания, и которые носят выраженный контекстуализированный характер. Типичной проблемой является смешивание дескриптивных и нормативных аспектов теории. Многие перспективные теории и подходы проработаны в весьма ограниченной мере и их потенциал остаётся в значительной мере нереализованным. В большинстве же исследований арктической политики отсутствует чётко сформулированный набор теоретических предположений и аргументов, которые определяли бы логику политического анализа.

В качестве альтернативного взгляда на состояние теоретического осмысления политических процессов в Арктике и обобщение ключевых выводов и положений целесообразно использовать предложенный Ф. Черноффым перечень из восьми главных вопросов, определяющих наиболее важные различия в теоретических подходах [1, с. 41–46]. Рассмотрим каждый из этих вопросов применительно к исследованиям Арктики.

1. Уровень анализа (*Какой тип акторов или других единиц анализа в наибольшей мере позволяет объяснить мировую политику?*)

Безусловно, во многих случаях при анализе тех или иных проблем международных отношений в Арктике достаточно ограничиться рассмотрением уровня государства. Однако это не может считаться теоретической необходимостью или неизбежностью. Представление о государстве как единственном субъекте, влияющем на международную ситуацию и трансграничные проблемы сформировалось в то время, когда государство было главным центром концентрации и мобилизации ресурсов, важных на международной арене. Однако в современном обществе и мировой политике это, очевидно, не так. Крупные корпорации имеют ресурсы, возможности и интересы, имеющие не просто международное, но глобальное значение и эффекты. Крупнейшие НКО также обладают символическим и организационным капиталом, позволяющим им влиять на политику в отдельных областях. Рост значимости знаний как ресурса, необходимого для принятия рациональных решений, обуславливает возможности независимых центров экспертизы и исследований. Очевидно, что логически в качестве легитимного объекта анализа следует рассматривать любую категорию акторов, которые обладают своими интересами и ресурсами для оказания влияния на ту или иную сферу мировой политики или проблемную область.

Многочисленные арктические исследования показывают целесообразность анализа различных негосударственных акторов: международных организаций, неправительственных структур, региональных органов власти, компаний и др. Даже на формально-институциональном уровне государства признают самостоятельность, например, ассоциаций коренных народов, которые имеют формальный статус (а следовательно, и возможно-

сти влияния) в Арктическом совете. Очевидно, что априорное ограничение фокуса внимания государственными акторами сопряжено с высокими рисками неверной оценки и игнорирования потенциально важных факторов, влияющих на региональную политику. В связи с этим можно утверждать, что вопрос о том, какие категории акторов являются фактором арктической политики, является, по сути, эмпирическим, а не теоретическим. Любой объект, способный к политическим действиям, имеющий свои интересы, цели и ресурсы, достаточные, чтобы существенно влиять на арктические процессы, должен быть включён в анализ.

2. Унитарность государства (*Следует ли принимать государства в качестве целостных акторов и игнорировать сложную структуру государственного устройства при изучении международных отношений?*)

Признание негосударственных акторов как потенциально значимых для международных процессов становится предпосылкой и для учёта сложной внутренней структуры государства. В случае арктической политики существуют веские основания для выделения субнационального уровня управления в качестве легитимного объекта анализа. Прежде всего это касается региональных властей и локальных сообществ, способных как лоббировать политические интересы на уровне государства, так и непосредственно участвовать в международной политике путём парадипломатии или участия в международных организациях. Специфика арктических регионов национальных государств и высокий уровень межрегиональных различий внутри них (особенно в крупных странах) является объективной предпосылкой для признания относительной автономности субнационального уровня. В более общем смысле, в анализе международной арктической политики целесообразно исходить из многоуровневого характера взаимодействий. Хотя уровень государств является основным, понимание международных процессов будет неполным без учёта, с одной стороны, субнационального уровня (северные регионы арктических стран, а также их влияние на национальную политику), а с другой — места и роли всего арктического региона в глобальном контексте.

3. Рациональность государств (*Подчинены ли действия государства и лидеров на международной арене принципу рациональности, то есть, основаны на выборе наиболее эффективного способа достижения цели?*)

Представление о рациональности политических акторов является важным методологическим принципом, в отсутствие которого последовательный анализ и прогноз политических действий выглядит практически невозможным. Сама формализованная структура принятия решений институциональными акторами предполагает сложнореализуемость импульсивных, иррациональных действий даже при наличии таких личностных факторов на индивидуальном уровне. Вместе с тем принятие принципа рациональности не означает, что политические решения принимаются на основании общей и универсальной картины мира. Наличие механизмов согласования картин мира и объективного описания арктических процессов следует поэтому считать главной предпосылкой для возможности описания межгосу-

дарственных отношений (и, шире, отношений и взаимодействий всех акторов) в рамках общей логики рационального действия (при которой акторы одинаково понимают взаимные цели и интересы).

4. Государственные интересы и идентичность (*Рассматриваются ли предпочтения и интересы государства или других акторов как стабильные и жёстко заданные?*)

На примере проблемы безопасности можно констатировать, что государства и другие акторы могут менять своё представление о своей политической идентичности и приоритетах внешней политики, хотя такие изменения существенно варьируются от страны к стране. Тот факт, что «великие» и «средние» державы демонстрируют выраженные различия в приоритетах безопасности и международного взаимодействия, а также резкий рост интереса большинства развитых государств к климатической повестке, также скорее свидетельствует в пользу более динамичного и сложного взгляда на интерпретацию национальных интересов и идентичности.

5. Конфликтность (*Должна ли государственная политика и интересы рассматриваться в терминах неизбежной конкуренции и подготовки к конфликту?*)

Несмотря на то, что конфликтный арктический нарратив широко распространён в публичной сфере и встречается в политическом анализе, он вряд ли может считаться обоснованием теоретической логики классического реализма. Последняя применима только в ситуации, когда государства принимаются в качестве единственного актора на мировой арене, являются унитарными и конкурируют за ограниченные ресурсы. Однако для современных международных отношений в целом, и в Арктике в особенности, такие ситуации не являются единственно возможными, а существование большого числа акторов разного типа и уровней, а также наличие общих, трансграничных и глобальных проблем, делает логику игр с нулевой суммой неприменимой в качестве универсального объяснительного механизма. Кроме того, с эмпирической точки зрения Арктика остается зоной преимущественно кооперативных отношений, демонстрируя практическую готовность государств к сотрудничеству. При этом наличие ситуаций прямого конфликта интересов, которые могут описываться в терминах игр с нулевой суммой (например, определение внутриарктических границ или суверенных прав на освоение ресурсов), не вызывает сомнений и должно приниматься во внимание. С теоретической точки зрения, правильнее говорить о наличии в Арктике проблемных областей и ситуаций, которые (объективно) структурируют отношения более конфликтным или более кооперативным способом.

6. Преодоление анархии (*Должна ли анархия в международных делах рассматриваться по аналогии с анархией в отдельном обществе, и являются ли её неизбежным следствием конфликты и войны?*)

Слабая институциональная организация арктического управления, а также отсутствие единого и всеобъемлющего международно-правового режима соответствует представле-

нию о преимущественно анархическом характере международных отношений в регионе. Однако, как было отмечено выше, это не мешает формированию преимущественно мирного, кооперативного характера взаимодействия и разрешения противоречий в регионе. Теория глобального управления обосновывает возможность и механизмы поддержания ненасильственного взаимодействия при решении международных проблем без создания обязывающих институтов и механизмов, основанных на применении или угрозе применения силы.

7. Связь моральных принципов и теории (Должны ли нормативные принципы быть включены в теорию наряду с дескриптивными и если да, то каким образом (как часть описания общества или как прескриптивные утверждения?)

Теоретическое описание причинно-следственных связей и механизмов, лежащих в основе разработки и реализации арктической политики, международных связей, взаимодействия различных акторов, формирования международных институтов и т. д., должны чётко отделяться от характеристики нормативных моделей внешней политики или системы международных отношений. Нормативное измерение теории должно быть автономным и независимым относительно дескриптивного измерения, однако это возможно при условии чёткого определения нормативных критериев для оценки политических целей, средств их достижения, а также ожидаемых последствий.

8. Роль международных институтов (Рассматриваются ли международные институты как не имеющие реального значения и силы, как средства, повышающие эффективность политик, или как главный источник легитимности для отдельных политик, в частности, в области применения силы?)

Принципиальное принятие негосударственных акторов как легитимной единицы анализа означает признание относительной самостоятельности и международных организаций. Принципиальное обоснование их включения в теорию арктических международных процессов опирается на ключевые идеи теории принципал-агента [39, Hawkins D.G. et al.]. Участие государства в работе международных организаций предполагает делегирование им определенных полномочий. Даже если такое представительство предполагается полностью контролируемым и включенным в централизованную систему принятия государственных решений, агент имеет потенциальные возможности для самостоятельной роли, в частности за счёт управления информационными потоками, развития собственного международного социального капитала и др., — причём такая роль может быть эффективной даже в случаеprotoорганизаций, имеющих крайне ограниченные формальные полномочия, например, в случае Арктического совета.

Необходимость учитывать специфику арктического контекста при ответе на ключевые общие вопросы теории международных отношений делает актуальным разработку рамочных теоретических концепций, пригодных для изучения широкого спектра арктических политических и управлеченческих процессов. Однако на сегодняшний день такой последователь-

ный и систематизированный набор теоретических положений в исследованиях Арктики отсутствует, а используемые теоретические основания зачастую носят неявный и нечетко сформулированный характер.

Заключение

В современных политических исследованиях Арктики можно выявить элементы большинства ключевых теоретических подходов в области международных отношений: как традиционных (реализма, либерализма), так и более современных (социального конструктивизма, глобального управления и др.). Однако, как правило, соответствующие им теоретические предпосылки принимаются имплицитно, без явного определения ключевых предложений и теоретической логики, что ограничивает возможности анализа и поиск альтернативных объяснений арктических процессов и явлений. Нередко имплицитно принимаемые теоретические представления обусловлены политически или же зависят от исследуемой проблемной области. Например, исследования безопасности, понимаемой в узком военно-политическом смысле, склонны опираться на парадигму реализма, принимая постулаты о государстве как о единственном объекте внимания и унитарном акторе, а также о преимущественно конкурентном характере отношений между государствами. Такая теоретическая позиция ограничивает возможности объяснения многочисленных фактов успешной кооперации в Арктике, осуществляющейся в том числе с активным участием негосударственных акторов.

В свою очередь, концепция глобального управления, анализирующая решение трансграничных проблем на основе многоуровневых и неиерархических отношений кооперации и координации, удачно отражая некоторые специфические черты управления в Арктике (отсутствие всеобъемлющего правового режима, институциональные особенности Арктического совета как главного международного механизма), выглядит малопригодной для анализа политик и стратегий отдельных акторов, особенно государственных, которые осуществляются в логике «игр с нулевой суммой». Преодоление ограничений отдельных теоретических ориентаций возможно за счёт более интегративных рамочных моделей, исходящих из признания большей гибкости и вариативности в определении ключевых акторов, уровней их действий, характера отношений между ними, а также, самое важное, — признания разнообразия проблемных областей, в пределах которых осуществляется взаимодействие.

Список источников

1. Chernoff F. Theory and Metatheory in International Relations: Concepts and Contending Accounts. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 223 p. DOI 10.1057/9780230606883
2. De La Bruyère E., Picarsic N. All Over the Map: The Chinese Communist Party's Subnational Interests in the United States. Washington: FDD Press, 2021. 32 p.
3. Tarry S. 'Deepening' and 'Widening': an analysis of security definitions in the 1990s // Journal of Military and Security Studies. 1999. Vol. 2. No. 1. 13 p.

4. Padrtova B. Concepts of security reflected in theories — traditionalists vs. non-traditionalists / Routledge Handbook of Arctic Security / Ed. by G.H. Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London; New York: Routledge, 2020. Pp. 29–42.
5. Hough P. International Politics of the Arctic. Coming in from the Cold. London: Routledge, 2013. 194 p. DOI:10.4324/9780203496640
6. Huebert R. A new Cold War in the Arctic? The old one never ended! / Redefining Arctic Security: Arctic Yearbook 2019 / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes. Akureyri: Arctic Portal, 2019. Pp. 75–78.
7. Гольцов А.Г. Международный порядок в Арктике: геополитическое измерение // Мировая политика. 2017. № 4. С. 44–55. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.18211
8. Коневских О.В. Противостояние России и США в арктическом регионе // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. № 7. С. 61–66.
9. Li X., Peng B. The rise of China in the emergence of a new Arctic order / The Global Arctic Handbook / Ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. Pp. 197–213. DOI:10.1007/978-3-319-91995-9_12
10. Kopra S. China, Great Power responsibility and Arctic security / Climate Change and Arctic Security: Searching for a paradigm shift / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot. Cham: Palgrave Pivot, 2020. Pp. 33–52. DOI: 10.1007/978-3-030-20230-9_3
11. Pincus R. Three-way power dynamics in the Arctic // Strategic Studies Quarterly. 2020. Vol. 14. No. 1. Pp. 40–63.
12. Конышев В., Сергунин А. Арктика на перекрестье геополитических интересов // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 43–53.
13. Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic: The High North between Cooperation and Confrontation / Ed. by J. Weber. Cham: Springer, 2020. 378 p. DOI:10.1007/978-3-030-45005-2
14. Arctic Yearbook 2019: Redefining Arctic Security / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes. Akureyri: Arctic Portal, 2019. 504 p.
15. Routledge Handbook of Arctic Security / Ed. by G.H. Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London; New York: Routledge, 2020. 462 p.
16. Behringer R.M. Middle power leadership on the human security agenda // Cooperation and Conflict. 2005. Vol. 40. Pp. 305–342. DOI:10.1177/0010836705055068
17. Carr A. Is Australia a middle power? A systemic impact approach // Australian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68. No. 1. Pp. 70–84. DOI:10.1080/10357718.2013.840264
18. Dolata-Kreutzkamp P. Canada's Arctic policy: transcending the middle power model? / Canada's Foreign and Security Policy: Soft and Hard Strategies of a Middle Power / Ed. by N. Hynek, D. Bosold. Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 251–275.
19. Kim E., Stenport A. South Korea's Arctic policy: political motivations for 21st century global engagements // The Polar Journal. 2021. Vol. 11. Issue 1. Pp. 11–29. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1917088
20. Østhagen A. Norway's Arctic policy: still high North, low tension? // The Polar Journal. 2021. Vol. 11. Issue 1. Pp. 75–94. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911043
21. Rosamond A.B. The Kingdom of Denmark and the Arctic / Handbook of the Politics of the Arctic / Ed. by L.C. Jensen, G. Honneland. Cheltenham: Edward Elgar, 2015. Pp. 501–516. DOI: 10.4337/9780857934741.00036
22. Watson I. Middle Power alliances and the Arctic: assessing Korea-UK pragmatic idealism // Korea Observer. 2014. Vol. 45. No. 2. Pp. 275–320.
23. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
24. Kuznetsov A.S. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational governments in international affairs. London; New York: Routledge, 2015. 184 p.
25. Ackren M. Diplomacy and paradiplomacy in the North Atlantic and the Arctic — a comparative approach / The Global Arctic Handbook / Ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. Pp. 235–249. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_14

26. Sergunin A. Subnational tier of Arctic governance / The Global Arctic Handbook / Ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. Pp. 269–287. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_16
27. Rosenau J.N. Governance in the twenty-first century // Global Governance. 1995. Vol. 1. No. 1. Pp. 13–43.
28. Zürn M.A Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy, and Contestation. Oxford: Oxford University Press, 2018. 313 p.
29. Bertelsen R.G. The Arctic as a laboratory of global governance: the case of knowledge-based cooperation and science diplomacy / The Global Arctic Handbook / Ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. Pp. 251–267. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_15
30. Wehrmann D. Transnational cooperation in times of rapid global changes. The Arctic Council as a success case for? / Arctic Yearbook 2020 / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes. Akureyri: Arctic Portal, 2020. Pp. 425–442. DOI: 10.23661/dp12.2020
31. Chater A. Change and continuity among the priorities of the Arctic Council's permanent participants / Leadership for the North: The Influence and Impact of Arctic Council Chairs / Ed. by D.C. Nord. Cham: Springer, 2019. Pp. 149–166. DOI: 10.1007/978-3-030-03107-7_9
32. Jiang Y. China's role in Arctic affairs in the context of global governance // Strategic Analysis. 2014. Vol. 38. Issue 6. Pp. 913–916. DOI: 10.1080/09700161.2014.952938
33. Young O.R. Building an international regime complex for the Arctic: current status and next steps // The Polar Journal. 2012. Vol. 2. No. 2. Pp. 391–407. DOI: 10.1080/2154896X.2012.735047
34. Young O.R. Is it time for a reset in Arctic Governance? // Sustainability. 2019. Vol. 11 (16). 4497. DOI: 10.3390/su11164497
35. Shadian J.M. Navigating political borders old and new: the territoriality of indigenous Inuit governance // Journal of Borderlands Studies. 2018. Vol. 33. No. 2. Pp. 273–288. DOI: 10.1080/08865655.2017.1300781
36. Pincus R., Ali S.H. Have you been to 'The Arctic'? Frame theory and the role of media coverage in shaping Arctic discourse // Polar Geography. 2016. Vol. 39. No. 2. Pp. 83–97. DOI: 10.1080/1088937X.2016.1184722
37. Auerswald D.P. Arctic narratives and geopolitical competition / Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic: The High North between Cooperation and Confrontation / Ed. by J. Weber. Cham: Springer, 2020. Pp. 251–271. DOI: 10.1007/978-3-030-45005-2_15
38. Cole S., Izmalkov S., Sjöberg E. Games in the Arctic: applying game theory insights to Arctic challenges // Polar Research. 2014. Vol. 33. No. 1. 23357. 13 p. DOI: 10.3402/polar.v33.23357
39. Delegation and Agency in International Organizations / Ed. by D.G. Hawkins, D.A. Lake, D.L. Nielson, M.J. Tierney. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 407 p. DOI: 10.1017/CBO9780511491368

References

1. Chernoff F. *Theory and Metatheory in International Relations: Concepts and Contending Accounts*. New York, Palgrave Macmillan, 2007, 223 p.
2. De La Bruyère E., Picarsic N. *All Over the Map: The Chinese Communist Party's Subnational Interests in the United States*. Washington, FDD Press, 2021, 32 p.
3. Tarry S. 'Deepening' and 'Widening': an Analysis of Security Definitions in the 1990s. *Journal of Military and Security Studies*, 1999, vol. 2, no. 1, 13 p.
4. Padrtova B. Concepts of Security Reflected in Theories — Traditionalists vs. Non-Traditionalists. In: *Routledge Handbook of Arctic Security*. Ed. by G.H. Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London; New York, Routledge, 2020, pp. 29–42.
5. Hough P. *International Politics of the Arctic. Coming in from the Cold*. London, Routledge, 2013, 194 p. DOI:10.4324/9780203496640
6. Huebert R. A New Cold War in the Arctic? The Old One Never Ended! In: *Redefining Arctic Security: Arctic Yearbook 2019*. Akureyri, Arctic Portal, 2019, pp. 75–78.

7. Goltsov A.G. Mezhdunarodnyy poryadok v Arktike: geopoliticheskoe izmerenie [International Order in the Arctic: Geopolitical Dimension]. *Mirovaya politika* [World Politics], 2017, no. 4, pp. 44–55. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.18211
8. Konevskikh O.V. Protivostoyanie Rossii i SShA v arkticheskem regione [Russia-US Confrontation in the Arctic]. *Aktual'nye problemy sovremennoy mezhdunarodnykh otnosheniy* [Actual Problems of Modern International Relations], 2016, no. 7, pp. 61–66.
9. Li X., Peng B. The Rise of China in the Emergence of a New Arctic Order. In: *The Global Arctic Handbook*. Cham, Springer, 2019, pp. 197–213. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_12
10. Kopra S. China, Great Power Responsibility and Arctic Security. In: *Climate Change and Arctic Security: Searching for a Paradigm Shift*. Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot. Cham, Palgrave Pivot, 2020, pp. 33–52. DOI: 10.1007/978-3-030-20230-9_3
11. Pincus R. Three-Way Power Dynamics in the Arctic. *Strategic Studies Quarterly*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 40–63.
12. Konyshov V., Sergunin A. Arktika na perekrest'e geopoliticheskikh interesov [Arctic at Crossroad of Geopolitical Interests]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2010, no. 9, pp. 43–53.
13. Weber J., ed. *Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic: The High North between Cooperation and Confrontation*. Cham, Springer, 2020, 378 p. DOI: 10.1007/978-3-030-45005-2
14. Heininen L., Exner-Pirot H., Barnes J., eds. *Arctic Yearbook 2019: Redefining Arctic Security*. Akureyri, Arctic Portal, 2019, 504 p.
15. Gjørv G.H., Lanteigne M., Sam-Aggrey H., eds. *Routledge Handbook of Arctic Security*. London; New York, Routledge, 2020, 462 p.
16. Behringer R.M. Middle Power Leadership on the Human Security Agenda. *Cooperation and Conflict*, 2005, vol. 40, pp. 305–342. DOI: 10.1177/0010836705055068
17. Carr A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach. *Australian Journal of International Affairs*, 2014, vol. 68, no. 1, pp. 70–84. DOI: 10.1080/10357718.2013.840264
18. Dolata-Kreutzkamp P. Canada's Arctic Policy: Transcending the Middle Power Model? In: *Canada's Foreign and Security Policy: Soft and Hard Strategies of a Middle Power*. Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 251–275.
19. Kim E., Stenport A. South Korea's Arctic Policy: Political Motivations for 21st Century Global Engagements. *The Polar Journal*, 2021, vol. 11, iss. 1, pp. 11–29. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1917088
20. Østhagen A. Norway's Arctic Policy: Still High North, Low Tension? *The Polar Journal*, 2021, vol. 11, iss. 1, pp. 75–94. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911043
21. Rosamond A.B. The Kingdom of Denmark and the Arctic. In: *Handbook of the Politics of the Arctic*. Cheltenham, Edward Elgar, 2015, pp. 501–516. DOI: 10.4337/9780857934741.00036
22. Watson I. Middle Power Alliances and the Arctic: Assessing Korea-UK Pragmatic Idealism. *Korea Observer*, 2014, vol. 45, no. 2, pp. 275–320.
23. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 564 p.
24. Kuznetsov A.S. *Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs*. London; New York, Routledge, 2015, 184 p.
25. Ackren M. Diplomacy and Paradiplomacy in the North Atlantic and the Arctic — a Comparative Approach. In: *The Global Arctic Handbook*. Cham, Springer, 2019, pp. 235–249. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_14
26. Sergunin A. Subnational Tier of Arctic Governance. In: *The Global Arctic Handbook*. Cham, Springer, 2019, pp. 269–287. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_16
27. Rosenau J.N. Governance in the Twenty-First Century. *Global Governance*, 1995, vol. 1, no. 1, pp. 13–43.
28. Zürn M.A. *Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy, and Contestation*. Oxford, Oxford University Press, 2018, 313 p.

29. Bertelsen R.G. The Arctic as a Laboratory of Global Governance: the Case of Knowledge-Based Co-operation and Science Diplomacy. In: *The Global Arctic Handbook*. Cham, Springer, 2019, pp. 251–267. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_15
30. Wehrmann D. Transnational Cooperation in Times of Rapid Global Changes. The Arctic Council as a Success Case for? In: *Arctic Yearbook 2020*. Akureyri, Arctic Portal, 2020, pp. 425–442. DOI: 10.23661/dp12.2020
31. Chater A. Change and Continuity among the Priorities of the Arctic Council's Permanent Participants. In: *Leadership for the North: The Influence and Impact of Arctic Council Chairs*. Cham, Springer, 2019, pp. 149–166. DOI: 10.1007/978-3-030-03107-7_9
32. Jiang Y. China's Role in Arctic Affairs in the Context of Global Governance. *Strategic Analysis*, 2014, vol. 38, iss. 6, pp. 913–916. DOI: 10.1080/09700161.2014.952938
33. Young O.R. Building an International Regime Complex for the Arctic: Current Status and Next Steps. *The Polar Journal*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 391–407. DOI: 10.1080/2154896X.2012.735047
34. Young O.R. Is it Time for a Reset in Arctic Governance? *Sustainability*, 2019, vol. 11 (16), 4497. DOI: 10.3390/su11164497
35. Shadian J.M. Navigating Political Borders Old and New: the Territoriality of Indigenous Inuit Governance. *Journal of Borderlands Studies*, 2018, vol. 33, no. 2, pp. 273–288. DOI: 10.1080/08865655.2017.1300781
36. Pincus R., Ali S.H. Have You Been to 'The Arctic'? Frame Theory and the Role of Media Coverage in Shaping Arctic Discourse. *Polar Geography*, 2016, vol. 39, no. 2, pp. 83–97. DOI: 10.1080/1088937X.2016.1184722
37. Auerswald D.P. Arctic Narratives and Geopolitical Competition. In: *Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic: The High North between Cooperation and Confrontation*. Cham, Springer, 2020, pp. 251–271. DOI: 10.1007/978-3-030-45005-2_15
38. Cole S., Izmalkov S., Sjöberg E. Games in the Arctic: Applying Game Theory Insights to Arctic Challenges. *Polar Research*, 2014, vol. 33, no. 1. 23357, 13 p. DOI: 10.3402/polar.v33.23357
39. Hawkins D.G., Lake D.A., Nielson D.L., Tierney M.J., eds. *Delegation and Agency in International Organizations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 407 p. DOI: 10.1017/CBO9780511491368

Статья поступила в редакцию 05.12.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 12.12.2021.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 164–187.

Научная статья

УДК 338.48(470.1/.2)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.164

Развитие туризма в регионах Европейского Севера^{1*}

Кондратьева Светлана Викторовна^{1✉}, кандидат экономических наук, научный сотрудник

Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», ул. Пушкинская, д. 11, Петрозаводск, 185910, Россия

¹svkorka@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

Аннотация. Европейский Север Российской Федерации представляет собой уникальную северную (арктическую) туристскую дестинацию с уязвимыми экологическими системами, самобытными традициями и культурой местного населения, привлекающими внимание российских и международных туристов. Целью работы является формирование комплексного представления о развитии туризма на Европейском Севере Российской Федерации на основе выявления общих тенденций и специфики его развития в региональном разрезе. Модельной площадкой выступают шесть субъектов РФ, относящихся к территории Европейского Севера Российской Федерации (Республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская и Мурманская области, а также Ненецкий автономный округ). Исследование произведено на основе рассмотрения семи основных блоков: туристско-рекреационный потенциал и его продвижение в сети Интернет; развитие туристской инфраструктуры; стратегирование развития туризма; динамика туристских потоков (внутренний и организованный международный); экономический фактор развития внутреннего туризма; регионы в Национальном туристическом рейтинге; факторы, препятствующие развитию туризма. Учтено влияние пандемии COVID-19 на развитие туризма на Европейском Севере. Исследование базируется на открытых статистических данных Росстата, официального сайта Национального туристического рейтинга за период 2016–2020 гг. В работе рассчитаны медианные показатели. Результаты исследования позволяют сформировать общее представление о развитии туризма на Европейском Севере Российской Федерации. Показаны специфические особенности и общие тенденции развития туризма в регионах.

Ключевые слова: Европейский Север, регион, развитие туризма, туристская дестинация, Российской Федерации

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук».

* © Кондратьева С.В., 2022

Для цитирования: Кондратьева С.В. Развитие туризма в регионах Европейского Севера // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 164–187. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.164

For citation: Kondratyeva S.V. Tourism Development in the Regions of the European North. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 164–187. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.164

Tourism Development in the Regions of the European North

Svetlana V. Kondratyeva ¹✉, Cand. Sc. (Econ.), Researcher

¹ Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, ul. Pushkinskaya, 11, Petrozavodsk, 185910, Russia

¹ svkorka@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

Abstract. The European North of the Russian Federation is a unique northern (Arctic) tourist destination with ecologically vulnerable system, original traditions and culture of the locals, attracting Russian and international tourists. The aim of the work is to form a comprehensive view of the development of tourism in the European North of the Russian Federation based on identifying general trends and specifics of its development in the regional context. The model platform is six constituent regions of the European North of the Russian Federation (the Republics of Karelia and Komi, Arkhangelsk, Vologda and Murmansk oblasts, as well as the Nenets Autonomous Okrug). The research is based on investigation of seven main blocks: tourist and recreational potential and its promotion in the Internet; development of tourist infrastructure; strategies of the tourism development; dynamics of tourist flows (domestic and organized international); economic factor in the development of domestic tourism; regions in the National Tourism Rating; factors hindering tourism development. The impact of the COVID-19 pandemic on the development of tourism in the European North is presented. The study is based on open statistical data from Rosstat, the official website of the National Tourism Rating for the period 2016–2020. The median indicators are calculated in the work. The results of the study allow us to form a general idea of the development of tourism in the Russian regions of the European North. The specific characteristics and general trends of the regional development of tourism in the regions are revealed.

Keywords: European North, region, tourism development, tourist destination, Russian Federation

Введение

Европейский Север Российской Федерации представляет собой уникальную северную (арктическую) туристскую дестинацию с уязвимыми экологическими системами, самобытными традициями и культурой местного населения, привлекающими внимание туристов со всего мира. Усиливающийся интерес к туристско-рекреационным возможностям северных (арктических) территорий материализуется в возрастающем числе научных исследований как российских, так и зарубежных учёных, посвящённых проблематике развития туризма, его региональной специфике, ограничениям и перспективам функционирования данной сферы экономической деятельности. Целью работы является формирование комплексного представления о развитии туризма на Европейском Севере Российской Федерации на основе выявления общих тенденций и специфики его развития в региональном разрезе.

Теоретические аспекты развития туризма на Европейском Севере

Исследуемые регионы Европейского Севера охватывают небольшую часть северных (арктических) территорий Российской Федерации (полностью к арктической зоне РФ относится Мурманская область и Ненецкий автономный округ, частично — Республики Карелия и Коми, а также Архангельская область). Расположение в северных (арктических) широтах (исключение Вологодская область) формирует суровые природно-климатические характеристики территории Европейского Севера с уязвимыми экологическими системами. Удаленность

от экономического центра государства, периферийность отражается на большинстве экономических направлений развития, играя сдерживающую роль в развитии внутреннего и международного въездного туризма в целом.

Уникальный туристско-рекреационный потенциал территорий с сохраненными самобытными традициями, культурой и гостеприимством местного населения, ежегодно привлекает возрастающие потоки российских и зарубежных туристов (за исключением периода ограничений пандемии COVID-19). Согласно данным Л. Агафонова, управляющего директора EastRussia, члена Общественного совета при Минвостокразвития России, среди российских арктических дестинаций наибольший туристский поток принимает Мурманская (порядка 400 тыс. чел.) и Архангельская (свыше 200 тыс. чел.) области².

Усиливающийся интерес к туристско-рекреационным возможностям северных (арктических) территорий материализуется в возрастающем числе научных исследований как российских, так и зарубежных учёных, посвящённых проблематике туризма, его региональной специфике, ограничениям и перспективам развития данной сферы экономической деятельности. Исследователи подчёркивают значимую роль туристско-рекреационной деятельности в социально-экономическом развитии регионов Европейского Севера, в качестве фактора развития территорий. Достаточно обобщённо исследования можно подразделить на несколько основных блоков.

В первую очередь следует указать научный задел по проблематике развития арктического туризма. Так, арктический туризм позиционируется в качестве одного из перспективных туристских направлений развития для северных территорий РФ, в том числе для Европейского Севера. Исследования учёных раскрывают вопросы туристско-рекреационного потенциала, социально-экономического развития туризма, а также ограничения и перспективы его функционирования [1, Лукин Ю.Ф.; 2, Лукин Ю.Ф.; 3, Харлампьева Н.К.; 4, Севастьянов Д.В.; 5]. В качестве примера можно привести работу Ю.Ф. Лукина, профессора Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, концентрирующуюся на концептуальных основах, сущности и разграничении дефиниций «арктический туризм» и «северный туризм», представляющую туристско-рекреационный потенциал и стратегические возможности развития туризма в Арктике и на Севере [1; 2]. Специфика развития арктического туризма (включая три региона Европейского Севера: Республики Карелия и Коми, Мурманская область), представлены в исследовании международного коллектива [6, Kuklina V., Kuklina M., Ruposov V., Rogov V.]. Отдельные аспекты конкурентоспособности Ненецкого автономного округа как дестинации арктического туризма изложены в российско-норвежском исследовании [7, Илькевич С.В., Стрёмберг П.].

² Арктический туризм – новые вызовы для бизнеса // Коммерсант. 2020. 4 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/conference/645> (дата обращения: 09.09.2021).

Во-вторых, научные исследования фокусируются на проблематике функционирования отдельных компонентов и в целом туристской сферы деятельности в северных (арктических) субъектах РФ, включая анализ в региональном разрезе. Касательно территории Европейского Севера следует привести работы по оценке развития туристской сферы деятельности, в т. ч. в муниципальном разрезе [8, Селякова С.А., Дубиничева Л.В., Марков К.В.; 9, Жагина С.Н., Пахомова О.М.; 10, Щеняевский В.А.; 11, Stepanova S.V.; 12, Lebedeva E.A.; 13, Яковчук А.А.; 14, Желнина З.Ю.], инфраструктуры туризма [15, Величкина А.В.; 16, Степанова С.В.]. Отдельного внимания заслуживают исследования, посвящённые проблематике возможностей внутреннего туризма и проведения досуга для местного населения северных (арктических) регионов Российской Федерации на основе официальных статистических и социологических данных, проведённые учёными Карельского научного центра (г. Петрозаводск) [17, Морозова Т.В., Мурина С.Г., Булая Р.В.; 18, Moroshkina M.V., Potasheva O.V., Gienko G.V.] и Северного (Арктического) федерального университета [19, Сидоровская Т.В., Воловик О.А.; 20, Сидоровская Т.В., Воловик О.А., Сидорук А.Ю.; 21, Цветков А.Ю.]. В работах учёных подчёркивается высокая значимость доступности туризма и отдыха в качестве необходимого условия восстановления жизненных сил в условиях суровости природно-климатических характеристик проживания и жизнедеятельности.

Следующий крупный блок работ раскрывает общие тенденции и специфику развития отдельных видов туризма на территории северных (арктических) регионов РФ. В работах анализируются возможности и современные вызовы развития круизного [22, Грушенко Э.Б.; 23, Pashkevich A., Lamers M.] экологического [24, Жагина С.Н., Топорина В.А.], религиозного [25, Балабейкина О.А., Гаврилова К.С., Кузнецова Ю.А.], гастрономического [26, Морозов А.А.], культурно-познавательного и иных видов регионального туризма.

Одним из инструментов оценки развития туристско-рекреационной сферы деятельности является рейтингование регионов, позволяющее выявить лидеров и аутсайдеров развития внутреннего и международного въездного туризма в Российской Федерации. Кроме того, туристическое рейтингование способствует формированию предпочтений российских граждан о возможностях проведения досуга и отдыха, стимулируя развитие внутреннего туризма. Среди российских исследователей оценке туристского потенциала регионов Европейского Севера (на основе авторских методик расчёта) посвящены работы В.С. Орловой, доцента Вологодского государственного университета [27; 28]. Однако, несмотря на достоинства методики, исключительно экспертные (субъективные) оценки, допускающие аналогичность, противоречивость и зависимость от квалификации респондентов, наряду с трудоёмкостью процедур затрудняют тиражирование практики [29, Мякшин В.Н., Шапаров А.Е., Тиханова Д.В.]. На основе методологии системного и структурно-функционального анализа Н. Лейпера авторским коллективом Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск) предложена оценка туристского потенциала субъ-

ектов Арктической зоны РФ [29, Мякшин В.Н., Шапаров А.Е., Тиханова Д.В.]. К сожалению, из шести исследуемых регионов, учёными рассмотрены лишь четыре, что не позволяет в полной мере сформировать комплексное представление о дестинации Европейского Севера в целом и произвести сопоставление потенциала субъектов РФ. Оценка позиций туристского рейтинга регионов Европейского Севера в настоящей работе произведена на основе открытых данных Национального туристического рейтинга³.

Отдельного внимания заслуживают работы, раскрывающие проблематику ограничений развития регионального туризма с целью выработки комплекса мер по преодолению имеющихся вызовов. Влияние нового вызова современности — пандемии COVID-19, вызвало введение ограничений и их усиление, что негативно отразилось на функционировании туристско-рекреационной сферы деятельности государства в целом и его отдельных регионов в частности. Анализ изменений состояния туристской сферы под воздействием пандемии находит отражение в возрастающем числе научных работ. Регионы Европейского Севера не являются исключением: подвергаются исследованию как возникающие негативные последствия, так и возможности развития внутреннего туризма [30, Елисеева Н.В.; 31, Леонидова Е.Г.; 32, Леонидова Е.Г.].

Методика исследования

Модельной площадкой выступают шесть субъектов РФ, относящихся к территории Европейского Севера Российской Федерации: Республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская и Мурманская области, а также Ненецкий автономный округ.

Для выявления специфики и общих тенденций развития туризма в регионах Европейского Севера в работе последовательно рассмотрены следующие семь блоков:

1. туристско-рекреационный потенциал и его продвижение в сети Интернет;
2. развитие туристской инфраструктуры;
3. стратегирование развития туризма;
4. динамика туристских потоков (внутренний и организованный международный);
5. экономический фактор развития внутреннего туризма;
6. регионы в Национальном туристическом рейтинге;
7. факторы, препятствующие развитию туризма.

В работе также учтено влияние пандемии COVID-19 на развитие туристско-рекреационной сферы регионов Европейского Севера.

Исследование базируется на открытых статистических данных Росстата, официального сайта Национального туристического рейтинга за период 2016–2020 гг. В работе обобщены

³ Национальный рейтинг. Официальный сайт. URL: <http://russia-rating.ru/info/category/%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B> (дата обращения: 17.08.2021).

теоретические и практические научные наработки российских и зарубежных учёных по исследуемой тематике. Рассчитаны медианные показатели.

Ограничением работы является достаточный уровень обобщения результатов исследования в связи с использованием ограниченного набора статистических данных в региональном разрезе. Полученные выводы можно рассматривать в качестве общего представления о развитии туризма в регионах Европейского Севера Российской Федерации на основе выявленных общих тенденций и специфики, что соответствует цели работы. Настоящее исследование представляется научным заделом для дальнейших детализированных исследований развития туристско-рекреационной сферы деятельности, которые позволят получить более конкретизированные результаты и выработать на их основе рекомендации по развитию данной сферы экономической деятельности.

Европейский Север Российской Федерации: общая характеристика

Европейский Север представляет собой уникальную туристскую дестинацию с уязвимыми экологическими системами, сохранёнными самобытными традициями, культурой и гостеприимством местного населения, одновременно с суровыми природно-климатическими условиями.

С позиции социально-экономической географии, Европейский Север является самым большим экономическим районом европейской части Российской Федерации, занимая площадь менее 1,5 тыс. км² или около 9% от общей площади государства. Входящие в состав Европейского Севера регионы различаются по социально-экономическим (например, демографические аспекты, табл. 1.) и географическим характеристикам.

Таблица 1
Общая характеристика регионов Европейского Севера (по состоянию на 01.01.2020 г.)⁴

№	регион	населе- ние, тыс. чел.	крупные города, тыс. чел.	плотность населения, чел./км ²	естественный при- рост, убыль на 1 тыс. чел., 2019 г.
1	Республика Карелия	614,1	Петрозаводск — 281,0 Кондопога — 29,2 Костомукша — 29,6	3,4	-5,3
2	Республика Коми	820,5	Сыктывкар — 244,4 Ухта — 93,7 Воркута — 52,8	2,0	-2,4
3	Архангельская об- ласть (без АО)	1092,4	Архангельск — 347,0 Северодвинск — 182,0 Котлас — 62,0	1,9 (с учетом АО)	-4,4
4	Вологодская область	1 160,4	Вологда — 310,3 Череповец — 314,8 Сокол — 36,4	8,0	-4,5
5	Мурманская область	741,4	Мурманск — 287,8 Апатиты — 54,7	5,1	-2,4

⁴ Составлено автором на основе источника: данные Росстата.

			Североморск — 53,6		
6	Ненецкий авт. округ	44,1	Нарьян-Мар — 25,1	0,2	4,7

*-жирным шрифтом выделены административные центры регионов

В сравнении с центральными районами РФ, транспортная сеть регионов Европейского Севера развита достаточно слабо, наблюдается значительная региональная дифференциация. С позиции развития туризма это представляется одним из сдерживающих факторов, транспортная доступность занимает одну из ключевых ролей в развитии внутреннего и международного въездного туризма. Следует указать, что Республика Карелия и Мурманская область, в отличие от остальных исследуемых регионов, являются приграничными субъектами страны, по внешней границе которых проходит государственная граница РФ с сопутствующей погранично-таможенной инфраструктурой. Данное обстоятельство имеет значение в развитии международного туризма, материализуясь в динамике социально-экономических и туристских показателей.

Результаты исследования Регионы Европейского Севера как туристские дестинации

1. Туристско-рекреационный потенциал и его продвижение в сети Интернет

Территория Европейского Севера Российской Федерации обладает уникальным природным и культурно-историческим потенциалом (отдельные виды которого приведены в табл. 2.), раскрывающим возможности для развития различных направлений туристско-рекреационной деятельности. Так, на территории только Архангельской области выявлено порядка 10 тыс. памятников истории и культуры, включая 1,4 тыс. объектов культурного наследия федерального значения⁵, Республики Карелия — более 1,6 тыс.⁶

Таблица 2
Туристско-рекреационный потенциал регионов Европейского севера

№	объекты всемирного наследия ЮНЕСКО, год внесения в список	ООПТ, год создания
<i>Республика Карелия</i>		
1	- архитектурный ансамбль Кижского погоста (1990) - петроглифы Онежского озера и Белого моря (2021)	- заповедник Кивач (1931) - Кандалакшский заповедник (1932) - Костомушский заповедник (1983) - Водлозерский НП (1991) - Паанаярви НП (1992) - Калевальский НП (2006) - Ладожские шхеры НП (2017)
<i>Республика Коми</i>		
2	- девственные леса Коми (1995)	- Печоро-Илычский биосферный заповедник (1930)

⁵ Концепция развития туризма в Архангельской области. Утверждена постановлением Правительства Архангельской области от 19 января 2021 г. № 1-пп.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Республики Карелия от 29.12.2018 г. N 899р-П.

		- Югыд Ва (1994) - Койгородский НП (2019)
<i>Архангельская область</i>		
3	- культурный и исторический ансамбль «Соловецкие острова» (1992)	- Пинежский заповедник (1974) - Водлозерский НП (1991) - Кенозерский НП (1991) - Русская Арктика НП (2009) - Онежское Поморье НП (2013)
<i>Вологодская область</i>		
4	- ансамбль Феропонтова монастыря (2000)	- Дарвинский биосферный заповедник (1945) - Русский Север НП (1992)
<i>Мурманская область</i>		
5	-	- Лапландский биосферный заповедник (1930) - Кандалакшский заповедник (1932) - заповедник Пасвик (1992) - Хибины НП (2018)
<i>Ненецкий автономный округ</i>		
6	-	- Ненецкий заповедник (1997)

С повышением жизненного уровня, мобильности и компьютерной грамотности населения высокую значимость в продвижении туристско-рекреационного потенциала и туристских услуг региона приобретают возможности сети Интернет. В регионах наблюдается рост доли самостоятельных туристов в общем въездном туристском потоке (например, в Архангельской области доля организованных туристов составляет около 10%⁷). В этой связи одна из важных ролей отводится туристическим порталам, позволяющим потенциальным туристам сформировать комплексное представление об уникальных природных и культурно-исторических возможностях территорий, виртуально познакомиться с самобытной культурой и традициями выбираемых дестинаций, составить собственный маршрут посещения или воспользоваться услугами туристических компаний регионов. Исследуемые регионы в целом достаточно наглядно представлены в сети Интернет (табл. 3). Вместе с тем, за исключением Республики Карелия, содержательное наполнение о туристско-рекреационных возможностях территорий ориентировано исключительно на российскую и англоязычную аудиторию, при этом ряд порталов не имеет англоязычной версии или её работа значительно ограничена.

Таблица 3
Туристические порталы регионов Европейского Севера

название портала	адрес	иностранные языки
<i>Республика Карелия</i>		
Карелия. Туристский портал	http://www.ticrk.ru/	английский язык
Туристический портал Петрозаводска	http://visitpetrozavodsk.ru/	английский и финский

⁷ Концепция развития туризма в Архангельской области. Утверждена постановлением Правительства Архангельской области от 19 января 2021 г. № 1-пп.

		язык
<i>Республика Коми</i>		
Туристский информационный центр Республики Коми	https://tourism.rkomi.ru/	английский язык
<i>Архангельская обл.</i>		
Туристический портал Архангельской области	https://pomorland.travel/	-
<i>Вологодская область</i>		
Туристический портал Вологодской области	https://welcomevolgograd.com/	английский язык
Официальный портал о туризме в Вологодской области	https://vologdatourinfo.ru/	не загружается
Официальный туристки портал города Вологда	https://turvologda.ru/	английский язык (частично)
<i>Мурманская область</i>		
Туристический портал Мурманской области	http://murman-turist.ru/	-
Туристический портал города Мурманска	https://tour.murman.ru/	английский язык
<i>Ненецкий авт. округ</i>		
Центр арктического туризма	http://www.visitnao.ru/	-

Следует указать, что все регионы Европейского Севера представлены на сайте Национального туристического портала Russia travel (<https://russia.travel/>). Кроме того, в целях формирования положительного туристского имиджа и позиционирования Европейского Севера на российском и международном рынках туристских услуг регионы регулярно самостоятельно или объединённо принимают участие в крупнейших международных туристских выставках России и за рубежом.

2. Развитие туристской инфраструктуры

Инфраструктура туризма представляется одним из ключевых элементов эффективного функционирования туристско-рекреационной сферы деятельности, предоставления спектра конкурентоспособных туристских услуг в условиях усиливающейся конкуренции за туристские потоки и инвестиции. Во многом определяя возможности использования туристско-рекреационного потенциала территории, туристская инфраструктура насыщает интересы не только внутренних и международных туристов, но и удовлетворяет потребности местного населения в рекреации и отдыхе [16, Степанова С.В.; 33, Степанова С.В.].

Исследование развития туристской инфраструктуры Европейского Севера базируется на расчёте сопоставимых удельных показателей к численности местного населения в региональном разрезе (ед. / 1 тыс. чел.) следующих структурных компонентов инфраструктуры:

- инфраструктура размещения — число коллективных средств размещения (КСР) и число санаторно-курортных организаций;
- инфраструктура питания — число ресторанов, кафе, баров.
- инфраструктура досуга и отдыха — число музеев Министерства культуры РФ, число туроператоров, входящих в единый федеральный реестр.

Сопоставление туристской инфраструктуры Европейского Севера (табл. 4.) с медианными значениями регионов, относящихся полностью или частично к Арктической зоне РФ, позволяет сформировать общее представление об уровне её развития и специфике в региональном разрезе. Сравнение выявляет невысокие позиции дестинаций Европейского Севера с позиции развития туристской инфраструктуры. По представленным удельным показателям лидирующие позиции занимает Вологодская область, единственная из исследуемых регионов не входящая в состав Арктической зоны РФ. Среди арктических регионов лидируют Мурманская область и Ненецкий автономный округ.

Таблица 4
Сравнительная характеристика уровня развития туристской инфраструктуры
регионов Европейского Севера, 2020 г.

№	регион	число туроператоров, входящих в единый федеральный реестр ⁸		число коллективных средств размещения ⁹		число санаторно-курортных организаций ¹⁰		число музеев Минкультуры РФ ¹¹		число ресторанов, кафе, баров ¹² , 2019 г.	
		ед.	ед. /тыс. чел.	ед.	ед. /тыс. чел.	ед.	ед. /тыс. чел.	ед.	ед. /тыс. чел.	ед.	ед. /тыс. чел.
1	Республика Карелия	55	0,09	245	0,4	5	0,008	18	0,03	433	0,7
2	Республика Коми	6	0,01	114	0,14	10	0,012	24	0,03	423	0,5
3	Архангельская обл. (без АО)	21	0,02	164	0,15	9	0,008	28	0,03	875	0,8
4	Вологодская область	42	0,04	255	0,22	14	0,012	41	0,04	799	0,7
5	Мурманская область	64	0,09	185	0,25	8	0,011	12	0,02	638	0,9
6	Ненецкий авт. округ	1	0,02	8	0,18	0	0	2	0,05	34	0,8
	регионы, полностью или частично относящиеся к Арктике, медиана	-	-	-	0,19	-	0,012	-	0,035	-	0,84

Пандемия COVID-19 оказала существенное негативное воздействие на развитие туристско-рекреационной сферы деятельности в регионах Европейского Севера Российской Федерации, что материализуется в динамике спада следующих показателей. В сравнении с 2019 г. объём платных услуг населению исследуемых регионов в расчёте на душу населения в 2020 г. также сократился (медиана):

- услуги гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья на 20%. Исключение составила Республика Карелия — единственный регион с положительным приростом (+10%), что может обуславливаться высокой туристской

⁸ Единый федеральный реестр туроператоров. Официальный сайт Федерального агентства по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/operators/> (дата обращения 08.12.2021).

⁹ Число коллективных средств размещения. Официальный сайт ЕМИСС государственная статистика URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/> (дата обращения 08.12.2021).

¹⁰ Число санаторно-курортных организаций. Официальный сайт ЕМИСС государственная статистика URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42106> (дата обращения 08.12.2021).

¹¹ Число музеев Минкультуры России. Официальный сайт ЕМИСС государственная статистика URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37797> (дата обращения 08.12.2021).

¹² Количество объектов общественного питания. Официальный сайт ЕМИСС государственная статистика URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43260> (дата обращения 08.12.2021).

привлекательностью территории как уникальной дестинации севера Европы, сформированной туристской и транспортно-логистической инфраструктурой, а также выгодным экономико-географическим положением к центральным городам Москве и Санкт-Петербургу. Самое значительное падение показателя произошло в Вологодской области (-36%) и Республике Коми (-33%);

- услуги специализированных коллективных средств размещения на 28,5%. К данной категории средств размещения относятся санаторно-курортные организации, дома и базы отдыха, кемпинги, туристские базы, туристские поезда, круизные и прогулочные суда и др. Больше всего пострадали предприятия Мурманской области (-61%) и Республики Коми (57%);
- услуги туристических агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им услуги на 54,5%. Наиболее резкий спад наблюдается в Республике Коми (-73%), Архангельской области и Ненецком автономном округе (-64–65%).

3. Страгегирование развития туризма в регионах Европейского Севера

В настоящее время в регионах Европейского Севера развитие туризма позиционируется в качестве одной из приоритетных и / или перспективных сфер экономической деятельности, что находит отражение в основных стратегических документах социально-экономического развития исследуемых субъектов РФ. Так, Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года¹³ определяет развитие туризма и индустрии гостеприимства в качестве одного из приоритетных направлений регионального развития. Согласно Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 г., регион «займёт место лидера в сфере арктического туризма, будет развита сеть сельских туристских дестинаций этнографического, экологического и агротуризма»¹⁴. Высокая значимость туристско-рекреационной сферы в региональном развитии служит основанием разработки, совершенствования и реализации системы целевых документов стратегического планирования развития туризма. Правовой основой разработки данных региональных документов являются документы федерального уровня:

- Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ;
- Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ;

¹³ Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Республики Карелия от 29.12.2018 г. N 899р-П.

¹⁴ Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года, утвержденная областным законом от 18 февраля 2019 года № 57-5-ОЗ.

- Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (Указ Президента РФ от 26.10.2020 г. № 645);
- Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 316);
- Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 г. № 2129-р);
- Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года (Распоряжением Правительства РФ от 18.11.2011 г. N 2074-р);
- Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)» (Распоряжение Правительства РФ 05.05.2018 г. N 872-р).

Обобщая основные цели региональных стратегических документов развития туризма, можно сформулировать единое общее направление приложения усилий: формирование условий для роста и повышения конкурентоспособности туристской сферы на российском и международном рынках туристских услуг с детализацией задач реализации¹⁵. Кроме того, следует привести примеры стратегических документов развития туризма на уровне муниципалитетов регионов Европейского Севера (например, г. Сыктывкар и г. Воркута Республики Коми; г. Костомукша, Республика Карелия; г. Вологда Вологодской области и др.).

4. Динамика туристских потоков

Одним из показателей, позволяющих с некоторой степенью условности комплексно оценить объёмы как организованного, так и неорганизованного туристских потоков (включая как самостоятельных туристов, так и гостей регионов с деловыми и иными целями посещения) представляется показатель численности граждан (иностранных и российских), размещённых в коллективных средствах размещения (КСР). Для справки: КСР объединяют гости-

¹⁵ Концепция развития туризма в Архангельской области. Утверждена постановлением Правительства Архангельской области от 19 января 2021 г. № 1-пп; Стратегия развития туристско-рекреационного кластера Мурманской области на 2021–2025 годы. Распоряжение Правительства Мурманской области от 21.04.2021 г. № 72-РП; Стратегия социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года. Постановление Правительства Республики Коми от 11.01.2019 г. N 185; Государственная программа Республики Карелия «Развитие туризма». Постановление Правительства Республики Карелия от 28.01.2016 г. № 11-П с изм. от 30.03.2021 г.; Стратегии развития туристско-рекреационного кластера Ненецкого автономного округа на период до 2022 года. Постановление Губернатора Ненецкого автономного округа от 15.12.2017 г. № 105-пг; Государственная программа Республики Коми «Развитие культуры и туризма». Постановление Правительства Республики Коми от 31.10.2019 г. № 524 с изменениями от 08.09.2021 г.; Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года, утвержденная областным законом от 18.02.2019 г. № 57-5-ОЗ; Программа развития территориального туристского кластера Вологодской области. Постановление Правительства Вологодской области от 28.03.2016 г. № 265.

ницы с аналогичными средствами размещения и специализированные средства размещения. Согласно расчётом, лидирующие позиции по количественным показателям размещения граждан в КСР в 2019–2020 гг. (табл. 5.) занимают Республика Карелия и Вологодская область, Ненецкий автономный округ замыкает список исследуемых регионов. Рассмотрение потоков в разрезе принадлежности к гражданству лиц, размещённых в КСР, выявляет превалирующую роль потоков внутри государства, включая внутренний туризм, что, впрочем, характерно для всех российских регионов. В среднем в 2019 г. в российских регионах в коллективных средствах размещения останавливалось порядка 14,4 тыс. иностранных граждан. Из исследуемых регионов превышением российской медианы характеризуются Мурманская область и Республика Карелия: в 3,9 раза и 3,3 раза соответственно.

Таблица 5

Показатели численности размещения российских и иностранных граждан в КСР, за период 2019–2020 гг.¹⁶

№	регион	численность российских граждан, размещенных в КСР ¹⁷ , чел.		число российских граждан, %	численность иностранных граждан, размещенных в КСР ¹⁸ , чел.		число иностранных граждан, %	спад числа размещённых граждан в 2020 г. к 2019 г.
		2019	2020		2020/2019	2019	2020	
1	Республика Карелия	435 269	381 268	0,88	47 548	6 786	0,14	94763 0,2
2	Республика Коми	228 144	141 619	0,62	5 229	2 094	0,4	90056 0,39
3	Архангельская обл. без АО	334 343	194 103	0,58	12 433	2 095	0,17	150578 0,43
4	Вологодская область	468 083	279 338	0,6	9 045	2 821	0,31	194969 0,41
5	Мурманская область	263 791	226 461	0,86	55 789	30 799	0,55	62320 0,26
6	Ненецкий авт. округ	12 685	8 262	0,65	333	69	0,21	4687 0,36

Под влиянием пандемии COVID-19 в 2020 г. наблюдается резкое снижение числа размещённых в КСР иностранных граждан по сравнению с показателями 2019 г., что не было компенсировано численностью российских граждан, также характеризующейся спадом потока.

Расчёт показывает, что наиболее серьёзные потери в 2020 г. к 2019 г. в числе размещенных российских и иностранных граждан понесли Вологодская и Архангельская области (без АО): -195 тыс. чел и -151 тыс. чел. соответственно. Несмотря на самое значительное сокращение числа размещенных в КСР иностранных граждан (более 40 тыс. чел. или на 86%),

¹⁶ Источник: составлено и рассчитано автором на основе данных Государственной статистики.

¹⁷ Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения (Росстат). Официальный сайт Федерального агентства по туризму. URL: [https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislenost-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-razmeshchennykh-v-kollektivnykh-sredstvakh-razmeshcheniya/](https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislennost-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-razmeshchennykh-v-kollektivnykh-sredstvakh-razmeshcheniya/) (дата обращения: 08.12.2021).

¹⁸ Численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения (Росстат). Официальный сайт Федерального агентства по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislenost-inostrannykh-grazhdan-razmeshchennykh-v-kollektivnykh-sredstvakh-razmeshcheniya-rosstat/> (дата обращения: 08.12.2021).

Республика Карелия характеризуется наиболее низкими долевыми потерями в приёме гостей (-20%).

Учитывая значимость развития международного въездного туризма, важным представляется рассмотрение организованного въездного туристского потока, а также сопоставление с выездным в регионах Европейского Севера за период 2016–2019 гг. (табл. 6.).

Таблица 6

Сравнительная характеристика развития международного организованного туризма¹⁹

№	регион	совокупный объём въездного туристского потока, 2016–2019 ²⁰ , чел.	интенсивность международных прибытий, 2019 г., чел./тыс. чел.	совокупный объём выездного туристского потока 2016–2019 ²¹ , чел.	интенсивность международных убытий, 2019 г., чел./тыс. чел.
1	Республика Карелия	21 489	14,0	368 275	155,7
2	Республика Коми	148	0	158 819	62,1
3	Архангельская обл.	267	0,05	274 574	78,8
4	Вологодская область	141	0	298 094	93,6
5	Мурманская область	12274	4,3	112 225	47,6
6	Ненецкий авт. округ	132	0,57	8 248	51,8

Расчёт совокупного объёма международного организованного туризма в разрезе въездного и выездного туристских потоков за период 2016–2019 гг. позволяет избежать резких колебаний в числе принятых иностранных туристов на территории исследуемых регионов, равно как и в числе российских туристов, отправленных за рубеж туристскими компаниями РФ. Показатель интенсивности международных туристских прибытий и убытий, рассчитанный к численности населения субъектов РФ (чел. / тыс. чел.) позволяет в полной мере сопоставить уровень развития международного туризма в региональном разрезе.

Сопоставление въездного и выездного международных организованных туристских потоков выявляет значительное превалирование международных убытий как в количественных, так и в удельных показателях. При этом следует подчеркнуть, что регионы Европейского Севера в развитии выездного туризма существенно опережают среднероссийские значения (медиана интенсивности международных прибытий 0,05, убытий — 42,4). О развитии международного въездного туризма можно говорить касательно лишь двух исследуемых субъектов: Республики Карелия и Мурманской области, характеризующихся значительным превышением медианного значения по РФ (что подтверждается и данными по размещению иностранных граждан в КСР). Кроме того, следует обозначить, что, являясь приграничными, данные регионы обладают международными автомобильными пунктами пропуска, позволяющими увеличить трансграничный туристский поток в регион [11, Stepanova S.V.]

¹⁹ Источник: рассчитано автором на основе данных Государственной статистики.

²⁰ Число принятых иностранных туристов. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31598> (дата обращения: 08.12.2021).

²¹ Число отправленных в туры российских туристов. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31591> (дата обращения: 08.12.2021).

за счёт самостоятельных туристов из сопредельных государств (включая однодневных шопинг-туристов и путешественников с медицинскими и иными целями), не учтённых в данной статистике.

5. Экономический фактор развития внутреннего туризма

Доступность туризма и отдыха жителям северных (арктических) регионов, характеризующихся суровостью природно-климатических условий проживания и жизнедеятельности становится важным фактором восстановления физических и эмоциональных сил человека, воспроизводства человеческого капитала. С учётом значимой роли экономического фактора, определяющего возможности осуществления туристской поездки, выбор дестинации и проведения досуга для населения исследуемых регионов, в работе рассмотрены два расчётных показателя: индекс приоритетного расходования средств на организацию отдыха и культурные мероприятия; индекс приоритетного расходования средств на получение услуг гостиничных предприятий и предприятий объектов питания. Расчёт показателей базируется на данных структуры потребительских расходов домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (%), данные Росстата), отражая склонность населения регионов к расходованию средств на организацию отдыха и культурные мероприятия, на получение гостиничных услуг и услуг предприятий общественного питания. В исследовании приведены данные за 2018 г. как период наиболее полного представления доступной статистической информации по регионам Европейского Севера (табл. 7).

Таблица 7

Расходование средств населением регионов Европейского Севера на организацию туризма и отдыха, 2018 г.²²

№	регион	организация отдыха и культурные мероприятия	гостиницы, рестораны и кафе
1	Республика Карелия	0,83	0,46
2	Республика Коми	0,75	0,66
3	Архангельская область	1,04	1,11
4	Ненецкий авт. округ	0,69	0,00
5	Вологодская область	1,01	1,00
6	Мурманская область	1,01	0,86
	медиана по арктическим регионам	0,75	0,66

Сопоставление расчётных показателей со средним по арктическим регионам (значения в целом по РФ схожи) выявляет лидирующие позиции Архангельской и Вологодской, а затем Мурманской областей. Позиции Республики Коми отражают средние значения по регионам российской Арктики. Обобщая, можно сказать, что экономические возможности населения Европейского Севера в организации и проведении досуга и отдыха выше среднего по РФ и Арктике.

²² Рассчитано автором на основе данных Государственной статистики: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.

6. Регионы в Национальном туристическом рейтинге

Одним из инструментов оценки развития туристско-рекреационной сферы деятельности является рейтингование регионов, позволяющее выявить лидеров и аутсайдеров развития внутреннего и международного въездного туризма в Российской Федерации. Кроме того, туристическое рейтингование способствует формированию предпочтений российских граждан о возможностях проведения досуга и отдыха, стимулируя развитие внутреннего туризма.

Оценка туристского потенциала регионов Европейского Севера, рассчитанная на основе авторской методики (учитывая имидж туристского региона, уровень развития туристской инфраструктуры, трудовой потенциал туризма, транспортная доступность региона, экологическая благоприятность территории, комфорт и безопасность туриста), позволила В.С. Орловой (Вологодский государственный университет), ранжировать субъекты СЗФО. Из исследуемых регионов Республика Карелия и Вологодская область занимают лидирующие позиции, уступая г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, при этом Мурманская область, согласно данным исследователя, замыкает туристский рейтинг [27]. В целом, согласно авторским расчётом, «конкурентная составляющая туристского рынка Европейского Севера ... находится в стадии развития» [28, Орлова В.С.]. Однако, несмотря на достоинства методики, исключительно экспертные (субъективные) оценки, допускающие аналогичность, противоречивость и зависимость от квалификации респондентов, наряду с трудоёмкостью процедур затрудняют тиражирование практики [29, Мякишин В.Н., Шапаров А.Е., Тиханова Д.В.].

На основе методологии системного и структурно-функционального анализа Н. Лейпера авторским коллективом Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск) предложена оценка туристского потенциала субъектов Арктической зоны РФ [29, Мякишин В.Н., Шапаров А.Е., Тиханова Д.В.]. К сожалению, из шести исследуемых регионов, учёными рассмотрены лишь четыре, что не позволяет в полной мере сформировать комплексное представление о дестинации Европейского Севера в целом и произвести сопоставление потенциала субъектов РФ. Преимуществами расчёта Национального туристического рейтинга, разработанного Центром информационных коммуникаций «Рейтинг» совместно с журналом «Отдых в России», представляется комплексность, учёт показателей официальной статистики, а также оценка всех субъектов РФ, что позволяет сформировать представление о «туристских» позициях регионах и трендах его развития²³.

Согласно Национальному туристическому рейтингу, критериями оценки развития туристической сферы деятельности российских регионов являются девять основных групп показателей, позволяющих комплексно оценить туристический привлекательность и потенци-

²³ Национальный рейтинг. Официальный сайт. URL: <http://russia-rating.ru/info/category/%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B> (дата обращения: 17.08.2021).

ал территорий²⁴: уровень развития гостиничного бизнеса и инфраструктуры; значимость туристической отрасли в экономике региона; доходность отрасли туризма и гостеприимства региона; популярность региона у туристов, приезжающих на несколько дней; популярность региона у иностранцев; туристическая уникальность; уровень преступности; интерес к региону в Интернете как к месту отдыха; продвижение туристического потенциала региона в информационном пространстве. Следует указать, что с течением времени методология расчёта рейтинга претерпевает некоторые изменения, однако это не имеет решающего значения при сопоставлении данных разных лет.

Согласно открытым данным Национального туристического рейтинга за период 2016–2020 гг., регионы Европейского Севера, за исключением Ненецкого автономного округа, относятся ко второй группе, обозначаемой как «крепкое профи»²⁵. Вместе с тем, на наш взгляд, представляется достаточно обширным обобщение значений мест в рейтинге от 21 до 69, требуется большая детализация уровней туристической привлекательности.

В целом для регионов Европейского Севера (табл. 8.) характерно удержание своих позиций в рейтинге за исследуемый период 2016–2020 гг., единственным исключением является Мурманская область (снижение). Кроме того, следует заметить высокие значения рейтинга в 2016 г. для всех исследуемых регионов, что может обуславливаться первым опытом его составления.

Таблица 8
Позиции регионов в Национальном туристическом рейтинге за период 2016–2020 гг.²⁶

№	регион	2016	2017	2018	2019	2020
1	Республика Карелия	22	35	38	29	31
2	Вологодская область	29	49	47	37	34
3	Архангельская область	31	47	49	54	38
4	Мурманская область	26	46	46	48	53
5	Республика Коми	61	74	68	68	69
6	Ненецкий авт. округ	81	84	83	85	83

Исходя из медианных значений, можно заключить, что туристическая привлекательность исследуемых регионов снижается от Республики Карелия и Вологодской области к Мурманской и Архангельской областям, Республике Коми, замыкающим в рейтинге становится Ненецкий автономный округ. Согласно данным Национального туристического рейтинга, воздействие пандемии COVID-19 на туристическую привлекательность регионов в 2020 г. в сравнении с 2019 г. проявилось различно. Например, в усилении позиций у трёх субъектов РФ в Национальном рейтинге (Архангельская область поднялась на 16 пунктов, на 2–3 пункта Вологодская область и Ненецкий автономный округ).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Источник: составлено автором на основе данных Национального туристического рейтинга.

7. Факторы, препятствующие развитию туризма

На основе региональных стратегических документов развития туризма в регионах Европейского Севера и теоретико-практических наработок исследователей выделены основные негативные факторы, оказывающие сдерживающее влияние на использование туристско-рекреационного потенциала исследуемых территорий и функционирование туристской сферы деятельности. Среди препятствующих развитию туризма факторов следует обозначить:

- недостаточный уровень развития туристской инфраструктуры, включая инфраструктуру размещения, инфраструктуру питания, инфраструктуру досуга и отдыха;
- недостаточный уровень развития транспортной инфраструктуры, включая уровень развития придорожной и водной инфраструктуры;
- труднодоступность и удалённость объектов туристского показа, включая территориальную удалённость и фактор сезонности;
- недостаточный уровень оказания туристских услуг, включая соответствие международным стандартам обслуживания туристов;
- недостаточная узнаваемость регионального турпродукта на российском и международном рынках туристских услуг, включая недостаток продвижения, в т. ч. дестинации Европейский Север;
- недостаточный уровень квалификации обслуживающих туристов кадров;
- однообразие туристских продуктов, включая недостаток межрегионального сотрудничества.

Кроме того, следует указать на высокую себестоимость оказываемых туристских услуг и турпродуктов, обусловленную природно-климатическими условиями регионов и снижающуюся платежёспособность российских туристов. Продолжение действия, а также усиление ограничительных мер в связи с новым вызовом современности — пандемией COVID-19, способны оказать значительное негативное воздействие на функционирование туристской сферы деятельности в регионах Европейского Севера.

Заключение

Исследование позволило сформировать общее представление о развитии туризма на Европейском Севере Российской Федерации на основе выделенных общих тенденций и специфики развития туристско-рекреационной сферы деятельности в региональном разрезе. Европейский Север, представленный шестью субъектами РФ, достаточно разнороден по туристско-рекреационному потенциалу и уровню развития туристско-рекреационной сферы. Вместе с тем дестинация обладает специфическими возможностями для развития туризма и рекреации и характеризуется общими тенденциями её развития. Обобщая

вышеизложенное, можно выделить несколько основных выводов о развитии туристской дестинации Европейский Север (согласно рассмотренным блокам):

- территория обладает уникальным природным и культурно-историческим потенциалом, включая самобытные традиции, культуру и гостеприимство местного населения, многочисленность объектов туристского показа, в т. ч. объекты списка ЮНЕСКО;
- уровень развития туристской инфраструктуры требует усиления позиций на рынке туристских услуг, включая инфраструктуру размещения, питания, досуга и отдыха;
- в регионах Европейского Севера развитие туризма позиционируется в качестве одной из приоритетных и / или перспективных сфер экономической деятельности, что находит отражение в основных стратегических документах социально-экономического развития исследуемых субъектов РФ;
- во въездном туристском потоке на Европейский Север превалируют российские туристы, международный организованный въездной поток развит недостаточно, значительно уступая выездному потоку россиян за рубеж;
- экономические возможности населения Европейского Севера в организации и проведении досуга и отдыха выше среднего по РФ и Арктике;
- для регионов Европейского Севера характерно удержание своих позиций в Национальном туристическом рейтинге за исследуемый период 2016–2020 гг. (Мурманская область, снижение);
- основными сдерживающими факторами развития туризма являются: недостаточный уровень развития туристской и транспортной инфраструктуры, недостаточный уровень оказания туристских услуг, недостаточная узнаваемость регионального турпродукта на российском и международном рынках туруслуг, труднодоступность и удалённость объектов туристского показа.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо акцентировать внимание на уникальности северной (арктической) туристской дестинации Европейского Севера РФ. Пандемия COVID-19, оказав значительное негативное воздействие на развитие туристско-рекреационной сферы деятельности в регионах Европейского Севера, внесла существенные корректизы в функционирование организаций, ориентированных на обслуживание туристов (вплоть до закрытия отдельных предприятий). В этой связи туристско-рекреационная сфера дестинации требует переосмыслиния направлений развития и векторов сосредоточения усилий.

Ориентация на российских внутренних туристов, продвижение северной (арктической) дестинации на рынке российских туристских услуг представляется одним из ключевых направлений развития туризма в условиях современных вызовов и прекращения международного туристского потока. Представляется важной кооперация предприятий туристской

сферы бизнеса и задействованных в обслуживании туристов и рекреантов сопутствующих организаций с целью предложения турпродуктов, ориентированных на целевые группы, что требует проведения отдельных социологических исследований, позволяющих выявить ключевые потребности потребителей туристских услуг.

Необходимо обозначить потребности в отдыхе и туризме местного населения регионов Европейского при значительном сужении выбора туристских дестинаций под влиянием современных ограничений. Следует подчеркнуть, что кроме интересов бизнеса, высокое значение для социально-экономического развития северных (арктических) регионов имеет восстановление физических и эмоциональных сил местного населения. Жители исследуемых регионов РФ — одни из уязвимых с позиции суровости природно-климатических условий проживания и жизнедеятельности, потому нуждаются в полноценной рекреации и отдыхе. На туристско-рекреационном обслуживании локального населения следует акцентировать внимание туристского бизнеса, формируя и предлагая турпродукты, ориентированные на локальный спрос и потребности (туры выходного дня, спецпредложения, семейный отдых и пр.).

Поиск, включая выявление потребностей целевых групп туристов и рекреантов, формирование уникальных турпродуктов, в том числе за счёт объединения усилий туристского бизнеса регионов Европейского Севера, грамотное продвижение туруслуг позволит повысить конкурентоспособность дестинации на внутреннем туристском рынке, создавая платформу выхода из вызова современности и, после открытия государственных границ, для развития международного туризма.

Список источников

1. Лукин Ю.Ф. Арктический туризм: рейтинг регионов, возможности и угрозы // Арктика и Север. 2016. № 23. С. 96–123. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.23.96
2. Лукин Ю.Ф. Арктический туризм в России // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 211–216. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.211
3. Харламьев Н.К. Теоретико-методологическое обоснование развития туризма в Арктике // Арктика и Север. 2016. № 23. С. 124–129. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.23.124
4. Севастьянов Д.В. Арктический туризм и рекреационное природопользование — новый вектор развития северных территорий // Россия в глобальном мире. 2017. № 10 (33). С. 75–88.
5. Бертош А.А. Арктический туризм: концептуальные черты и особенности // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10. № 7–17. С. 169–180. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.169-180.
6. Kuklina V., Ruposov V., Kuklina M., Rogov V., Bayaskalanova T. Multi-polar trajectories of tourism development within Russian Arctic // Advances in Economics, Business and Management Research. 2017. Vol. 38. Pp. 379–385. DOI: 10.2991/ttiess-17.2017.63
7. Илькевич С.В., Стрёмберг П. Аспекты конкурентоспособности Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов как дестинаций арктического туризма // Сервис plus. 2016. Т. 10. № 3. С. 10–17. DOI: 10.12737/21118
8. Селякова С.А., Дубиничева Л.В., Марков К.В. Состояние и перспективы развития туристской индустрии в Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 1 (5). С. 80–88.

9. Жагина С.Н., Пахомова О.М. Развитие туризма на Европейском севере России (на примере Архангельской, Вологодской областей и Республики Карелия), кластерный подход // Проблемы региональной экологии. 2016. № 6. С. 147–152.
10. Щенявский В.А. Оценка эффективности внутренней туристско-рекреационной деятельности на сельских территориях Республики Коми // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 5 (56). С. 43–55. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-5-2017-56-43-55
11. Kondrateva S.V. Tourism development in border areas: a benefit or a burden? The case of Karelia // Baltic Region. 2019. Vol. 11. No. 2. Pp. 94–111. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-2-6
12. Lebedeva E.A. Tourism in Pinezhye, Arkhangelsk region // Sciff. Questions of Students Science. 2019. No. 8 (36). Pp. 191–193.
13. Яковчук А.А. Проблемы развития туристской отрасли в регионах арктической зоны Российской Федерации // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 56–72. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.56.56
14. Желнина З.Ю. Туризм Мурманской области как драйвер развития территории // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 9. С. 65–75. DOI: 10.24158/rep.2021.9.11
15. Величкина А.В. Оценка развития туристской инфраструктуры региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 239–250. DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.18
16. Степанова С.В. Территориальные диспропорции размещения инфраструктуры туризма в Республике Карелия // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2019. № 3. С. 89–97. DOI: 10.24866/2311-2271/2019-3/89-97
17. Морозова Т.В., Белая Р.В., Мурина С.Г. Рекреационная мобильность как элемент качества жизни: измерение типологического разнообразия // Труды Карельского научного центра. 2012. № 6. С. 58–67.
18. Moroshkina M.V., Potasheva O.V., Gienko G.V. Impact of social and economic factors over past decade on economic development of Russian's Arctic zone // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2020. No. 539. 012171. DOI: 10.1088/1755-1315/539/1/012171
19. Сидоровская Т.В., Воловик О.А. Исследование потребительских предпочтений молодежи в сфере регионального туризма // Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. 2019. Т. 10. № 4. С. 342–356.
20. Сидоровская Т.В., Воловик О.А., Сидорук А.Ю. Внутренний туризм: исследование предпочтений жителей северных территорий // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 2. С. 38–50. DOI: 10.34130/2070-4992-2019-2-38-50
21. Цветков А.Ю. Логистические основы организации отдыха выходного дня для населения Архангельской городской агломерации // Арктика и Север. 2021. № 43. С. 215–228. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.43.215
22. Грушенко Э.Б. Развитие морского круизного туризма в портах Западной Арктики // Арктика и Север. 2014. № 14. С. 29–34.
23. Lamers M., Pashkevich A. Short-circuiting cruise tourism practices along the Russian Barents Sea coast? The case of Arkhangelsk // Current Issues in Tourism. 2018. Vol. 21. Pp. 440–454. DOI: 10.1080/13683500.2015.1092947
24. Жагина С.Н., Топорина В.А. Национальные парки Европейского Севера России (Архангельской, Вологодской областей, Республики Карелия) как объекты рекреации и туризма // Проблемы региональной экологии. 2016. № 6. С. 127–131.
25. Балабейкина О.А., Гавrilova К.С., Кузнецова Ю.А. Религиозный туризм как составляющая брендинга Архангельской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. № 3 (73). С. 118–128. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2021.73.008
26. Морозов А.А. Гастрономический туризм на Северо-Западе России (на примере Республики Карелия) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. № 5 (374). С. 851–869. DOI: 10.24891/nii.15.5.851

27. Орлова В.С. Арктический туризм — инновационный импульс развития Европейского Севера // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 4. С. 40–43.
28. Орлова В.С. Потенциал сферы туризма и рекреации Европейского Севера: оценка и направления развития в условиях освоения Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 141–153. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.10
29. Мякишин В. Н., Шапаров А. Е., Тиханова Д. В. Совершенствование оценки туристского потенциала субъектов Арктической зоны РФ // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 1. С. 235–248. DOI: 10.17059/ekon. reg.2021-1-18
30. Елисеева Н.В. Перспективные направления туризма в период пандемии в северных регионах России // Вестник Академии знаний. 2020. № 4 (39). С. 187–191. DOI: 10.24411/2304-6139-2020-10460
31. Леонидова Е.Г. Оценка влияния пандемии COVID-19 на туристский сектор региона // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 5. С. 37–51. DOI: 10.15838/ptd.2021.5.115.3
32. Леонидова Е.Г. Проблемы туризма как фактора развития региона в контексте влияния пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 3. С. 624–637. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.3.624-637
33. Степанова С.В. Развитие туристской инфраструктуры в северных приграничных регионах России // Проблемы развития территорий. 2015. № 6 (80). С. 214–225.

References

1. Lukin Yu.F. Arctic Tourism: the Rating of Regions, the Opportunities and Threats. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2016, no. 23, pp. 77–100. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.23.96
2. Lukin Yu.F. The Arctic Tourism in Russia. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2016, no. 25, pp. 185–189. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.211
3. Kharlampieva N.K. Theory and Methodology of the Arctic Tourism Development. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2016, no. 23, pp. 101–105. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.23.124
4. Sevastyanov D.V. Arkticheskiy turizm i rekreatsionnoe prirodopol'zovanie — novyy vektor razvitiya severnykh territoriy [Arctic Tourism and Recreational Nature Management — a New Vector of Northern Territories Development]. *Rossiya v global'nom mire [Russia in the Global World]*, 2017, no. 10 (33), pp. 75–88.
5. Bertosh A.A. Arkticheskiy turizm: kontseptual'nye cherty i osobennosti [Arctic Tourism: Conceptual Features and Particularities]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN [Transactions Kola Science Centre RAS]*, 2019, vol. 10, no. 7–17, pp. 169–180. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.169-180
6. Kuklina V., Ruposov V., Kuklina M., Rogov V., Bayaskalanova T. Multi-Polar Trajectories of Tourism Development within Russian Arctic. *Advances in Economics, Business and Management Research*, 2017, vol. 38, pp. 379–385.
7. Il'kevich S.V., Strömberg P. Aspekty konkurentospособности Nenetskogo i Yamalo-Nenetskogo avtonomnykh okrugov kak destinatsiy arkticheskogo turizma [Aspects of Competitiveness of the Nenets and Yamalo-Nenets Autonomous Districts as Destinations of Arctic Tourism]. *Service Plus*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 10–17. DOI: 10.12737/21118
8. Selyakova S.A., Dubinicheva L.V., Markov K.V. Sostoyanie i perspektivy razvitiya turistskoy industrii v Vologodskoy oblasti [Status and Prospects of Tourist Industry Development in the Vologda Region]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognоз [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 2009, no. 1 (5), pp. 80–88.
9. Zhagina S.N., Pakhomova O.M. Razvitiye turizma na Evropeyskom severe Rossii (na primere Arkhangelskoy, Vologodskoy oblastey i Respubliki Kareliya), klasternyy podkhod [The Development of Tourism in the European North of Russia (The Arkhangelsk, Vologda Regions and the Republic of Karelia): Cluster Approach]. *Problemy regional'noy ekologii [Regional Environmental Issues]*, 2016, no. 6, pp. 147–152.
10. Shchenyavsky V.A. Otsenka effektivnosti vnutrenney turistsko-rekreatsionnoy deyatel'nosti na sel'skikh territoriyakh Respubliki Komi [Evaluation of the Efficiency of Internal Tourist and Recre-

- tional Activities in Rural Areas of the Komi Republic]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2017, no. 5 (56), pp. 43–55. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-5-2017-56-43-55
11. Kondrateva S.V. Tourism Development in Border Areas: A Benefit or a Burden? The Case of Karelia. *Baltic Region*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 94–111. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-2-6
 12. Lebedeva E.A. Tourism in Pinezhye, Arkhangelsk Region. *Sciff. Questions of Students Science*, 2019, no. 8 (36), pp. 191–193.
 13. Yakovchuk A.A. Tourism Industry Development Issues in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 45–57. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.56
 14. Zhelnina Z.Yu. Turizm Murmanskoy oblasti kak drayver razvitiya territorii [Tourism of the Murmansk Region as a Driver of Territory Development]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2021, no. 9, pp. 65–75. DOI: 10.24158/pep.2021.9.11
 15. Velikhina A.V. Otsenka razvitiya turistskoy infrastruktury regiona [The Assessment of the Regional Tourism Infrastructure Development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 2 (32), pp. 239–250. DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.18
 16. Stepanova S.V. Territorial'nye disproportsii razmeshcheniya infrastruktury turizma v Respublike Kareliya [Territorial Disproportions of the Tourism Infrastructure Location in the Republic of Karelia]. *Izvestiya DVFU. Ekonomika i upravlenie* [The Bulletin of Far Eastern Federal University. Economics and Management], 2019, no. 3, pp. 89–97. DOI: 10.24866/2311-2271/2019-3/89-97
 17. Morozova T.V., Murina S.G., Belya R.V. Rekreatsionnaya mobil'nost' kak element kachestva zhizni: izmerenie tipologicheskogo raznoobraziya [Recreational Mobility as a Component of the Living Standard: Measuring the Typological Diversity]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra* [Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 6, pp. 58–67.
 18. Moroshkina M.V., Potasheva O.V., Gienko G.V. Impact of Social and Economic Factors over Past Decade on Economic Development of Russian's Arctic Zone. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*, 2020, no. 539, 012171. DOI: 10.1088/1755-1315/539/1/012171
 19. Sidorovskaya T.V., Volovik O.A. Issledovanie potrebitel'skikh predpochteniy molodezhi v sfere regional'nogo turizma [Research of Consumer Preferences of Youth in the Regional Tourism]. *Marketing MBA. Marketingovoe upravlenie predpriyatiem* [Journal Marketing Management Firms. Marketing MBA], 2019, vol. 10, no. 4, pp. 342–356.
 20. Sidorovskaya T.V., Volovik O.A., Sidoruk A.Yu. Vnutrenniy turizm: issledovanie predpochteniy zhiteley severnykh territoriy [Domestic Tourism: a Study of the Preferences of Residents of the Northern Territories]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i vechurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2019, no. 2, pp. 38–50. DOI: 10.34130/2070-4992-2019-2-38-50
 21. Tsvetkov A.Yu. Logistic Basis for Organizing Weekend Recreation for the Population of the Arkhangelsk Urban Agglomeration. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2021, no. 43, pp. 215–228. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.43.215
 22. Grushenko E. B. Development of Cruise Tourism in the Ports of the Western Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2014, no. 14, pp. 26–31.
 23. Lamers M., Pashkevich A. Short-Circuiting Cruise Tourism Practices along the Russian Barents Sea Coast? The Case of Arkhangelsk. *Current Issues in Tourism*, 2018, vol. 21, pp. 440–454. DOI: 10.1080/13683500.2015.1092947
 24. Zhagina S.N., Toporina V.A. Natsional'nye parki Evropeyskogo Severa Rossii (Arkhangel'skoy, Vologodskoy oblastey, Respubliki Kareliya) kak ob"ekty rekreatsii i turizma [The National Parks of the European North of Russia as Tourist Sites and Recreational Land Use: a Case of the Arkhangelsk, Vologda Regions and Karelia]. *Problemy regional'noy ekologii* [Regional Environmental Issues], 2016, no. 6, pp. 127–131.

25. Balabeikina O.A., Gavrilova K.S., Kuznetsova Yu.A. Religioznyy turizm kak sostavlyayushchaya brendinga Arkhangel'skoy oblasti [Religious Tourism as a Component of the Arkhangelsk Region Branding]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2021, no. 3 (73), pp. 118–128. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2021.73.008
26. Morozov A.A. Gastronomicheskiy turizm na Severo-Zapade Rossii (na primere Respubliki Kareliya) [Culinary Tourism in the North West of Russia: Evidence from the Republic of Karelia]. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2019, vol. 15, no. 5 (374), pp. 851–869. DOI: 10.24891/ni.15.5.851
27. Orlova V.S. Arkticheskiy turizm — innovatsionnyy impul's razvitiya Evropeyskogo Severa [The Arctic Tourism is the Innovative Impulse of the European North Development]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments], 2017, no. 4, pp. 40–43.
28. Orlova V.S. Potentsial sfery turizma i rekreatsii Evropeyskogo Severa: otsenka i napravleniya razvitiya v usloviyakh osvoeniya Arktiki [Potential of the Tourism and Recreation Sphere in the European North: Evaluation and Development Vector in Terms of the Arctic Development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2021, vol. 14, no. 1, pp. 141–153. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.10
29. Myakshin V. N., Sharapov A. E., Tikhanova D. V. Sovershenstvovanie otsenki turistskogo potentsiala sub"ektov Arkticheskoy zony RF [Improving the Assessment of the Tourism Potential of the Russian Arctic]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2021, vol. 17, iss. 1, pp. 235–248. DOI: 10.17059/ekon. reg.2021-1-18
30. Eliseeva N.V. Perspektivnye napravleniya turizma v period pandemii v severnykh regionakh Rossii [Promising Directions of Tourism during a Pandemic in the Northern Regions of Russia]. *Vestnik Akademii znanii* [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2020, no. 4 (39), pp. 187–191. DOI: 10.24411/2304-6139-2020-10460
31. Leonidova E.G. Otsenka vliyaniya pandemii COVID-19 na turistskiy sektor regiona [Assessment of the COVID-19 Pandemic Impact on the Tourism Sector of the Region]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2021, vol. 25, no. 5, pp. 37–51. DOI: 10.15838/ptd.2021.5.115.3
32. Leonidova E.G. Problemy turizma kak faktora razvitiya regiona v kontekste vliyaniya pandemii COVID-19 [Problems of Tourism as a Factor of Regional Development in the Context of COVID-19 Pandemic]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual Problems of Economics and Law], 2020, vol. 14, no. 3, pp. 624–637. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.3.624-637
33. Stepanova S.V. Razvitie turistskoy infrastruktury v severnykh prigranichnykh regionakh Rossii [Development of Tourist Infrastructure in the Northern Border Regions of Russia]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2015, no. 6 (80), pp. 214–225.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 09.12.2021.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 188–205.

Научная статья

УДК 316.3(985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.188

Феномен жизнестойкости в теории и практике адаптации арктических сообществ к экологическим вызовам *

Ненашева Марина Викторовна^{1✉}, кандидат философских наук, доцент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Набережная Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ m.nenasheva@narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-5638>

Аннотация. Целью исследования является описание индивидуальных и коллективных особенностей сельского населения российской Арктики, которые обуславливают их жизнедеятельность и являются внутренними факторами адаптации к изменениям климата. Научная новизна исследования состоит в описании феномена жизнестойкости на примере островных и прибрежных сообществ Приморского района Архангельской области, для которых характерна высокая природная и социально-экономическая нестабильность. На основе полученных эмпирических данных показано, что территориальная и социокультурная целостность жизненного пространства местных сообществ, интегральность самобытия и самосознания местных жителей, кооперативность сосуществования, а также проактивность жизнеобеспечения создают фундамент жизнестойкости местных сообществ и способствуют их социальной адаптации к последствиям изменения климата. Особое внимание уделяется вопросу понимания культуры мобильности северных сообществ в условиях увеличения случаев неблагоприятных погодных явлений в связи с изменением климата. На основе результатов эмпирического исследования предложен подход к адаптации к изменениям климата на основе использования знаниевого потенциала местных сообществ. Результаты исследования могут быть использованы для развития теории освоения Севера России, а также для разработки конкретных мероприятий по адаптации к изменениям климата на локальном уровне.

Ключевые слова: сельское население, изменения климата, адаптация, жизнестойкость, российская Арктика, Архангельская область

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-20286, <https://rscf.ru/project/22-28-20286/>.

Resilience in the Theory and Practice of Arctic Communities' Adaptation to Environmental Challenges

¹ Marina V. Nenasheva✉, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

* © Ненашева М.В., 2022

Для цитирования: Ненашева М.В. Феномен жизнестойкости в теории и практике адаптации арктических сообществ к экологическим вызовам // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 188–205. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.188

For citation: Nenasheva M.V. Resilience in the Theory and Practice of Arctic Communities' Adaptation to Environmental Challenges. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 188–205. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.188

¹m.nenasheva@narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-5638>

Abstract. The aim of this study is to describe the individual and collective characteristics of the rural population of the Russian Arctic, which determine their vital activity and are internal factors of adaptation to climate change. The scientific novelty of the study consists in describing the phenomenon of resilience on the example of island and coastal communities of the Primorskiy district of the Arkhangelsk Oblast, which are characterized by high natural and socio-economic instability. Based on the empirical data, it is shown that the territorial and socio-cultural integrity of the living space of local communities, the integrality of self-existence and self-consciousness of local residents, cooperative coexistence, as well as proactivity of life support create the foundation for the resilience of local communities and contribute to their social adaptation to the effects of climate change. Particular attention is paid to the issue of understanding the culture of mobility of northern communities in the face of increasing cases of adverse weather events due to climate change. Based on the results of an empirical study, an approach to adaptation to climate change based on the use of the knowledge potential of local communities is proposed. The results of the study can be used to develop the theory of the development of the North of Russia, as well as the development of specific measures for adaptation to climate change at the local level.

Keywords: *rural settlement, climate change, adaptation, resilience, Russian Arctic, Arkhangelsk region*

Введение

В XX в. хозяйственное освоение Севера и Арктики было одним из приоритетных направлений политики Советского государства [1; 2]. Распад СССР привёл к качественным изменениям в экономическом и социальном устройстве Российского государства [3]. К числу негативных последствий социально-экономических преобразований в постсоветской России относится сокращение численности и снижение уровня жизни сельского населения. Указанные тенденции особенно сильно отразились на северных регионах России, где социальная и экономическая жизнеспособность населения долгие годы поддерживалась государством [4].

Наряду с экономическими трудностями в последние годы на жизнедеятельность местных сообществ оказывают воздействие изменения климата [5]. Согласно докладам Росгидромета, а также материалам профильных институтов Российской Академии Наук, например, Института глобального климата и экологии имени академика Ю.А. Израэля, в Арктике потепление климата происходит в 2 раза быстрее, чем в других регионах Земли¹. Данный вывод подтверждается данными Межправительственной группы экспертов по изменению климата².

Последствия глобального потепления выражаются в сокращении ледового покрова Арктики, более раннем вскрытии большинства рек ото льда, в то время как ледостав происходит позже обычного, увеличении частоты и силы возникающих вследствие изменения климата метеорологических аномальных явлений, таких как туманы, штормовые ветры, наводнения, сходы лавин и т. д. [6]. В свою очередь последствия изменения климата оказывают негативное воздействие на социально-экономическое положение северных террито-

¹ Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год. URL: http://climatechange.igce.ru/index.php?option=com_docman&Itemid=73&gid=27&lang=ru (дата обращения: 25.08.2021).

² Intergovernmental Panel on Climate Change. URL: <https://www.ipcc.ch> (дата обращения: 27.08.2021).

рий. Так, весной и осенью на северных реках складывается нестабильная или, как её ещё называют, «нервная» ледовая обстановка, которая влияет на условия навигации и мобильность местных сообществ прибрежных и островных территорий, для которых важна постоянная связь с большой землёй. Особенно сильно указанные негативные тенденции отражаются на жителях российской Арктики [7]. В связи с этим становятся актуальными вопросы социальной адаптации к изменениям климата и разработка мер по предотвращению последствий этих изменений.

Впервые понятие адаптации было подробно рассмотрено в естествознании, где оно традиционно определяется как возникшая в процессе эволюции генетическая способность живых организмов выживать в естественной среде под воздействием внешних факторов. Сегодня понятие адаптации употребляется в разных областях научного знания, есть много определений и модификаций данного феномена, которые зависят от природы адаптирующихся объектов, причин, вызывающих необходимость адаптации, а также способов и механизмов адаптации. В зависимости от адаптирующейся системы выделяют физическую, биологическую, психологическую и социальную адаптацию.

Для целей данного исследования обратимся к понятию социальной адаптации, под которой понимается процесс приспособления человека к различным изменениям, которые происходят в окружающей его природной, социальной, политической, экономической среде. Процесс социальной адаптации хорошо изучен в социологии. Так, например, Э. Дюркгейм характеризует адаптацию как индивидуальный процесс реагирования на воздействие внешних факторов, который может выражаться как в приспособлении к среде, так и в её изменении [8]. Создатель теории социальных систем Н. Луман определяет адаптацию как процесс эволюции, в ходе которого адаптирующаяся система приспосабливается к окружающей среде путём усложнения своей внутренней структуры [9]. Американский философ Э. Тоффлер считает, что любые изменения: как внешние, так и внутренние, это онтологически укоренённая характеристика жизни человека, поэтому адаптация и есть жизнь [10]. Таким образом, внешние факторы являются определяющими при выборе человеком (обществом) способов социальной адаптации к меняющимся условиям. В то же время на процесс адаптации оказывают влияние субъективные факторы, связанные с ценностными установками человека и общества, его интересами и целями.

В 30-х гг. XX в. в связи с активным освоением Советским государством Севера и Арктики начались исследования проблемы адаптации человека в северных условиях [11]. Затем, в 60–80-х гг. в связи с созданием в районах Крайнего Севера крупных промышленно-производственных комплексов, вопросами адаптации человека к условиям Крайнего Севера занимались исследователи под руководством академика В.П. Казначеева [12]. Одним из авторов, кто на современном этапе подробно рассмотрел проблему адаптации народов Севера в природе и обществе, является З.П. Соколова. В своей работе «Адаптивные свойства

культуры народов Севера» в качестве одного из аспектов, в рамках которого рассматривается адаптация, она выделила зависимость человека и его жизнедеятельности от природы [13]. Автор указывает на то, что в течение многих столетий северный человек создавал особую народную культуру (как совокупность материальных и нематериальных (духовных) подсистем), которая позволяла ему приспосабливаться к суровым природным условиям [13]. В дальнейшем на адаптивные свойства культуры народов Севера указывали другие российские авторы, подчёркивая, что в течение всего периода развития человечества культура позволяла сохранять устойчивость и стабильность социума [14].

Важно отметить, что, несмотря на растущее внимание к теории социальной адаптации, среди исследователей нет единого мнения относительно её определения. Это связано с тем, что в меняющейся окружающей природной среде и в повседневной жизни адаптация человека осуществляется по-разному и зачастую является проявлением индивидуальных качеств человека. Адаптация может идти как пассивно (толерантный тип), то есть путём приспособления, подчинения неблагоприятным факторам окружающей среды, так и активно (резистентный тип), то есть путём сопротивления негативным внешним факторам и выработки механизмов для сохранения жизненно важных функций. Принципиальным моментом в рассмотрении социальной адаптации является то, что бытие человека как социального существа зачастую абстрагировано от окружающего мира, поэтому процесс адаптации — это не столько приспособление к природной среде, сколько адаптация среды к потребностям человека [15, с. 201–212]. В процессе адаптации человек меняет своё отношение к среде обитания, чтобы сделать эту среду местом, пригодным для жизни. Человек наблюдает за природой, формирует знание и затем использует это знание в своих целях для своего жизнеобеспечения. Преимущество такого подхода к рассмотрению социальной адаптации заключается в том, что он предоставляет потенциал для изучения специфических для конкретного места способностей населения приспосабливаться к негативным последствиям этих изменений.

В 1992 г. при создании конвенции Организации Объединённых Наций об изменении климата концепция адаптации была также применена к мерам реагирования на изменение климата, где акцент делается на индивидуальных и коллективных способностях снижения уязвимости, вызванной последствиями изменения климата. Данный аспект адаптации, который в зарубежной литературе выражается термином «resilience», или «сопротивляемость», «жизнестойкость», становится всё более актуальным для северных территорий и Арктики в связи с глобальными изменениями климата. Фактически он представляется собой адаптационный потенциал — то есть «способность системы приспосабливаться к изменению климата, с тем чтобы смягчить потенциальный ущерб, использовать имеющиеся возможности или справляться с последствиями» [16].

Российские исследования концепции жизнестойкости в контексте социально-экономических и экологических проблем пока немногочисленны [17; 18; 19; 20; 21]. В основном они разворачиваются вокруг содержания понятий жизнестойкость, жизнестойкости городов, региональной резилиентности и практически не затрагивают особенности жизнестойкости на локальном уровне в отношении определенных факторов, например, жизнестойкость сельских поселений северных территорий в контексте изменений климата. В своих работах исследователи отмечают содержательное отличие понятия «жизнестойкость» (или, «резилиентность», «шокустойчивость», «жизнеспособность»), от понятия «устойчивость» (англ. *sustainability*) [21]. Понятие «устойчивость», или «устойчивое развитие» получило развитие в конце 80-х гг. XX в. в связи ростом экологических проблем и необходимостью выработки новых подходов к гармоничному со-развитию экономики и общества без ущерба окружающей природной среде [22]. В свою очередь жизнестойкость — это способность системы (например, природной, социальной) предвидеть и сопротивляться, адаптироваться и реагировать, а также восстанавливаться в ответ на внешнее воздействие [21]. Такое расширенное понимание ставит акцент на особом подходе к феномену жизнестойкости — социально-культурном, который на практике даёт возможность для проведения различных количественных и качественных оценок. На основе оценки степени воздействия внешних факторов, степени уязвимости системы, адаптационного потенциала системы возможна также разработка стратегий и мер адаптации к изменению климата разного уровня: глобальной (в мировых масштабах), региональной (на уровне макрорегионов), национальной (на уровне государства), местной (на уровне округа, муниципалитета). Стоит отметить, что пока что в российской Арктике наиболее часто встречается ответная адаптация, которая выражается в принятии мер на возникшие последствия изменения климата после того, как они были обнаружены.

В данной статье для рассмотрения социальной адаптации к изменениям климата предлагается обратиться к исследованию жизнедеятельности населения островных и прибрежных территорий Севера России, а также рассмотреть, как жизнестойкость к природным вызовам проявляется на практике. Актуальность поставленной задачи определяется, во-первых, фундаментальностью проблемы социокультурной организации северных территорий и недостаточной изученностью концепции жизнестойкости сельского населения как способности противостоять внешним воздействиям. Во-вторых, необходимостью создания новой теории, а также модели освоения северных и арктических территорий на основе изучения потенциала местных сообществ [23]. И, в-третьих, значимостью результатов исследования для современного развития территорий российской Арктики.

Материалы и методы

В состав Архангельской области входит несколько районов Арктической зоны Российской Федерации. Среди них Приморский район, который включает островные в дельте р. Северная Двина и прибрежные территории летнего и зимнего берега Онежского полуострова Белого моря. Летом 2019–2021 гг. в населённых пунктах указанных территорий (д. Кегостров, Конецдворье, Ластола, Пустошь, Выселки, Одиночка, Андрианово, Пушлахта, Летняя Золотица, Летний Наволок, Лопшеньга, Яреньга, с. Вознесенье и пос. Пертоминск) были проведены социологические исследования с целью сбора данных о социокультурной организации и образе жизни местных сообществ, выявления и описания индивидуальных и коллективных особенностей их жизнедеятельности, социальных представлений и ожиданий относительно потребностей, перспектив и приемлемых способов развития сельского пространства в условиях меняющегося климата. Стоит отметить, что на побережье Белого моря проведение комплексных полевых исследований имело существенные ограничения, заключающиеся в очень трудной транспортной доступности приморских поселений.

Эмпирическое исследование проводилось методом качественных полуструктурированных интервью с местными жителями. Выбор респондентов и опрос осуществлялся методом «снежного кома», когда сами опрашиваемые, выбранные случайным образом (в домовых хозяйствах, на улицах, в продуктовых магазинах, на почте, в местной администрации), предлагали других потенциальных кандидатов для исследования.

Таблица 1

Количество проведённых интервью в отдельных населённых пунктах островных и прибрежных территорий Архангельской области в 2019–2021 гг.

№ п.п.	Населённые пункты островных и прибрежных территорий Архангельской области	Количество проведённых интервью
1	Кегостров	7
2	д. Пустошь	2
3	д. Выселки	2
4	д. Одиночка	2
5	с. Вознесенье	8
6	д. Андрианово	1
7	д. Ластола	4
8	д. Конецдворье	3
10	д. Пушлахта	7
11	д. Летняя Золотица	6
12	д. Летний Наволок	1
13	д. Лопшеньга	9
14	д. Яреньга	1
15	пос. Пертоминск	4
Итого		57

Практически все интервью, за исключением случаев, когда респонденты отказывались от беседы с использованием аудиоаппаратуры, были записаны на диктофон, транскрибированы и проанализированы. Наряду с интервьюированием в исследовании применялся

метод простого нестандартизированного наблюдения за обыденной жизнью сельских жителей в реальном времени. Полученные во время экспедиций материалы были дополнены вторичными данными, а именно исторической информацией о развитии островов и прибрежных территорий Приморского района Архангельской области, этнографическими и статистическими данными о составе и численности населения, данными научных докладов об изменении климата, а также социальной информацией из СМИ.

Результаты

Деревни Конецдворье, Ластола, Пустошь, Выселки, Одиночка, Андрианово и село Вознесенье расположены на островах дельты р. Северная Двина, входят в состав муниципального образования «Островное» Приморского муниципального района Архангельской области и являются самыми крупными населёнными пунктами, на территории которых сохранилось постоянно проживающее население. Всего МО «Островное» включает 49 населённых пунктов. По состоянию на 1 января 2019 г. численность коренного населения МО «Островное» составляла 1 896 человек. Согласно официальным данным, перепись населения по отдельным деревням, входящим в состав муниципального образования, не ведётся. Данную информацию подтвердил представитель местной администрации, согласно которому «учёт населения с 2014 г. не ведётся, потому что эти полномочия передали паспортному столу, у которых этих данных нет».

Исторически территорию островов дельты р. Северная Двина населяли «верховенские» (жившие в верховьях северных рек) поморы, упоминания о которых относятся к XII в. Согласно Всероссийской переписи населения, в 2010 г. в Приморском районе Архангельской области, в состав которого входит МО «Островное», проживало 504 человека, относящих себя к поморам³.

Географической особенностью островных территорий является их удалённость от областного центра и ограниченная транспортная доступность. В период навигации, с начала мая по конец октября, связь островных территорий с Архангельском осуществляется регулярным речным транспортом, а в зимнее время — по ледовым переправам либо зимникам, которые местные жители называют «дорогами жизни» [7].

Деревни Пушлахта, Летняя Золотица, Летний Наволок, Лопшенъга, Яренъга и посёлок Пертоминск расположены вдоль берега Онежского полуострова Белого моря. ТERRITORIALLY они также являются частью Приморского района Архангельской области. Заселение беломорского побережья происходило в течение XII–XVII в. в результате новгородской колонизации и появления монастырей. Издревле эти территории населяли поморы, основными

³ Распределение населения по наиболее многочисленным национальностям в Архангельской области по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. URL: <https://arhangelskstat.gks.ru/search?q=поморы> (дата обращения: 18.07.2021).

занятиями которых были судоходство, морской промысел и солеварение [24]. После распада Советского Союза численность населения заметно сократилась.

Таблица 2

*Численность постоянно проживающего населения островных и прибрежных территорий
Архангельской области*

№ п.п.	Наименование населенного пункта	Численность населения по состоянию на 01.01.2021 г. (чел.)
1	д. Пустошь	221
2	д. Выселки	25
3	д. Одиночка	30
4	с. Вознесенье	412
5	д. Андрианово	23
6	д. Ластола	432
7	д. Конецдворье	31
8	д. Пушлахта	31
9	д. Летняя Золотица	102
10	д. Летний Наволок	5
11	д. Лопшеньга	187
12	д. Яренъга	74
13	пос. Пертоминск	245

Традиционными занятиями коренного населения островов является рыбный промысел и сбор дикоросов. На побережье Белого моря развивается добыча водорослей, а в д. Летняя Золотица — охота на морского тюленя. В советские годы на островных и приморских территориях Архангельской области было хорошо развито сельское хозяйство. С переходом к рыночной экономике колхозы разорились. Сегодня сельским хозяйством, рыболовством, добычей морского зверя и водорослей занимаются частные фермерские предприятия, количество которых в последние годы заметно сократилось. Так в начале 2000-х гг. в МО «Островное» было 22 крестьянско-фермерских хозяйства, сегодня — одно, в д. Андрианово. В д. Летняя Золотица функционирует рыболовецкий колхоз и частное предприятие по добыче беломорских водорослей, а в д. Пушлахта местными жителями осуществляется заготовка дров для нужд Соловецкого монастыря. В каждой из обследованных деревень, за исключением д. Летний Наволок, постоянное население которой насчитывает всего 5 человек, есть небольшой универсальный магазин, а в некоторых — почтовое отделение.

В большинстве домовых хозяйств есть маломерные суда — небольшие весельные и моторные лодки, которые используются местными жителями для поездок в соседние деревни: в гости, на отдых, за грибами, ягодами или на рыбалку. Как отметил один из респондентов: «частные лодки для местных подобны автомобилю для населения в городе». Жительница д. Выселки подтверждает: «Вот сюда ходит пароход, а из других дальних деревень — Кальчино, Залахати, — жители к нам по зиме с санками приходят, закупаются в магазинах, а летом приезжают на лодках».

По отзывам респондентов, судоходство играет важную роль в жизнедеятельности поморских деревень. В Советские годы регулярность и частота речных перевозок пассажиров поддерживалась государством. «Раньше теплоход каждые полчаса ходил», — вспоминает один из респондентов. С переходом к рыночной экономике и массовым оттоком сельского населения в города речные перевозки стали нерентабельны и сохраняются за счёт дотаций из местного бюджета.

В последние годы на условия навигации оказывают влияние климатические изменения. Опираясь на личные наблюдения, большинство респондентов отметили, что раньше зимы были холоднее, а сейчас мягче, быстрее всё тает. Потепление климата приводит к смещению сроков открытия и закрытия навигации, а также возникновению случаев вынужденного открытия навигации в декабре и январе. Согласно официальному представителю Архангельского речного порта, «если открытие навигации традиционно приходится на конец апреля — начало мая, то закрытие навигации зависит от фактического наступления зимы, но существенно сроки открытия навигации за последние 20 лет не изменились. Однако в последние годы навигацию приходилось открывать и зимой на несколько дней или неделю после их закрытия в связи с зимними оттепелями». Несмотря на стабильность работы пассажирских судов, жители сообщают о случаях отмены рейсов из-за штормов, ледовой обстановки и тумана. Вынужденное закрытие навигации из-за штормов и туманов имеет место в осенний сезон, но может также произойти в летнее время.

В зимний период из-за погодных колебаний частым явлением становится распутица, из-за которой жители островов и побережья Белого моря нередко оказываются отрезанными от большой земли. В последние годы распутица стала частым явлением в связи с заметными изменениями климата и ледовых условий, происходящими в осенне-весенний период. «Раньше распуга была две — три недели, а сейчас до двух месяцев доходит», — сказал один из жителей. В осенний период распутица длится с того дня, когда пассажирские суда прекращают движение по реке и до тех пор, пока речной лёд не станет достаточно безопасным для открытия зимних дорог, и наоборот в весенний период. Например, в 2019 г. устойчивое льдообразование не наблюдалось вплоть до Нового года⁴. На время распутицы сообщение с островами осуществляется пассажирскими судами ледового класса — буксирами. Изменения в ледовой обстановке оказывают существенное влияние на жизнедеятельность населения поморских деревень: «В распугу мы оторваны от жизни недели на две, а то и на месяц».

Ещё более драматичная ситуация складывается в приморских деревнях, расположенных на Онежском побережье Белого моря. В период навигации (с мая по конец сентября)

⁴ Жители Поморья останутся без ледовых переправ до Нового года. Российская газета. 18 декабря 2019 г. URL: <https://news.rambler.ru/other/43372591-zhiteli-pomorya-ostanutsya-bez-ledovyh-pereprav-do-novogo-goda/items/> (дата обращения: 20.12.2019).

перевозки пассажиров и грузов к деревням летнего и зимнего берега Онежского полуострова осуществляются один раз в месяц теплоходом «Беломорье». В распутицу население приморских деревень оказывается надолго «отрезанным» от большой земли, поэтому с наступлением осени и до начала навигации весной местные жители стараются уезжать в города. С теми, кто остается в деревнях на зимний период, связь и доставка необходимых грузов осуществляется по зимникам на буранах.

Изменения климата влияют не только на мобильность поморского населения, но и на занятия традиционными видами хозяйственной деятельности, например, рыболовством. Жители беломорского побережья отмечают существенное потепление морской воды в последние годы. Из-за этого происходит миграция на север таких хладнокровных видов рыб как треска, что серьёзно влияет на возможность её любительского лова. В то же время жители деревень замечают, что в последние годы происходит увеличение популяции горбуши, которая «раньше приходила на нерест один раз в четыре года, а теперь один раз в два года». Данный факт зафиксирован и на территории проживания коренных малочисленных народов в Ненецком автономном округе [25].

Как показали опросы, большая часть сельского населения испытывает тревогу в связи с непредсказуемыми изменениями условий навигации, а также с отсутствием мероприятий по государственной поддержке мобильности населения в виде регулярного водного, наземного и воздушного транспортного сообщения, а также транспортной инфраструктуры. Как справедливо отмечает А.Н. Пилясов, это связано с тем, что значительная часть населения Севера России имеет «врожденную тягу к мобильности», которая является не только важной составляющей культуры и жизни северных сообществ, но и основой преодоления периферийности, а также снижает ощущение изолированности и оторванности территорий от остальной части страны [23].

Изменения условий мобильности и занятий традиционными видами хозяйственной деятельности в связи с потеплением климата вызывают необходимость социальной адаптации жителей островных и прибрежных территорий Приморского района Архангельской области к новым природным вызовам. На сегодняшний день социальная адаптация местных сообществ представляет собой как правило «ответную реакцию» на климатические вызовы, которая осуществляется после того, как были обнаружены последствия изменения климата, и связана она обычно с адаптацией, которая инициируется и осуществляется отдельными людьми, домашними хозяйствами или местными органами власти.

Проанализировав результаты эмпирического исследования, мы выделили следующие факторы, которые образуют фундамент жизнестойкости местных сообществ и способствуют их социальной адаптации к последствиям потепления климата:

- 1) Сложившаяся на протяжении многих лет система природных, индивидуальных, социокультурных и духовных ценностей местных жителей, которые являются определяю-

щими при выборе стратегий дальнейших действий. К их числу относятся: «связь с родительским домом, деревней», «скромная красота природы», «тишина и спокойствие», «уединённость». Результаты интервью показали, что несмотря на сложные экономические условия и ограниченную транспортную доступность местные жители не хотят покидать родные деревни. Близость к природе, воспоминания о прошлой жизни, а также надежда на возрождение деревень — это то, что удерживает их в родных краях. В большинстве обследованных деревень мы встречали инициативных граждан, которые играют важную роль в поддержании социально-культурной жизни сельчан. Как правило это люди, которые родились и всю жизнь прожили в родной деревне. Будучи на пенсии, они занимаются возрождением и сохранением истории и культуры родной деревни, а также решают многие организационные вопросы социально-экономической жизни односельчан. Именно целостность социальной и культурной структуры местных сообществ повышает способность местных жителей к адаптации к внешним воздействиям.

2) Социальная коллективность местного населения. Для большинства жителей островных и прибрежных территорий характерны особые формы социальной организации, главными чертами которой является социальная общность, обеспечивающая тесные связи и контакты местных жителей, а также особые формы общения людей, существенно отличающиеся от тех, которые складываются в городской культуре. В деревне социальные группы и коллектив более или менее явно контролируют все стороны жизнедеятельности своих жителей. Для «села» характерна открытость общения: личная жизнь каждого видна как на ладони. Сознание сельских жителей сформировано с учётом подобной «прозрачности» поведения, подвергается прямой регламентации со стороны общества и сильно ориентировано на мнение и оценку его членов. Основой выживания становятся личные связи, а также круг знакомых и близких, который способствует возникновению чувства защищённости в ситуации неопределённости. В условиях ограниченности и нестабильности транспортного сообщения, удалённости территорий, социальная общность и взаимовыручка позволяют сохранять постоянную транспортную мобильность сельских жителей, которая сегодня строится на основе личных (добрососедских) связей. Из интервью с респондентами мы выяснили, что летом, в случае отмены регулярного рейса речного судна, жители островных территорий дельты р. Северная Двина пользуются услугами знакомых, частных перевозчиков, имеющих маломерные суда, чтобы доехать до города. На побережье Белого моря частные моторные лодки и катера являются на сегодняшний день единственным средством транспортировки местных жителей по Белому морю.

3) Превентивность жизнеобеспечения. В Советские годы существовала развитая система «северного завоза» продуктов, промышленных товаров и энергоресурсов. С переходом к рыночной экономике государственные поддержка северных районов была свёрнута. Сегодня местные жители островных и прибрежных территорий в большинстве случаев

самостоятельно обеспечивают собственную продовольственную, промышленную и энергетическую безопасность, заранее планируя завоз необходимых продуктов, товаров и энергоснабжителей. Важным источником жизнеобеспечения является натуральное хозяйство, прибрежный лов рыбы и заготовка дикоросов. В дополнение к этому на островных территориях поставкой продуктов питания и промышленных товаров занимаются частные предприниматели, которые имеют небольшие магазины в наиболее крупных деревнях. Потребительская корзина формируется по запросам жителей: «Из продуктов зимой сельчане заказывают в основном консервы, замороженные продукты и соки». Летом в магазине продают свежевыловленную и слабосолёную рыбу, ягоды и грибы, которые сдаются на продажу местные жители. Из бесед с продавцами мы выяснили, что в последние годы климатические изменения оказывают негативное воздействие на систему поставок товаров на острова. Поскольку период распутицы в последние годы значительно увеличился, запас товаров весной до освобождения рек ото льда и осенью до ледостава делается как минимум на месяц. В прибрежных деревнях Белого моря значимую роль в поставке товаров играет союз потребительских обществ Архангельской области, который имеет небольшие магазины в поморских деревнях. Из разговора с продавцом одного из магазинов мы узнали, что летом товары завозятся один раз в месяц на корабле, который принадлежит рыболовецкому колхозу, а зимой на буранах. В распутицу магазин может оставаться без продуктов на месяц, а то и два.

4) Опора на опыт наблюдений за погодными и природными условиями. Из разговоров с респондентами выяснилось, что местным жителям часто не хватает официальной информации о погодных и природных условиях для принятия решений о речных, морских поездках или занятиях традиционными промыслами, поэтому зачастую для определения условий навигации местные жители используют знания, основанные на собственных наблюдениях за природными явлениями. Отметим, что исторически жизнедеятельность поморов, населявших приречные и приморские территории Архангельской области, была тесно связана с судоходством по северным рекам и морям. Систематические наблюдения за окружающей природной средой привели к накоплению практических знаний о зависимости навигации от погодных условий, которые передавались из поколения в поколение и являлись элементом традиционной поморской культуры. Из интервью с современными поморами выяснилось, что местные жители до сих пор используют знания, основанные на собственных наблюдениях за природными явлениями (состояние водоёмов, приливы, отливы, направление ветра) для определения условий навигации и занятий традиционными промыслами. «Тем, кто живет на островах, не надо ничего подсказывать, мы по цвету воды знаем, что будет завтра», — сказала жительница д. Пустошь, отвечая на вопрос о том, как местное население определяет, когда лёд сошел или образовался. И продолжила: «Люди, которые здесь живут, с древнейших времен вели записи, всё анализировали и записывали. Это были семейные лоцманы, а сегодня люди ведут тетрадочки и просто изучают погоду: такого-то чис-

ла речка встала, такого-то числа она вскрылась». Местные знания о погоде используются не только для прогнозирования, но и для преодоления опасных погодных условий по мере их возникновения, особенно вдали от населённого пункта, когда обновления официальных прогнозов не всегда можно получить в силу того, что сотовые телефоны не принимают сигналы. Например, в д. Лопшеньга один из рыбаков рассказал, что когда они находятся в море и появляется такое природное явление как «стена в море», то «нужно сразу уплывать, потому что будет либо туман, либо шторм». Как выяснилось, имеющиеся у местных жителей знания о погодных и природных условиях — это, как правило, результат систематических наблюдений за окружающей природой, их сравнение с уже имеющимися знаниями и проверка на конкретной местности. В большинстве случаев эти знания носят индивидуальный, а не коллективный характер. Они фиксируются, сохраняются отдельными современными жителями поморских деревень в силу существующей многолетней традиции и в сочетании с официальными метеорологическими данными используются для прогнозирования и преодоления опасных погодных и природных условия. Конечно, мы не утверждаем, что народные знания о погоде могут быть рассмотрены в качестве рекомендаций для принятия значимых управлеченческих решений (это было бы слишком смело и в определенной степени даже опасно), однако они вполне могут стать дополнением к научным знаниям и в сочетании с официальными данными использованы для разработки стратегий адаптации к меняющимся условиям окружающей природной среды. Например, научная метеорология может использовать народные знания о погодных условиях для пополнения эмпирического материала о текущем состоянии природных объектов (например, состоянии льда), которые находятся за пределами официальных инструментальных наблюдений. Такие примеры уже существуют в других арктических странах. Например, Интернет-платформа Регос в Норвегии (<https://www.regobs.no/>) позволяет местным жителям регистрировать свои наблюдения за окружающей средой через специальное приложение на телефоне или на личном персональном компьютере. В дальнейшем такие наблюдения используются национальными службами для генерирования более конкретных прогнозов и оперативных уведомлений о возможных изменениях в окружающей природной среде. Несмотря на уже имеющиеся в мировой практике положительные примеры, открытыми остаются вопросы об объективности, способах оценки и применимости местных знаний для прогнозирования природных явлений. Для решения данных вопросов канадские исследователи предлагают создавать консультативные группы, чтобы обсуждать то, как местные знания о погоде могут быть инкорпорированы в инструментальные метеорологические наблюдения [26].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в результате полевых исследований нам не удалось выявить какую-либо закономерность в организации мобильности местными жителями в условиях меняющегося климата. Планируя либо осуществляя поездки по реке или морю, современные поморы используют скорее ситуативный и реактивный подходы, оттал-

киваясь от конкретных погодных и природных условий. В то же время было отмечено, что в вопросе продовольственной безопасности местные жители занимают проактивную позицию. Не задумываясь о причинах, местные жители всё чаще фиксируют факты изменения условий навигации вследствие потепления климата, что даёт им, в частности, основания для принятия решений о создании запасов продуктов и других товаров на период возможного отсутствия водного сообщения с «большой землёй».

Дискуссия и выводы

Как следует из результатов исследования, поставленная научная задача имеет комплексный характер. Она предполагает широкий охват исследуемых объектов, явлений и процессов, начиная с анализа различных теорий и моделей освоения северных пространств в исторической перспективе и на современном этапе, изучения текущего социально-экономического состояния северных сообществ, изменений климата и их последствий, и заканчивая развитием концепции жизнестойкости, социальной адаптации и разработкой конкретных мероприятий по адаптации к изменениям климата на локальном уровне. Для этого мы обратились к социально-экономической жизни приречных и приморских сообществ Архангельской области, систематические плановые исследования которых не проводились с 2000-х гг. На примере жизнедеятельности сельских островных и прибрежных поселений Приморского района мы показали, что для них характерна высокая социально-экономическая нестабильность, которая выражается в отсутствии промышленного производства, рабочих мест, и, как следствие, в депопуляции. Несмотря на экономические и демографические изменения, на островных и прибрежных территориях Приморского района Архангельской области до сих пор сохраняется постоянно проживающее население. В основном это жители пенсионного возраста, которые родились и выросли на островах и побережье, имеют сходные исторические судьбы и социально-экономическое положение, а также связаны между собой длительностью соседства и общения. Многие из коренных жителей, с которыми нам удалось побеседовать, относят себя к поморам, объясняя это наличием в семье предков, которые занимались традиционными для поморов видами хозяйственной деятельности, а также многолетней связью с поморской землёй, которая отразилась на их собственном мироощущении и восприятии себя в качестве поморов.

Современные поморы, как и их предки, продолжают заниматься традиционными видами хозяйственной деятельности: рыболовством, сбором дикоросов, выращиванием овощей, однако результаты этой деятельности не покрывают в полной мере их ежедневные потребности. В связи с этим остаётся высокой зависимость островного населения от навигации и связи с «большой землёй». Однако из-за отсутствия развитого дорожного и ограниченности водного сообщения островные и прибрежные территории Севера России оказались фактически на «периферии» инновационной экономики и общественной жизни [27].

В дополнение к социально-экономическим проблемам в последние годы на жизнедеятельность местных сообществ влияют изменения климата. Эти изменения выражаются в погодных колебаниях, которые вносят корректизы в традиционные способы жизнедеятельности и мобильность поморов. Именно поэтому так остро стоит вопрос адаптации местных сообществ к климатическим изменениям, ответ на который предлагается искать на локальном уровне, в том, что составляет ядро социальной организации и фундамент жизнестойкости арктических островных и прибрежных сообществ. К ним относятся территориальная, и социокультурная целостность жизненного пространства местных сообществ; сформировавшаяся годами привычность, традиционность образа жизни, которая обуславливает интегральность самобытия и самосознания местных жителей; кооперативность сосуществования, проактивность жизнеобеспечения, а также опора на традиционные знания. Перечисленные аспекты жизнестойкости позволяют выживать современным поморам в условиях внешних вызовов, и речь идёт именно о выживании, которое выражается в медленном, но постоянном приспособлении к природным и социально-экономическим колебаниям. Это приспособление проявляется в том числе в наличии скрытой (не сразу очевидной стороннему наблюдателю) сетевой социальной организации островных и прибрежных сообществ, но именно в такой социальной организации современные поморы и находят почву для существования (они «живы и сильны миром»). Указанные факторы обуславливают особенности планирования и осуществления местными жителями локальной мобильности между деревнями (через личные связи), поставки продовольственных и промышленных товаров, исследование которых является особенно важным в контексте стратегических планов развития российской Арктики и изменений климата. Очевидно, что в условиях глобальных природных вызовов так называемая централизованная, коллективная мобильность возможна только при наличии конкретных мероприятий по адаптации к последствиям изменения климата. Анализ литературы показал, что в России существуют стратегические планы по развитию транспортной инфраструктуры в контексте изменений климата⁵, однако они не учитывают реальную практику жизнедеятельности северных сообществ, которые фактически оказались «один на один» с природными вызовами. На наш взгляд, инновационные подходы к вопросам организации локального транспортного сообщения в новых экологических условиях должны строиться на изучении и понимании культуры мобильности местных сообществ, и, в частности, на использовании их знаниевого потенциала и его дальнейшего инкорпорирования в существующие стратегии и планы по адаптации к внешним вызовам. Основным преимуществом местных знаний является то, что они могут способствовать принятию решений о потенциальных экологических и климатических последствиях для местных сообществ, потому что такие формы знаний имеют непосредственное отношение к конкретным местам и

⁵ Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года. Утверждён Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.12.2019 г. № 3183-р.

ситуациям. Кроме этого, местные знания вполне могут стать дополнением к научным знаниям и могут быть использованы для разработки стратегий адаптации к меняющимся условиям окружающей природной среды.

Список источников

1. Калеменева Е.А. Смена моделей освоения Советского Севера в 1950-е гг. Случай комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 181–200. DOI: 10.17223/2312461X/20/10
2. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57
3. Плюснин Ю.М. Поморы: Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003. 143 с.
4. Киселева А.М., Гокова О.В. Демографическая безопасность северных регионов: проблемы депопуляции и миграции населения // Вестник Омского университета. Серия: Экономика, 2016. № 4. С. 181–190.
5. Бондаренко Л.В., Маслова О.В., Белкина А.В., Сухарева К.В. Глобальное изменение климата и его последствия // Теория и практика управления. 2018. № 2. С. 84–93. DOI: 10.21686/2413-2829-2018-2-84-93
6. Жилина И.Ю. Потепление в Арктике: возможности и риски // Экономические и социальные проблемы России. 2021. № 1. С. 66–87. DOI: 10.31249/espr/2021.01.04
7. Olsen Ju., Nenasheva M., Hovelsrud G.K. ‘Road of life’: changing navigation seasons and the adaptation of island communities in the Russian Arctic // Polar Geography. 2020. Vol. 44. Iss. 1. 19 p. DOI: 10.1080/1088937X.2020.1826593
8. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод и назначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. Москва: Канон, 1995. 352 с.
9. Луман Н. Введение в системную теорию. Москва: Логос, 2007. 360 с.
10. Тоффлер Э. Шок будущего. Москва: ACT, 2003. 557 с.
11. Тимошенко А.И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930–1950-е гг. // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 150–168.
12. Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации. Москва: Наука, 1980. 192 с.
13. Соколова З.П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // Советская этнография. 1991. № 4. С. 3–17.
14. Базарова Э.Л. и др. Культура русских поморов: опыт системного исследования. Москва: Научный мир, 2005. 400 с.
15. Зенков Л.Р. Бессознательное и сознание в аспекте межполушарного взаимодействия. Новочеркасск. Агентство САГУНА. 1994. Т. 1. С. 201–212.
16. Кураев С.Н. Адаптация к изменению климата. РРЭЦ, ГОФ, 2006. 16 с.
17. Бочки В.С. Жизнестойкость территории: содержание и пути укрепления // Экономика региона. 2013. № 3. С. 26–37. DOI: 10.17059/2013-3-2
18. Важенин С.Г., Важенина И.С. Жизнестойкость территорий в конкурентном экономическом пространстве // Регион: экономика и социология. 2015. № 2. С. 175–199. DOI: 10.15372/REG20150609
19. Климанов В., Михайлова А., Казакова С. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187
20. Замятина Н.Ю., Медведков А.А., Поляченко А.Е., Шамало И.А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. № 65 (3). С. 481–505. DOI: 10.21638/spbu07.2020.305

21. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3 (69). С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1
22. Гизатуллин Х.Н., Троицкий В.А. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 124–130.
23. Гончаров Р.В., Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Без мобильности нет креативности: антропология транспорта Сибири и Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 149–183. DOI: 10.14530/se.2019.4.149-183
24. Бернштам Т.А. Народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этнографические очерки. Ленинград: Наука, 1983. 233 с.
25. Михайлова Г.В. Арктический социум в условиях изменений состояния природной среды и климата (по результатам опросов населения) // Арктика и Север. 2018. № 32. С. 95–106. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.95
26. Pennesi K., Arokium Ja., McBean G.A. Integrating local and scientific weather knowledge as a strategy for adaptation to climate change in the Arctic // Mitigation and adaptation strategies for global changes. 2012. No. 17. Pp. 897–922. DOI: 10.1007/s11027-011-9351-5
27. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. Москва: УРСС, 2009. 542 с.

References

1. Kalemeneva E.A. Smena modeley osvoeniya Sovetskogo Severa v 1950-e gg. Sluchay komissii po problemam Severa [Models of the Soviet North Development in the 1950s: The Case of Commission on Issues of the North]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2018, no. 2, pp. 181–200. DOI: 10.17223/2312461X/20/10
2. Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu. Development of the North 2.0: Challenges of Making a New Theory. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 46–62. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57
3. Plyusnin Yu.M. *Pomory: naselenie poberezhiy Belogo morya v gody krizisa, 1995–2001* [Pomors: Population of the Coasts of the White Sea During the Crisis, 1995–2001]. Novosibirsk, Publishing House of the Novosibirsk State University, 2003, 143 p. (In Russ.)
4. Kiseleva A.M., Gokova O.V. Demograficheskaya bezopasnost' severnykh regionov: problemy depopulyatsii i migrantsii naseleniya [Demographic Safety of Northern Regions: Problems of Depopulation and Migration]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Ekonomika* [Herald of Omsk University. Series: Economics], 2016, no. 4, pp. 181–190.
5. Bondarenko L.V., Maslova O.V., Belkina A.V., Sukhareva K.V. Global Climate Changing and Its After-Effects. *Vestnik Rossiyskogo Ekonomicheskogo Universiteta Imeni G.V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2018, no. 2, pp. 84–93. DOI: 10.21686/2413-2829-2018-2-84-93
6. Zhilina I.Yu. Poteplenie v Arktike: vozmozhnosti i riski [Warming in the Arctic: Opportunities and Risks]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii* [Economic and Social Problems of Russia], 2021, no. 1, pp. 66–87. DOI: 10.31249/espr/2021.01.04
7. Olsen Ju., Nenasheva M., Hovelsrud G.K. ‘Road of Life’: Changing Navigation Seasons and the Adaptation of Island Communities in the Russian Arctic. *Polar Geography*, 2020, vol. 44, iss. 1, 19 p. DOI: 10.1080/1088937X.2020.1826593
8. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod i naznachenie* [Sociology. Its Subject, Method and Purpose]. Moscow, Kanon Publ., 1995, 352 p. (In Russ.)
9. Luman N. *Vvedenie v sistemnyu teoriyu* [Introduction to System Theory]. Moscow, Logos Publ., 2007, 360 p. (In Russ.)
10. Toffler E. *Shok budushchego* [Shock of Future]. Moscow, AST, 2003, 557 p. (In Russ.)
11. Timoshenko A. I. The Soviet Experience of the Mobilization Decisions in the Development of the Arctic and the Northern Sea Route in 1930–1950 Years. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 13, pp. 143–158.

12. Kaznacheev V.P. Sovremennye aspeky adaptatsii [Modern Aspects of Adaptation]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 192 p. (In Russ.)
13. Sokolova Z.P. Adaptivnye svoystva kul'tury narodov Severa [Adaptive Properties of the Culture of the Peoples of the North]. Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography], 1991, no. 4, pp. 3–17.
14. Bazarova E.L. et al. Kul'tura russkikh pomorov: opyt sistemnogo issledovaniya [Culture of Russian Pomors: Experience of Systematic Research]. Moscow, Nauchnyy Mir Publ., 2005, 400 p. (In Russ.)
15. Zenkov L.R. Bessoznatel'noe i soznanie v aspekte mezhpolusharnogo vzaimodeystviya [Unconscious and Consciousness in the Aspect of Interhemispheric Interaction]. Novocherkassk, SAGUNA Publ., 1994, vol. 1, pp. 201–212. (In Russ.)
16. Kuraev S.N. Adaptatsiya k izmeneniyu klimata [Adaptation to Climate Change]. RREC, GOF, 2006. 16 p. (In Russ.)
17. Bochko V.S. Zhiznestoykost' territorii: soderzhanie i puti ukrepleniya [Vital Stability of Territory: The Contents and Ways of Strengthening]. Ekonomika regiona [Economy of Regions], 2013, no. 3, pp. 26–37. DOI: 10.17059/2013-3-2
18. Vazhenin S.G., Vazhenina I.S. Zhiznestoykost' territoriy v konkurentnom ekonomicheskom prostranstve [Resilience of Territories in a Competitive Economic Environment]. Region: ekonomika i sotsiologiya, 2015, no. 2, pp. 175–199. DOI: 10.15372/REG20150609
19. Klimanov V., Mikhaylova A., Kazakova S. Regional'naya rezilientnost': teoreticheskie osnovy post-anovki voprosa [Regional Resilience: Theoretical Basics of the Question]. Ekonomicheskaya politika [Economic Policy], 2018, vol. 13, no. 6, pp. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187
20. Zamyatina N.Yu., Medvedkov A.A., Polyachenko A.E., Shamalo I.A. Zhiznestoikost' arkticheskikh gorodov: analiz podkhodov [Resilience of Arctic Cities: an Analysis of the Approaches]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle [Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences], 2020, no. 65 (3), pp. 481–505. DOI: 10.21638/spbu07.2020.305
21. Zhikharevich B.S., Klimanov V.V., Maracha V.G. Shokoustoychivost' territorii: kontseptsiya, izmerenie, upravlenie [Resilience of the Territory: Concept, Measurement, Governance]. Regional'nye issledovaniya [Regional Studies], 2020, no. 3 (69), pp. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1
22. Gizatullin Kh.N., Troitskiy V.A. Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya: novaya sotsial'-no-ekonomicheskaya paradigma [The Concept of Sustainable Development: a New Socio-Economic Paradigm]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity], 1998, no. 5, pp. 124–130.
23. Goncharov R.V., Pilyasov A.N., Zamyatina N.Y. Bez mobil'nosti net kreativnosti: antropologiya transporta Sibiri i Dal'nego Vostoka [There Is No Creativity without Mobility: Anthropology of Transport in Siberia and the Far East]. Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics], 2019, vol. 15, no. 4, pp. 149–183. DOI: 10.14530/se.2019.4.149-183
24. Bernshtam T.A. Narodnaya kul'tura Pomorya v XIX – nachale XX v.: etnograficheskie ocherki [Folk Culture of Pomorye in the 19th – Early 20th Centuries: Ethnographic Essays]. Leningrad: Nauka, 2009, 233 p. (In Russ.)
25. Mikhaylova G.V. The Arctic Society under the Environmental and Climate Change (Based on Survey Results). Arktika i Sever [Arctic and North], 2018, no. 32, pp. 78–87. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.95.
26. Pennesi K., Arokium Ja., McBean G.A. Integrating Local and Scientific Weather Knowledge as a Strategy for Adaptation to Climate Change in the Arctic. Mitigation and Adaptation Strategies for Global Changes, 2012, no. 17, pp. 897–922. DOI: 10.1007/s11027-011-9351-5
27. Pilyasov A.N. I poslednie stanut pervymi: Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya [And the Last Will Be the First: the Northern Periphery on the Way to a Knowledge Economy]. Moscow, URSS, 2009, 542 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 26.12.2021;
принята к публикации 17.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 206–235.

Научная статья

УДК 316.444(571.56)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.206

Особенности территориальной мобильности населения Якутии в условиях пандемии COVID-19 *

Томаска Алёна Георгиевна^{1✉}, научный сотрудник

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия

¹ algepo@mail.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8445-1225>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности территориальной мобильности населения Республики Саха (Якутия). Проанализированы изменения миграционной ситуации, структуры миграции и миграционной активности населения в разных социально-экономических зонах региона в условиях пандемии коронавируса. Анализ показывает, что особенности распределения производительных сил и человеческих ресурсов на рынке труда сохраняют достаточно высокий потенциал трудовой миграции в Республику Саха (Якутия) из стран СНГ и дальнего зарубежья в условиях пандемии, продолжает расти доля прибывающих мигрантов, указывающих среди причин миграции работу. Рассмотрены влияние социально-экономических особенностей и актуальных проблем республики на формирование миграционной активности и миграционных намерений населения. Статья основана на результатах массового опроса в Якутии (n=200). Анализ результатов проведённого опроса показывает, что особенности территориальной мобильности, миграционные намерения населения и отсутствие миграционных планов зависят от социально-экономических условий проживания, различных факторов индивидуального социального статуса и положения, а также ресурсов мобильности. При преимущественно удовлетворительных оценках социально-экономической ситуации в республике и большинства факторов социальной жизни в регионе миграционные намерения респондентов обуславливаются низкими доходами и территориальной спецификой — удалённостью от центральных районов страны, дороговизной авиатарифов и суровыми климатическими условиями. В условиях пандемии пространственная мобильность более всего свойственна части молодёжи, имеющей финансовые ресурсы, не состоящей в браке, стремящейся к более благополучным социально-экономическим и климатическим условиям, к регионам с лучшей инфраструктурой, где есть условия получить достойную работу, качественное образование, медицинские услуги, отдых и досуг.

Ключевые слова: территориальная мобильность, миграция, трудовые мигранты, арктическая зона, миграционные намерения, Якутия

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ «ЯНЦ СО РАН» № 075-00533-21-0 по теме «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность и стратегии адаптации» 0297-2021-0029, регистрационный номер: 121031300008-7 и при поддержке Минобрнауки России в рамках проекта «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» Программы

* © Томаска А.Г., 2022

Для цитирования: Томаска А.Г. Особенности территориальной мобильности населения Якутии в условиях пандемии COVID-19 // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 206–235. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.206

For citation: Tomaska A.G. Peculiarities of Territorial Population Mobility in Yakutia under COVID-19 Pandemic Conditions. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 206–235. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.206

фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Peculiarities of Territorial Population Mobility in Yakutia under COVID-19 Pandemic Conditions

Alyona G. Tomaska¹, Research Officer

¹The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, ul. Petrovskogo, 1, Yakutsk, 677027, Russia

¹algepo@mail.ru , ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8445-1225>

Abstract. The article discusses the special characteristics of the territorial mobility of the population of the Republic of Sakha (Yakutia). Changes in the migration situation, structure of migration and migration activity of the population in different social and economic zones of the region in the context of the coronavirus pandemic are analyzed. The analysis shows that the peculiarities of distribution of productive forces and human resources in the labor market retain a fairly high potential for labor migration to the Republic of Sakha (Yakutia) from the CIS countries and far abroad in the context of a pandemic, the share of arriving migrants indicating work among the reasons for migration continues to grow. The influence of socio-economic characteristics and urgent problems of the republic on the formation of migration activity and migration intentions of the population is considered. The article is based on the results of a mass survey in Yakutia (n=200). Analysis of the survey results shows that the features of territorial mobility, migration intentions of the population and absence of migration plans depend on the socio-economic conditions of residence, various factors of individual social status and position, and mobility resources. With mostly satisfactory assessments of the socio-economic situation in the republic and most factors of social life in the region, the respondents' migration intentions are conditioned by low incomes and territorial specifics — remoteness from the central regions of the country, the high cost of air fares and harsh climatic conditions. In the pandemic conditions, the spatial mobility of the population, as one of the most important social resources of society, is most characteristic of the part of young people who have financial resources, unmarried, seeking better socio-economic and climatic conditions, to regions with better infrastructure, where they can get a decent job, quality education, medical services, recreation and leisure.

Keywords: territorial mobility, migration, labor migrant, Arctic zone, migration intention, Yakutia

Введение

Пандемия COVID-19 изменила современную социально-экономическую реальность, специалисты оценивают её воздействие как самый масштабный глобальный кризис. «Пандемия стала толчком, который запустил или усилил кризисные процессы во всех сферах жизни — от семейных отношений и практик индивидуальной гигиены до глобальной экономики и политики»¹. По сведениям специалистов, смертность в России в 2020 г. стала рекордной за последние 10 лет. В регионах ускорились процессы депопуляции с началом пандемии на фоне нехватки лечебных учреждений, врачей, медикаментов, элементарных средств защиты. Только за 11 месяцев 2020 г. естественная убыль населения РФ, по офици-

¹ Ильин В.И. Возникает новая реальность, в которой планка нормального риска повышена. 02.09.2021. URL: https://covid19.fom.ru/post/vladimir-ilin-voznikaet-novaya-realnost-v-kotoroj-planka-normalnogo-riska-povyshena?fbclid=IwAR02csbdFN1J2QtREU6_zYyJ8xiFk2mrhkJylbYXXm9boi3pLusnslQoWsY (дата обращения: 01.10.2021).

альным данным, достигла 574,8 тыс. человек. А общая смертность россиян в 2020 г. превысила 2 млн человек [1, Моисеев В.В., Колесникова Ю.С., Смоленская О.А., с. 40].

По сведениям Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в 2020 г. пандемия COVID-19 серьёзно нарушила все формы мобильности людей, включая международную миграцию. По предварительным оценкам, к середине 2020 г. пандемия, возможно, замедлила рост числа международных мигрантов примерно на 2 млн². В Российской Федерации отмечают кризис миграционной мобильности, снижение миграционного прироста в 2020 г. в два раза в сравнении с 2019 г., рост безработицы и ухудшение условий труда мигрантов [2, Рязанцев С.В., Брагин А.Д. Рязанцев Н.С.; З, Дьяченко А.Н., Печкуров И.В., Мамина Д.А.].

В Аналитической записке Генерального секретаря ООН А. Гуттереш по вопросу о COVID-19 и перемещающихся лицах ключевыми проблемами пространственной мобильности названы три формы кризиса. Во-первых, это кризис в области здравоохранения, когда перемещающиеся лица оказываются подверженными вирусу при отсутствии достаточных средств защиты. Во-вторых, это социально-экономический кризис, сказывающийся на перемещающихся лицах с нестабильными источниками средств к существованию, особенно тех, кто работает в неформальном секторе экономики, не имея никакого доступа к мерам социальной защиты или располагая лишь ограниченным доступом к ним. В-третьих, это кризис в области защиты, связанный с закрытием границ и другими ограничениями на передвижение в целях сдерживания распространения COVID-19 и оказывающий серьёзное воздействие на права многих перемещающихся лиц, чреватое созданием для них крайне опасных ситуаций³.

В Якутии за 2020 г. естественный прирост сократился на 1 200 человек по отношению к 2019 г. Коэффициент на 1 000 человек населения в 2019 г. составил 5,4‰, в 2020 г. — 4,1‰. По данным ТО ФС Государственной статистики по РС(Я) естественный прирост в республике сохраняется за счёт превышения числа родившихся над числом умерших. За 2020 г. число родившихся превысило число умерших на 44,2% (в 2019 г. — в 68,6%)⁴. Число умерших выросло на 1 480 человек. В распределении умерших по классам причин смерти за 2020 г. умершие от коронавирусной инфекции, вызванной COVID-19, составили 7,8%⁵.

В Республике Саха (Якутия) формирование численности, этнической и половозрастной структуры населения, системы социальных и трудовых ресурсов, социально-экономическое

² Основные показатели международной миграции на 2020 год. Январь, 2021. URL: https://www.un.org/development/desa/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf (дата обращения: 29.09.2021).

³ Аналитическая записка Генерального секретаря по вопросу о COVID-19 и перемещающихся лицах. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_brief_c19_people_on_the_move_russian.pdf (дата обращения: 29.09.2021).

⁴ Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2021 года: Статистический сборник. Якутск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), 2021. С. 6.

⁵ Смертность населения по Республике Саха (Якутия) в 2020 г.: Статистический сборник. Якутск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), 2021. Л. 9726.

и культурно-хозяйственное развитие традиционно было связано с интенсивными миграционными процессами. В течение всего XX в. модель промышленного освоения Якутии характеризовалась массовым перемещением и концентрацией рабочей силы, в отличие от индустриализации приполярных районов Норвегии, Финляндии и Швеции, где преимущественно использовали местные трудовые ресурсы [4, Игнатьева В.Б., с. 86]. Республика относится к важнейшим минерально-сырьевым и горнодобывающим регионам России и интенсивно привлекает мигрантов для работы в удалённых и труднодоступных районах, где преимущественно и производится добыча полезных ископаемых. Территория Якутии до настоящего времени является одним из самых изолированных и труднодоступных регионов мира в транспортном отношении: 90% территории не имеет круглогодичного транспортного сообщения, что создаёт социопространственные формы ограничения и отчуждения населения. Особенности социально-экономического развития современного общества, глобальные вызовы, изменение климата, пандемия COVID-19 актуализировали вопросы пространственной мобильности населения, которые характеризуют уровень жизни населения и являются фактором развития региона.

Материалы и методы

Цели, задачи и основные принципы Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 г. отражают основные современные отечественные научные подходы исследования территориальной мобильности, миграции: комплексность подходов с учётом решения задач в сфере социально-экономического (воспроизведение человеческих ресурсов экономического развития, конкуренция на рынке труда и т.п.), пространственного (в том числе географического), демографического (анализ численности и половозрастной структуры населения и мигрантов, оценивается их влияние на состояние человеческих популяций), культурного (проблемы культурной интеграции/дезинтеграции), правового развития (анализ правовых механизмов) Российской Федерации.

Имеется много различных подходов к определению территориальной мобильности. По мнению специалистов, за последние десятилетия произошла переоценка отношения исследователей к мобильности и восприятию её исключительно как перемещения в пространстве. В настоящее время мобильность имеет тенденцию стать «целым», которое включает само движение, всё, что предшествует, сопровождает и продлевает его [5, Строев П.В., Кан М.И., с. 36]. Как полагает Дж. Урри, социальная жизнь представляет собой постоянный процесс перехода от бытия рядом с другими (на работе, дома, на отдыхе и т. д.) к бытию на расстоянии. Вся социальная жизнь, работа, семья, образование и политика предполагают отношения периодического присутствия и разные режимы отсутствия, частично зависящие от многочисленных технологий путешествия и коммуникаций, которые переносят объекты, людей, идеи и образы на расстояние [6, Урри Дж., с. 135].

Дж. Урри полагает, что социальные процессы основываются на пяти взаимозависимых «мобильностях», которые организуют социальную жизнь на расстоянии и формируют (и ре-формируют) её контуры. И первым видом мобильности являются телесные перемещения людей ради работы, досуга, семейной жизни, удовольствий, миграции или бегства, по-разному организованные по отношению к контрастным пространственно-временным модальностям (от ежедневных поездок на работу до единственного в жизни изгнания с родины), т. е. собственно территориальная мобильность индивида. Физические перемещения людей взаимозависимы, по его мнению, и с физическими перемещениями объектов между производителями, потребителями и продавцами, воображаемыми перемещениями при помохи образов мест и людей, осуществляемыми через различные печатные или визуальные носители информации, виртуальными путешествиями, часто в реальном времени, преодолевающими географические и социальные расстояния, коммуникационными путешествиями посредством обмена СМС, текстами, письмами и телеграммами, через факс, телефон или мобильный телефон [6, Урри Дж., с. 135].

По его мнению, способность к передвижению и взаимозависимость перемещений создает новую форму социального или «сетевого» капитала. И более того, он считает, что «физическое или виртуальное перемещение между различными местами может стать источником статуса или власти, выражением права на передвижение, временное или постоянное. Там, где движение заблокировано, может возникать социальная депривация и неравенство [6, Урри Дж., с. 76–77, 142].

Шеллер М. развивает этот тезис: теоретическое осмысление мобильностей сосредоточено на материальных практиках движения, коммуникативных мобильностях, инфраструктурах и системах управления, помогающих / мешающих движению, презентациях, идеологиях и смыслах, придаваемых движению / покоя [7, с. 3]. А Кауфман В. и др. полагают, что социально-структурно встроенные субъекты играют центральную роль в пространственной мобильности, как и определенные контексты, которые ограничивают или делают возможным перемещение. Причины, ограничения и последствия для более крупных социальных процессов останутся неясными, если географию потоков рассматривать изолированно, то есть если мы не сможем исследовать *modus operandi* социальной и политической логики движений в географическом пространстве. Кроме того, изучение потенциала передвижения выявит новые аспекты мобильности людей в отношении возможностей и ограничений их манёвров, а также более широкие социальные последствия социальной и пространственной мобильности. Основываясь на этих соображениях, они предлагают теоретическую концепцию капитала подвижности относительно автономного от экономического, социального и культурного капитала. Капитал подвижности или мотильность они определяют как способность субъектов (например, товаров, информации или людей) быть мобильными в социальном и географическом пространстве или как способ, которым субъекты получают доступ и

используют возможности для социально-пространственной мобильности в соответствии с их обстоятельствами [8, Kaufmann V., Bergman M.M., Joye D., с. 749–750]. Целью данной статьи является исследование тенденций в формировании пространственной мобильности населения Якутии в условиях нового вызова — пандемии COVID-19.

Сбор первичной социологической информации по проекту «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» проводился методом квотного анкетного опроса. Тема опроса: изучение общественного восприятия культурного многообразия, миграции и мигрантов. Цель исследования: оценка конфликтного и интеграционного потенциала населения в сфере миграционных отношений, исследование проблем внутренних и международных миграций. Для проведения исследования, в том числе — этносоциологического опроса, был сформирован коллектив экспертов, работающих в университетах и научных организациях в 12 регионах Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Все эксперты — этнологи, социологи, демографы по специальности, имеющие опыт работы по проектам Распределённого научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем. При подготовке исследования был разработан инструментарий для изучения общественного мнения о проблемах внутренних и международных миграций в регионах Азиатской⁶. В данной статье использованы результаты социологических опросов, проведённых в пяти регионах Дальневосточного федерального округа ($n=1000$) — в Республике Бурятия, Приморском крае, Республике Саха (Якутия), Хабаровском крае и Чукотском автономном округе.

Статья основана на результатах массового опроса в Якутии. В соответствии с установленной выборкой по стандартному инструментарию проекта с 1 октября по 25 ноября 2020 г. в Республике Саха (Якутия) было опрошено 200 респондентов старше 18 лет. Результаты опроса дополнительно были обработаны в программе IBM. SPSS. Statistics (Ver. 21) с применением методов описательной статистики (таблицы сопряжённости). Социально-демографические характеристики респондентов выглядят следующим образом: по полу женщины составили 54%, мужчины — 46%; возрасту: 18–29 лет — 24,5%, 30–59 лет — 53,5%, 60 и старше — 22,0%. Семейное положение опрошенных: не женат / не замужем, живёт с родителями — 12,5%, не женат / не замужем, живёт один — 17,5%, не женат / не замужем, но живёт с девушкой, молодым человеком — 6,5%, не женат / не замужем, живёт в общежитии — 2%, не женат / не замужем, есть ребенок (дети) — 9,5%, женат / замужем, детей нет — 7%, женат / замужем, есть ребенок (дети) — 40,5%; 3,5% указали другие ответы о семейном положении.

⁶ Отчёт о реализации проекта «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» в рамках 1 этапа программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности. Омск. 2020. С. 4.

По национальному составу: якуты — 83,0%, русские — 12,0%, эвенки — 2,5%, указали другие ответы о национальной принадлежности — 2,5%. По роду деятельности работающие составили 73%, совмещающие работу и учёбу — 7,5%, учащиеся — 1,0%, безработные — 2,5%, пенсионеры — 14,5%; по сфере деятельности: государственное и муниципальное управление — 13%, армия, полиция, МЧС — 2,5%, образование — 19%, здравоохранение — 9,5%, энергетика — 2%, транспорт — 6,5%, финансы — 4,0%, добывающая промышленность — 1%, торговля — 8%, средний и мелкий бизнес — 16,5%, другое — 1%; по служебному положению: руководители, заместители руководителя предприятия, учреждения — 6%, руководители подразделения — 10%, специалисты — 53%, служащие, технические исполнители — 6,5%, рабочие — 3,5%, другое — 5%.

Уровень доходов респондентов: получаемых мною средств не хватает на жизнь, помогают родные — 13,5%, хватает на покупку еды, оплату коммунальных услуг — 36,5%, хватает на покупку еды, оплату коммунальных услуг, покупку одежды, покупку бытовой электроники или мебели — 30,5%, хватает на покупку еды, оплату коммунальных услуг, покупку одежды, покупку бытовой электроники или мебели, оплату путешествий — 15%, хватает на покупку еды, оплату коммунальных услуг, покупку одежды, покупку бытовой электроники или мебели, оплату путешествий, покупку автомобиля — 4%.

Кроме этого в статье использовались полевые материалы автора: полуформализованные глубинные интервью среди трудовых мигрантов ($n=8$) из наиболее многочисленных этнических групп (киргизы, армяне, таджики, узбеки). При этом мигрант рассматривался как член транснациональных социальных сетей (семейных, земляческих). Поиск респондентов осуществлялся по месту работы. Информанты были выбраны по определённым критериям: пол, возраст, семейное положение, репродуктивные намерения, уровень образования, наличие / отсутствие опыта трудовой деятельности; периодичность / отсутствие отлучки к постоянному месту жительства независимо от легитимности пересечения границы и способа трудоустройства; миграционные установки или их неимение.

Результаты

В отличие от компактных европейских стран, Россия — страна с обширными территориями, где отдельные регионы превосходят по размерам многие европейские страны, а различия в социальном развитии регионов сравнимы с различиями между слаборазвитыми и передовыми странами, и, как отмечают специалисты, в целом российское население отличается очень низкой мобильностью [9, Барков С.А., и др., с. 66, с. 69]. Оценивая территориальную мобильность населения РС(Я) во время пандемии, обратимся к показателям миграционной активности в 2020 г. В Республике Саха (Якутия) в 2020 г. впервые с 1990 г. миграционная убыль сменилась приростом. При этом отмечается значительное снижение доли миграционного прироста за счёт передвижений в пределах России, в том числе внутри республики.

лики. В целом из сельской местности республики в структуре выбывающих передвижений в пределах России доля внутриреспубликанской выбывающей миграции с 2000-х гг. по настоящее время в среднем составляет 89,8%, и этот показатель имел возрастающую динамику. Пандемия коронавируса спровоцировала снижение числа внутриреспубликанских мигрантов: в 2019 г. — 24 816 чел., в 2020 г. — 22 677 чел.

Миграционный прирост по республике в 2020 г. вырос в 26,5 раз относительно предпандемийного 2019 г. (в 2019 г. — -229, в 2020 г. — +6065) (табл. 1). По данным ТО ФС Госстатастики по РС(Я), число прибывших в городскую и сельскую местность в 2020 г. (47 355 чел.) на 4 950 чел. больше, чем в 2019 г. (42 405 чел.), а выбывших — меньше на 1 344 чел. (41 290 чел. в 2020 г., 42 634 чел. в 2019 г.)⁷. Если ранее в общей миграционной структуре преобладала внутрироссийская миграция, то, несмотря на период борьбы с коронавирусом и антиэпидемиологические ограничения, в целом по республике отмечается рост миграционной активности, преимущественно за счёт миграционного обмена населением с зарубежными странами (СНГ — миграционный прирост увеличился в 2,1 раз, со странами дальнего зарубежья — 19,5 раз) и за счёт Центральной зоны Якутии (миграционный прирост вырос в 8,1 раз).

Так, в городскую и сельскую местность из-за пределов республики прибыло в 2020 г. 24 678 чел., в 2019 г. — 17 589. В том числе из других регионов Российской Федерации прибыло 10 501 чел., в 2019 г. — 11 282 чел.; из стран СНГ в год распространения пандемии прибыло 13 690 чел., в 2019 г. 6 195 чел.; из дальнего зарубежья — 487 и 112 чел. соответственно. По данным ТО ФС Госстатастики по РС(Я), сократилось число выбывших в 2020 г. (41 290 чел.) относительно 2019 г. (42 634 чел.) на 1 344 чел. В том числе выбыло за пределы республики в 2020 г. 18 613 чел., в 2019 г. — 17 818 чел.; в другие регионы России выбыло 13 133 чел., в 2019 г. — 115 495 чел.; в страны СНГ выбыло в 2020 г. 5 363 чел., в 2019 г. 2 323 чел.; в страны дальнего зарубежья — 117 и 93 чел. соответственно.

Здесь необходимо отметить разницу сведений Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) и статистики, предоставленной МВД Республики Саха (Якутия), о миграционной ситуации в регионе. Так, например, по данным МВД по РС(Я), в 2020 г. на миграционный учёт в Республике Саха (Якутия) поставлено 40 120 (2019 г.: 77 423) иностранных граждан и лиц без гражданства, что на 48,2% меньше данных аналогичного периода прошлого года. Большинство иностранных граждан поставлены на миграционный учёт по месту пребывания в центре республики, г. Якутске, — 18 204 чел. (в 2019 г. — 38 279 чел.), в районах Южной Якутии: Нерюнгринском — 5 165 (в 2019 г. — 12 236 чел.) и Алданском — 3 656 (в 2019 г. — 49 40 чел.); и в районах Западной Якутии: Мирнинском — 3 754 (в 2019 г. — 7 442 чел.) и Ленском — 1 458 (в 2019 г. —

⁷ Миграция населения в РС (Я) в 2020 г. Электрон. стат. сборник. Якутск, 2021. Т. 1. Л. 8654.

4 794 чел.). Снято с миграционного учёта 37 342 (в 2019 г. — 62 578) иностранных граждан, в том числе в связи с выездом за пределы территории Российской Федерации — 978 чел. (в 2019 г. — 2 007 чел.), установлением факта фиктивной регистрации — 742 чел. (676 чел. в 2019 г.). Основной миграционный поток образуют граждане государств-участников СНГ — 88% (79,7% в 2019 г.). Доля граждан государств Европейского союза составляет 3,6% (в 2019 г. — 4,3%). На граждан других стран приходится 8,3% от миграционного потока (16% в 2019 г.). Наибольшее число прибывших в 2020 г. мигрантов составляют граждане Киргизской Республики — 2 594 чел. (на 64% меньше, чем в 2019 г. — 7 190 чел.); Республики Таджикистан — 1 843 чел. (на 69% меньше, чем в 2019 г. — 5 992 чел.); Республики Узбекистан — 1 045 чел. (на 73% меньше, чем в 2019 г. — 3 939 чел.); Республики Армения — 932 чел. (на 58% меньше, чем в 2019 г. — 2 201 чел.); Украины — 939 (на 62% меньше, чем в 2019 г. — 2 489 чел.)⁸. Разница сведений Госстатистики и данных МВД — тема отдельного исследования. В рамках данной статьи будем оперировать данными ТО ФС Госстатистики по РС(Я).

Таблица 1

Миграционный прирост в 2019-2020 гг., человек⁹

Городская местность	2019 г.	2020 г.	Сельская местность	2019 г.	2020 г.
внутри республики	2 624	300	внутри республики	-2 624	-300
между регионами РФ	-4 261	-2 753	между регионами РФ	48	121
СНГ ²⁾	3 830	8 345	СНГ ²⁾	135	-18
дальнего зарубежья	16	368	дальнего зарубежья	3	2

Если анализировать интервью, проведённые среди трудовых мигрантов, то можно заключить, что пандемия коронавируса преимущественно не повлияла на их планы в ближайшее время. Никто из респондентов не торопится покидать республику, они дорожат имеющейся работой, если их организация приостановила деятельность, склонны искать альтернативные виды временного рабочего места, где не распространяются ограничительные меры — в такси, строительстве и др. Так, мигрант М. из Узбекистана говорит: «Здесь всё равно мы можем заработать больше, чем на родине, мы лучше ещё поработаем здесь. Вот я стал в такси работать, но, думаю, скоро вернёмся настройку».

Долгосрочные планы трудовых мигрантов связаны с работой в республике. Мигрантка из Киргизии Д. (работает на товарном рынке) считает, что «уезжать на родину из-за COVID-19 не нужно, тем более, потом, чтобы вернуться в Якутию, опять нужно собирать деньги на дорогу — дорого. Я же с семьёй. Когда рынок закрыли, у мужа на стройке работа была. Мы продержались. Тем более, сестра, которая меня сюда пригласила, уже переехала в

⁸ Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности органов внутренних дел по РС(Я) за январь-декабрь 2020 года. URL: https://mvdr.ru/upload/site18/document_news/023/311/274/Informatsionno-analiticheskaya_zapiska_MVD_po_RSYa_za_2020_god.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

⁹ Источник: Миграция населения в РС (Я) в 2020 г. Электрон. стат. сборник. Якутск, 2021. Т. 1. Л. 8654.

Москву. Кто нам теперь поможет сюда обратно приехать? Постараемся как можно дольше здесь работать».

Ситуация с сетевыми возможностями (или с сетевым капиталом) трудовых мигрантов не отличается, видимо, во всем мире. Так, по итогам международных исследований наши коллеги пишут: «Это связано с тем, что людям нужны ресурсы для переезда, и они вряд ли будут мигрировать без конкретных возможностей и перспектив в странах назначения, таких как работа и помочь семье или сети. Очевидно, они могут мотивировать людей к миграции по модели «push-pull» («тяни-толкай»), но экономическое неравенство имеет ограниченную объясняющую силу по сравнению с неравенством на уровне сообществ» [10, De Haas H., Czaika M., Flahaux M.-L., Mahendra E., Natter K., Vezzoli S., Villares-Varela M., с. 896].

Мы согласны с отечественными исследователями, по мнению которых потенциал трудовой миграции из стран СНГ в условиях пандемии остаётся достаточно высоким. При этом достаточно высоким и нереализованным является и потенциал для переселения и интеграции в России [11, Денисенко М.Б., Мукомель В.И., с. 102]. Д. Ратха полагает, что чем чётче определение и соблюдение национальных границ государств, их суверенитетов, гражданства и прав граждан, тем больше разрыв в развитии между людьми и местами, что в свою очередь способствует росту миграции. По его мнению, в ближайшие десятилетия миграционное давление значительно усилятся из-за разрыва в доходах, демографического расхождения между странами и изменения климата [12, Rath D., с. 287].

Структура общих миграционных потоков с регионами России остаётся неизменной на протяжении нескольких лет: наиболее динамичный миграционный обмен происходит с Сибирским федеральным округом — 8,7% — и Центральным федеральным округом — 5,9%. Из стран СНГ по интенсивности потоков выделяются Киргизия (52,7%) и Украина (11,8%). Из стран дальнего зарубежья (2,8%) — преимущественно мигранты из Китая — 76,6%. Во время пандемии значительно выросла доля прибывающих мигрантов (на 11,5%), указывающих среди причин работу: в Центральной Якутии прибыло в 3,8 раз, Западной зоне в 1,5 раза больше мигрантов. Снизилась доля прибывающих лиц, указывающих среди причин учёбу (на 6,5%). Выросла доля на 1,3% возвращающихся после временного отсутствия и на 0,3% возвращающихся к прежнему месту жительства (см. рис. 1).

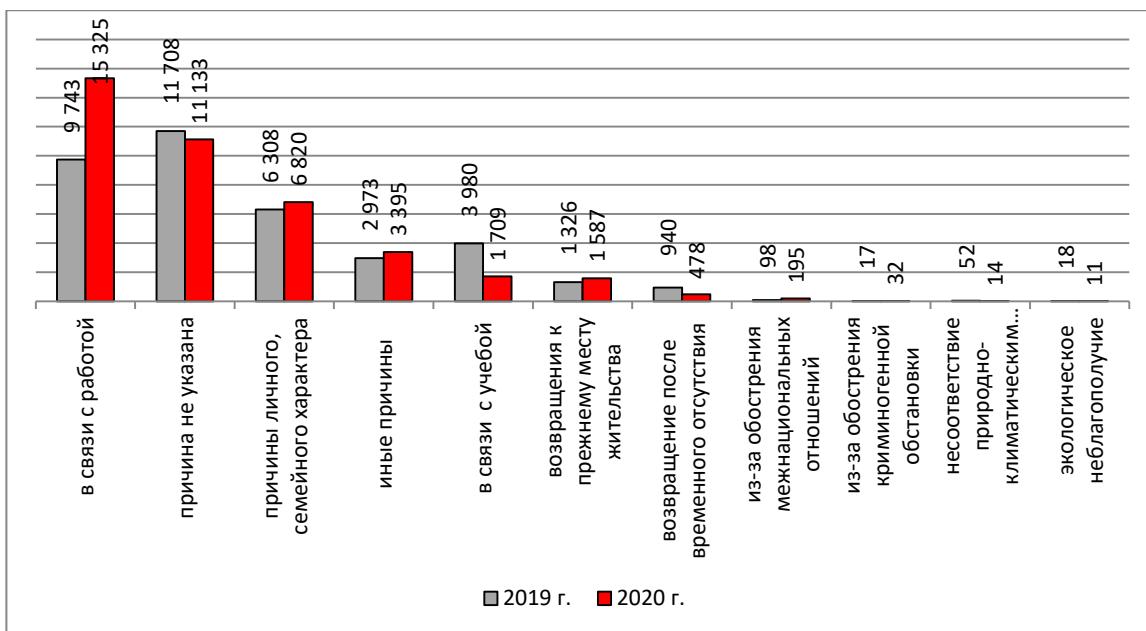

Рис. 1. Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства, человек¹⁰.

Особенности территориальной мобильности населения Якутии определяются комплексом факторов-условий естественной и социальной среды региона [13, Рыбаковский Л.Л., с. 54]. Основным детерминантом миграционных процессов является уникальность территории по разнообразию, количеству и качеству полезных ископаемых: по рейтингу общих запасов всех видов природных ресурсов Якутия занимает первое место в России. И в связи с этим существуют диспропорции в распределении человеческих ресурсов на рынке труда и неравномерное территориальное распределение производительных сил. А также миграционные процессы в республике определяются удалённостью от центра страны, отсутствием круглогодичного транспортного сообщения почти на 90% территории и экстремальными природно-климатическими условиями: климат от резко континентального на юге до субарктического и арктического на севере республики.

В Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 г. с целевым видением до 2050 г. указывается, что в пространственном отношении территориальную структуру республики образуют районы, объединённые в социально-экономические зоны — Центральную, Западную, Восточную, Южную и Арктическую, отличающиеся общностью транспортной и энергетической инфраструктуры, специализацией хозяйства, схожестью природно-климатических условий. Практически на протяжении всего прошлого столетия в Якутию, как территорию пионерного хозяйственного освоения, активно привлекалось население из других регионов страны. Миграционные потоки сформировали население отдельных районов и городов Южной, Западной и Восточной Якутии в связи с привлечением трудовых ресурсов для развития экономики [14, Сукнева С.А., с. 97].

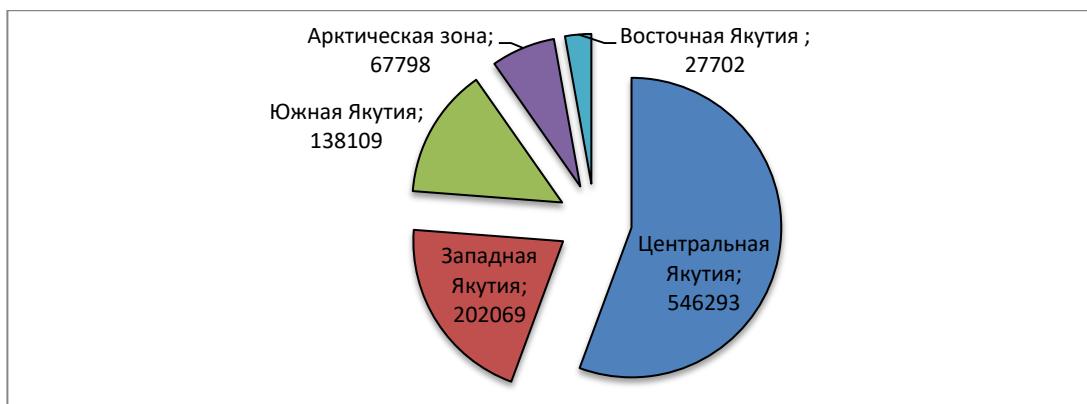
¹⁰ Источник: Миграция населения в РС (Я) в 2020 г. Электрон. стат. сборник. Якутск, 2021. Т. 1. Л. 8712.

Маклашова Е.Г. в анализе этнического состава населения РС(Я) также отталкивается от этапов промышленного освоения северной территории, определяя республику как типичный полигэтнический регион. Она предлагает такую типизацию этнического состава районов Якутии: южный тип (доминирование русских), центральный (доминирование якутов), арктический (доминирование представителей коренных малочисленных народов Севера), смешанный (фиксируется примерно равная и пропорциональная доля трёх основных групп населения), восточный (отличается наличием в этноструктуре большинства русских и растущей долей представителей коренных народов Якутии) и общереспубликанский (столичный) тип (этническая структура района соответствует пропорциям этнонационального состава в целом РС (Я)) [15, Маклашова Е.Г., с. 227].

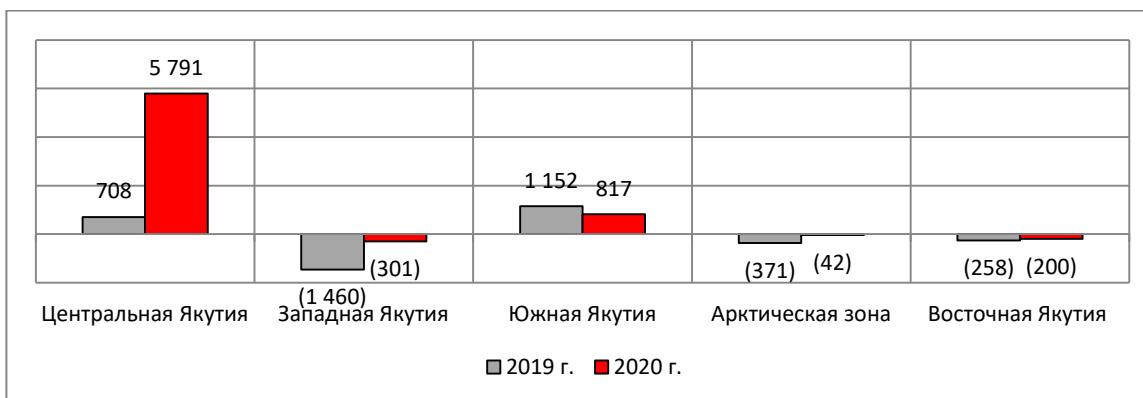
Самой большой по численности населения и наиболее привлекательной для миграции является Центральная зона Якутии (рис. 2), где проживает 55,6% населения (546 293 чел.), в том числе в столице республики г. Якутске 33,7% всего населения республики (330 615 чел. на 1 января 2021 г.). В самой маленькой по занимаемой площади Центральной Якутии проживает 56,0% городского и 54,9% сельского населения республики в 9 муниципальных улусах и двух городских округах. По национальному составу: якуты — 64,5%; русские — 27,5%; украинцы — 1,0%; киргизы — 0,7%; представители коренных малочисленных народов Севера — 1,9% (эвенки (1,0%), эвены (0,8%), юкагиры, долганы, чукчи) и другие народы.

В экономике Центральной Якутии весомую роль играют сектор коммунальных, социальных, транспортных и персональных услуг, бюджетный сектор — органы госуправления, учреждения образования, здравоохранения, оптовая и розничная торговля, операции с недвижимым имуществом, финансовая деятельность и др. Сельское хозяйство преимущественно представляет — мясомолочное скотоводство, коневодство и земледелие, в городской местности — промышленное птицеводство и свиноводство. «Центральная экономическая зона является безусловным лидером по производству валовой продукции сельского хозяйства»¹¹. В зоне развитая транспортная инфраструктура, хотя имеются и труднодоступные поселения.

¹¹ Кондратьева В.И. Центральная экономическая зона в стратегии социально-экономического развития РС(Я) на зональной стратегической сессии // Доклад ГАУ "Центр стратегических исследований Республики Саха (Якутия)". Якутск, 2018. URL: <https://mineconomic.sakha.gov.ru/tsentralynaya-ekonomiceskaya-zona> (дата обращения: 29.09.2021).

Рис. 2. Численность населения социально-экономических зон РС(Я), чел.¹²

Город Якутск — политический, экономический, культурный, транспортный, энергетический, информационно-коммуникационный центр региона с соответствующей развитой инфраструктурой. Столица привлекает внутриреспубликанских сельских, межрегиональных и зарубежных мигрантов и в последние 20 лет имеет положительный миграционный прирост, значительно влияющий на миграционную структуру республики. Относительно 2019 г. миграционный прирост г. Якутска вырос в 3,6 раза, а Центральной Якутии в целом — в 8,2 раза (см. рис. 3). Во время пандемии число прибывших в центральную зону Якутии (25 673 чел.) составило 54,2% всех прибывающих в республику, на 1,7% больше, чем в 2019 г. (22 250 чел.). А доля выбывших сократилась на 2,3% относительно предыдущего года (21 542 чел.) и составила 48,2% всех выбывающих из республики (19 882 чел.).

Рис. 3. Миграционный прирост (убыль) по социально-экономическим зонам Якутии, чел.¹³

Следующей по численности населения зоной является Западная Якутия, в которой на 1 января 2021 г. проживает 20,6% населения республики (202 069 чел.) (рис. 2). Западная Якутия — центр главных отраслей экономики Якутии — алмазодобычи и нефте-газодобычи. В 6 муниципальных улусах зоны проживает 19,2% городского и 23,3% сельского населения республики. По этническому составу: якуты — 49,5%, русские — 40,0%, украинцы — 2,9%, та-

¹² Источник: Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2021 года: Статистический сборник. Якутск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), 2021. С. 14.

¹³ Источник: Миграция населения в РС (Я) в 2020 г. Электрон. стат. сборник. Якутск. 2021. Т. 2. Л. 8747.

тари — 1,2%, и представители коренных малочисленных народов Севера — 0,9% (эвенки (0,6%), эвены (0,2%), юкагиры, долганы, чукчи) и другие этносы.

Транспортная инфраструктура региона сложна и неоднозначна. Имеются федеральная и региональная автодороги, технологические проезды вдоль трасс нефтепроводов и газопроводов (ВСТО и Сила Сибири), судоходные участки рек Лена и Вилюй, а также сеть аэропортов. Автодороги не имеют круглогодичного проезда. Многие сельские населённые пункты не имеют постоянного транспортного сообщения с районными центрами.

Одной из значимых негативных тенденций является снижение численности населения во всех районах Западной Якутии, в основном за счёт миграционного оттока. С 2000-х гг. в районах Западной Якутии в динамике миграционная убыль населения сохраняется. Миграционная убыль, высвобождение рабочей силы в основном связаны с реорганизациями и сокращениями на предприятиях АК «АЛРОСА». В структуре миграции республики в Западной Якутии доля прибывших в 2019 г. (8 520 чел.) сократилась на 1,2%, выбывших (9980 чел.) на 1,0% и составила в 2020 г. 18,9% (8 928 чел.) и 22,4% (9 229 чел.) соответственно. Относительно 2019 г. миграционная убыль данного региона в год распространения коронавирусной инфекции сократилась в 4,9 раз (рис. 3).

В Южной Якутии — центре добычи угля и золота — проживает 14,1% населения Якутии (138 109 чел.) (см. рис. 2). В трёх муниципальных районах Южной Якутии 18,1% городского и 6,2% сельского населения республики. По этническому составу: русские — 73,8%, якуты — 17,8%, украинцы — 4,6%, татары — 1,7%, буряты — 1,1%, представители коренных малочисленных народов Севера — 3,5% (эвенки (3,5%), эвены (0,5%), юкагиры, долганы, чукчи) и другие этносы. Регион выгодно отличается высокой круглогодичной транспортной доступностью (в Алданском и Нерюнгринском районах — железная, автомобильная дороги и авиасообщение) и имеет межрегиональное значение в республике.

По мнению Сукневой С.А., характерной чертой демографического развития ЮЭЗ (Южной экономической зоны) РС(Я) является высокая миграционная подвижность. Население этих районов сформировалось главным образом за счёт миграционного притока в экономически активном возрасте. Сокращение численности населения ЮЭЗ РС(Я) происходит за счёт двух компонентов — уменьшения естественного прироста и миграционной убыли [14, Сукнева С.А., с. 99, 100]. В регионе наблюдается многолетняя миграционная убыль населения, кроме 2019 (+1 152 чел.) и 2020 (+817 чел.) гг. В Южной Якутии на 3,0% увеличилась доля выбывающих за 2020 г. относительно 2019 г., она составила 17,3% выбывающих мигрантов республики. Доля прибывающих мигрантов сократилась (на 0,3%) и составила 16,8%. Относительно 2019 г. миграционный прирост Южной Якутии сократился в 1,4 раза (рис. 3).

Арктическая зона республики является самой большой по площади экономической зоной и включает в себя 13 арктических районов (5 арктических (прибрежных) и 8 северных). На обширной территории, площадь которой составляет 52% всей территории республики,

проживает лишь 6,9% населения (67 798 чел.) (см. рис. 2) — 4,0% городского и 12,6% сельского населения республики. По этническому составу: якуты — 48,1%, русские — 19,4%, украинцы — 2,1%, представители коренных малочисленных народов Севера — 27,6% (эвенки (12,1%), эвены (11,4%), юкагиры (1,3%), долганы (2,1%), чукчи (0,8%)) и другие этносы.

Как указано в проекте Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 г., круглогодичная наземная транспортная система, связывающая Арктическую зону с соседними территориями и населённые пункты внутри зоны, отсутствует. Все пассажирские перевозки как в дальнем, так и во внутрирайонном сообщении осуществляются только воздушным транспортом, в то время как для грузовых перевозок используются также сезонные виды транспорта — автозимники и внутренние водные пути. При этом водные пути являются безальтернативными при завозе жизнеобеспечивающих грузов¹⁴. Ключевыми отраслями экономической специализации Арктической зоны являются: добыча полезных ископаемых и традиционные формы природопользования (оленеводство, охотничий и рыболовный промысел). Кроме того, вследствие неразвитости транспортной инфраструктуры и отсутствия единой энергосистемы экономика районов характеризуется высокой энерго- и ресурсоёмкостью¹⁵.

Период перехода к рыночной экономике, закрытие предприятий промышленного комплекса Арктики обусловили значительную выбывающую миграцию ранее прибывшего рабочего населения арктических районов. Только в 1990 г. из районов арктической зоны вышло 11 968 чел. По данным ТО ФС Госстатистики по РС(Я), в период после переписи населения 1989 г. до 2002 г. 51 населённый пункт районов Арктической зоны с населением общей численностью 16 291 человек был исключён из учётных данных преимущественно в связи с фактической утратой значения и функций поселений, отсутствием постоянного населения и бесперспективностью населённого пункта из-за закрытия промышленных предприятий в период реформ 1990-х гг. В межпереписной период между 2002 и 2010 гг. из 108 сельских населённых пунктов арктической зоны ещё 13 остались без населения. Устойчивое на протяжении многих лет отрицательное миграционное сальдо как городских, так и сельских поселений свидетельствует о значительных миграционных потерях в арктических районах Якутии [16, Томаска А.Г., с. 383, 386].

Если рассматривать миграционную активность населения районов Арктики, то с 1990-х гг. по настоящее время наибольшее число мигрантов как среди убывающих, так и среди прибывающих наблюдается в районах промышленного освоения. Наименьшая миграцион-

¹⁴ Проект стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/proekty_strategiy_subektov_rf/proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_arkticheskoy_zony_respubliki_saha_yakutiya_na_period_do_2035_goda.html (дата обращения: 07.10.2021).

¹⁵ Кондратьева В.И. Арктическая зона в стратегии социально-экономического развития РС(Я). Якутск. 2018. URL: <https://mineconomic.sakha.gov.ru/arkticheskaya-ekonomicheskaya-zona> (дата обращения: 07.10.2021).

ная активность в абсолютных числах — в аграрных национальных улусах коренных малочисленных народов Севера. По мнению специалистов, сворачивание промышленных предприятий на территории Арктической зоны Якутии в 1990-е гг. снизило уровень её воздействия на традиционную экономику и культуру коренных малочисленных народов Севера. Неслучайно, несмотря на социально-экономические проблемы, период 1990-х гг. многие исследователи характеризуют как время «этнического возрождения» и культурного возрождения аборигенов Севера [17, Винокурова Л.И. и др., с. 193–195]. Так, например, исследования в арктическом селе показали, что 73,5% опрошенных не имеют никаких миграционных намерений [18, Томаска А.Г., с. 109]. Доля прибывших (на 0,4%) и выбывших (на 0,1%) региона в структуре миграции республики сократилась незначительно и составила 18,9% и 22,4% соответственно. Однако пандемия коронавируса спровоцировала сокращение миграционной убыли Арктической Зоны Якутии относительно 2019 г. в 8,8 раз (рис. 3).

И самая малочисленная — Восточная Якутия, где проживает 2,7% городского и 3,1% сельского населения республики, всего 2,8% от общей численности населения (27 702 чел.) (рис. 2). В Восточной Якутии имеются крупные месторождения полезных ископаемых: Нежданинское месторождение золота, Верхнее-Менкеченское серебро-полиметаллическое месторождение, Агылкинское медно-вольфрамовое месторождение со значительными запасами серебра. В Восточной Якутии зафиксирован один из претендентов на северный полюс холода — местность Томтор Оймяконского улуса.

Хотя имеются федеральная и региональная автодороги, они не имеют круглогодично-го проезда. Большая часть расположена в горной местности и является труднодоступной. Регион также имеет значительные миграционные потери с 1990-х гг. С 2000-х гг. наблюдалось постепенное сокращение миграционной убыли. В Восточной Якутии доля прибывших (на 0,2%) и выбывших (на 0,1%) в структуре миграции республики изменилась незначительно и составила 18,9% и 22,4% соответственно. Относительно 2019 г. миграционная убыль Восточной Якутии сократилась в 1,3 раза (рис. 4).

Нас интересуют миграционные намерения респондентов и отсутствие миграционных планов, причины и ресурсы миграционных намерений и их отсутствия в условиях распространения пандемии COVID-19, ведь способность к передвижению стала новой формой социального капитала [6, Урри Дж.] или капитала подвижности [8, Kaufmann V.]. По ответам респондентов на вопрос «Задумываетесь ли Вы о переезде в другой регион России или в другую страну?», которые отражают наличие и степень миграционных намерений, мы условно разделили их на 5 групп респондентов.

Так, не хотели бы покидать Якутию или переехать в другой район республики 42,0% респондентов, в том числе 23,5% женщин и 18,5% мужчин от общего количества опрошенных. Эту группу респондентов мы условно отнесём к I группе — можно их обозначить как «оседлых». Если сравнить с результатами опроса, проведённого в рамках указанного проекта

в пяти регионах Дальневосточного Федерального округа, то этот показатель занимает предпоследнюю позицию среди других регионов ДФО после Чукотского автономного округа (39,0%). Так, группа респондентов, не желающих и не планирующих переезд, в Республике Бурятия составляет 45,5%, Хабаровском крае — 52,5%, Приморском крае — 54,5%.

Следующая группа, условно II группа — “активная”, это группа респондентов, определившихся с решением о переезде в другой регион России или в другую страну, они предпринимают активные действия в связи с переездом и составляют всего 3,0%, в том числе 1,0% женщин и 2,0% мужчин. Интересно, что эта группа составляет минимум среди регионов ДВФО. Так, для сравнения, более всех респондентов, которые точно решили оставить настоящее место жительства и предпринимают активные действия, в Чукотском АО — 12,0%, в Бурятии — 10,5%, Приморском крае — 9,0% и в Хабаровском крае — 7,0%. Примечательно, что при относительно низком показателе “оседлости” (42,0%), лиц, реально собирающихся переехать, мало. Это можно интерпретировать двояко: с одной стороны, как удовлетворённость населения социально-экономическими условиями региона, с другой, как ограниченность ресурсов мобильности населения.

II и III группы объединяет реальность миграционных намерений (13,0%). III группа — временные мигранты — это лица, желающие выехать временно — 10,0%, в том числе 6,0% женщин и 4,0% мужчин. В этой группе Якутия лидирует с Приморским краем — по 10,0%. Из Хабаровского края временную миграцию планируют 8,0%, Бурятии — 7,0% и Чукотского АО — 4,0% опрошенных.

IV группа — “пассивные” — составляет почти четверть респондентов (23,5%) — это те, кто хотел бы переехать, т. е. в общем положительно ориентирован в отношении миграции, но пока ничего не предпринимал, в том числе 12,5% женщин и 11,0% мужчин. V тип — “нейтральный” — это те, кто иногда думает о переезде (21,5%), но в то же время не прочно быть и “оседлым”, в том числе 11,0% женщин и 10,5% мужчин. Две последние группы объединяет наличие желания поменять место жительства, некая декларация намерений, обусловленная, вероятнее всего, недовольствами, связанными с социально-экономической ситуацией в регионе или в стране. Респонденты этих групп реальных действий в отношении переезда не предпринимают, можно их условно ещё обозначить как “колеблющихся” или “мечтателей”. В этих группах респондентов Якутия и Чукотский АО лидируют по ДВФО по 45,0%. Так сумма респондентов этих групп в Республике Бурятия составляет 36,5%, Приморском крае — 26,5%, Хабаровском крае — 32,5%.

Среди общего количества так или иначе задумывающихся о миграции в ближайшие год–два планируют уехать 9,0%, в течение 3–5 лет — 18,9%, не решили определённо — 72,1%. Среди них хотят уехать в другой регион России 28,8%, в другую страну — 35,1%, хоть куда, лишь бы уехать — 11,7%, затруднились ответить — 24,3%. Главной причиной миграционных намерений респондентов, независимо от реальности их осуществления,

является низкий уровень жизни в регионе в целом: 53,5% респондентов V-й группы, 50,0% — I группы, 40,0% — III группы и 38,3% — IV группы.

Следующая причина миграционных намерений по массовости указаний — неблагоприятный климат. На официальном информационном портале Республики Саха (Якутия) так описывается климат региона: «Природно-климатические условия Якутии во многих отношениях характеризуются как экстремальные. Прежде всего, Якутия — самый холодный из обжитых регионов планеты. Климат резко континентальный, отличается продолжительным зимним и коротким летним периодами. Максимальная амплитуда средних температур самого холодного месяца — января — и самого тёплого — июля — составляет 70–75°C. По абсолютной величине минимальной температуры (в восточных горных системах — котловинах, впадинах и других понижениях до минус 70°C) и по её суммарной продолжительности (от 6,5 до 9 месяцев в год) республика не имеет аналогов в Северном полушарии. Сама жизнедеятельность человека и способы ведения хозяйства требуют особых подходов и технологий, исходя из условий каждой природно-климатической зоны. Так, в среднем на территории Якутии продолжительность отопительного сезона составляет 8–9 месяцев в году, в то же время в арктической зоне — она круглогодична»¹⁶. Кроме этого, среди основных причин миграционных намерений указываются плохая инфраструктура, отсутствие возможностей для развития, отсутствие доступного жилья и низкая зарплата.

Основная цель переезда большинства респондентов с миграционными намерениями — найти постоянное место жительства. Здесь лидируют респонденты I (33,3%) и IV групп (36,2%). Естественно, что среди тех, кто думает о временной миграции, этот показатель равен всего 5,0%. А иногда задумывающиеся о переезде представители V типа только в 16,3% случаях считают основной целью переезда поиск постоянного места жительства. Несомненно, желание найти постоянное место жительства означает неудовлетворенность условиями жизни в регионе, они стремятся к более благополучным условиям, с лучшей инфраструктурой, где могут получить достойную работу, качественное образование, медицинские услуги, отдых и досуг.

Следующей основной целью указывается отдых и путешествие. Рекреационные и культурные потребности более всех намерены удовлетворять временные мигранты (40,0%), затем — “нейтральные” (16,3%) и “пассивные” — 14,9%. Те, кто точно решили уехать и предпринимают активные действия, т.е. I группа респондентов, совсем не указали отдых и путешествие целью переезда. И, наконец, среди основных целей переезда довольно много респондентов указали желание посмотреть мир, расширить социально-пространственные, культурные горизонты — 16,7% из II-й группы, 20,0% из III-й, 10,6% — IV-й, 20,9% — V-й группы. Кроме этого основной причиной переезда является социально-профессиональная мо-

¹⁶ О Республике Саха (Якутия): Общие сведения. URL: <https://www.sakha.gov.ru/o-respublike-saha--kutiya-obschiesvedeniya> (дата обращения: 01.10.2021).

бильность, потенциал роста: желание заработать больше денег, найти более привлекательную работу. Среди основных причин миграционных намерений указываются такие каналы социальной мобильности, как: удачное замужество / женитьба, доступ к более качественной системе здравоохранения.

Половина респондентов II группы с “активными” миграционными намерениями планирует переехать в другой регион России. Чаще всего местами миграционных предпочтений по России указываются г. Санкт-Петербург и другие конкретные города. Треть этой группы респондентов хочет уехать «хоть куда, лишь бы уехать», 16,7% затруднились ответить на вопрос о месте планируемого переезда, несмотря на то, что они предпринимают активные действия в связи с переездом, т. е. степень социальной и субъективной неудовлетворённости этих респондентов очень высока. III группа “временных” мигрантов и IV группа “пассивных” мигрантов чаще всех планируют выехать в другую страну — 47,4% и 44,7%. Среди стран миграции чаще указываются США и Чехия. Более всех затруднились с ответом на вопрос «Вы хотите переехать в другой регион России или в другую страну?» респонденты V “нейтральной” группы — 35,9%.

По семейному положению больше женатых и замужних респондентов I группы, не имеющей миграционных намерений — 55,4%. Во всех остальных группах, кроме активных, где число респондентов в браке и не состоящих в браке распределилось поровну, преобладают холостые. Среди холостых больше всего респондентов, которые живут одни. Примечательно, что только среди лиц, имеющих планы на временную миграцию, высока доля холостых, живущих с девушкой / молодым человеком (21,1%).

При рассмотрении фактора возраста в формировании установок на переезд, респонденты второй группы с активными миграционными намерениями разделились поровну на молодых до 35 лет и респондентов от 36 до 59 лет, в этой группе отсутствуют респонденты в возрасте 60 лет и старше. Больше всего молодых до 35 лет в III и IV группах респондентов: с намерениями временного выезда из республики — 70,0%, и “пассивных” мигрантов — 83,0%. Т. е. молодые респонденты более склонны ориентироваться на удовлетворение образовательных, культурных и рекреационных потребностей и расширение социально-пространственных горизонтов, временно выехав из региона. Или декларировать намерение о переезде, однако реальность желания или осуществления их намерений о переезде вызывает сомнения. Вероятно, у последних это связано с ограничениями социальных, финансовых, квалификационных или образовательных, и др. ресурсов мобильности.

Временную миграцию рассматривают 20,0% респондентов от 36 до 59 лет и 10,0% — в возрасте 60 лет и старше. Среди “нейтральной” V группы — молодёжь до 35 лет составила 51,2%, респонденты от 36 до 59 лет — 41,9%, 60 лет и старше — 7,0%. Ожидаемо больше респондентов старше трудоспособного возраста в I группе “оседлых” — 45,2%. Если

рассматривать возраст по общему массиву респондентов, то больше молодёжи до 35 лет в IV группе “пассивных” (19,5%), в возрасте 36–59 лет (13,5%) и в возрасте 60 лет и старше (19,0%) среди I группы “оседлых”. В целом у молодых респондентов более высокий миграционный потенциал, вероятно, связанный с возрастными особенностями — переходным положением в обществе, этапом личностного поиска и становления социального статуса и т. п. Это связано и с тем, что Якутия в 2019 г. возглавила список регионов с самым высоким процентом молодых людей, которые, получив дипломы, не смогли найти работу. В республике этот показатель самый высокий в стране и составляет 73,8%¹⁷.

По социальному статусу среди респондентов I группы — “оседлых”, которые не желают и не планируют переехать, самая низкая доля работающих (65,5%) и самая высокая — пенсионеров (29,8%). Самая высокая доля работающих во II и III типах с миграционными намерениями — “активные” (83,3%) и “временные” мигранты (85,0%). Среди респондентов этих групп больше всего руководителей, зам. руководителей предприятий, учреждений и подразделений (40,0% и 32,4% соответственно). Для лиц, занимающих руководящие должности, высокий миграционный потенциал характерен в связи с высокими социально-экономическими ресурсами в сравнении с представителями других социально-профессиональных групп. Но среди лиц II и III группы с миграционными намерениями велика и доля безработных (16,7% и 5,0% соответственно). В группе респондентов IV типа — “пассивных”, работающие составляют 78,7%, V типа, “нейтральных,” — 74,4%. В этих группах больше специалистов — 68,2% и 73,2% соответственно. Очевидно, что специалисты, обладая финансовыми ресурсами для миграции, задумываются об улучшении своего социального положения. В последних двух группах “мечтателей” отмечается относительно высокая доля респондентов, сочетающих работу с учёбой (12,8% и 14,0% соответственно) (см. рис. 4).

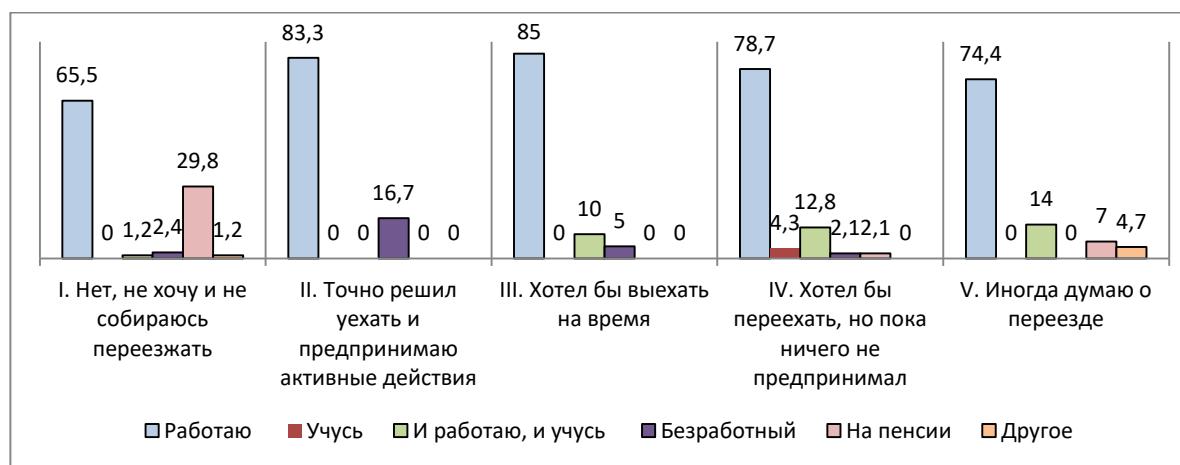

Рис. 4. Социальное положение, в %.

¹⁷ В Якутии зашкаливает безработица: нетрудоустроенных среди молодёжи — 73,8%. URL: <https://regnum.ru/news/society/2588833.html> (дата обращения: 02.10.2021).

Одним из главных факторов территориальной мобильности населения является финансово-экономический ресурс потенциального мигранта. По оценкам уровня дохода самые низкие доходы имеют респонденты I группы "оседлых", не имеющие миграционных намерений (56,0%), и IV (46,8%), V (53,5%) групп "мечтателей". Они указали, что «сами не могут обеспечить себя необходимым и нуждаются в помощи родственников» (13,1%, 14,9%, 7,0% соответственно), т. е. могут быть отнесены к категории живущих за чертой бедности. Среди отметивших ответ: «получаемых мною средств хватает на покупку еды, оплату коммунальных услуг», больше всего респондентов в I группе — 42,9%, IV — 31,9%, V — 46,5%, эти респонденты имеют только условный прожиточный минимум. Эти респонденты — "оседлые", "пассивные" и "нейтральные", которых объединяет отсутствие реальных миграционных планов — имеют ограниченные денежные и материальные ресурсы для переезда, т. е. недостаток финансово-экономических ресурсов в данном случае, возможно, формирует депривацию и территориальной мобильности.

Группа "активных" отличается высокой долей нуждающихся — 33,3%. Но в то же время у этой группы высокая доля благополучных по уровню доходов респондентов, наряду с желающими временно выехать — 66,7% и 70,0% соответственно. У этих групп респондентов, таким образом, имеются реальные ресурсы для территориальной мобильности. При этом довольны условиями жизни в настоящее время более всех респонденты, которые имеют планы на временную миграцию, т. е. III группы — 80,0%. Можно предположить, что у этой группы респондентов высокое финансово-экономическое положение определяет их миграционные намерения, желание расширить социально-пространственные горизонты, связанные с удовлетворением их культурных и рекреационных потребностей. Недовольных условиями жизни больше во II-й группе, которые решили уехать — 50,0%, их миграционные намерения связаны с желанием жить в лучших условиях, они желают переехать в социально, экономически и инфраструктурно более благополучные регионы.

Если обратиться к оценке респондентами социально-экономической ситуации в Якутии, то большинство респондентов всех типов обозначили её как «среднюю» — от 33,3% (II группа) до 55,0% (III группа) и «неблагополучную, ниже средней» — от 20,0% (III группа) до 66,7% (II группа). Оценили социально-экономическую ситуацию как «очень хорошую, благополучную» только 2 группы — I группа без миграционных планов (1,2%) и V группа с неопределенными мыслями о переезде (2,3%). Незначительное количество респондентов всех групп, кроме II, считают, что ситуация «хорошая» — от 4,3% (IV) до 7,1% (I). Чаще всех оценивали социально-экономическую ситуацию как «тяжёлую» желающие выехать на время в другой регион России или в другую страну (III) — 15,0%.

Респондентам было предложено сравнить ситуацию в регионе с ситуацией в России в целом. По мнению большинства респондентов, уровень жизни людей, ситуация с безработицей, качество школьного образования, качество и доступность высшего образования, пре-

ступность, общественная безопасность, политическая стабильность, протестная активность, коррупция, деятельность чиновников, отношения между людьми разных национальностей, отношения между местными и мигрантами и религиозные отношения такие же, как в целом по России. Что касается медицины, качества здравоохранения, перспектив для молодёжи, цен на продукты и необходимые товары, на жильё — ситуации оцениваются хуже. И только состояние экологии в республике, по мнению большинства респондентов, лучше, чем в других регионах России.

Здесь хочется отметить некоторые позиции. Так, представители II группы, имеющей миграционные намерения, склонны более негативно оценивать ситуацию в республике по некоторым позициям: ситуацию с безработицей, качеством и доступностью образования, политической стабильностью, в отношениях между местными и мигрантами (по 50,0%), ситуацию с медициной и качеством здравоохранения (66,7%) считают более сложной, чем в России. Лица, намеревающиеся осуществить переезд, выражают наиболее сформированный запрос на перемены в социально-экономической сфере. А у представителей IV группы, которые хотели бы переехать из региона, но ничего не предпринимали, самые негативные оценки в вопросах экологии (55,3%) и протестной активности (61,7%).

По оценке Министерства экономики Республики Саха (Якутия), в силу объективных факторов, сложившихся на внешнем рынке в 2020 г., и введённых в целях недопущения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) ограничений, снижение объёма валового регионального продукта республики составило 5% к 2019 г. (1 204 млрд рублей). Как указано в отчёте Минэкономики РС(Я), снижение связано с сокращением промышленного производства в связи с понижением потребительского спроса на мировом рынке на ювелирные и технические алмазы, объёмов строительства. Отмечают снижение инвестиций в основной капитал на 45,2%, оборота розничной торговли на 4,6%, объёма платных услуг населению — на 23,5%, грузовых (на 14,2%) и пассажирских перевозок (52,7%) по сравнению с 2019 г. При этом отмечаются такие положительные изменения, как рост добычи нефти — 112,5%, газа природного — в 2,3 раза, золота — на 8,2%, производства продукции животноводства на 2,4%, среднего размера заработной платы на 4,5 %, реальной заработной платы на 1,3%, снижение общей численности безработных на 1,6%¹⁸.

Респонденты оценивают изменения, которые произошли в регионе за последний год, преимущественно как «практически ничего не изменилось» — от 34,5% (I — “оседлые”) до 66,7% (II — “активные”), и «за последний год ситуация только ухудшалась» — от 31,9% (IV — “пассивные”) до 45,0% (III — “временные” мигранты). Считают, что «ситуация стала меняться

¹⁸ Отчёт о результатах деятельности Министерства экономики Республики Саха (Якутия) за 2020 год и основные задачи на 2021 год. URL: <https://mineconomic.sakha.gov.ru/files/front/download/id/2470748> (дата обращения: 15.09.2021).

к лучшему» преимущественно респонденты, которые не имеют миграционных намерений (14,3%) и планирующие временную миграцию (15,0%).

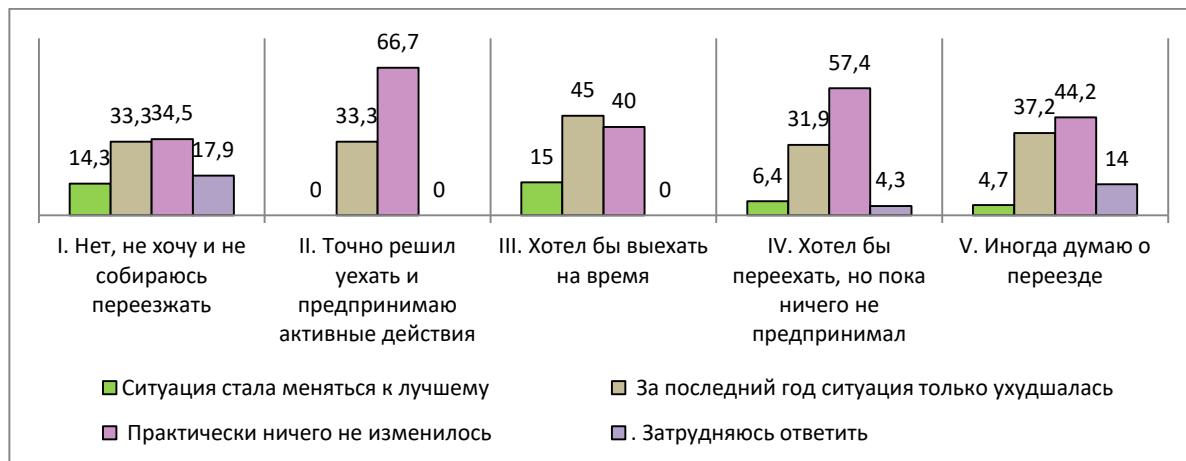

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили изменения, которые произошли в вашем регионе за последний год: ситуация в регионе стала меняться к лучшему, ничего не изменилось, или ситуация только ухудшилась?», в %.

Среди респондентов, не имеющих миграционных намерений, высока доля затруднившихся с ответом по вопросам перспектив развития региона. Так, например, на вопрос «Каковы, на Ваш взгляд, экономические, социальные и культурные перспективы региона, в котором Вы сейчас живете?» среди «оседлых» самая высокая доля — почти четверть (23,0%) — испытывают затруднения с ответами. Что касается собственно оценок экономических перспектив, то наибольшая доля респондентов ожидает ухудшения экономической ситуации в той или иной степени. Более всего уверены в некотором ухудшении ситуации респонденты II группы с активными миграционными планами — 50,0%. А менее всего — участники III группы, условно «временные» мигранты — 20,0%.

Следующая по массовости ответов позиция: экономическая ситуация не изменится — так думает почти треть респондентов: II («активные») — 33,3%, V («нейтральные») — 30,2%, IV («пассивные») — 27,7%. Самые оптимистичные представления о перспективах экономического развития региона имеет III группа с временными миграционными намерениями (30,0%) — 2,1% ожидают значительного улучшения ситуации, 19,1% — некоторого улучшения. Наиболее пессимистично настроены респонденты II группы, «активные» — 50,0%, и V группы, которые иногда думают о переезде (48,8%) — 30,2% ожидают некоторого ухудшения экономической ситуации, 18,6% — значительного ухудшения.

Социальная политика в Республике Саха (Якутия) помимо деятельности Министерства труда и социального развития РС (Я) обеспечивается национальными проектами, такими как «Демография», «Культура», «Жилье и городская среда», «Здравоохранение», «Образование» и т. д. Оценка социальных перспектив региона опрошенными выглядит немного лучше, чем ожидаемые экономические перспективы. Так, наибольшее количество респондентов считает, что социальная ситуация не изменится. Хотя доля респондентов с пессимистичными

ожиданиями развития социальной ситуации в республике весьма высока. Более всего уверены в некотором и значительном ухудшении социальной ситуации респонденты II и III группы с активными миграционными планами — 50,0% и 40,0% соответственно. Доля оптимистичных представлений о перспективах социального развития региона выше представлений о перспективах экономического развития. Здесь наиболее оптимистичные ожидания социальных изменений имеют респонденты III группы с временными миграционными намерениями (35,0% — некоторого улучшения) и IV группы, так называемые “пассивные” мигранты, — 2,1% ожидают значительного улучшения ситуации, 34,0% — некоторого улучшения.

Как указано в отчёте о деятельности Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия), в 2020 г. до введения ограничительных мероприятий основные показатели культуры постоянно росли, в т. ч. главный — количество посещений организаций культуры. По результатам 2019 г. и первого квартала 2020 г. (до введения ограничительных мероприятий) в республике был достигнут самый высокий показатель посещаемости организаций культуры среди регионов ДВФО¹⁹. И респонденты весьма высоко оценивают перспективы культурного развития в регионе. Больше всего респондентов ожидают некоторого улучшения ситуации. Здесь самые позитивные ожидания у так называемых групп “мечтателей” — респонденты IV-й (48,9%) и V-й групп (39,5%) ожидают значительное и некоторое улучшение ситуации. Самые негативные ожидания имеют группы с миграционными намерениями — респонденты II-й (50,0%) и III-й групп (40,0%) ожидают значительное и некоторое улучшение ситуации.

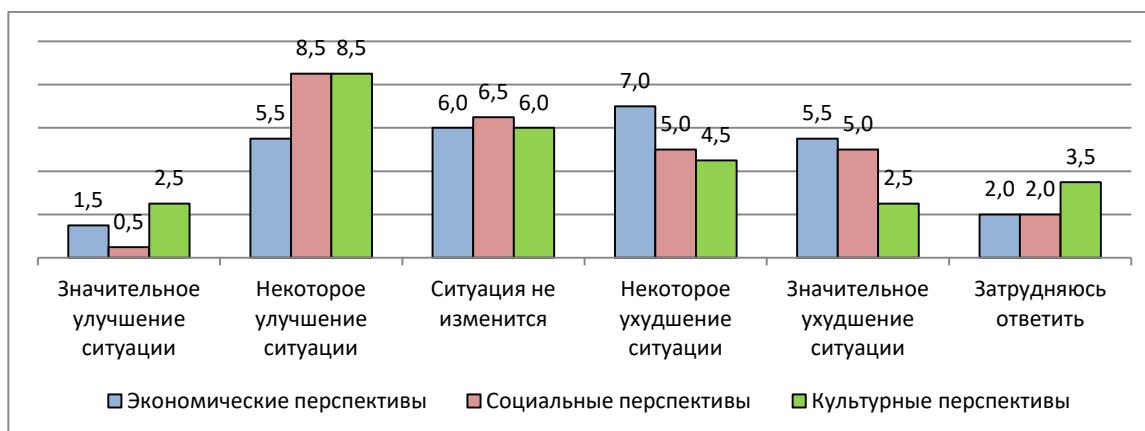

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, экономические, социальные и культурные перспективы региона, в котором Вы сейчас живете?», в %.

Респондентам был задан вопрос: «При каких условиях Вы бы остались жить и работать в районе Вашего проживания?». Половина респондентов всех групп потенциальных мигрантов, кроме II — “временных” мигрантов, указали, что при обеспечении достойной зар-

¹⁹ Доклад к отчёту о деятельности Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) в 2020 г. URL: <https://minkult.sakha.gov.ru/deyat/plany-otchety-obzory/otchety-> (дата обращения: 29.10.2021).

ботной платы, увеличении доходов. Здесь хочется отметить, что по предварительным данным ТО ФС Госстатистики по РС(Я), в 2020 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляет 17,4% от общей численности населения. Несмотря на пандемию коронавируса, уровень бедности в Якутии за 2020 г. снизился на 0,4% по сравнению с 2019 г. — с 17,8% до 17,4%. Прожиточный минимум за IV квартал 2020 г. составил в РС(Я) 18 368 рублей. Среди 11 субъектов Дальневосточного федерального округа Республика Саха по доле населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума занимает четвёртое с конца место, после Ерейского АО (23,7%), Забайкальского края (21,0%), Республики Бурятия (20,0%)²⁰.

Треть респондентов всех типов, собирающихся переезжать независимо от реальности намерений, указали, что условием отказа от миграционных намерений послужила бы доступность авиаперелётов в центральные районы страны. К слову, проблемы дорогоизны авиатарифов не только в центральные районы страны, но и на внутренние рейсы Якутии существуют многие годы. Депутат Государственной Думы от Якутии Федот Тумусов заявил «Парламентской газете», что «Федеральная антимонопольная служба должна не только выяснить, почему все выполняющие авиарейсы в Якутск перевозчики резко задрали цены на билеты, но и разобраться в целом с высокой стоимостью перелётов на Дальний Восток. Проблема многие годы существует для рядовых пассажиров, авиаперелёт из Москвы в Якутск в полтора-два раза дороже, чем в Хабаровск или Владивосток»²¹.

«Картельныйговор между авиакомпаниями — вполне вероятная вещь, и хорошо, что Федеральная антимонопольная служба этим занялась, — сказал председатель Союза пассажиров Кирилл Янков. — Но то, что полёты в Якутск дороже, чем в Хабаровск, можно объяснить проще: чем больше в аэропорту взлётов и посадок, тем дешевле в нём тарифы на обслуживание. Не стоит забывать и разницу в климатических условиях — минус 50 в Хабаровске не бывает. Конечно, есть и такой фактор, как спрос — в широкофюзеляжном самолёте стоимость пассажироместа несколько меньше, чем в узкофюзеляжном. Конечно, совокупность такого рода факторов ФАС должна учитывать в своём расследовании»²². Как показало исследование, отсутствие доступного транспортного сообщения является проблемой в целом по ДВФО. Транспортная недоступность и ощущение оторванности от основной части России формирует у дальневосточников мнение, что огромный регион, в котором они живут, нужен федеральному центру исключительно в виде сырьевого придатка. Отсутствие доступ-

²⁰ Уровень бедности в Республике Саха (Якутия): электрон. стат. сборник. Якутск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), 2020. Л. 11874.

²¹ Авиаперевозки в Якутск нуждаются в дополнительном субсидировании — депутат Тумусов // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/aviaperevozki-v-yakutsk-nuzhdutsya-v-dopolnitelnom-subsidirovaniyu-deputat-tumusov.html> (дата обращения: 29.10.2021).

²² Дорогоизна авиабилетов в Якутск объясняется не только картельным говором — эксперт // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/dorogovizna-aviabletov-v-yakutsk-obyasnyaetsya-ne-tolko-kartelnym-sgovorom-ekspert.html> (дата обращения: 29.10.2021).

ного по стоимости регулярного транспортного сообщения заставляет всё большее количество жителей ДВФО уезжать навсегда в южные и западные регионы России [19, Смирнова Т.Б., с. 7].

Следующим условием для того, чтобы остаться жить и работать в Якутии, по мнению респондентов, является развитие социальной инфраструктуры, мест досуга и отдыха. Здесь особо выделяется III группа “временных” мигрантов — 35,0%. Для сведения, II группа — 16,7%, IV группа — 19,1% и V группа — 18,6%. В Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 г., принятой в 2018 г., указывается недостаточно развитая социальная инфраструктура, продолжающейся с 1990-х гг. миграционный отток населения, в том числе квалифицированных кадров, низкое качество жизни, наряду с неразвитой инфраструктурой, прежде всего энергетической и транспортной, которые тормозят динамичное развитие Республики Саха (Якутия).

Среди первоочередных мер, призванных остановить миграционный отток населения, в первую очередь молодёжи, респондентами указаны — создание рабочих мест (в среднем — 61,6%), развитие промышленности и сельского хозяйства (44,4%), инновационных отраслей экономики (43,2%) и социальной сферы (43,0%) региона. А для привлечения в регион молодых и квалифицированных мигрантов опрошенные предлагают создавать рабочие места (в среднем 56,1%), улучшить работу по программе поддержки соотечественников (33,2%), предлагать социальное жилье (28,4) и выделять квоты для студентов (24,4%).

Заключение

Таким образом, территориальная мобильность населения Якутии во время пандемии имеет ряд отличительных качеств и отражает комплекс социально-экономических особенностей и проблем региона. Как показали материалы ТО ФС Госстатистики по РС (Я), в 2020 г. впервые с 1990 г. миграционная убыль сменилась приростом, изменилась структура миграционных потоков. Особенности распределения производительных сил и человеческих ресурсов на рынке труда сохраняют достаточно высокий потенциал трудовой миграции в Республику Саха (Якутия) из стран СНГ и дальнего зарубежья в условиях пандемии, продолжает расти доля прибывающих мигрантов, указывающих среди причин миграции работу. Наиболее привлекательными для трудовых мигрантов являются центральная зона Якутии в связи с более развитой инфраструктурой и диверсифицированной экономикой, Западная и Южная Якутия, где имеются центры добывающих отраслей экономики республики: алмазодобычи и нефтегазодобычи, добычи угля и золота. Арктическая зона республики, самая большая по площади, характеризуется устойчивым на протяжении многих лет отрицательным миграционным сальдо как городских, так и сельских поселений, и за счёт миграционной убыли тенденция сокращения численности населения в ней сохраняется.

Анализ результатов проведённого опроса показывает, что особенности территориальной мобильности, миграционные намерения населения и отсутствие миграционных планов зависят от социально-экономических условий проживания, различных факторов индивидуального социального статуса и положения, а также ресурсов мобильности. Так, например, основной причиной миграционных намерений респондентов, независимо от реальности их осуществления, является низкий уровень жизни в регионе и неблагоприятный климат. Потенциальные мигранты, преимущественно молодёжь, не состоящая в браке, имеющая финансовые ресурсы, стремится к более благополучным социально-экономическим и климатическим условиям, к регионам с лучшей инфраструктурой, где возможно получить достойную работу, качественное образование, медицинские услуги, отдых и досуг. Есть группа респондентов, планирующих временную перемену места жительства — в основном это люди с неплохим социальным и финансовым статусом, которыми движет желание посмотреть мир, расширить социально-пространственные, культурные горизонты, удовлетворить рекреационные потребности и запросы. Таким образом, пространственная мобильность респондентов неразрывно связана с социальными ресурсами и социальной мобильностью.

При этом опрошенные преимущественно дают удовлетворительные оценки социально-экономической ситуации в республике и считают, что по большинству факторов социальной жизни в регионе ситуация не отличается от России в целом. При оценке перспектив развития региона наибольшая доля респондентов ожидает ухудшения экономической ситуации и улучшения социальной и культурной ситуации. Условием отказа от миграционных намерений для большинства респондентов послужила бы достойная заработка плата, увеличение доходов и доступность авиаперелётов в центральные районы страны. Специфика региона такова, что кроме решения вопросов социально-экономических условий проживания в силу удалённости от центральных районов страны и суровых климатических условий территории республики пространственная мобильность населения превращается в один из важнейших социальных ресурсов общества.

Список источников

1. Моисеев В.В., Колесникова Ю.С., Смоленская О.А. Актуальные проблемы человеческого капитала в регионах России // Человеческий капитал. 2021. № 6 (150). С. 38–44. DOI: 10.25629/HC.2021.06.03
2. Рязанцев С.В., Брагин А.Д. Рязанцев Н.С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительства // Научное обозрение: Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 7–21. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-01
3. Дьяченко А.Н., Печкуров И.В., Мамина Д.А. Миграционная ситуация в России в период пандемии (на примере трудовой миграции) // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020. № 5. С. 65–72. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-5-65-73
4. Игнатьева В.Б. Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4. С. 86–95.

5. Строев П.В., Кан М.И. Пространственная мобильность населения: экономические и социальные аспекты // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т. 9. № 6. С. 35–41.
6. Урри Дж. Мобильности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5 (111). С. 197–252.
7. Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 3–11.
8. Kaufmann V., Bergman M.M., Joye D. Motility: Mobility as capital // International Journal of Urban and Regional Research. 2004. Vol. 28. Iss. 4. Pp. 745–756. DOI: 10.1111/j.0309-1317.2004.00549.X
9. Барков С.А., Коврова М.А., Селезнева А.С., Чугунова М.А. Территориальная мобильность населения как экономическая и социокультурная проблема российского рынка труда // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 2. С. 66–92. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-2-66-92
10. De Haas H., Czaika M., Flahaux M.-L. et al. International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects // Population and Development Review. 2018. Vol. 45. No. 4. Pp. 885–922. DOI: 10.1111/padr.12291
11. Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 3. С. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637
12. Ratha D. Staying the course on global governance of migration through the COVID-19 and economic crises // International Migration. 2021. Vol. 59. No. 1. Pp. 285–288. DOI: 10.1111/imig.12822
13. Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2 (76). С. 51–61.
14. Сукнева С.А. Миграционная составляющая демографических процессов // Южная Якутия: Ресурсный потенциал социально-экономических комплексов: монография / Под ред. П.В. Гуляева [и др.]. Уфа: Аэтерна, 2019. 243 с.
15. Маклашова Е.Г. Реализация государственной национальной политики России на муниципальном уровне в дифференцированных этнокультурных локальных сообществах (Опыт Республики Саха (Якутия)) // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 225–236. DOI: 10.17223/1998863X/61/23
16. Томаска А.Г. Особенности миграционных процессов Арктической зоны Якутии // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич: сборник научных статей / Под ред. Л.И. Миссоновой. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. С. 378–387. DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.074
17. Винокурова Л.И., Санникова Я.М., Сулейманов А.А., Филиппова В.В., Григорьев С.А. Аборигенные сообщества Российской Арктики в XX веке: власть и номады Якутии // Научный диалог. 2019. № 2. С. 188–200. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-188-203
18. Томаска А.Г. Миграционные намерения народов Арктики (на примере с. Эбях Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия) / Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию Феодосия Семеновича Донского. Якутск, 2019. С. 107–113. DOI: 10.25693/FSDonskoy24.09.19
19. Смирнова Т.Б. Организация этномониторинга в восточных регионах России // Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2019 год / Под ред. Смирновой Т.Б., Степанова В.В., Старченко Р.А. Москва — Омск: Издательский центр КАН, 2020. 181 с.

References

1. Moiseev V.V., Kolesnikova Yu.S., Smolenskaya O.A. Aktual'nye problemy chelovecheskogo kapitala v regionakh Rossii [Current Problems of Human Capital in the Regions of Russia]. *Chelovecheskiy capital* [Human Capital], 2021, no. 6 (150), pp. 38–44. DOI: 10.25629/HC.2021.06.03

2. Ryazantsev S.V., Bragin A.D., Ryazantsev N.S. Polozhenie trudovykh migrantov v regionakh mira: vyzovy pandemii COVID-19 i reaktsiya pravitel'stv [Situation of Labor Migrants in the Regions of the World: Challenges of the COVID-19 Pandemic and the Response of Governments]. *Nauchnoe obozrenie: Seriya 1. Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], 2020, no. 3, pp. 7–21. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-01
3. Dyachenko A.N., Pechkurov I.V., Mamina D.A. Migratsionnaya situatsiya v Rossii v period pandemii (na primere trudovoy migratsii) [Migration Situation in Russia during the Covid-19 Pandemic (on the Example of Labor Migration)]. *Vestnik YuRGTU (NPI)* [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences], 2020, no. 5, pp. 65–72. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-5-65-73
4. Ignatyeva V.B. Trudovye migrancy v Yakutii: integratsiya versus eksklyuziya? [Labor Migrants in Yakutia: Integration versus Exclusion?]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of the Humanities], 2017, no. 4, pp. 86–95.
5. Stroyev P.V., Kan M.I. Prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya: ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty [The Spatial Mobility of Population: Economic and Social Aspects]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Right], 2016, vol. 9, no. 6, pp. 35–41.
6. Urry J. Mobil'nosti [Mobility]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 2012, no. 5 (111), pp. 197–252.
7. Sheller M. Novaya paradigma mobil'nostey v sovremennoy sotsiologii [The New Mobility Paradigm in Modern Sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, no. 7, pp. 3–11.
8. Kaufmann V., Bergman M.M., Joye D. Motility: Mobility as Capital. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2004, vol. 28, iss. 4, pp. 745–756. DOI:10.1111/J.0309-1317.2004.00549.X
9. Barkov S.A., Kovrova M.A., Selezneva A.S., Chugunova M.A. Territorial'naya mobil'nost' naseleniya kak ekonomiceskaya i sotsiokul'turnaya problema rossiyskogo rynka truda [Territorial Mobility of the Population as an Economic and Socio-Cultural Problem of the Russian Labour Market]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2019, vol. 25, no. 2, pp. 66–92. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-2-66-92
10. De Haas H., Czaika M., Flahaux M.-L. et al. International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects. *Population and Development Review*, 2019, vol. 45, no. 4, pp. 885–922. DOI: 10.1111/padr.12291
11. Denisenko M.B., Mukomel V.I. Trudovaya migratsiya v Rossii v period koronavirusnoy pandemii [Labour Migration in Russia during the Coronavirus Pandemic]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2020, vol. 7, no. 3, pp. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637
12. Ratha D. Staying the Course on Global Governance of Migration through the COVID-19 and Economic Crises. *International Migration*, 2021, vol. 59, no. 1, pp. 285–288. DOI: 10.1111/imig.12822
13. Rybakovskiy L.L. Faktory i prichiny migratsii naseleniya, mekanizm ikh vzaimosvyazi [Factors and Causes of Migration, Mechanism of Their Relationship]. *Narodonaselenie* [Population], 2017, no. 2 (76), pp. 51–61.
14. Sukneva S.A. Migratsionnaya sostavlyayushchaya demograficheskikh protsessov [Migration Component of Demographic Processes]. In: *Yuzhnaya Yakutiya: Resursnyy potentsial sotsial'no-ekonomiceskikh kompleksov: monografiya* [South Yakutia: Resource Potential of Socio-Economic Complexes]. Ufa, Aeterna Publ., 2019, 243 p.
15. Maklashova E.G. Realizatsiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossii na munitsipal'nom urovne v differentsirovannykh etnokul'turnykh lokal'nykh soobshchestvakh (Optyt Respubliki Sakha (Yakutiya)) [Implementation of State Ethnic Policy of Russia at the Municipal Level in Differentiated Ethnocultural Local Communities (Experience of the Republic of Sakha (Yakutia))]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2021, no. 61, pp. 225–236. DOI: 10.17223/1998863X/61/23
16. Tomaska A.G. Osobennosti migratsionnykh protsessov Arkticheskoy zony Yakutii [Features of Migration Processes in the Arctic Zone of Yakutia]. In: *Narody i kul'tury Severnoy Azii v kontekste nauch-*

- nogo naslediya G.M. Vasilevich: sbornik nauchnykh statey [Peoples and Cultures of North Asia in the Context of the Scientific Heritage of G.M. Vasilevich]. Yakutsk, IGLiPMNS SO RAN Publ., 2020, pp. 378–387. DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.074
17. Vinokurova L.I., Sannikova Ya.M., Suleymanov A.A., Philippova V.V., Grigoryev S.A. Aborigennye soobshchestva Rossiyskoy Arktiki v XX veke: vlast' i nomady Yakutii [Aboriginal Communities of Russian Arctic in the 20th Century: Authorities and Nomads of Yakutia]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2019, no. 2, pp. 188–200. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-188-203
18. Tomaska A.G. Migratsionnye namereniya narodov Arktiki (na primere s. Ebyakh Srednekolymskogo ulusa Respubliki Sakha (Yakutiya)) [Migration Intentions of the Peoples of the Arctic (on the Example of the Village of Ebyakh of the Srednekolymsky Ulus of the Republic of Sakha (Yakutia))]. In: *Korennye malochislennye narody Rossiyskoy Federatsii: problemy, prioritety i perspektivy razvitiya v transformiruyushchemsyu obshchestve: sbornik nauchnykh statey po itogam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 100-letiyu Feodosiya Semenovicha Donskogo* [Indigenous Peoples of the Russian Federation: Problems, Priorities and Prospects for Development in a Transforming Society: Proc. of the All-Russ. Sci. and Pract. Conf. with Intern. Participation, Dedicated to the 100th Anniversary of Feodosy Semenovich Donskoy]. Yakutsk, 2019, pp. 107–113. DOI: 10.25693/FSDonskoy24.09.19
19. Smirnova T.B. Organizatsiya etnomonitoringa v vostochnykh regionakh Rossii [Organization of Ethnemonitoring in the Eastern Regions of Russia]. In: *Monitoring mezhchetniceskikh otnosheniy i religioznoy situatsii v regionakh Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii. Ekspertnyy doklad za 2019 god* [Monitoring of Interethnic Relations and the Religious Situation in the Regions of the Urals, Siberia and the Far East of Russia. Expert Report for 2019]. Moscow — Omsk, Publishing Center KAN, 2020, 181 p.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021; одобрена после рецензирования 16.11.2022; принята к публикации 16.11.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 236–259.

Научная статья

УДК 316.344.5(47+57)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.236

Образование в области родных языков как фактор формирования благополучия и качества жизни детей и молодёжи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока РФ *

Трапицын Сергей Юрьевич¹✉, доктор педагогических наук, профессор

Агапова Елена Николаевна², кандидат педагогических наук, доцент

Граничина Ольга Александровна³, доктор педагогических наук, доцент

Жарова Марина Владиславовна⁴, кандидат физико-математических наук, доцент

^{1, 2, 3, 4} Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Набережная реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

¹trapitsin@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3752-8848>

²petrovskaya.elen@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5995-4285>

³olga_granichina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1398-6684>

⁴garova-m@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2932-938X>

Аннотация. Качество жизни определяется подходами к его оценке, включая анализ результативности мероприятий по его улучшению. В России накоплены эмпирические данные о социально-экономических факторах благополучия и качества жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНСС и ДВ РФ), однако наблюдается дефицит знаний о степени влияния на них образовательной политики в области сохранения и развития национальных языков и культуры. Цель работы — оценка социальной ситуации, связанной с доступностью образования на родном языке, как условия формирования благополучия и качества жизни детей и молодёжи КМНСС и ДВ РФ. Исследование включало: анализ макроуровневых показателей качества жизни КМНСС и ДВ РФ на основе данных этнической статистики, общестатистических показателей, образовательной статистики; выборочное опросное исследование молодёжи КМНСС и ДВ из 8 регионов РФ. В исследовании получены надёжные и репрезентативные данные об условиях обучения и факторах субъективного благополучия молодёжи КМНСС и ДВ РФ, проживающей в разных регионах. Использование сопоставимых индикаторов для оценки социальной ситуации в нескольких субъектах РФ позволяет корректно сравнивать качество жизни молодёжи КМНСС и ДВ РФ с их сверстниками, проживающими на тех же территориях РФ, но не относящимися к данным этническим группам. Результаты исследования позволили восполнить недостаток данных о потенциале сохранения и развития родных языков и культур КМНСС и ДВ РФ. Знание механизмов формирования установок и поведения молодёжи имеет важное значение для российского общества, так как оно сопряжено с принятием решений для социально уязвимой и труднодоступной для исследования части населения России. Комплексное использование социально-психологического исследования и анализа статистических данных позволило осуществить триангуляцию различных источников информации и выделить значимые факторы благополучия и качества жизни КМНСС и ДВ РФ.

* © Трапицын С.Ю., Агапова Е.Н., Граничина О.А., Жарова М.В., 2022

Для цитирования: Трапицын С.Ю., Агапова Е.Н., Граничина О.А., Жарова М.В. Образование в области родных языков как фактор формирования благополучия и качества жизни детей и молодёжи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока РФ // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 236–259. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.236

For citation: Trapitsin S.Yu., Agapova E.N., Granichina O.A., Zharova M.V. Native Languages Education as a Factor in the Formation of the Well-Being and Quality of Life of Children and Youth of the Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 236–259. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.236

Ключевые слова: коренные народы, малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, молодёжь, образование, родной язык, благополучие, качество жизни, социализация

Благодарности и финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках государственного задания по теме «Анализ системы оценки качества преподавания родных языков и культур, изучение современного состояния общего образования в области родных языков и культур, исследование мотивационных, методических, содержательных, кадровых проблем обучения родным языкам и культурам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ».

Native Languages Education as a Factor in the Formation of the Well-Being and Quality of Life of Children and Youth of the Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation

Sergey Yu. Trapitsin^{1✉}, Dr. Sci. (Ped.), Professor

Elena N. Agapova², Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor

Olga A. Granichina³, Dr. Sci. (Ped.), Associate Professor

Marina V. Zharova⁴, Cand. Sci. (Phys. and Math.), Associate Professor

^{1, 2, 3, 4} Herzen State Pedagogical University of Russia, Naberezhnaya reki Moyki, 48, Saint Petersburg, 191186, Russia

¹trapitsin@gmail.com✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3752-8848>

²petrovskaya.elen@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5995-4285>

³olga_granichina@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1398-6684>

⁴garova-m@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2932-938X>

Abstract. The quality of life is determined by approaches to its assessment, including analysis of the effectiveness of measures to improve it. Russia has accumulated empirical data on socio-economic factors of well-being and quality of life of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East, however, there is a lack of knowledge about the degree of influence of educational policy in the field of preservation and development of national languages and culture on them. The purpose of the work is to assess the social situation related to the availability of education in the native language as a condition for the formation of well-being and quality of life of children and youth of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. The study included 2 parts: analysis of macro-level indicators of the quality of life of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East based on data from ethnic statistics, general statistical indicators, educational statistics; a survey study in which young people of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation from 8 regions of the Russian Federation participated. The study obtained reliable and representative data on the learning conditions and factors of subjective well-being of the youth of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East living in different regions. The use of comparable indicators to assess the social situation in several subjects of the Russian Federation makes it possible to correctly compare the quality of life of the youth of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East with their peers living in the same territories of the Russian Federation, but not belonging to these ethnic groups. The results of the study made it possible to fill in the lack of data on the potential for the preservation and development of native languages and cultures of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East. Knowledge of the mechanisms of formation of attitudes and behavior of young people is important for Russian society, as it is associated with making decisions about potential risks for a special socially vulnerable and difficult-to-study part of the Russian population. The complex use of socio-psychological research and analysis of sta-

tistical data made it possible to triangulate various sources of information and identify significant factors of well-being and quality of life of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation.

Keywords: *indigenous peoples, indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, youth, education, native language, well-being, quality of life, socialization*

Введение

Повышение качества жизни КМНСС и ДВ РФ, в первую очередь, детей и молодёжи, относится к числу наиболее актуальных проблем развития северных территорий Российской Федерации, которые сегодня вызывают повышенный интерес политиков, социологов, экономистов, педагогов, психологов, исследователей и общественности.

Исследование качества жизни КМНСС и ДВ РФ обращает к дефиниции понятия «народ», однозначного и общепринятого определения которого на сегодняшний день не существует. В данной работе авторы придерживаются этнографического определения, рассматривающего народ как исторически сложившееся сообщество людей, в основе которого лежит единство языка, культуры, территории проживания, жизненного уклада, исторического опыта, отличающих их от других подобных сообществ. Понятие «коренной народ», как правило, фиксирует некую этническую группу, характеризующуюся внутренним единством и целостностью, исторической преемственностью, наличием самоидентификации, длительностью проживания на данной территории, культурными особенностями, обычаями и традициями, спецификой хозяйственной деятельности, жизненного и экономического уклада, а также образующую недоминирующую часть общества. Примечательно, что именно эти признаки делают коренные народы особенно уязвимыми и депривированными в контексте общественного развития [3, Huaman E.S., с. 415–432]. Поэтому проблемы сохранения и развития родных языков и уникальной культуры КМНСС и ДВ РФ как важной составляющей государственной социальной политики приобретают сегодня особый смысл и значение. К коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, согласно Распоряжению Правительства РФ № 536-р от 17.04.2006 (ред. от 26.12.2011) «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», отнесено 40 народов, в основном проживающих в 25 регионах РФ¹.

Под качеством жизни традиционно понимают полноту удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов граждан, уровень комфорtnости природной и социальной среды их жизнедеятельности на конкретной территории, которые определяют уровень их субъективного благополучия, а также социального, духовного и физического здоровья [1, Синица А.Л., с. 70–81; 2, Derek A., с. 995–1004].

¹ Постановление Правительства РФ от 1 октября 2015 г. № 1049.

Для КМНСС и ДВ РФ понятие «качество жизни», помимо перечисленных критериев, включает наличие возможностей сохранения и возрождения национальных традиций, языка, письменности, занятия традиционными промыслами, ремеслами и т. п.

Помимо качества жизни положение той или иной социальной и / или этнической группы принято оценивать показателями субъективного благополучия. Субъективное благополучие — сложный конструкт, традиционно определяемый: психологическим благополучием (ощущение личной свободы, позитивные отношения с другими, наличие цели в жизни, принятие себя и пр.); аффективным благополучием (настроение, уровень спокойствия, активности, бодрости; когнитивным благополучием (удовлетворённость жизнью в целом и отдельными её доменами — образованием, карьерой, здоровьем, финансовым состоянием и т. д.); социальным благополучием (успешностью в учёбе и труде, уровнем депривации и пр.).

Показатели качества жизни и субъективного благополучия определяются подходами к их оценке, предполагающими анализ результативности специально планируемых государством и осуществляемых в направлении его улучшения мер, в том числе связанных с обеспечением доступности образования на родном языке.

К приоритетам государственной политики в отношении КМНСС и ДВ РФ относятся²:

- - повышение доступности и качества образовательных услуг, прежде всего, в области изучения родного языка и родной литературы;
- - содействие росту занятости коренных малочисленных народов, создание условий для традиционной хозяйственной деятельности;
- - сохранение исторически сложившегося образа жизни, поддержка культурных ценностей, традиций, уникального опыта и знаний;
- - развитие институтов гражданского общества, стимулирование активности в общественной жизни через различные формы самоуправления.

Данное исследование было направлено на получение новых научных знаний о качестве жизни детей и молодёжи КМНСС и ДВ РФ на основе оценки потенциальных психологических, социальных и средовых ресурсов его повышения с учётом культуральной специфики, что может способствовать устойчивому развитию северных территорий РФ.

Материалы и методы

Исследование состояло из двух частей:

1. Анализ макроуровневых факторов качества жизни КМНСС и ДВ РФ на основе этнической статистики, общестатистических показателей, образовательной статистики.

Источником мониторинговой информации являлись данные Росстата, официальных сайтов региональных исполнительных органов власти, сайтов муниципальных образований

² Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 "Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года"; Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2016 года № 1792-р.

и учреждений общего и дополнительного образования, культуры и спорта, региональных СМИ.

2. Кросс-секционное онлайн-исследование с использованием количественного подхода к сбору и анализу эмпирических данных.

Исследование проводилось на территории следующих субъектов РФ: г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Мурманская, Иркутская, Томская области, Камчатский, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий автономный округ.

Опрос состоял в заполнении подростками и представителями молодёжи онлайн-формы стандартизированной анкеты.

Выборка исследования включала в себя:

а) учащихся школ, ссузов, вузов с высокой представленностью подростков и молодёжи КМНСС и ДВ РФ. Решение о включении образовательных учреждений в исследование принимали региональные координаторы, отвечающие за сбор данных в субъектах РФ.

Согласие родителей на участие в исследовании не запрашивалось, поскольку всем респондентам на момент исследования было больше 14 лет. Информация об исследовании распространялась среди учащихся в виде ссылки на Google Form.

б) неучащаяся молодёжь 14 лет и старше. Сбор данных осуществлялся через некоммерческие организации и профильные ассоциации, расположенные на территории обследуемых субъектов РФ.

Общая выборка исследования составила 1 343 подростка и молодёжи, средний возраст респондентов — 22,1 год.

Исследование предполагало заполнение респондентами информированного согласия, анкета была анонимной, участие в исследовании являлось добровольным и не несло рисков для респондентов. В анкете была предусмотрена возможность не отвечать на вопросы, если респонденты считали их для себя неудобными. Респонденты в любой момент могли отказаться от участия в исследовании без каких-либо негативных последствий. Информация по итогам анкетирования была доступна исключительно исследовательской группе и никому не разглашалась.

Результаты

Использование сопоставимых показателей в разных субъектах Российской Федерации позволяет корректно сравнивать ключевые характеристики качества жизни КМНСС и ДВ с представителями других этнических групп, проживающих на тех же территориях Российской Федерации, подчёркивая территориальную и этническую специфику. В России накоплены значительные эмпирические данные о факторах качества жизни КМНСС и ДВ [4, Маркин В.В., Силин А. Н., Воронов В.В., с. 141; 5, Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Козлова М.А., с. 19–169]. В то же время основу для разработки политик и принятия управлеченческих решений формиру-

ют, как правило, данные официальной статистики, а не результаты научных исследований [6, Пустогачева О.Н., с. 42]. Более того, качественных данных, характеризующих состояние и тенденции изменения ситуации с доступностью для КМНСС и ДВ обучения на родных языках и их удовлетворённостью качеством этого обучения, в научной литературе явно недостаточно. Часто они носят фрагментарный характер и отражают ситуацию лишь в отдельных регионах.

Ведомственная статистика может более или менее адекватно отражать ситуацию в тех локациях, где КМНСС и ДВ составляют большую часть населения, однако в других случаях данные статистического учёта следует рассматривать как косвенные, требующие дополнительных исследований, уточнения и проверки. Кроме того, сложность анализа реальной ситуации на основе исключительно данных статистического учёта усиливается тем, что многие представители КМНСС и ДВ ведут кочевой образ жизни, переезжая из одного территориально-административного района в другой без какой-либо регистрации.

Традиционно информация, характеризующая состояние региональных систем образования, собирается на регулярной основе Министерством просвещения РФ и включает в себя разнообразные сведения, такие как данные о количестве школ, учителей, предметах обучения, результатах обучающихся и пр. Эти данные могут группироваться по различным классифицирующим признакам, в частности — отдельно по городской и сельской местности, уровням образования, типам образовательных организаций, возрастным группам, языкам обучения и т. п.

Отметим, что формы государственного статистического учёта и ведомственной статистики образования различаются между собой, в результате чего одни и те же данные в ряде случаев разнятся. Таким образом, возникает проблема сопоставимости данных, полученных из различных источников, их достоверности и надёжности. Так, например, при практически одинаковой общей численности учащихся, изучающих родной язык и родную литературу, которую показывает государственная и ведомственная статистика, сведения о численности учащихся, изучающих конкретно тот или иной язык, как и сам перечень изучаемых языков, существенно отличаются [7, Шереги Ф.Э., с. 464]. Ошибки в исходной информации могут привести (и приводят) к ошибкам в принимаемых решениях и при разработке целевых программ развития образования [8, Шляпентох В.Э., с. 227].

Проблема сбора аналитической информации с использованием статистических данных, распределённых по территориальному принципу, заключается также в том, что официально установленные границы территорий не всегда включают (и, соответственно, учитывают) населённые пункты — места постоянного проживания КМНСС и ДВ. Соответственно, эти территории, независимо от места проживания представителей коренных малочисленных народов, не являются объектом целевых программ поддержки данной категории населения.

Выявлению особенностей образования КМНСС и ДВ РФ посвящён целый ряд исследований, обосновывающих необходимость улучшения его доступности и качества.

В контексте нашего исследования представляют интерес работы, направленные на изучение специфики организации учебно-воспитательного процесса в регионах постоянного проживания КМНСС и ДВ [9, Егоров В.Н., с. 103–106; 10, Малиновская С.М., с. 104–111]. Ряд современных исследователей обращается к анализу влияния образования на этнокультурное развитие КМНСС и ДВ, социально-экономическое развитие регионов их проживания [11, Малышева Е.В., Набок И.Л., с. 139–144; 12, Неустроев Н.Д., Неустроева А.Н., с. 253–259]. Следует отметить появление работ, анализирующих проблемы и риски, связанные с образованием детей КМНСС и ДВ [13, Пименова Н.Н., с. 12–18; 14, Терехина А.Н., с. 137–153]. Как отмечают некоторые авторы, дети коренных малочисленных народов Севера демонстрируют низкий уровень знаний родных языков и культуры, одной из причин чего называется отсутствие комплексной системы мер, направленных на сохранение языков и культуры КМНСС и ДВ в контексте повышения качества их жизни [15, Филиппова Н.И., с. 100–108]. Некоторые исследователи обращают внимание на влияние на выбор образовательных траекторий различных агентов — семьи, школы, СМИ, Интернета и пр. [16, Выселко И.В., с. 476–484]. При этом лишь в очень немногих исследованиях анализируется влияние титульных языков на возможность сохранения языкового и культурного многообразия [17, Lanny R., с. 1–10; 18, Costa A., с. 1629–1644].

Анализ поисковых запросов на площадке Elibrary, в которой содержатся аннотации и полные тексты монографий, учебных пособий, материалов научных конференций, специализированных книг, диссертаций и научных статей из порядка 9 300 отечественных журналов, включённых в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), по названиям статей, ключевым словам и аннотациям без ограничения даты публикации даёт итоговую выборку 4 703 уникальных ссылок из 35 297 939, присутствующих на площадке.

Представленность работ исследуемой проблематики свидетельствует о стабильном росте в последнее десятилетие исследовательского интереса к темам, связанным с различными аспектами жизни КМНСС и ДВ (табл. 1).

Таблица 1
Динамика числа публикаций, связанных с КМНСС и ДВ³

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Число публикаций	134	163	178	232	282	328	424	471	542	533	554

Оценка основных тем публикаций показала, что наиболее популярными являются этнокультура (30%) и правовые аспекты жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (22%). Работы по проблемам образования КМНСС и ДВ составляют

³ Источник: составлено авторами.

16% от общего числа публикаций, причём с 2019 г. наблюдается их рост, что даёт основание предположить, что исследование этих вопросов получило новый импульс развития.

Интерес представляет статистика защит диссертаций по темам, связанным с КМНСС и ДВ. Так, на платформе Elibrary представлено всего 135 работ, защищённых с 1998 по 2020 гг., при этом количество диссертационных исследований в 2019 г., по сравнению с 2005 г. сократилось более чем в 10 раз. Доля исследований, затрагивающих проблемы образования КМНСС и ДВ, среди защищённых работ составляет лишь 9%.

На той же платформе размещено 20 отчётов по НИР на темы, связанные с коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока, однако большая их часть не имеет ни одного цитирования.

Таким образом, на сегодняшний день в отечественной науке отсутствует единое методологическое, методическое и технологическое обеспечение исследований в области обучения родным языкам и культуре КМНСС и ДВ, как и комплексная программа изучения влияния сохранности языка и культуры на качество жизни и субъективное благополучие. Не оценён вклад доступности обучения на родном языке на формирование образовательных траекторий в специфичных средовых условиях Крайнего Севера, не выявлены наиболее значимые с точки зрения формирования позитивистских и / или негативистских установок в отношении изучения родных языков и культуры факторы. Вследствие этого исследования языковой социализации, качества жизни и субъективного благополучия КМНСС и ДВ носят несистематический характер, не формируются базы данных, необходимые для вторичного научного анализа, утрачивается возможность оценки этнической и региональной специфики становления человека как субъекта социальной активности, снижается эффективность разработки учитывающих эту специфику научно-обоснованных программ сохранения и развития родных языков и культуры КМНСС и ДВ.

Кроме того, исследования КМНСС и ДВ нередко содержат серьёзную методологическую ошибку, не учитывая их неоднородность как социальной группы, среди которой можно выделить: городское население, практически утратившее свою этнокультурную самобытность; население, проживающее в посёлках, не занятое в традиционных отраслях и подвергшееся ассимиляции; и население, сохранившее самобытные доиндустриальные черты хозяйственного уклада и мировоззрения. Установки и стратегии поведения в отношении изучения родных языков у этих групп могут быть существенно различными.

Ещё одной актуальной научной повесткой в последние годы выступают исследования «автономного мира детства». С одной стороны, налицо удлинение периода детства в индивидуальной жизни человека, инфантилизация подрастающего поколения, приводящая к более позднему включению его в социально-экономические процессы. С другой стороны, современное общество требует от ребёнка готовности к осознанному выбору и принятию решений, личной ответственности, умения действовать в трудных ситуациях. Это указывает на

важность изучения процессов формирования сознания и поведения детей и молодёжи КМНСС и ДВ, значимым элементом которых выступает этническая самоидентификация и выраженная потребность в сохранении национальной идентичности.

Анализируя ситуацию с преподаванием родных языков и культуры КМНСС и ДВ РФ, авторы обращают внимание на последствия отсутствия внимания органов власти к этим вопросам: снижающийся уровень знания национальных языков, в некоторых случаях создающий реальную угрозу их полной утраты; растущий дефицит кадров, способных обеспечить обучение на родных языках, и отсутствие комплексной программы их воспроизведения; слабую методическую и техническую оснащённость образовательных организаций и др. Исследователи обращают внимание на более низкий, по сравнению со средним по стране, уровень образования КМНСС и ДВ РФ, объясняя это как общими причинами, связанными с отсутствием целевых программ повышения качества жизни КМНСС и ДВ РФ, так и специфическими условиями, отражающими этнокультурные и региональные особенности [19, Диканский Н.С., Пощков Ю.В., Радченко В.В., с. 255].

Ряд авторов указывает на слабость статистических служб на российском Севере, разбросы показателей, несовпадения и прямые противоречия в оценках, сложности обработки данных по малочисленным выборкам [8, Шляпентох В.Э., с. 114].

Для оценки ситуации в исследуемых регионах была отобрана соответствующая статистическая информация⁴. Её анализ показывает, в частности, устойчивость показателя обеспеченности районов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока педагогическими кадрами (рис. 1).

Рис. 1. Численность педагогических кадров, 2015–2019 гг.⁵

⁴ Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2020 годах (URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13279>).

⁵ Там же.

Как видно из рис. 1, численность педагогических работников в целом и учителей в частности в районах Крайнего Севера в последние годы характеризуется стабильностью, и отмечаемая многими авторами проблема дефицита педагогических кадров может считаться в определённой степени решённой. Отметим, однако, что данные государственной и ведомственной статистики, хотя и позволяют провести некоторый сопоставительный анализ в региональном разрезе (рис. 3 и 4), но не обеспечивают его необходимой глубины, в то время как проведённый нами мониторинг свидетельствует о существенных различиях по этому показателю не только между отдельными субъектами РФ, но и между административными районами в рамках одного субъекта. Статистические данные не выделяют учителей родных языков и культуры КМНСС и ДВ в отдельную категорию и не позволяют оценить динамику их численности, что особенно важно для целей настоящего исследования. Кроме того, как показали результаты наших исследований, проблема усугубляется не только острой нехваткой учителей родных языков и культуры КМНСС и ДВ в обследуемых регионах, но и явно наметившейся тенденцией снижения количества учителей-предметников, владеющих языками КМНСС и ДВ, что, безусловно, не обеспечивает создания в школах, где велика доля представителей КМНСС и ДВ, особой языковой среды, способствующей сохранению их родных языков и культуры.

Анализ статистики численности обучающихся в системе общего образования (рис. 2) в аналогичные временные периоды, демонстрирующий сходные тенденции изменения численности педагогов и учащихся, приводит к выводу о стабильности соотношения «учитель — ученики» [20, Шереги Ф.Э., Рыбаковский Л.Л., Арефьев А.Л., Савинков В.И., с. 136].

Рис. 2. Численность обучающихся, 2000–2019 гг.⁶

Однако и здесь, как и в предыдущем случае (рис. 1), из общего массива данных невозможно вычленить учащихся — представителей КМНСС и ДВ, а также учащихся, изучающих тот или иной язык и культуру КМНСС и ДВ.

Такая возможность появляется, когда данные официальной статистики дополняются (и уточняются) результатами специально организованных (желательно — мониторинговых)

⁶ Источник: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13279>.

обследований. Пример такого обследования, проведенного в республике Саха (Якутия) приведен в табл. 2.

Таблица 2
Количество школ и численность обучающихся, изучающих языки КМНСС и ДВ в республике Саха (Якутия)⁷

Изучаемый родной язык	Количество школ					Численность обучающихся				
	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020
эвенкийский	20	24	31	30	18	1100	1189	1183	1090	1113
эвенкийский	15	18	20	20	14	1125	1574	1159	1344	1101
юкагирский	6	6	4	11	5	91	129	194	165	104
чукотский	2	3	2	5	2	56	73	119	119	52
долганский	1	1	2	2	1	118	117	131	131	122
ВСЕГО	41	49	56	65	37	2487	3082	2786	2849	2392

Данные табл. 2 свидетельствуют, что количество школ, где преподаются родные языки КМНСС и ДВ, и численность учащихся, имеющих возможность их изучать, при начальном росте в результате реализации государственной политики поддержки КМНСС и ДВ в последние годы имеют заметную тенденцию к снижению.

Кроме того, как видно из рис. 3 и 4, даже общее соотношение «учитель — ученики» демонстрирует очевидные диспропорции в зависимости от региона. При этом эти данные не позволяют описать ситуацию и сделать какие-то выводы относительно доступности обучения на родных языках КМНСС и ДВ, т. е. требуется либо изменение форм статистического учёта и отчётности, либо организация регулярного мониторинга и проведение специальных исследований.

Распределение учителей в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (2019-2020 уч.г.)

Рис. 3. Распределение педагогических кадров по территориям⁸.

⁷ Источник: составлено авторами.

Распределение учащихся по районам Крайнего Севера и приравненной к ним местности (2019-2020 уч.г.)

Рис. 4. Распределение учащихся по территориям⁹.

Более того, ещё более очевидный характер такого соотношения, но интерпретируемый уже как отношение «учитель родного языка КМНСС и ДВ — учащиеся, изучающие родной язык КМНСС и ДВ», демонстрируют полученные исследовательские данные, отдельный пример которых приведён в табл. 3.

Таблица 3
Соотношение учителей родного языка и изучающих его учащихся¹⁰

Наименование ОУ	МКОУ «Дудинская СОШ № 1»	МКОУ «Хатангская СОШ-интернат»	МКОУ «Хатангская СОШ № 1»	МКОУ «Хетская СОШ»
Общая численность обучающихся	485	169	409	69
Из них: долган	106	169	222	69
Из них: изучающих долганский язык	59	158	126	58
Количество учителей долганского языка	2	3	5	5

Таким образом, признавая многолетний опыт, отработанные механизмы и методы, несомненные достижения государственной и ведомственной статистики, мы вместе с тем полагаем, что использование исключительно её данных для анализа и оценки качества жизни КМНСС и ДВ имеет существенные ограничения. Большая часть данных официальной статистики позволяет делать лишь косвенные выводы, которые не обеспечивают релевантности

⁸ Источник: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13279>.

⁹ Там же.

¹⁰ Источник: составлено авторами.

принятия решений и разработку долгосрочных программ. Для повышения объективности информации следует широко использовать специально организованные опросы и целенаправленные исследования непосредственно в местах компактного проживания КМНСС и ДВ. Кроме того, методология, методика и инструменты сбора данных в рамках государственной (ведомственной) статистики также нуждаются в обновлении, поскольку основным недостатком нынешней ситуации является то, что информация, собираемая на регулярной основе, отражает ситуацию только примерно для 70% представителей КМНСС и ДВ от их фактического числа.

Вторая часть исследования состояла в проведении опроса подростков и молодёжи КМНСС и ДВ. Распределение респондентов в соответствии с этнической принадлежностью представлено на рис. 5.

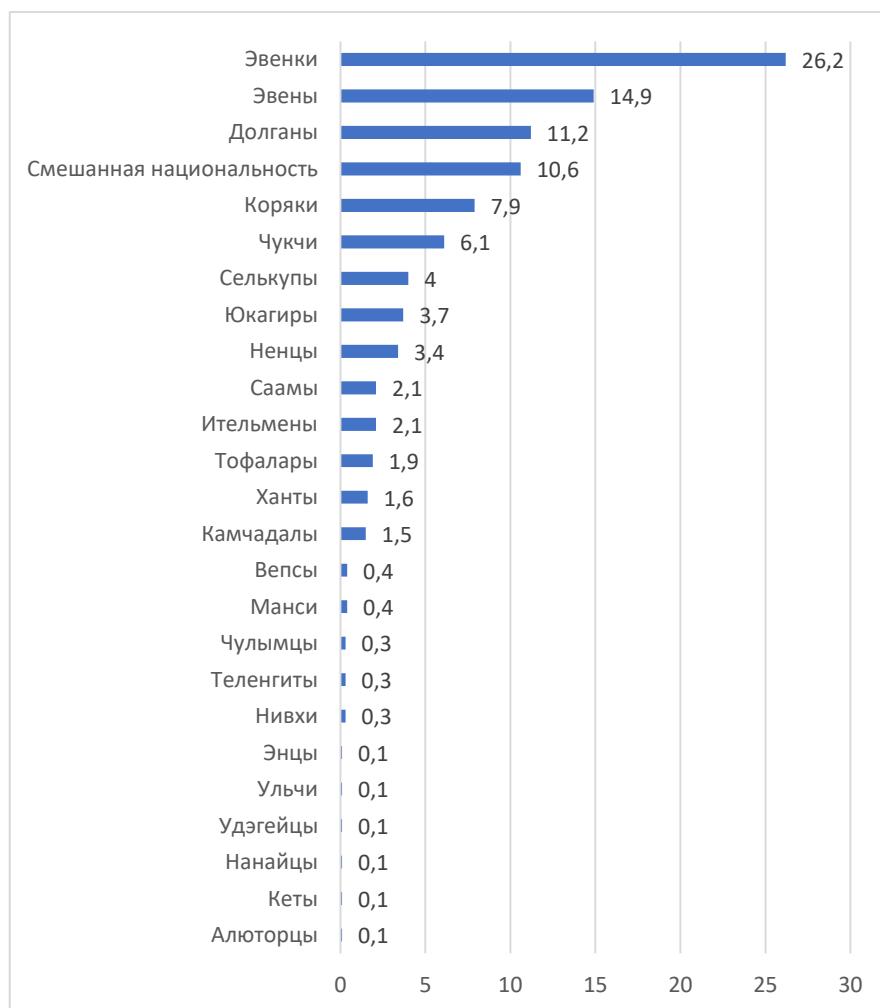

Рис. 5. Этническая принадлежность респондентов, %¹¹.

По уровню образования респонденты распределились следующим образом: 9 классов или меньше — 5,0%, 10–11 классов — 8,6%, законченное среднее специальное / профес-

¹¹ Источник: составлено авторами.

сионально-техническое образование — 15,5%, незаконченное высшее образование — 10,8%, высшее образование — 53,6%, учёная степень — 1,8%.

Большинство респондентов назвали местом рождения село или деревню (58,7%), около четверти (27,5%) — небольшой город или посёлок городского типа, кочевое жильё — 1,9%. Лишь каждый десятый оказался уроженцем крупного города / регионального или областного центра ($\chi^2=13,614$, $p \leq 0,01$). Вместе с тем на момент проведения опроса молодёжь КМНСС и ДВ, по сравнению с молодёжью других этнических групп, статистически значимо чаще проживала в крупных городах и региональных центрах (30,8% и 26,2%), небольших городах и посёлках городского типа (28,6% и 24,7%), реже — в селе и деревне (40,1% и 48,8%) ($\chi^2=44,09$, $p \leq 0,01$). Различий по полу в характеристиках места рождения и места нынешнего проживания не обнаружено.

Языковая социализация

Необходимым и важным знать язык своего народа считает большинство представителей молодёжи КМНСС и ДВ (74,5%), причём в равной степени как юноши, так и девушки ($p=n/z$). Однако полагает, что знания родного языка и культуры пригодятся им в жизни лишь меньшая часть из них (41,1%), причём девушки демонстрируют более позитивные, по сравнению с юношами, установки (44,2% и 34,7% соответственно) ($\chi^2=8,677$, $p \leq 0,05$) (рис. 6).

Рис. 6. Оценка важности знания родного языка и культуры, %¹².

54% респондентов указали, что они любят говорить на родном языке, 71% считают, что сохранение родного языка важно для них, 77% хотят, чтобы дети / внуки говорили на родном языке, 75,3% отметили, что знание родного языка помогает им чувствовать принадлежность к своему народу.

¹² Источник: составлено авторами.

Таким образом, уровень мотивации респондентов к изучению родного языка достаточно высок. Однако они понимают, что их жизненный успех во многом определяется знанием русского языка. Очевидно, что общее настроение и языковые предпочтения формируются в условиях ограниченности поля функционирования родного языка и его недостаточно значимой роли в проектировании профессиональной карьеры и социального успеха.

Не владеет ни одним языком коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока практически каждый четвёртый их молодой представитель (28,2%), свободно и без акцента говорят на нем лишь 15,5% опрошенных. При этом девушки значимо чаще по сравнению с юношами владеют родным языком ($\chi^2=6,865$, $p \leq 0,01$). Владение языком преимущественно состоит в знании алфавита и правил чтения (38,9%), умении составлять простые предложения (34%), чтении и понимании текста (25,3%), понимании разговорной речи (24,4%). Поддержать разговор на бытовом уровне может лишь каждый пятый респондент (21%). Такие сложные виды языковой активности, как написание сочинения, общение без затруднений на заданную тему доступны ограниченному числу молодёжи (около 12%). Таким образом, большинство опрошенных испытывает сложности при общении (устном и письменном) на языке коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (рис. 7).

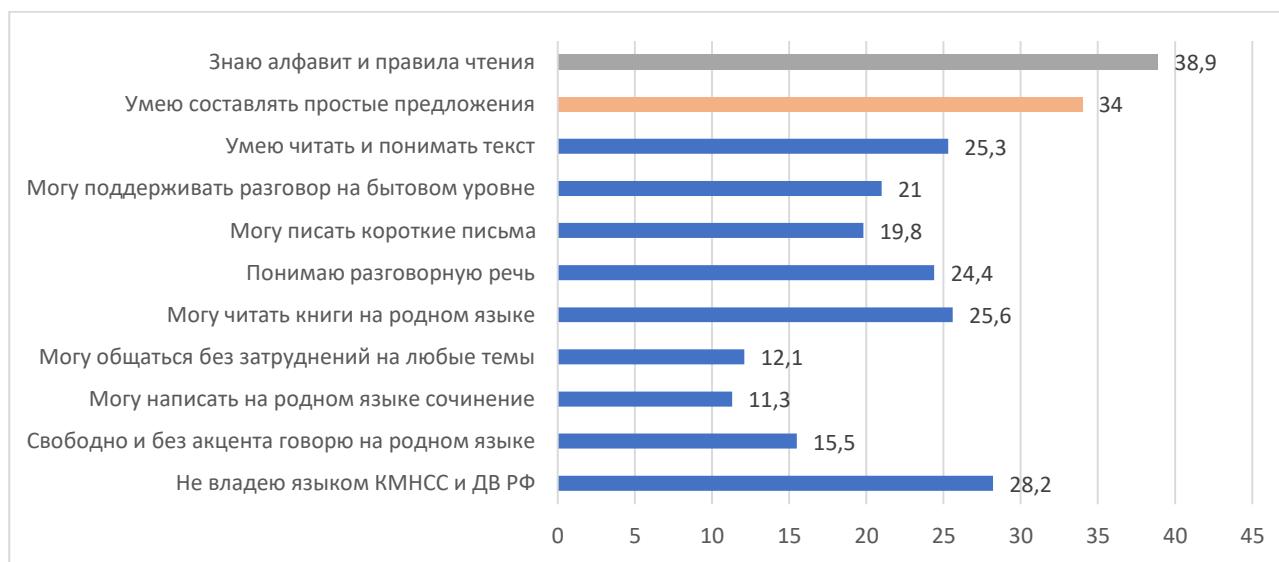

Рис. 7. Самооценка уровня владения языком, %¹³.

Примечательно при этом, что большинство представителей молодёжи КМНСС и ДВ (58,9%) называет родным языком язык своего народа, каждый четвёртый (24.1%) — русский язык, 4% — язык другого народа России. 10% респондентов родными назвали несколько языков.

Независимо от того, какой язык молодёжь считает родным, она предпочитает говорить на русском языке, причём при общении с друзьями чаще (62,6%), чем с семьей (49,8%).

¹³ Источник: составлено авторами.

На национальном языке в семье общается лишь 28,2% молодёжи, а с друзьями — только каждый седьмой (14,5%) (рис. 8). Юноши, по сравнению с девушками, при общении с друзьями чаще предпочитают использовать национальный язык (18,3% и 12,6% соответственно) ($\chi^2=10,924$, $p \leq 0,05$).

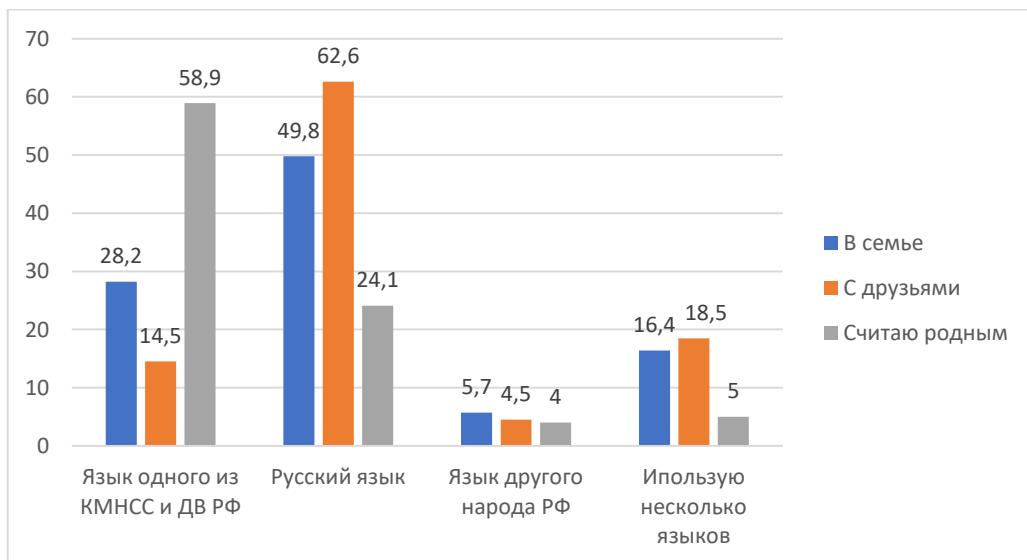

Рис. 8. Преимущественный язык (языки) общения, (%)¹⁴.

Подавляющее большинство молодёжи КМНСС и ДВ изучает в школе русский (84,6%) и иностранный язык (81,7%), тогда как один из языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока изучает лишь немногим более половины молодёжи этих этнических групп (56,9%) (рис. 9).

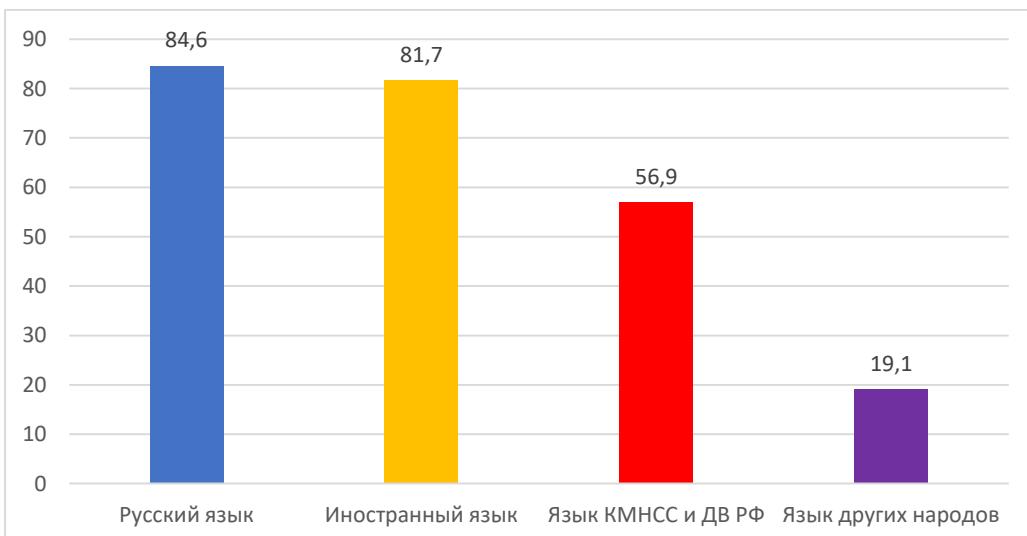

Рис. 9. Языки, изучаемые в школе, %¹⁵.

Наиболее популярными по изучению языками КМНСС и ДВ оказались: эвенкийский (26,2%), эвенский (19,9%), корякский (13,4%) и долганский (9,7%) языки; единичные случаи

¹⁴ Источник: составлено авторами.

¹⁵ Источник: составлено авторами.

изучения языков в школе пришлись на: юкагирский (3,9%), чукотский (3,7%), ительменский (2,9%), селькупский (1,6%), ненецкий (1,0%), тофаларский и саамский (по 0,8%), вепсский, ульчский, теленгитский, кильдинский, удэгейский (по 0,3%) языки. Самым изучаемым молодёжью КМНСС и ДВ РФ является якутский язык: его изучают 88,3% опрошенной молодёжи.

Тематический интерес в области изучения родных языков и культур в первую очередь проявляется к темам (предметам) истории родного края и истории своего народа (66,3% и 48%), традиционной религиозной культуры (44,3%), национальной кухни (39,7%), национальных традиций и народных праздников (39,3%), географии края (37,3%). Вторую по значимости группу предметов образуют национальная литература (21,7%), национальные виды спорта (20,8%), национальные танцы (19,7%), национальная культура и искусство, народные ремёесла (17,7%), традиционные виды хозяйственной деятельности (15,7%), традиционный костюм (11,3%), народная музыка, песенное творчество (9%).

При этом в истории своего народа уверенно ориентируется менее половины опрошенных (43,1%), примерно столько же (38,7%) — знают её плохо. Признались, что совсем не знают историю своего народа 8,5% молодёжи, каждый десятый затруднился с ответом.

Доступность средств массовой информации на родном языке большинство представителей молодёжи КМНСС и ДВ оценивают как скорее низкую (23,8%) и крайне низкую (31,0%), 26,5% — как среднюю, и только 18,7% как высокую.

Образовательные траектории

Подавляющее число респондентов (87,1%) обучались в общеобразовательных школах, 12,9% — в гимназии, лицее или школе с углублённым изучением определённых предметов. По данному параметру не выявлено специфики ни в связи с этнической принадлежностью, ни с полом. Однако молодёжь КМНСС и ДВ значимо чаще по сравнению с молодёжью других этнических групп (к ним мы относили всех участников в опросе респондентов, не идентифицирующих себя как представителя КМНСС и ДВ) имеет опыт обучения в школах-интернатах (16,7% и 6% соответственно, $\chi^2=34,924$, $p \leq 0,001$).

Молодёжи КМНСС и ДВ значимо чаще, чем их сверстникам, приходилось переезжать как для получения школьного (31,6% и 16%, $\chi^2=41,293$, $p \leq 0,001$), так и для получения среднего специального (59% и 44,6%, $\chi^2=41,293$, $p \leq 0,05$) и высшего образования (83,7% и 61,1%, $\chi^2=16,536$, $p \leq 0,001$). Таким образом, чем выше желаемый уровень образования, тем чаще молодёжи КМНСС и ДВ приходится территориально мигрировать для его получения. Специфики в связи с полом здесь не обнаружено.

Планы на продолжение обучения (поступление в среднее специальное или высшее учебное заведение) имеет 70% опрошенных школьников: (25% и 45% соответственно). При этом каждый четвёртый старшеклассник ещё не определился с планами по получению последующего образования, а 5% — точно не планируют продолжать обучение. По данному

показателю не было получено статистически значимых различий ни в связи с этнической принадлежностью, ни в связи с полом.

Исследование зафиксировало значимые различия в вариантах поступления в вуз между представителями КМНСС и ДВ и другими этническими группами: молодёжь КМНСС и ДВ значимо чаще поступала по целевому набору / приёму (29,1% и 15,0%). Обучающихся на платной основе представителей КМНСС и ДВ существенно меньше, по сравнению со студентами других групп (12,1% и 20,4%), как и поступивших по результатам побед во всероссийской олимпиаде школьников (4,3% и 6,2%, $\chi^2=8,883$, $p \leq 0,05$).

После окончания вуза не планируют возвращаться в свои регионы 37,6% студентов — представителей КМНСС и ДВ и 31,9% студентов другой этнической принадлежности, при этом студенты-девушки КМНСС и ДВ значимо чаще по сравнению с юношами (39,6% и 32,5% соответственно) ($\chi^2=15,089$, $p \leq 0,001$).

23,7% молодёжи КМНСС и ДВ негативно оценивает перспективы трудоустройства на хорошую работу в месте своего настоящего проживания.

Стигматизацию в связи с этнической общностью молодёжь КМНСС и ДВ также испытывает статистически значимо чаще ($\chi^2=21,369$, $p \leq 0,001$). На случаи оскорблений, обид, дискриминации в связи с национальной принадлежностью указывает 30,4% молодёжи КМНСС и ДВ.

Значимость влияния доступности изучения родного языка и культуры на субъективное благополучие по 5-балльной шкале (0 — не влияет; 5 — значимо влияет) респонденты оценивают следующим образом (табл. 4):

Таблица 4
Факторы, влияющие на субъективное восприятие благополучия и качества жизни¹⁶

Факторы	Средняя оценка	Ранг
Наличие возможности и доступность обучения на родном языке	4,25266	1
Повышение национального самосознания	4,111702	2
Проведение фестивалей и праздников, посвящённых национальной культуре и традициям	4,06117	3
Наличие и доступность литературы на родном языке	4,037234	4
Включённость государственных органов власти в решение вопросов сохранения родного языка и культуры	4,031915	5
Наличие и работа учреждений культуры (музеев, театров, библиотек и др.)	3,960106	6
Развитие традиционных промыслов	3,952128	7
Поддержка и развитие национальных общин	3,87766	8

Обсуждение и выводы

Значительная часть негативных последствий для качества жизни и благополучия молодёжи КМНСС и ДВ непосредственно связана с неравенством в сфере образования, его низким качеством и ограниченным доступом к нему [21, Арефьев А.Л., с. 342]. На уровне школьного образования особенно остро ощущается нехватка специалистов-предметников,

¹⁶ Источник: составлено авторами.

учителей родных языков. Обучение в школах-интернатах приводит к разнородным социально-психологическим последствиям, которые пока не вполне изучены, но создают риски для психологического благополучия детей и родителей, отношений в семье, отчуждения детей от культуры своего народа и более низкого уровня адаптации к иным условиям жизни.

Результаты проведённого исследования убедительно доказывают, что вопрос организации обучения на родных языках является значимым для КМНСС и ДВ РФ. Важными задачами методического характера при этом являются: обобщение и систематизация наиболее эффективных методов, разработка и внедрение современных методик и технологий преподавания учебного предмета «родной язык», которые бы учитывали как новые информационно-цифровые возможности, так и особенности самих обучающихся: этническую принадлежность, начальный уровень владения родным языком, возраст, мотивацию к изучению.

Исследование показало, что на сегодняшний день методики преподавания как родных языков КМНСС и ДВ, так и подготовки учителей устарели, имеют консервативный характер, в отличие от динамично развивающихся методик изучения иностранных языков. Наряду с такими факторами, как статус языка, уровень национального самосознания и отношение к родной культуре и языку в семье и окружающем обществе, школа является ведущим звеном в системе формирования условий для развития и сохранения языков КМНСС и ДВ.

Возможность изучения родного языка в школе как отдельного предмета оказывается недостаточно доступной. В регионах проживания КМНСС и ДВ представлен лишь небольшой процент школ, в которых реализована возможность обучения на родных языках народов, проживающих на их территории.

Для большинства представителей молодёжи КМНСС и ДВ, проживающих в небольших населённых пунктах, получение образования связано с необходимостью миграции в среду с иной социальной организацией. Отсутствие системы социальной поддержки и помощи в их адаптации к новым для них условиям жизни может приводить к негативным последствиям: расстройству здоровья, злоупотреблению психоактивными веществами, асоциальному поведению, низкой учебной мотивации [22, Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А., с. 113].

Оценка качества жизни КМНСС и ДВ, выполненная по результатам анализа статистических данных, информационных источников, сайтов региональных и муниципальных администраций и образовательных учреждений, а также данные опроса выявили общие проблемы, связанные с доступностью образования на родном языке КМНСС и ДВ, вне зависимости от региона проживания. В каких-то регионах эти проблемы более весомы, в каких-то менее, но они существуют везде.

Наряду с общими проблемами современного образования, система образования в районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока имеет ряд специфических проблем, среди которых следует выделить:

- кадровые, связанные с дефицитом педагогов, обладающих знанием родных языков, литературы, культуры и владеющих методиками их преподавания, высококвалифицированных педагогов (доля учителей с высшей квалификационной категорией в местах проживания КМНСС и ДВ РФ составляет лишь 10–15% от всего педагогического коллектива);
- правовые, обусловленные неразвитостью системы нормативной и правовой защиты детства, семьи, педагогов, проживающих и работающих в удалённых и труднодоступных районах;
- материальные, связанные со значительно большими, чем в обычных условиях, затратами на обеспечение высокого качества образования;
- этнокультурные и социокультурные, определяемые необходимостью достижения баланса между сохранением культурной и языковой уникальности и интеграцией в единое образовательное пространство и глобальный социум.

Сильная уязвимость КМНСС и ДВ, восприимчивость к ассимиляции и трудные условия жизни ставят их на грань вымирания. Многие этнические группы уже насчитывают всего несколько сотен человек. Вместе с тем выделение КМНСС и ДВ в отдельную и при этом гомогенную группу как на уровне государственной политики, так и на уровне отдельных инициатив может иметь свои ограничения и негативные последствия. Молодёжь КМНСС и ДВ существенно отличается по степени специфичности их образа жизни. В одних случаях она, как и их родители, ведут традиционный образ жизни в местах компактного проживания. В других — живут в районных центрах и городах, не ведут традиционный образ жизни и не подвергаются воздействию специфических факторов риска.

Для молодёжи КМНСС и ДВ характерны схожие с представителями других этнических групп параметры удовлетворённости жизнью. Однако они существенно чаще сталкиваются со стигматизацией и дискриминацией в связи со своей этнической принадлежностью, испытывают больше проблем и менее удовлетворены мерами по сохранению традиций своего народа и карьерными перспективами.

Ещё одним основанием, определяющим направление и содержание аналитических исследований качества жизни КМНСС и ДВ, является понимание того, что следует выделять общие и специфические, характерные для определенных этнических групп, проблемы. Выявление общих тенденций, особенностей их проявления в определённом регионе, понимание специфики факторов влияния позволит дифференцированно подходить к анализу данных, делать более обоснованные выводы и принимать оптимальные решения [23, Tysiachniouk M.S., с. 1–6].

Специфическими особенностями молодёжи КМНСС и ДВ, отличающими её от молодёжи другой этнической принадлежности, являются:

- уровень образования молодёжи КМНСС и ДВ РФ в целом достаточно высок, при этом субъективно воспринимаемое качество образования низкое (удовлетворённость качеством образования составляет 29,3%);
- в среднем более низкий воспринимаемый социально-экономический статус;
- значительно более высокие показатели образовательной миграции;
- сложности в адаптации к новым условиям проживания, связанные с низким уровнем социальной поддержки;
- сложности при общении (устном и письменном) на родном языке и отсутствие возможности изучать язык своего народа в школе.

Заключение

Данные об уровне образования соответствующих групп населения могут служить важным показателем социально-экономического развития территорий, одновременно отражая их специфику. В частности, очевидно, что традиционные виды экономической деятельности КМНСС и ДВ РФ не требуют высокого уровня квалификации, что отражается в характеристиках образования. Вместе с тем развитие этих регионов обуславливает растущую потребность в специалистах с высоким уровнем образования. Понять ситуацию, определить тенденции, выработать грамотные политики и подходы к решению проблемы без данных статистики и мониторинга образовательной ситуации и образовательной структуры населения в принципе невозможно.

Проведённое исследование позволяет предложить ряд рекомендаций, направленных на улучшение качества жизни и благополучия молодёжи КМНСС и ДВ. Часть из них не являются специфичными для данной группы, а связаны с необходимостью улучшения условия проживания в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока в целом.

1) Рекомендации, направленные на повышение качества жизни в регионах локально-го проживания КМНСС и ДВ, связаны, в первую очередь, с развитием инфраструктуры: по-вышением качества и доступности дошкольного и школьного образования, сокращением образовательного разрыва с выпускниками ОУ других регионов России, возможностями тру-доустройства и проведения досуга в местах компактного проживания.

2) Рекомендации, специфичные для молодёжи КМНСС и ДВ: совершенствование мер, направленных на сохранение национальной культуры и возможности ведения традиционно-го образа жизни; разработка целевых программ, направленных на поддержание владения родным языком; создание условий, обеспечивающих снижение стигматизации и дискрими-нации представителей КМНСС и ДВ как на территориях регионов их компактного прожива-ния, так и в России в целом.

Список источников

1. Синица А.Л. Повышение уровня и качества образования коренных малочисленных народов Севера: проблемы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 3 (213). С. 70–81. DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10074
2. Armitage D., Berkess F., Dale A., Kocho-Schellenbergb E., Patton E. Co-management and the co-production of knowledge: Learning to adapt in Canada's Arctic // Global Environmental Change – Human and Policy Dimensions. 2011. Vol. 21. No. 3. Pp. 995–1004. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2011.04.006
3. Huaman E.S. Indigenous core values and education: Community beliefs towards sustaining local knowledge // Curriculum Inquiry. 2018. Vol. 48. No. 4. Pp. 415–432. DOI: 10.1080/03626784.2018.1518112
4. Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 141–154. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.9
5. Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous peoples of Northern Russia: Anthropology and health // International journal of circumpolar health. 2007. Vol. 66. No. 1. Pp. 1–184. DOI: 10.1080/22423982.2007.11864603
6. Пустогачева О.Н. Современное состояние обучения и изучения родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования Российской Федерации // История и педагогика естествознания. 2014. № 2. С. 41–46.
7. Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования. Москва: Academia, 2001. 464 с.
8. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. Москва: ЦСПиМ, 2006. 664 с.
9. Егоров В.Н. Социально-педагогические особенности организации учебно-воспитательного процесса в школах коренных народов Крайнего Севера // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 3. С. 103–106.
10. Малиновская С. М. Состояние и перспективы развития образования коренных малочисленных народов Томского Севера // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 2. С. 104–111.
11. Малышева Е.В., Набок И.Л. Образование коренных малочисленных народов Арктики: проблемы и перспективы развития // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С. 139–144.
12. Неустроев Н.Д., Неустроева А.Н. Образование на Севере как фактор развития коренных малочисленных народов // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 253–259.
13. Пименова Н.Н. Проблемы образования детей коренных малочисленных народов Сибири и Севера в Красноярском крае // Инновации в непрерывном образовании. 2012. № 5. С. 12–18.
14. Терехина А.Н. Кочевые школы: ограничения или возможности? // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 137–153.
15. Филиппова Н.И., Иванова А.В. Современное состояние этнокультурного и поликультурного образования коренных малочисленных народов Севера (по результатам мониторинговых исследований в высших учебных заведениях) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 100–108.
16. Vyselko I.V. Cultural Meanings of Mediaspace: Philosophical Aspects // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. № 15 (4). Pp. 476–484. DOI: 10.17516/1997-1370-0033
17. Bird L.R. Reflections on Revitalizing and Reinforcing Native Languages and Cultures // Cogent Education. 2017. Vol. 4. 1371821. DOI: 10.1080/2331186X.2017.1371821
18. Costa A., Pannunzi M. et al. Do Bilinguals Automatically Activate Their Native Language When They Are Not Using It? // Cognitive Science. 2017. Vol. 41. No. 6. Pp. 1629–1644. DOI: 10.1111/cogs.12434

19. Диканский Н.С. Образование для коренных народов Сибири: социокультурная роль Новосибирского государственного университета. Новосибирск: Нонпарель, 2005. 360 с.
20. Численность учащихся и персонала образовательных учреждений Российской Федерации (прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года) / Под ред. Ф.Э. Шереги, Л.Л. Рыбаковского, А.Л. Арефьева, В.И. Савинкова. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 163 с.
21. Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. Москва: ЦСПиМ, 2014. 488 с.
22. Константиновский Д.Л. Образование и жизненные траектории молодёжи: 1998–2008 годы / Под ред. Д.Л. Константиновского, Е.Д. Вознесенской, Г.А. Чередниченко, Ф.А. Хохлушкиной. Москва: ЦСПиМ совместно с Институтом социологии РАН, 2011. 296 с.
23. Tysiachniouk M.S., Petrov A.N., Gassiy V. Towards understanding benefit sharing between extractive industries and indigenous / Local Communities in the Arctic // Resources. 2020. Vol. 9. No. 4 (48). P. 48. DOI: 10.3390/resources9040048

References

1. Sinitsa A.L. Povyshenie urovnya i kachestva obrazovaniya korennyykh malochislenykh narodov Severa: problemy i perspektivy [Improving the Educational Background Level and Quality of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North: Problems and Prospects]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2019, no. 3 (213), pp. 70–81. DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10074
2. Armitage D., Berkesb F., Dale A., Kocho-Schellenbergb E., Patton E. Co-management and the Co-production of Knowledge: Learning to Adapt in Canada's Arctic. *Global Environmental Change – Human and Policy Dimensions*, 2011, vol. 21, no. 3, pp. 995–1004. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2011.04.006
3. Huaman E.S. Indigenous Core Values and Education: Community Beliefs Towards Sustaining Local Knowledge. *Curriculum Inquiry*, 2018, vol. 48, no. 4, pp. 415–432. DOI: 10.1080/03626784.2018.1518112
4. Markin V.V., Silin A.N., Voronov V.V. Obrazovatel'nye traektorii molodezhi korennyykh malochislenykh narodov Severa: sotsial'no-prostranstvennyy diskurs [Educational Opportunities for Young People of Indigenous Minorities of the North: Social and Spatial Discourse]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2019, vol. 12, no. 5, pp. 141–154. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.9
5. Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous Peoples of Northern Russia: Anthropology and Health. *International Journal of Circumpolar Health*, 2007, vol. 66, no. 1, pp. 1–184. DOI: 10.1080/22423982.2007.11864603
6. Pustogacheva O.N. Sovremennoe sostoyanie obucheniya i izucheniya rodnykh yazykov korennyykh malochislenykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii [Current Status of Teaching and Learning Native Language Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East in the Education System of the Russian Federation]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya* [History and Pedagogy of Natural Science], 2014, no. 2, pp. 41–46.
7. Sheregi F.E. *Sociologiya obrazovaniya: prikladnye issledovaniya* [Sociology of Education: Applied Research]. Moscow, Academia Publ., 2001, 464 p. (In Russ.)
8. Shlapentokh V.E. *Problemy kachestva sociologicheskoy informatsii: dostovernost', reprezentativnost', prognosticheskiy potentsial* [Problems of the Quality of Sociological Information: Reliability, Representativeness, Predictive Potential]. Moscow, CSP Publ., 2006, 664 p. (In Russ.)
9. Egorov V.N. Sotsial'no-pedagogicheskie osobennosti organizatsii uchebno-vospitatel'nogo protsessa v shkolakh korennyykh narodov Kraynego Severa [Social-Pedagogical Peculiarities of Educational Process Organization at Schools of Indigenous Peoples of the North]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova* [Vestnik of North-Eastern Federal University], 2013, vol. 10, no. 3, pp. 103–106.

10. Malinovskaya S. M. Sostoyanie i perspektivy razvitiya obrazovaniya korennykh malochislennykh narodov Tomskogo Severa [Status and Prospects for the Development of Education of the Indigenous Peoples of the Tomsk North]. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, 2014, no. 2, pp. 104–111.
11. Malyshova E.V., Nabok I.L. Obrazovanie korennykh malochislennykh narodov Arktiki: problemy i perspektivy razvitiya [Education of Indigenous Peoples of the Arctic: Problems and Development Prospects]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development. (TERRA HUMANA)], 2015, no. 1, pp. 139–144.
12. Neustroev N.D., Neustroeva A.N. Obrazovanie na Severe kak faktor razvitiya korennykh malochislennykh narodov [Education in the North as a Factor in the Development of the Small-Numbered Indigenous Peoples]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2013, no. 5, pp. 253–259.
13. Pimenova N.N. Problemy obrazovaniya detey korennykh malochislennykh narodov Sibiri i Severa v Krasnoyarskom krae [Educational Problems of Childrens of Indigenous Peoples of Siberia and North of the Krasnoyarsk Region]. *Innovatsii v nepreryvnom obrazovanii* [Innovations in Continuous Education], 2012, no. 5, pp. 12–18.
14. Teryokhina A.N. Kochevye shkoly: ograniceniya ili vozmozhnosti? [Nomadic Schools: Limitations or Opportunities?]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 2, pp. 137–153.
15. Filippova N.I., Ivanova A.V. Sovremennoe sostoyanie etnokul'turnogo i polikul'turnogo obrazovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa (po rezul'tatam monitoringovykh issledovaniy v vys-shikh uchebnykh zavedeniyakh) [The Contempoprary Position of Ethnic-Cultural Upbringing and Multicultural Education in Smaller Indigenous Peoples of the (Russian) North (According to the Outcomes of Monitoring Carried out in Graduate School Institutions)]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and Social-Educational Idea], 2014, no. 1, pp. 100–108.
16. Vyselko I.V. Cultural Meanings of Mediaspace: Philosophical Aspects. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2022, no. 15 (4), pp. 476–484. DOI: 10.17516/1997-1370-0033
17. Bird L.R. Reflections on Revitalizing and Reinforcing Native Languages and Cultures. *Cogent Education*, 2017, vol. 4. 1371821. DOI: 10.1080/2331186X.2017.1371821
18. Costa A., Pannunzi M. et al. Do Bilinguals Automatically Activate Their Native Language When They Are Not Using It? *Cognitive Science*, 2017, vol. 41, no. 6, pp. 1629–1644. DOI: 10.1111/cogs.12434
19. Dikanskiy N.S. *Obrazovanie dlya korennykh narodov Sibiri: sotsiokul'turnaya rol' Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Education for the Indigenous Peoples of Siberia: the Socio-Cultural Role of the Novosibirsk State University]. Novosibirsk, Nonparel Publ., 2005, 360 p. (In Russ.)
20. Sheregi F.E., Rybakovskiy L.L., Arefyev A.L., Savinkov V.I., eds. *Chislennost' uchashchikhsya i personala obrazovatel'nykh uchrezhdeniy Rossiyskoy Federatsii (prognоз до 2020 goda i otsenka tendentsiy do 2030 goda)* [The Number of Students and Staff of Educational Institutions of the Russian Federation (Forecast up to 2020 and Assessment of Trends up to 2030)]. Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing Publ., 2013, 163 p. (In Russ.)
21. Arefyev A.L. *Yazyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniya: istoriya i sovremennost'* [The Languages of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East in the Education System: History and Modernity]. Moscow, CSPiM Publ., 2014, 488 p. (In Russ.)
22. Konstantinovskiy D.L. *Obrazovanie i zhiznennye traektorii molodyozhi: 1998–2008 gody* [Education and Life Trajectories of Youth: 1998–2008]. Moscow, CSPiM and Institute of Sociology of the RAS Publ., 2011, 296 p. (In Russ.)
23. Tysiachniouk M.S., Petrov A.N., Gassiy V. Towards Understanding Benefit Sharing between Extractive Industries and Indigenous / Local Communities in the Arctic. *Resources*, 2020, vol. 9, no. 4 (48), p. 48. DOI: 10.3390/resources9040048

*Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021;
принята к публикации 01.12.2021.*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 260–267.

Научная статья

УДК 504.5(985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.260

Воздействие прибрежного мусора на биологические ресурсы арктических морей*

Авдонина Наталья Сергеевна¹, кандидат политических наук, доцент
Соболев Никита Андреевич²✉, кандидат химических наук

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Набережная Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

² Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 3, Москва, 119991, Россия

¹ n.avdonina@narfu.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9871-3452>

² n.a.sobolev@outlook.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8210-8263>

Аннотация. В настоящей работе обсуждается влияние пластикового мусора на Арктические водные экосистемы с основным фокусом на рыбу. Загрязнение прибрежных и морских экосистем пластиковым мусором стало одной из наиболее важных глобальных экологических проблем в конце 90х гг. ХХ в., когда стало очевидно, что пластиковый мусор является значимой угрозой для водных экосистем. Однако в последние годы основное внимание учёных приковано к микропластику (МП) как новой и существенной угрозе для водных экосистем. В связи с тем, что рыба является одним из основных продуктов питания населения Арктических стран, негативное влияние морского пластикового мусора на водные экосистемы приобретает угрожающий характер для здоровья и благополучия населения Арктики, а также экономики Арктических стран. Недавние исследования показали, что в 90% исследуемых проб воды из Баренцева моря был обнаружен микропластик. Это показывает, что МП стал одним из основных поллютантов Арктических морей. Тем не менее, на сегодняшний день существует относительно мало исследований, посвящённых оценке негативного влияния микропластика на жизнедеятельность морских организмов. Более того, существует также проблема отсутствия стандартизованных и общепринятых методик анализа МП и оценки негативных эффектов его воздействия на водные организмы. В связи с вышесказанным в настоящей работе приводится описание текущего состояния данной проблемы.

Ключевые слова: пластиковый мусор, микропластик, водные экосистемы, Арктика, морской мусор, экологические проблемы в Арктике

Seashore Litters Impact on Biological Resources of Arctic Seas

Natalia S. Avdonina¹, Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor

Nikita A. Sobolev²✉, Cand. Sci. (Chem.)

* © Авдонина Н.С., Соболев Н.А., 2022

Для цитирования: Авдонина Н.С., Соболев Н.А. Воздействие прибрежного мусора на биологические ресурсы арктических морей // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 260–267. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.260

For citation: Avdonina N.S., Sobolev N.A. Seashore Litters Impact on Biological Resources of Arctic Seas. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 260–267. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.260

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-3, Moscow, 119991, Russia

¹ n.avdonina@narfu.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9871-3452>

² n.a.sobolev@outlook.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8210-8263>

Abstract. In the present manuscript, the impact of seashore plastic litter on the Arctic aquatic environment with a primary focus on fish is discussed. Plastic pollution of seashore and aquatic ecosystem became a major environmental problem in the late 1990s, when it was considered as a major threat for aquatic ecosystem. In recent years, the microplastic (MP) pollution has raised scientific attention and awareness as severe threat for aquatic ecosystem. Since fish is a significant source of food and wealth of Arctic countries, the shrinkage of fishing rates caused by aquatic ecosystems plastic pollution can lead to a significant negative effect on the well-being of the Arctic countries' population and economy. Recent studies showed significant amount of MP in Arctic seas. The MP particles were found in more than 90% of the studied water samples from the Barents Sea. This indicates that MP has become a major threat for aquatic life in the Arctic. Despite the fact the MP may pose harmful effects to aquatic life, there is still a lack of valid information concerning this research. Moreover, standard and generally accepted protocols for MP pollution monitoring and risk assessment need to be implemented. In view of the above, the current state of the problem is described in this paper.

Keywords: *plastic pollution, microplastic, aquatic ecosystem, Arctic, marine litter, Arctic environmental problem*

Благодарности и финансирование

Проект № 203173 Barents 2030, «Обучение руководителей Баренцева региона по вопросам морского мусора», грантополучатель – Северный (Арктический) федеральный университет (САФУ). Настоящая статья подготовлена в рамках проекта «Лидерство Баренцева моря по морскому мусору», поддерживаемого Министерством климата и окружающей среды Норвегии. Партнёрами проекта являются ГРИД-Арендал, Северный (Арктический) федеральный университет (САФУ), Кольский научный центр, ЮНЕП, Открытый университет, а также Университет Арктики и его Тематическая сеть по загрязнению Арктики пластиком.

Введение

Водные биоресурсы, в частности — рыба, являются важным источником пищи для людей во всем мире. На их долю приходится около 15% потребления животного белка населением планеты, в то время как в бедных странах с дефицитом продовольствия это число возрастает до 25%¹. Морская рыба также является одним из основных источников витаминов, незаменимых элементов и жирных кислот омега-3, которые отвечают за нормальное функционирование человеческого организма, дефицит которых в рационе может вызвать серьёзные проблемы со здоровьем. В ряде случаев введение в рацион или увеличение нормы потребления морской рыбы способствует восполнению необходимого количества потребляемых питательных веществ и существенному снижению дефицита микроэлементов у

¹ Fisheries and aquaculture – enabling a vital sector to contribute more <http://www.fao.org/news/story/en/item/150839/icode/> (дата обращения: 01.06.2021).

людей [1–3]. Адекватное потребление микронутриентов особенно актуально для населения, проживающего в арктических странах, где суровые климатические условия требуют от организма человека повышенных ресурсов для нормального функционирования.

Учитывая вышеизложенное, рыба является важным источником питания как для развивающихся, так и для развитых стран. По данным К. Обиеро [4], Арктический регион является одной из наиболее рыбозависимых частей мира, особенно страны Северной Европы и Россия.

Рыба также является значительным источником дохода для бюджетов приморских стран. Её экспорт составляет значительную долю ВВП некоторых арктических государств. Северо-Восточная Атлантика — один из важнейших промысловых районов Арктики, на долю которого приходится около 10% мирового улова рыбы. Баренцево море является доминирующим районом рыболовства в Северо-Восточной Атлантике и одним из самых продуктивных морей в мире. На три страны — Норвегию, Исландию и Россию — приходится 50% общего годового улова морепродуктов в Северо-Восточной Атлантике [5].

Антропогенное загрязнение может существенно повлиять на водную экосистему. Это приводит к сокращению производства морепродуктов во всём мире. Однако в Арктике это воздействие выражено гораздо значительно из-за суровых условий, ограниченного биоразнообразия и относительно коротких пищевых сетей, что делает арктическую экосистему восприимчивой к антропогенному воздействию [6]. Поскольку рыболовство является важным источником продовольственного обеспечения и богатства арктических стран, сокращение объёмов промысла, вызванное антропогенным загрязнением акваторий и прибрежных территорий, может привести к существенному негативному воздействию на здоровье и благополучие населения и ВВП арктических стран.

Антропогенное загрязнение морского побережья является широко распространённой проблемой глобального уровня. Различные источники загрязнения могут по-разному воздействовать на водную экосистему. Основными загрязнителями морской прибрежной среды являются различные органические и неорганические вещества, которые попадают на морское побережье непосредственно с заводов и фабрик или за счёт стока в пресную или морскую воду, аварийных разливов загрязняющих веществ, с бытовыми сточными водами и т. д. Список этих загрязнителей достаточно велик. Однако большое внимание уделяется самым новым из них, таким как пестициды и агрохимикаты, бактерии сточных вод, токсичные и радиоактивные элементы, масла и другие новые органические соединения, такие как ПХБ, ПАУ, диоксины и т. д. Все эти загрязнители могут проникать в пищевую сеть Арктики, что наносит серьёзный ущерб гидробионтам, начиная с придонных уровней фито- и зоопланктона и заканчивая высшими хищниками, такими как треска, белый медведь и человек. Накопление и увеличение загрязняющих веществ в водных организмах влияет на их биораз-

нообразие, численность и репродуктивность [7]. Эти загрязнители изучаются десятилетиями, и их серьёзная угроза морской и пресноводной среде хорошо изучена и доказана.

С другой стороны, загрязнение морского побережья и водной экосистемы пластиком стало серьёзной экологической проблемой в конце 1990-х гг., когда оно рассматривалось как основная угроза для водной экосистемы, и проводилось большое количество исследований его влияния на морскую среду и здоровье морских экосистем [8]. В последние годы в исследованиях загрязнения пластиком сформировалась новая «ветвь» — оценка негативного воздействия на окружающую среду так называемых микропластиков (МП) (пластиковых частиц диаметром менее 5 мм). В настоящей аналитической работе будет рассмотрено влияние пластикового загрязнения на прибрежную экосистему арктических морей.

Обсуждение

Исследования концентрации загрязнения пластиком поверхностных вод и экосистем арктического побережья

Пластиковый мусор и МП попадают в арктические моря несколькими путями. Океанические течения переносят пластик из более промышленно развитых регионов, где производство, потребление и, как следствие, загрязнение гораздо шире, в менее антропогенно освоенный и населённый арктический регион. Загрязнение пластиком из местных источников, в частности, от рыболовства, также является одной из основных причин загрязнения в Арктике. Кроме того, недавно было установлено, что атмосферный перенос является источником МП в Арктике, где он выпадает из атмосферы и накапливается как в поверхностных водах, так и в осадках [9].

Воздействие пластикового загрязнения на водные экосистемы можно приблизительно оценить по анализу частиц и фрагментов, включая МП, в пробах поверхностных вод и донных отложений. В исследовании [10] авторы утверждали, что Северный Ледовитый океан является «туником» для дрейфующего пластика. Они охарактеризовали северо-восточный атлантический сектор океана как наиболее загрязнённую МП зону с преобладанием пластикового загрязнения в Баренцевом и Гренландском морях, где сосредоточено 95% всего пластика Северного Ледовитого океана. Концентрация пластика в европейской части Арктики в северо-восточной Атлантике и Северном Ледовитом океане относительно высока и находится на том же уровне, что и в более экономически развитых южных частях Атлантического океана. Исследования, проведённые на шельфе Гренландского моря, показали высокое содержание МП в пробах воды с его присутствием практически во всех обработанных пробах. Среднее значение частиц МП в этом секторе Арктики оказалось равным $2,4 \pm 0,8$ ед./м³ [11]. В части Баренцева моря на юге и юго-западе Шпицбергена в поверхностных и подповерхностных водах (на глубине 6 м) обнаружено соответственно $0,34 \pm 0,31$ и $2,68 \pm 2,95$ ед./м³. Частицы МП обнаружены более чем в 90% исследованных образцов

[12]. В российской части бассейна Северного Ледовитого океана в Баренцевом, Белом и Карском морях средняя концентрация МП в поверхностных водах составила 0,62 (0,19–6,42) ед./м³ [13]. Концентрация МП в этих районах Северного Ледовитого океана находится на одном уровне с концентрациями МП во всем мире [14]. Тот факт, что практически во всех исследованных пробах были обнаружены частицы микропластика, свидетельствует о том, что загрязнение региона стало реальной экологической проблемой, способной повлиять на водную экосистему.

Механизм негативного воздействия микропластика на биологические ресурсы

Негативное воздействие МП на гидробионты описывается в литературе различными механизмами. Во-первых, это прямое воздействие приёма микропластика и физического повреждения организма или его нормального функционирования. В этих случаях попадание в организм МП приводит к закупорке желудочно-кишечного или респираторного тракта водных организмов, что приводит к их гибели [15]. Также были исследованы альтернативные механизмы воздействия МП. В исследовании [16] авторы обнаружили вызванное микропластиком снижение потребления пищи. Исследование, проведённое на видах бычков-бубырей обыкновенных, показало, что они потребляют больше полиэтиленовых микросфер, рассматриваемых в исследовании в качестве МП, чем реальной добычи (артемии), что может привести к снижению индивидуальной и популяционной приспособленности. Также сообщается, что хроническое воздействие МП привело к значительному снижению роста и воспроизводства видов рыб *Hyalella Azteca* [17]. Все эти эффекты могут негативно повлиять на популяцию водной экосистемы, что может привести к дефициту биоресурсов в Северном Ледовитом океане.

Другим механизмом негативного воздействия микропластика на морскую среду является сорбция загрязняющих веществ на поверхности и последующее попадание в живой организм. Недавние исследования показали способность МП накапливать стойкие органические загрязнители (СОЗ), соединения, нарушающие работу эндокринной системы, токсичные элементы, антибиотики и пестициды. В этом случае существует вероятность неблагоприятного воздействия как самого микропластика, так и загрязняющего вещества, которое им поглощается. Это может привести к различным негативным последствиям в зависимости от типа загрязняющего вещества, абсорбированного на поверхности, и его концентрации. В ряде исследований о воздействии СОЗ через микропластик сообщалось о генотоксическом и репродуктивном эффектах такого комбинированного загрязнителя [18].

Тем не менее, нет доказательств значительного воздействия МП на водные организмы и его влияния на популяцию и биоразнообразие в дикой природе. Таким образом, существует острая необходимость в проведении дополнительных исследований в этой области.

Концентрация микропластика в биоресурсах арктических морей

По-прежнему не хватает информации о количестве пластикового мусора, потребляемого или попадающего в водные организмы в Арктическом регионе. Обзорная работа, опубликованная Collard and Ask в 2021 г. [19], показала, что наряду с ограниченностью данных о содержании МП в организмах морских животных существует также нестандартизированный подход к анализу микропластика в морской среде. Этот подход находит своё отражение в существенно отличающихся методологиях сбора и обработки образцов, а также в различных пороговых значениях размеров МП, которые влияют на количество и типы микропластика, которые могут быть определены в каждом исследовании.

В рамках имеющихся данных о количестве микропластика в морской рыбе, концентрации МП в промысловых видах рыб, в основном в треске, выловленной в Северной Атлантике и Северном Ледовитом океане, частота выявления микропластика в исследованиях значительно варьирует от 0 до 100%. Средняя частота идентификации составляет около 15% [19].

Ещё одним организмом, находящимся под влиянием загрязнения арктической экосистемы МП, являются морские птицы. Самый распространённый вид птиц — северный глупыш (*Fulmarus*). Больше всего данных по анализу морских птиц на концентрацию микропластика в их организмах, опубликованных в научных журналах, сделано в Канаде и на Аляске. Данных по европейским и особенно российским арктическим морским птицам не хватает. Всего у исследованных глупышей частота встречаемости микропластика в организме составила более 40% [19].

Выводы и предложения

Отсутствие данных по анализу негативного воздействия микропластика на водную экосистему, так же как и фрагментарность исследований по концентрации МП в воде и морских организмах, а также нестандартизированные протоколы анализа и обработки проб свидетельствуют о недостаточности оценки антропогенного воздействия пластикового загрязнения на морскую экосистему Арктики. Лабораторные исследования чётко показали негативное воздействие проглатываемого пластика на морских животных и синергетический эффект от абсорбированных на его поверхности МП и СОЗ. Однако исследования в реальных условиях и расчёты для прогнозирования влияния загрязнения МП на экосистему не проводились. Это актуальная задача, которую необходимо решить для предотвращения негативных последствий и уменьшения этих воздействий на морскую среду за счёт государственного контроля и налогов.

Эти исследования не могут быть выполнены исследователями только одной научной области и должны проводиться в сотрудничестве учёных-экологов, океанологов, биологов, экономистов, политиков и т. д. Исходя из вышеперечисленных проблем, можно дать рекомендации для всех структур, которые будут или уже участвуют в этой сфере:

- для чёткого и точного расчёта загрязнения МП должны быть разработаны стандартизованные и простые в использовании и реализации на практике протоколы;
- лаборатории, участвующие в этих исследованиях, должны проводить внутрилабораторный контроль для оценки достоверности и воспроизводимости результатов, полученных по стандартизированному протоколу;
- прогнозирование мест переноса и накопления пластикового мусора должно осуществляться посредством сотрудничества учёных-экологов и океанологов для выявления «горячих точек» пластикового загрязнения в Арктике;
- необходимо провести исследования *in vitro* и *in vivo* негативных последствий проглатывания микропластика морской биотой для оценки рисков для здоровья и продукции;
- на основе результатов оценки риска необходимо рассчитать экономические последствия, вызванные загрязнением МП, для установления налогов и штрафов, связанных с производством, утилизацией и выбросом макро- и микропластика;
- необходимо реализовать программы экологического образования для граждан и компаний;
- необходимо поддерживать экологические программы «гражданской науки» как для экологического образования, так и для снижения затрат на профессиональные научные программы в части сбора проб и выявления очагов загрязнения пластиком.

References

1. Sobolev N., Aksenov A., Sorokina T. et. al. Iodine and Bromine in Fish Consumed by Indigenous Peoples of the Russian Arctic. *Scientific reports*, 2020, no. 10 (1), p. 5451. DOI: 10.1038/s41598-020-62242-1
2. Kwasek K., Thorne-Lyman A.L., Phillips M. Can Human Nutrition Be Improved Through Better Fish Feeding Practices? A review paper. *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*, 2020, no. 60 (22), pp. 3822–3835. DOI:10.1080/10408398.2019.1708698
3. Roos N., Wahab M.A., Chamnan C., Thilsted S.H. The Role of Fish in Food-Based Strategies to Combat Vitamin A and Mineral Deficiencies in Developing Countries. *The journal of Nutrition*, 2007, no. 137 (4), pp. 1106–1109. DOI:10.1093/jn/137.4.1106
4. Obiero K., Meulenbroek P., Drexler S. et. al. The Contribution of Fish to Food and Nutrition Security in Eastern Africa: Emerging Trends and Future Outlooks. *Sustainability*, 2019, no. 11 (6), p. 1636. DOI: 10.3390/su11061636
5. Troell M., Eide A., Isaksen J., Hermansen Ø., Crépin A.S. Seafood from a Changing Arctic. *Ambio*, 2017, no. 46(3), pp. 368–386. DOI: 10.1007/s13280-017-0954-2
6. Carroll M.L., Carroll J. The Arctic Seas. In: *Biogeochemistry of Marine Systems*. Blackwell Publ., 2020, pp. 127–156. DOI: 10.1201/9780367812423-5
7. Islam M.S., Tanaka M. Impacts of Pollution on Coastal and Marine Ecosystems Including Coastal and Marine Fisheries and Approach for Management: A Reviewa Synthesis. *Marine Pollution Bulletin*, 2004, no. 48 (7–8), pp. 624–649. DOI: 10.1016/j.marpolbul.2003.12.004

8. Ryan P.G. A Brief History of Marine Litter Research. In: *Marine Anthropogenic Litter*. Ed. by M. Bergmann, L. Gutow, M. Klages. Springer, Cham. 2015, pp. 1–25. DOI: 10.1007/978-3-319-16510-3_1
9. PAME. Desktop Study on Marine Litter Including Microplastics in the Arctic (May 2019), 118 p.
10. Cózar A., Martí E., Duarte C.M., García-de-Lomas J. et. al. The Arctic Ocean as a Dead End for Floating Plastics in the North Atlantic Branch of the Thermohaline Circulation. *Science advances*, 2017, no. 3 (4), e1600582.
11. Morgana S., Ghigliotti L., Estévez-Calvar N. et. al. Microplastics in the Arctic: A Case Study with Sub-Surface Water and Fish Samples off Northeast Greenland. *Environmental Pollution*, 2018, no. 242, pp. 1078–1086. DOI: 10.1016/j.envpol.2018.08.001
12. Lusher A.L., Tirelli V., O'Connor I., Officer R. Microplastics in Arctic Polar Waters: The First Reported Values of Particles in Surface and Sub-Surface Samples. *Scientific Reports*, 2015, no. 5 (1), 14947. DOI: 10.1038/srep14947
13. Tošić T.N., Vrugink M., Vesman A. Microplastics Quantification in Surface Waters of the Barents, Kara and White Seas. *Marine Pollution Bulletin*, 2020, no. 161, p. 111745. DOI: 10.1016/j.marpolbul.2020.111745
14. Halsband C., Herzke D. Plastic Litter in the European Arctic: What do We Know? *Emerging Contaminants*, 2019, no. 5, pp. 308–318. DOI: 10.1016/j.emcon.2019.11.001
15. Cole M., Lindeque P., Fileman E., Halsband C., Galloway T.S. The Impact of Polystyrene Microplastics on Feeding, Function and Fecundity in the Marine Copepod *Calanus helgolandicus*. *Environmental science & technology*, 2015, no. 49 (2), pp. 1130–1137. DOI: 10.1021/ES504525U
16. de Sá L.C., Luís L.G., Guilhermino L. Effects of Microplastics on Juveniles of the Common Goby (*Pomatoschistus microps*): Confusion with Prey, Reduction of the Predatory Performance and Efficiency, and Possible Influence of Developmental Conditions. *Environmental Pollution*, 2015, no. 196, pp. 359–362. DOI: 10.1016/j.envpol.2014.10.026
17. Au S.Y., Bruce T.F., Bridges W.C., Klaine S.J. Responses of *Hyalella azteca* to Acute and Chronic Microplastic Exposures. *Environmental toxicology and chemistry*, 2015, no. 34 (11), pp. 2564–2572. DOI: 10.1002/etc.3093
18. De Sá L.C., Oliveira M., Ribeiro F., Rocha T.L., Futter M.N. Studies of the Effects of Microplastics on Aquatic Organisms: What Do We Know and Where Should We Focus Our Efforts in the Future? *Science of the Total Environment*, 2018, no. 645, pp. 1029–1039. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2018.07.207
19. Ask A. Plastic Ingestion by Arctic Fauna: A Review. *Science of The Total Environment*, 2021, p. 147462. DOI: 10.1016/J.SCITOTENV.2021.147462

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; принята к публикации 16.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 268–276.

Научная статья

УДК: 81(985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.268

Знакомство с Арктикой и Русским Севером (опыт проведения дистанционных школ) *

Марьянчик Виктория Анатольевна¹✉, доктор филологических наук, доцент, профессор
Попова Лариса Владиславовна², доктор филологических наук, доцент

^{1, 2} Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Набережная Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

¹ marvik69@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1859-3767>

² plarisa20@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8254-8787>

Аннотация. В статье описан опыт проведения сезонных школ языка и культуры, организуемых для иностранных слушателей в Северном (Арктическом) федеральном университете. Одним из привлекающих слушателей факторов является «арктическая» составляющая в содержании программы, знакомство с природой, культурой, обычаями и современной жизнью Русского Севера. Ситуация с пандемией сделала возможным лишь дистанционный формат подобных школ. При этом решалась задача сохранения культурной специфики, реализуемой в деятельности компоненте. Описаны основные содержательные компоненты программы Школы русского языка и культуры, представляющие Русский Север: видеоязксперсии по Соловкам, Архангельску, Музею «Малые Корелы», видеоролики об Архангельске, тексты об исследовании Арктики, «северный» текст русской литературы, видеолекции и мастер-классы. Подчёркивается, что образы Арктики и Русского Севера являются концептуальным ядром содержания дистанционных сезонных школ. Анонсируется следующая дистанционная школа русского языка и культуры.

Ключевые слова: языковые школы, дистанционное обучение, региональное содержание, Арктика, Русский Север

Благодарности и финансирование

Проект реализуется победителем Конкурса на предоставление грантов преподавателям магистратуры 2020 / 2021 «Стипендиальная программа Благотворительного фонда Владимира Потанина».

Learning about the Arctic and the Russian North (Experience of Distance Schools)

Viktoriya A. Maryanchik¹✉, Dr. Sci. (Phil.), Associate Professor, Professor

Larisa V. Popova², Dr. Sci. (Phil.), Associate Professor

^{1, 2} Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

¹ marvik69@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1859-3767>

² plarisa20@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8254-8787>

* © Марьянчик В.А., Попова Л.В., 2022

Для цитирования: Марьянчик В.А., Попова Л.В. Знакомство с Арктикой и Русским Севером (опыт проведения дистанционных школ) // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 268–276. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.268

For citation: Maryanchik V.A., Popova L.V. Learning about the Arctic and the Russian North (Experience of Distance Schools). Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 268–276. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.268

Abstract. The article describes the experience of seasonal language and culture schools organized for foreign students at the Northern (Arctic) Federal University. One of the factors that attract participants is the Arctic component in the program content, acquaintance with nature, culture, customs and modern life of the Russian North. The pandemic situation made only a distance format of such schools possible. At the same time, the task of preserving the cultural specificity realized in the activity component was solved. The authors described the main content components of the program of the School of Russian Language and Culture related to the topic of the North and the Arctic: video tours of Solovki, the Museum "Malye Korely", city tours (videos about Arkhangelsk), texts about Arctic research and travelling to the Arctic, "Northern text" of Russian literature, video lectures and master classes. It is emphasized that the images of the Arctic and the Russian North are the conceptual core of the content of remote seasonal schools. The next distance school of Russian Language and Culture is announced.

Keywords: *language school, distance learning, regional content, Arctic, Russian North*

Сезонные школы как традиционная форма популяризации и продвижения русского языка активно используются многими ведущими вузами Москвы, Петербурга, Томска, Екатеринбурга, Петрозаводска, Новосибирска, Владивостока. Арктика и Русский Север в последнее время привлекают особое внимание иностранцев, проявляющих интерес к русской культуре и русскому языку. С 2013 г. кафедра русского языка и речевой культуры САФУ имени М.В. Ломоносова осуществляет академическое сопровождение сезонных школ для иностранцев, организуемых Высшей школой социально-гуманитарных наук и международной коммуникации и Управлением международного сотрудничества САФУ. В результате активной работы реализуются долголетние проекты: «Осенняя школа русского языка и культуры», «Зимняя школа русского языка и культуры», «Летняя школа русского языка и культуры».

Деятельностный подход, при котором целью обучения является не усвоение суммы знаний, а речевое саморазвитие в процессе деятельности инофона в предметном мире, является методологической базой всех языковых школ [1, Диневич И.А.; 2, Сизова Т.В., Максимовских А.Г.; 3, Снегурова Т.А.]. Основной принцип — это погружение в речевую среду, организация совместной деятельности, поэтому значительную роль играет не только «учебная», но и культурная программа проекта. Между этими составляющими невозможно было провести разделяющую границу: путешествуя по интересным местам Архангельска и Архангельской области, катаясь на катерах или на старейшем пассажирском судне — пароходе-колёснике «Н.В. Гоголь» по реке Северной Двине, посещая концерты в Поморской консерватории (Кирхе) и мастер-классы в Школе народных ремесел, устраивая поэтические дуэли и кулинарные баттлы, слушатели школ накапливали уникальный речевой опыт, а также знакомились с жизнью и обычаями северян.

Однако ситуация с коронавирусом явилась фактором, изменившим формат языковых школ. САФУ, как и многие университеты России, переключается на дистанционные проекты. За 2020–2021 гг. накоплен солидный опыт реализации проектов в таком формате: Летняя школа-2020, Осенняя школа-2020, Зимняя школа-2021, Летняя школа-2021 (руководители М.А. Мартынов, А.А. Чекалин). Оказалось, что дистанционный формат не только не отпугнул

иностранных участников, но, напротив, позволил значительно расширить географию участников школы: Польша, Германия, Аргентина, США, Норвегия, Швеция, Финляндия, Пакистан, Камерун, Индия, Марокко, Китай, Никарагуа, Япония, Австралия, Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Франция, Тунис, Бразилия, Корея, Иордания, Великобритания, Филиппины, Гати, Алжир, Бангладеш, Италия.

Технологии обучения и техническое сопровождение дистанционных проектов не вызвали особых трудностей, так как преподаватели русского языка как иностранного имеют компетенции и опыт в сфере работы с информационно-коммуникационными технологиями. Для общения использовалась платформа Teams, на которой были созданы учебные классы для каждой группы. Практические занятия и другие события (открытие, круглый стол, лекции, экскурсии) проводились в этих классах.

Основная проблема заключалась в сохранении культурной специфики, которая реализовывалась в деятельностном компоненте. Арктика и Русский Север являлись сквозным мотивом культурной программы школ, организуемых САФУ. Проектной командой было принято решение о сохранении «арктического вектора» при переходе на дистанционный формат.

В феврале 2022 г. САФУ планирует провести пятую дистанционную Школу русского языка и культуры (руководитель И.М. Зашихина). Выделим основные содержательные компоненты программы Школы русского языка и культуры, представляющие Русский Север, и пути их реализации в учебном процессе. Для Зимней школы-2022 разработаны две дополнительные общеобразовательные (общеразвивающие) программы — для разных категорий слушателей: для иностранных граждан и лиц без гражданства (инофонов и билингвов) без знания русского языка и для уже изучающих русский язык. Объём программы — 72 академических часа, длительность обучения — две недели. В каждую из программ включён тематический блок «Русский Север», а также предусмотрена возможность включения культурно маркированного материала в другие темы: «Мир вещей: что нас окружает», «Путешествия и поездки», «Праздники и традиции».

Основные формы работы, предусмотренные программой:

1. ЭксCURсии. При организации дистанционных экскурсий использовались следующие материалы: виртуальные туры по Соловкам¹, видеоэкскурсия² и виртуальный тур³ по Музею «Малые Корелы»; фото и видеопрезентации Архангельска и области: брендовые ролики

¹ По Соловкам с экскурсоводом. URL: <http://solovky.ifmo.ru/mediateka/objects-video-360> (дата обращения 20.10.2021).

² Музей деревянного зодчества «Малые Корелы». Видеоэкскурсии. URL: <https://www.korely.ru/visitors/tours/video/> (дата обращения: 20.10.2021).

³ Музей деревянного зодчества «Малые Корелы». Виртуальный тур. URL: http://vm1.culture.ru/vtour/tours/malye_korely/pano.php (дата обращения: 20.10.2021).

«Архангельск: здесь начинается Арктика»^{4,5}; фоторолик «Добро пожаловать в Архангельскую область»⁶; рекламный ролик «Открывая Север»⁷ и др.

1.1. Соловки

Видеоматериалы с официального сайта ch.itmo.ru/solovky/ (совместный проект Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника с Санкт-Петербургским национальным исследовательским университетом информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО) и Санкт-Петербургским государственным университетом) используются не только в заданиях для групп продвинутого уровня, но и при работе с лексикой начального уровня (*лето, дорога, забор, церковь, икона* и др.). Хронометраж выложенных на сайте роликов (2–3 минуты) оптимален для методической обработки и использования на занятии в качестве материала для аудирования.

1.2. Музей деревянного зодчества «Малые Корелы»

На официальном сайте Музея деревянного зодчества «Малые Корелы» в настоящее время выложены три экскурсии: по Каргопольско-Онежскому сектору; по Мезенскому сектору; по Двинскому сектору. Время каждой экскурсии — около 30 минут, поэтому в рабочую программу школы экскурсия включается как самостоятельная форма. Методическая разработка экскурсии на занятии русского языка как иностранного включает пред-, при- и послеэкскурсионные задания. Предэкскурсионные задания выполняются на занятии, предшествующем экскурсии, и предполагают знакомство со скриптом (для начального уровня), выполнение лексико-грамматических упражнений и мотивационный компонент. Обсуждение с опорой на презентации на сайте музея элементов информации, с которой предстоит познакомиться в ходе экскурсии, готовит слушателей к самостоятельному восприятию видеоматериала. Для активизации восприятия предлагается выполнить притекстовые задания. Например, составить визуальный словарь: записать на русском языке максимальное количество названий предметов быта (для продвинутой группы) или объектов природы (для начальной группы), которые слушатели увидят в ролике. Послеэкскурсионные задания представляют собой, как правило, обсуждение впечатлений, проверку понимания информации. Внимание слушателей обращается на интересные культурные детали, например, на то, что кофе в мезенских деревнях заваривали в самоварах и пили помногу.

⁴ Архангельск. Здесь начинается Арктика (ЛЕТО). URL: <https://cloud.mail.ru/public/4Evs/22jDEMccQ> (дата обращения: 20.10.2021).

⁵ Архангельск. Здесь начинается Арктика (ЗИМА). URL: <https://cloud.mail.ru/public/2Zt4/2DkNDA1ob> (дата обращения: 20.10.2021).

⁶ Архангельск – первый морской порт России. URL: <https://cloud.mail.ru/public/5N9r/4U9UZi5Ry> (дата обращения: 20.10.2021).

⁷ Открывая Север. Архангельская область. URL: <https://cloud.mail.ru/public/A4rh/Pzhkq2wqk> (дата обращения: 20.10.2021).

Рис. 1. Фрагмент видеоэкскурсии по Малым Корелам.

1.3. Архангельск

Первое знакомство с городом проходит в формате видеоэкскурсии по Архангельску, подготовленной медиацентром САФУ «Арктические мост», А. Чекалиным и А. Вдовиченко. Экскурсия проходит в синхронном режиме с использованием видео, которое выложено на платформе Teams.

Рис. 2. Видеоэкскурсию по Архангельску ведёт Анна Вдовиченко.

На практических занятиях слушатели знакомятся с тем городом, в котором проходит школа. Основной информационный и концептуальный посыл организаторов школы: Архангельск — столица Русского Севера, Архангельск — ворота в Арктику. Для визуализации обзора используются фото-, видеоматериалы, анимационные продукты. Так, эмоциональный отклик вызывает мультипликационный фильм «Архангельск от Gracheva Elena» (Анимационная студия Александра Татарского), расположенный на ресурсе Мульт-Россия⁸. Текст составлен из несложных конструкций, простое содержание пронизано патриотическим звучанием:

⁸ Мульт-Россия. Архангельск. URL: (<https://vimeo.com/133544814> дата обращения 20.10.2021).

Вот какой у нас красивый флаг. Вот какой у нас золотой герб. Столица наша — прекрасный город Москва. Об Архангельске слушатели узнают следующую информацию: это столица Поморья, это край морской, лесной, озёрный. За короткие две минуты, которые идёт фильм, рассказывается о традиционных промыслах поморов, о морской торговле с Англией во времена Ивана Грозного, о Соловках, о Ломоносове как о первом русском академике, о его родине — Холомогорах, о сказочниках Борисе Шергине и Степане Писахове.

Брендовый видеоролик «Архангельск: здесь начинается Арктика» длится пять минут. В рамках школы он используется на занятии в качестве материала для аудирования на тематическом занятии «Путешествия и поездки». Видеоролик позволяет заглянуть в музеи Архангельска: Северный морской музей, Музей художественного освоения Арктики А. Борисова, Музей «Архангельский пряник», а также ещё раз посетить Музей «Малые Корелы», увидеть город Северодвинск, остров Ягры, Белое море. Ролик является стартовой точкой для обсуждения темы путешествий. На продвинутом уровне обсуждаются экспедиции в Арктику. В качестве чтения предлагаются фрагменты дневников экспедиции Арктического плавучего университета⁹. Для методической работы выбраны тексты, которые объединяют лексику и знания об Арктике, представленные в других видеоматериалах. Например, в дневниковой записи Ирины Скалиной от 26 июня 2016 г. встречаем фрагменты: «Мы подошли к Большому Соловецкому острову и встали на рейде, причём, довольно далеко... Как и было обещано накануне, у Соловков оказалось весьма свежо. Тут, в принципе, всегда довольно сильно дует. По морю бодро бегали мелкие барашки». С одной стороны, текст актуализирует образ Соловков, с другой — позволяет показать языковой материал, интересный для слушателей, хорошо владеющих русским языком (значение глагола «ходить» в профессиональной речи моряков, дискурсивное слово «причём», безличные предложения в описании погоды «свежо», «дует», наречия степени «довольно», «весёма»). В этом же тексте встречаем и имя арктического живописца: «Марина, кстати, уточнила про иконописную мастерскую, где учился художник Александр Борисов. Ей сказали, что найдут материал, если не про известного ученика, то хотя бы про мастерскую в то время». Повтор информации, тематическая и лексическая связь всех видов речевой деятельности — методический принцип преподавания русского языка как иностранного.

В группе слушателей начального уровня речевой тренинг также выстраивается вокруг «арктической» темы. С визуальной опорой на репродукции картин первого полярного художника Александра Борисова даются ответы на вопросы: 1) Куда ездил художник? Где был художник? (Новая Земля), 2) Что / кого увидел на Новой Земле художник? (лёд / льды, море, тюлень, белый медведь).

⁹ САФУ. Арктический плавучий университет. Дневники экспедиции 2016. URL: https://narfu.ru/science/expeditions/floating_university/2016/dnevnniki-ekspeidsii/?ELEMENT_ID=317096 (дата обращения 20.10.2021).

2. Лекции

По традиции в программу сезонных школ включается лекция по культуре Русского Севера. Для дистанционного формата была выбрана лекция, предоставленная Гуманитарным институтом филиала САФУ в г. Северодвинске. Лектор — кандидат филологических наук Татьяна Васильевна Швецова, тема лекции — «Полотняный фольклор Русского Севера». Речь идёт о рушниках и северной вышивке. В кабинете-музее Гуманитарного института представлены семь рушников, которые привезены из полевых экспедиций в Пинежский район Архангельской области. Слушатели узнают о том, что различаются виды рушников (пасхальные, свадебные, дружные и др.), почему нельзя вышивать рушник ночью и вставлять в середину кружева, сколько раз должен в идеале повторяться один рапорт узора на рушнике, почему нельзя вышивать кукушек и соловьев и много интересной информации об этом предмете народной культуры.

Рис. 3. Лекцию читает Татьяна Швецова.

3. Литературные гостиные, знакомство с творчеством северных писателей

На практических занятиях проходит знакомство с феноменом литературного искусства — Северным текстом, место которого в системе сложившихся в отечественной словесности локальных (городских и региональных) сверхтекстов впервые определила профессор Е.Ш. Галимова. «Погружение в северный контекст через слово — затейливую быль и небыль сказок Степана Писахова, музыку поэзии Николая Рубцова и др. — это и технология, и процесс, и результат школ русского языка» [4, Марьянчик В.А., Шестакова Т.Э., с. 118]. Методические разработки для слушателей сезонных школ собраны в пособии «Русский Север: пособие по чтению для иностранцев, изучающих русский язык» [5, Марьянчик В.А., Коростенко Е.Н., Онегина А.С.].

4. Мастер-классы.

Слушателям дистанционных школ интересны не только искусство, достопримечательности Русского Севера и его традиционная культура, но и реальная жизнь современных людей. В программу включён кулинарный мастер-класс в стрим-формате, который прово-

дится не в съёмочном павильоне, а на реальной кухне, не профессиональными поварами, а обычными людьми. В Летней школе-2021 был проведён мастер-класс по выпечке блинов. Перед эфиром слушателям был предложен список ингредиентов, необходимых для совместного приготовления блюда. Живое общение участников и совместное действие позволили иностранцам не только попробовать по-настоящему русские блины, но и узнать, чем они отличаются от своих «братьев» в мире, когда нужно говорить «первый блин комом», как правильно произносить прекрасное русское слово «чуть-чуть» и многое другое.

Рис. 4. Мастер-класс по приготовлению блинов ведёт Полина Чекалина.

Образы Арктики и Русского Севера являются концептуальным ядром содержания дистанционных языковых школ русского языка и культуры, проводимых САФУ имени М.В. Ломоносова. С арктической, северной тематикой соотносится компетентностное содержание онлайн-занятий. В создании контента и проведении занятий активно участвуют магистранты кафедры русского языка и речевой культуры. Дистанционные школы стали площадкой для апробации в рамках магистерских программ курса «Технологии дистанционного обучения русскому языку как иностранному»¹⁰. Практика проведения дистанционных школ 2020–2021 гг. позволила накопить организационный и академический опыт, а также презентационный учебный материал для успешной реализации подобных проектов. Зимняя школа, анонсированная на 21 февраля — 5 марта 2022 г., продолжит сохранять «арктический вектор» языковых школ для своих слушателей и знакомить иностранцев с Арктикой и Русским Севером.

Список источников

1. Диневич И.А. Интенсивное обучение русскому языку как иностранному в формате летней языковой школы: из опыта работы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 9–2. С. 10–15. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.09-2.06

¹⁰ Проект реализуется победителем Конкурса на предоставление грантов преподавателям магистратуры 2020 / 2021 «Стипендиальная программа Благотворительного фонда Владимира Потанина».

2. Сизова Т.В., Максимовских А.Г. Технология обучения русскому языку как иностранному в языковых школах // Kant. 2018. № 3 (28). С. 86–91.
3. Снегурова Т.А., Виктор О.М. Летняя языковая школа: проблемы и перспективы // Актуальные научные исследования в современном мире. 2016. № 10–6 (18). С. 142–146.
4. Марьинчик В.А., Шестакова Т.Э. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова: Филология в арктических координатах // Мир русского слова. 2021. № 1. С. 110–120. DOI: 10.24411/1811-1629-2021-1-110-120
5. Марьинчик В.А., Коростенко Е.Н., Онегина А.С. Русский Север: пособие по чтению для иностранцев, изучающих русский язык. Архангельск: САФУ, 2018. 120 с.

References

1. Dinevich I.A. Intensivnoe obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu v formate letney yazykovoy shkoly: iz opyta raboty [Intensive Training in Russian as a Foreign Language in the Format of a Summer Language School: From Work Experience]. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series of Humanities], 2020, no. 9–2, pp. 10–15.
2. Sizova T.V., Maksimovskikh A.G. Tekhnologiya obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v yazykovykh shkolakh [Technology of Teaching of Russian as a Foreign Language at Language Schools]. Kant, 2018, no. 3 (28), pp. 86–91.
3. Snegurova T.A., Viktor O.M. Letnaya yazykovaya shkola: problemy i perspektivy [Summer Language School: Problems and Perspectives]. Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire [Actual Scientific Research in the Modern World], 2016, no. 10–6 (18), pp. 142–146.
4. Maryanchik V.A., Shestakova T.E. Severnyy (Arkticheskiy) federal'nyy universitet imeni M.V. Lomonosova: Filologiya v arkticheskikh koordinatakh [Northern (Arctic) Federal University Named after M.V. Lomonosov: Philology in the Arctic Coordinates]. Mir russkogo slova [The World of Russian Word], 2021, no. 1, pp. 110–120. DOI: 10.24411/1811-1629-2021-1-110-120
5. Maryanchik V.A., Korostenko E.N., Onegina A.S. Russkiy Sever: posobie po chteniyu dlya inostrantsev, izuchayushchikh russkiy yazyk [Russian North: Reading Guide for Foreigners Studying Russian]. Arkhangelsk, NArFU Publ., 2018, 120 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.10.2021;
принята к публикации 15.11.2021.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 277–289.

Оригинальная статья

УДК 811.161.1(985)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.277

Следы русского языка в Арктике *

Матросова Ольга Павловна¹, кандидат философских наук, старший преподаватель

Попова Ольга Андреева²✉, кандидат исторических наук, доцент

Мастерских Светлана Валерьевна³, кандидат филологических наук, доцент

^{1, 2, 3} Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия

¹ o.p.matrosova@utmn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8341-6233>

² popovauni@rambler.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2501-763X>

³ svmaster_tumen@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7581-3845>

Аннотация. Данная статья посвящена теме Арктики как территории существования древней развитой цивилизации; территории, подарившей миру русский язык, который в дальнейшем получил распространение по всему миру; территории, на которой сохранились археологические и антропологические артефакты, позволяющие говорить о первичности арийского (русского) народа, а, следовательно, о первичности древнего языка ариев. Авторы статьи приводят примеры раскопок, названия топонимов, гидронимов, орнаменты на одежде, сосудах, предметах быта, доказывающих жизнь людей на русском Севере за много тысяч лет до Шумерской, Персидской, Индийской, Египетской, Китайской цивилизаций; представляют мнение ученых-исследователей из разных стран мира; пытаются найти «следы» русского языка в других языках мира. Авторы статьи провели сравнительный анализ и наглядно продемонстрировали взаимосвязь между несколькими языками на примере некоторых слов, представили информацию о русской буквице и показали её связь с английскими знаками транскрипции. Выдвинутая гипотеза о первичности русского языка основана на утверждениях отечественных и зарубежных лингвистов, диалектологов, этнографов, историков, славистов, санскритологов, палеонтологов, палеоклиматологов, почвоведов, других исследователей и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Арии, индоевропейская цивилизация, арктическая родина, буквица, первичность русского языка

Traces of the Russian language in the Arctic

Olga P. Matrosova¹, Cand. Sci. (Phil.), Senior Lecturer

Olga A. Popova²✉, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

Svetlana V. Masterskikh³, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor

^{1, 2, 3} Tyumen State University, ul. Volodarskogo, 6, Tyumen, 625003, Russia

¹ o.p.matrosova@utmn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8341-6233>

² popovauni@rambler.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2501-763X>

³ svmaster_tumen@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7581-3845>

Abstract. This article is devoted to the Arctic as the territory of an ancient developed civilization existence; the territory that gave the world the Russian language, which later spread throughout the world; the terri-

* © Матросова О.П., Попова О.А., Мастерских С.В., 2022

Для цитирования: Матросова О.П., Попова О.А., Мастерских С.В. Следы русского языка в Арктике // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 277–289. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.277

For citation: Matrosova O.P., Popova O.A., Masterskikh S.V. Traces of the Russian Language in the Arctic. Arktika i Sever [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 277–289. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.277

tory where archaeological and anthropological artifacts have been preserved, allowing us to speak about the primacy of the Aryan (Russian) people, and, consequently, about the primacy of the ancient language of the Aryans. The authors of the article give the examples of excavations, the names of toponyms, hydronyms, ornaments on clothes, vessels, household items, proving the life of people in the Russian North many thousands of years before the Sumerian, Persian, Indian, Egyptian, Chinese civilizations; represent the opinion of scientists from around the world; try to find "traces" of the Russian language in other languages of the world. The authors of the article made a comparative analysis and demonstrated the interconnection of several languages on the example of some words, presented information on the Russian alphabet and showed its connection to the English signs of transcription. The hypothesis about the primacy of the Russian language is based on the statements of well-known domestic and foreign linguists, dialectologists, ethnographers, historians, slavists, sanskritologists, paleontologists, paleoclimatologists, soil scientists, and other researchers and requires further study.

Keywords: Aryans, Indo-European civilization, Arctic homeland, initial letter, primacy of the Russian language

Введение. Арктика — родина населения Земли: исследования учёных

О неподдельном интересе к территории Арктики говорят многие учёные. В частности, известный географ-исследователь В.Н. Калуцков утверждает, что данный регион выступает в качестве одного из важнейших культурно-символических центров страны: «Важно развивать и изучение историко-культурных зон, используя данные лингвистики параллельно данным геологии и географии, относящимся к разным историческим эпохам» [1, с. 43], а также добавляет, что в последние десятилетия массовый неослабевающий научный и человеческий интерес к Русскому Северу принял масштабы научного паломничества.

Заслуживает особого интереса тема зарождения и распространения индоевропейской (арийской) цивилизации, раскрывая которую многие учёные и исследователи доказывали гипотезу о том, что арии жили на территории современной Арктики не один десяток тысячелетий, а в III — II веках до н.э., в результате природных либо иного рода катаклизмов, перешли на территорию Ирана и Индостана и перенесли с собой свои обряды и обычаи. Представители разных народов, в числе которых Б.Г. Тилак, Р. Санкритьяна, А.В. Быков, А.Г. Виноградов, О.Н. Трубачев, Н.Р. Гусева и многие другие ещё в конце XIX — начале XX вв. сумели проанализировать этнические корни славян, выдвинув теорию об индоарийской общности.

Палеонтологи, почвоведы, палеоклиматологи пришли к выводу, что расселение человеческих коллективов происходило в период «Микулинского» межледниковых, характеризующийся теплым климатом (130 тысяч — 70 тысяч лет назад), когда нынешние арктические районы не были тундрой, а представляли собой смешанные еловые, бересковые леса с включением дуба и вяза. Примерно с 44 тысячелетия до 24 тысячелетия существовали очень теплые климатические условия, период «Молого-Шекспинского» межледниковых, а позднее — примерно 20–13 тысяч лет назад начался этап резкого похолода.

Исследователи отмечают, что: «На северо-востоке Европы, куда входят огромные пространства Поволжья и Приуралья, за последние годы найдены выдающиеся памятники ранней поры палеолита, и уже наметился перелом в сторону усиления работы по их изучению. Следует особо подчеркнуть: с юга на север Русской равнины в пору сложения и развития верхнего палеолита продвигались не бродячие охотники-помады, но племена, ведущие оседлый образ жизни, строившие долговременные жилища различных типов, ведущие сложную домашнехозяйственную деятельность, основанную на охоте и собирательстве. Охота на стада лошадей и северных оленей требовала совершенствования метательного оружия и, вероятно, привела уже в столь раннее время к изобретению лука и стрел. В этот же период складывается и развивается духовная культура» [2, Величко А.А., Герасимов И.П., с. 30].

Жан Сильвен Байи, французский философ и астроном, в конце XVIII в. в «Письмах к Вольтеру» соглашается с мнением Плутарха о земле, населённой прародителями греков: «где Солнце в летний месяц лишь час скрыто за горизонтом и сию столь короткую ночь освещают сумерки» [3, Байи Ж.], и уточняет, что родина египтян именно там.

Уильям Ф. Уоррен, ректор Бостонского университета, продолжатель взглядов Байи, в конце XIX в. издал «Найденный рай на Северном полюсе», где также доказывал идею о том, что прародиной всех людей является территория в области Северного полюса и Заполярья. Ученый делает вывод о коллективной памяти каждого народа, которая содержит в себе поразительно похожие или совпадающие образы; рисует картину года, состоящую из единого долгого дня и единой долгой ночи, включающую в себя «небесную гору», по которой могут взобраться только боги или просветленные души. В эту благодать должны стремиться все живущие [4, Уоррен У.]. Таким образом, он хочет сказать о духовном начале, о том, что каждый человек должен трудиться в области своей духовности, обогащении себя в духовном плане.

Исследовав мифы разных народов, У. Уоррен сделал успешную попытку доказать, что санскрит намного старше трех тысяч лет, в противовес современным ученым, а история Руси отнюдь не «тысячелетняя», а имеет многие тысячелетия своего развития. И самое интересное доказательство — рай, описанный в разных мифах и легендах народов мира, находится в Приполярье и на Северном полюсе. А если внимательно рассмотреть карту Меркатора 1595 года, то вполне можно найти соответствие, касающееся местонахождения Гипербореи и тех главных четырех рек, которые питают воды Земли.

В начале XX в. биолог-исследователь Евгений Елаич подверг сомнению официальные версии культурно-исторического развития народов, проживавших на территории современной Арктики. Проведенный им анализ священных книг позволил ему сделать вывод о том, что древние арии по воле богов и в поисках новой земли продвигались с севера на юг.

Бал Гангадхар Тилак (1856–1920) доказал, что на территории нынешней Арктики — на шельфах вплоть до Северного полюса жили предки всех народов, определяемых учеными как индоевропейцы, в том числе, предки славян и ариев. Его книга «Арктическая родина в Ведах» вышла в 1903 г. и сразу стала сенсацией, но в России она появилась только через сто лет. В ней Тилак проанализировал индийские памятники древней литературы, коны мироздания: легенды, мифы, гимны Вед (Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Атхарваведа) и сделал удивительный вывод о том, что все эти источники описывают северную арктическую природу, а авторами гимнов являются жрецы-брахманы из среды арьев (ариев), живших на землях Заполярья до оледенения в XII тысячелетии до н.э. Поэма «Махабхарата», которую ученые также относят к Ведам, описывает историю современного человечества, равную двенадцати тысячелетиям.

Специалисты в области гляциологии (науки о ледниках) подтверждают наличие двух больших этапов оледенения, уточняя при этом, что первое состоялось в промежутке времени от 60 до 25 тысяч лет до н.э., второе — 18 тысяч лет до н. э. В промежутках потепление вызывало некоторое подтопление и опускание границ материка. Тилак не только изобразил эпоху «арктической родины» во времена последнего межледникового, представив историю современного человечества за двенадцатитысячелетний период, — он сумел доказать, что Веды древнее той даты, на которую ссылается большинство исследователей: не II тыс. до н.э., а, как минимум, VIII тысячелетие до н.э., а позже нашлись свидетельства двенадцати тысячелетий до н.э.

Описание Тилаком событий той поры в Арктике представляется нам катаклизмом на Северном полюсе, разделением людей на два лагеря, так как боги и герои одних стали считаться врагами для других, передвижением людей в сторону Индии: одних — индоариев — по Восточноевропейской долине, а других — ираноариев — по Западной Сибири, через Аркаим. Движение это длилось тысячелетиями, так как люди вели оседлый образ жизни и подолгу жили в своих поселениях. Окружавшую их местность, реки, озера люди называли привычными для них именами богов и героев. Получилось, что в «Махабхарате» Ямуна — это приток Гонги (Волги), не случайно притоки Оки носят названия Ям, Ямина, Има, Ильев. Известно и описано более двухсот священных рек и озер в стране Бхарате (России), которые сохранили свои названия с 3150 года до н.э. до наших дней (В «Махабхарате» — Акша, в бассейне Оки сейчас — Акша; Апаса — Апака; Асита — Асата; Вадава — Вад; Ванша — Ванша и т.д.). Оставшиеся на своей территории арии продолжали говорить на своем древнейшем языке, и оказывали влияние на другие европейские языки, так как другие народы, такие как англы, саксы, юты и другие прибыли на эту территорию намного позже. Здесь необходимо сослаться на мнение ученых о том, что во времена межледникового терриория Британии и Скандинавии лежала под толстым слоем льда, поэтому говорить о том, кто первым появился на территории современной России, не

приходится. Впоследствии эта группа ариев и представляла собой германо-балто-славяно-индо-ирано-армяно-греческую общность.

Последователем идеи Тилака стал еще один представитель индийского народа Рахул Санкритьяна, который также придерживался «арктической» теории. Он первым ввел понятие «инdosлавы», говорил о кровном родстве индийцев с предками славян. Его многолетний опыт преподавания индийских языков в Ленинградском университете позволил ему сделать вывод о сходстве санскрита и русского языка, но, по его мнению, в еще более совершенном виде тот старый русский язык, имеющий еще больше сходства с санскритом, сохранился в деревнях северных районов России. А поскольку «следов» индийцев на Севере России не замечено, он утверждал об изначальности русского языка по отношению к санскриту.

Археологические и антропологические находки

В настоящее время существует достаточное количество артефактов, имеющих следы деятельности высокоразвитой цивилизации на территории России: возьмем, к примеру, объемную рельефную карту Западной Сибири, выполненную из камня, возраст которой составляет сто двадцать тысяч лет, надписи на ней выполнены славяно-арийскими рунами. Другой пример древности нашей цивилизации — тисульская находка в Кемеровской области в 1969 г., — найденное тело молодой женщины без признаков разложения, учёные определили её стопроцентную идентичность с современным русским человеком, но не смогли определить технологии, по которым соткана её одежда, так как её возраст превышает сто тысяч лет. Учёным известны стоянки древних поселений: Сунгирь под Владимиром, Сухая Мечетка под Волгоградом, Бетово и Хотылево в Брянской области, Мамонтова Курья и Бызовая на реке Уса — притоке Печоры, несколько древних поселений на реке Индигирка, археологические и антропологические находки которых позволяют взглянуть на историю развития человечества по-иному.

Советский и российский лингвист и филолог Топоров В.Н. утверждал, что при изучении развития человечества очень важна роль историков. «Необходимо в каждом историческом описании вычленить (или реконструировать) «то, что было» и то, что внесено описывающим ситуацию. Навязывание чужеродной традиции того, чего в ней не было, или того, что было неактуально, или того, что интерпретировалось в ней иначе — обычный грех исторических описаний [5, Топоров В.Н.]».

Влияние заимствований, сходство и различие в языках

Учёные признают, что Британия была завоевана Римской империей в начале нашей эры, но тогда в английском языке того времени должно быть много латинских заимствований. Однако этого не наблюдается. Литературные письменные источники, напи-

санные католическими монахами на латинском языке, относят к 13–14 векам нашей эры, тогда и произошло заимствование латинских слов английским языком. Что касается влияния кельтского языка, то ученые дают отрицательный ответ ввиду малочисленности кельтских слов в английском языке. Известно, что кельты пришли в Европу со стороны Пиренейского полуострова четыре — три тысячи лет назад, вытеснили ариев и заселили Европу и Британские острова. Таким образом, можно сделать вывод о том, что основой для английского языка был русский язык.

Необходимо заметить, что французский лингвист А. Мейе в начале XX в. определил славянские языки как древнейшие: «Большинство славянских наречий сохраняет необыкновенно архаичный вид», а санскрит «представляет индоевропейскую фонетику и морфологию». В своей книге «Общеславянский язык» он пытался доказать, что древнеславянский язык был одним из самых древних в общеиндоевропейской семье [6, Мейе А.]. Учёный был уверен, что славянские языки представляли собой продолжение единого наречия, которое является «одним из диалектов общеиндоевропейского языка», и наглядно показывает связь языков в своем сравнительном анализе. Рассмотрим несколько примеров Мейе: русский язык: братья; старославянский: братья; санскрит: бхратри / бхратар (брать); болгарский: bratja; македонский: brak'a; сербский: брања; словенский: bratja; чешский: bratri. Русский язык: вдова; санскрит: vidhava; древнепрусский: widdewu; готский: widuwo; латынь: vidua; совр. англ. widow. Русский язык: день; санскрит: dina; болгарский, македонский: ден; польский: dzien; чешский: den; сербский: дан; словенский: dan [7, Мейе А., с. 92–100].

Известный ученый-славист А.И. Соболевский, совершивший ряд открытий в области славистики, этимологии, диалектологии, палеографии в конце XIX — начале XX в., представивший свою точку зрения на историко-культурные события, также предполагал, что на огромных просторах европейской России, вплоть до северных областей, господствуют названия, в основе которых лежит индоевропейский язык, который он называл «скифским» [8, Соболевский А.И.].

Известный советский и российский индолог, историк, этнограф, санскритолог, переводчик индийского эпоса, автор 150 книг об Индии Наталья Романовна Гусева закрепила доказательства арктической теории прародителей человечества, создала словарь русско-санскритских сходствений. Сравнивая топонимы, гидронимы, орнаменты на одежде, сосудах северных российских и индийских народов, приводит неопровергимые доказательства ментального и духовного влияния ариев на индоевропейцев. К ярким примерам можно отнести обычай индийцев писать брачные договоры на бересте. Хотя все знают, что береза — символ России, а в Индии береза встречается очень редко, да и та растет лишь высоко в горах. В Индии до сих пор сохраняется культовое отношение к Полярной звезде — Дхруве. Новобрачные по традиции совершают обряд поклонения Дхруве. Особо

бое внимание ученый уделяет описанию свастики как символу добра, счастья, оберегающему от зла. По её мнению, при сравнении русского языка и санскрита можно обнаружить многотысячелетнюю традицию давать новые определения членам родственных союзов: «твой» — «тва»; «свой» — «сва», а отсюда сваха, сватья, сват, сватья, свекр, свекровь, свояк, свояченица, которые имеют похожее звучание в санскрите.

В индоевропейских языках сохранились некоторые близкие к санскриту древние термины родства, явно видна связь языков: матри (санскрит), мать (рус.), mother (англ.), Mutter (немец.); суну — сын — son — Sohn; братри — брат — brother — Bruder. Также похожи слова из повседневной речи: капала (санскрит) — кепка (русский) — cap (английский); снеха — снег — snow; три — три — three; нагна — нагой — naked; бху — быть — be; ад — есть/поедать — eat/ate. Ее переводы Ригведы также подтверждают описание природных северных явлений, где говорится о каких-то долгих сутках мрака, а затем о сутках незаходящего солнца (конечно же, речь идет о полярной ночи и полярном дне); указывается на сверкание горы Меру (описание северного сияния на Северном полюсе); описываются белые ночи. Наталья Романовна, также как Российский академик Б.А. Рыбаков, призывала «нырять в архаику», искать там истоки современности, изучать древние артефакты, так как они хранят истину в отличие от современных постоянно изменяющихся постулатов.

Мнения учёных о первичности русского языка

Выдающийся русский этнолог, профессор, искусствовед, наиболее известный российский специалист по истории и культуре русского Севера Светлана Васильевна Жарникова (1945–2015) говорила о первичности русского языка, она сумела доказать, что многие слова старорусского языка встречаются в священном языке — санскрите [9, Жарникова С.В.].

Учёная исследовала народные орнаменты северных русов и жителей Ирана, Тибета, Индии и подтвердила их общую основу. Ее научные картотеки, хранящиеся в Вологодском музее-заповеднике и других музеях, содержат нетрадиционные материалы из самых разных исторических дисциплин. С.В. Жарникова, продолжая изыскания Гусевой Н.Р., утверждала, что многие названия топонимов, гидронимов имеют не финно-угорское происхождение, а родственны названиям в санскрите и легко переводятся с санскрита. Исследователь очень легко объясняет названия поселений, рек, озер северных территорий нашей страны, используя, в том числе, информацию из сборников, описывающих населенные места Вологодской губернии, созданные офицерами Генштаба императорской России в середине XIX в. Светлана Васильевна, как и другие ученые-исследователи, доказывает, что финно-угорская трактовка топонимов и гидронимов, принятая в нашей стране до сегодняшнего дня, не имеет под собой основания, перевод названий рек, озер, мест-

ности с финно-угорских языков ни о чем не говорит, а, напротив, арья-славянские названия, упоминаемые в Ригведе и Авесте, очень легко переводятся и объясняются. Как один из примеров можно привести название реки Пинега. Финно-угорская трактовка дает перевод «маленькая». Риторический вопрос — можно ли назвать маленькой реку длиной 800 км и достигающей 2 км в разливе? А вот перевод ссанскрита означает «красно-бурая», и, действительно, река течёт в красно-бурых песках. В своей книге «Древние тайны русского Севера» Светлана Жарникова провела сравнительный анализ старых названий российских рек Архангельской и Вологодской областей и их соответствий в санскрите. Давайте рассмотрим несколько примеров: р. Сумера в Архангельском уезде — на санскрите: сумеру, шумеру — мифическая гора богов, сумеру-джа — река, порожденная этой горой; р. Кубала в Вельском уезде — санс.: кубала — лес; р. Кама — приток Волги — санс.: кам — вода, счастье; р. Лала в Устюжском районе — санс.: лал — быть вольным; р. Сара в Белоозерском уезде — санс.: сара — вода; р. Сарга — сарга — поток. И это далеко не полный список удивительных соответствий.

К тому же, если финно-угорские народы так влияли на развитие наших предков, то почему мы не наблюдаем общих черт, схожести в архитектуре, строительстве домов, обрядах, народном творчестве, диете, орнаментальных кодах финно-угров и русских? Орнаментально-знаковая система северных русских народов, проживающих, в том числе, на Кольском полуострове, в Восточной Европе, куда они мигрировали, очень схожа с индийскими орнаментами, но имеет мало общего с финно-угорскими, видимо, в силу того что с носителями финно-угорских языков носители русского языка начали общаться намного позже — не ранее первого тысячелетия до нашей эры.

Другой пример: традиционная индийская хронология начинает отсчёт самого плохого времени — Калиюги с битвы в 3102 г. до н.э. на Курукшете (Курское поле). Это событие описано в эпосе «Махабхарата». Но в то время людей, говоривших на санскрите и других языках, на полуострове Индостан ещё не было. Они пришли туда значительно позже. Возникает вопрос, — где же тогда они воевали пять тысячелетий назад? Ответ находим у Тилака, который описывает жизнь предков индоиранцев около Полярного круга, показывая, как замерзло Молочное (Белое) море, над ним сверкали блиставицы (северное сияние), а вокруг Полярной звезды кружились созвездия, весной таяли снега, а летнее солнце было незаходящим.

После открытия северной культуры Гипербореи и уточнения датировки несколькими десятками тысячелетий культуры воронежских Костёнок исследователь Жарникова своими очень смелыми утверждениями еще в 1988 г., которые профессор Чудинов В.А., поддерживающий данную точку зрения, назвал неслыханным научным хулиганством, заставила современных учёных взглянуть на развитие цивилизации на Руси по-иному. Светлана Васильевна очень подробно описывает быт ариев: огромные дома с несколькими

очагами, двускатными крышами, зерновые ямы; доказывает тот факт, что арии собирали дикие зерновые и выращивали рожь, пшеницу, овес, ячмень, лён, горох, а также обрабатывали зерновые — найдены кремниевые и кварцевые плиты, на которых растиралось зерно; приводит примеры одинаковых орнаментов, используемых в вышивках на Севере России и Индии. Говоря населения в деревнях Архангельской и Вологодской областей схож со священным языком жрецов древней Индии: «гаять», убирать, хорошо обрабатывать, на санскрите «гайя» — дом, хозяйство; «карта» — вытканный узор на половике, «карт» — прядь, отсекать. Отдельная тема — это связь обрядовых песен, мифологических сказаний на Севере России, европейских стран и Индии.

Особенно удивляют своей зозвучностью русско-индийские гидронимы со времен Гипербореи. Корень «инд», посвященный верховному богу в индийской мифологии, можно найти в огромном количестве названий рек, озер, поселений: в соседней с нами Свердловской области есть озеро Большая Индра; в Ямalo-Ненецком автономном округе — р. Индигирка; Инда, Индик — в Кировской области; оз. Индеево — в Псковской, Индычий — в Воронежской области. Не менее популярен корень «нар», означающий древнеарийское божество, повелевающее водной стихией: р. Нара и г. Нарофонинск в Подмосковье; р. Нарва в Прибалтике; р. Нарев — приток Вислы; оз. Нарочь в Белоруссии; р. Нарын в Киргизии; г. Нарвик в Норвегии; Нарын в Приобье; г. Нарьян-Мар на Печере; г. Норильск.

В «Махабхарате», Ригведе, Авесте жителей Бхараты называют «раса», «расеяне», «руса». На санскрите Руза — «светлая». Все эти примеры подтверждают тесную связь между русским языком и санскритом.

К сожалению, русские люди — наши современники, не всегда правильно понимают смысл различных названий, а ответы можно найти в древнеиндийском языке. Яркий пример — праздник Купала. У многих Купала ассоциируется с купанием, на самом деле В. Даль дает этому слову определение «купа», «костер», а купальница — это костер в поле. В белорусском языке «купали» — это сноп соломы, привязываемый наверху купальского костра, что связано с огнем, а не с водой. В Индии точно также дни солнцеворотов и солнцестояний отмечаются обрядами разжигания огня, «куп» в санскрите означает «светить», «сиять».

Очень убедителен в своих доказательствах прарусских корней в английском языке наш современник Борис Новицкий. В своей книге «Когда Британия не знала английского», выпущенной в свет в 2019 г., приводится огромное количество примеров, подтверждающих идеи вышеназванных авторов. В русском языке люли — убаюкивать; в санскрите — *lolati* (двигать туда-сюда); в средне голландском — *lollen* (лопотать); в средне шведском — *lulla* (напевать колыбельную); в немецком — *lullen* (укачивать); в современном английском — *lull* (баюкать, убаюкивать), *lullaby* (колыбельная); в староанглийском — *lullen* (успокаивать, убаюкивать). Становится очевидным тот факт, что матери наших предков не

могли заимствовать это слово у англичан. Возьмем другой пример: русское слово «вякать», означающее «говорить», «мямлить», «болтать»; санскрит — *vakti* (говорить); персидский — *vac* (говорить); латынь — *vocare* (звать), *vox* (голос, язык); древнепрусский — *wackis* (кричать); в староанглийском от корня «вяк» в английский язык перешло не меньше двадцати слов, такие как *voice* (голос), *vocabulary* (словарный запас), *vocal* (голосовой), *vocative* (звательный падеж), *advocate* (адвокат) и другие. Русское слово «беременеть» стало основой для английского «*bear*», в санскрите — *bharati*, в древнеанглийском — *beran*. «Дремать» очень похоже на английское «*dream*»; «гони, гнать, идти» — «*go*»; «толковать» — «*talk*». И кто бы мог подумать, что русское «Азъ есмъ» это «I am» в современном английском языке [10, Новицкий Б.Б.].

При ознакомлении с русской буквицей у специалистов, имеющих дело с английским языком, возникает резонный вопрос о причинах сходства некоторых букв и транскрипционных значков. В настоящее время различными учеными ведутся споры о первичности того или иного языка. Чаще всего встречается заключение о том, что невозможно указать на первичность какого-либо языка. Наряду с древнейшими языками, такими, как иврит, персидский, шумерский, аккадский, греческий, китайский, тамильский, хотелось бы обратить особое внимание на санскрит, который, по мнению многих исследователей, произошел из русского языка.

В данной статье приводится гипотеза о том, что современный русский язык был прародителем многих языков, в частности, английского языка. Считаем, что большую часть доказательств по данной теме мы уже привели, попробуем разобраться с еще несколькими примерами.

Общепринятым фактом в области истории является то, что в древнерусском государстве письменность появилась в XI в. на основе византийской системы письма, а Кирилла и Мефодия называют авторами старославянской азбуки. Так ли это на самом деле?

Несомненно, современный русский язык является урезанной версией буквицы, которую сокращали в объеме в течение более тысячи лет, начиная с Кирилла и Мефодия, и заканчивая реформой русского правописания в 1918 г.: Кирилл и Мефодий убрали пять букв, еще одну букву убрал Ярослав Мудрый, Петр I — еще девять букв, Николай II также принял участие в сокращении, А.В. Луначарский — четыре буквы убрал, добавив две — й, ё, при этом уничтожил образы (например, Б-боги — множество богов, божественное, превосходящее, другой пример — расшифровка имени Андрей: А — бог; Н — известный нашим предкам; Д — развивает; Р — энергию; Е — пяти элементов жизни; Й — истинной, — речь стала безОБРАЗНОЙ), ввел фонемы, при этом азбука стала алфавитом. В результате из сорока девяти значков буквицы осталось тридцать три. Одной из версий сокращения буквицы является стремление увеличить скорость передаваемой информации.

Большое уважение вызывает распространение информации о древнеславянской буквице, например, телеканал «Славянский мир», где ведущий Андрей Ивашко говорит о буквице как о древнейшем сокровище славянского народа, сравнивает ее с организмом. Каждая буквица несет в себе образ, влияющий на духовное развитие человека. Рассмотрим, что обозначают буквицы, которые ряд специалистов называют ненужными, и поэтому выброшенными.

В образ буквицы Фита заключено умение слияния с миром природы в единое целое. Образ буквицы Ижа хранит знание о временных стихиях и умение работать с течением времени. Знакомство именно с этими буквами позволило нам сделать вывод о том, что они «перешли» в транскрипцию английского языка, не зря в английском языке на 26 букв приходится 44 звука. Возможно, англичане позаимствовали и другие русские буквицы, например: s (дз — зело), z (з — земля), i (и ровное; и полукраткая), h (гэ, ха — гервь), k (к — како), n (н — наш), o (о долгое), t (тэ), u (у), w (ом, от), v (й, у, ю, и, в, н — ижица).

Эффектом погружения в буквицу может стать осознание того, что время теряет свое обычное течение. Человек, который владеет умением расшифровывать буквицу, воспринимает природу как живой организм, ему легче понимать окружающих его людей. До нас дошли русские сказки, хоть и искажённые в какой-то мере, описывающие миропонимание, мироздание, несущие в себе сакральность, воспитывающие духовность. В сказках пряталась реальность мира, отношение к изданию сказок было настолько серьезным, что существовала необходимость особого разрешения со стороны монаршей особы. Например, русская сказка «Колобок». Мы с детства привыкли считать, что эта сказка о хитрой лисе, о том, что не надо быть доверчивым. Нет, эта сказка учила детей понимать окружающий мир, это рассказ о том, что происходит с луной: полнолуние, затем каждое животное понемногу «откусывало» — луна постепенно превращалась в тонкий месяц. Таким образом, сказки были не способом развлечения, а способом развития ребенка, его духовного мира.

Заключение

В заключение необходимо сделать вывод о том, что мир палеолитического человека был гораздо сложнее и духовно богаче, чем мы представляли себе это ранее, свидетельствует об этом и крайне развитая обработка бивней мамонта и изготовление из них копья, украшений в захоронениях Сунгири, музыкальные инструменты и статуэтки Мезина и многое другое. Исключительная развитость и совершенство форм орнаментов, скульптуры, рельефов, относящихся к этому времени, убеждают в том, что их корни следует искать в более древней мустьерской эпохе, в том периоде Микулинского межледникового (130 — 70 тыс. лет назад). Считаем очень важным продолжение исследований в области самой Арктики, арктической теории и ее влияния на человечество. А значит, появляется

надежда на то, что ученые продолжат свои изыскания, и мы узнаем очень много удивительной информации о развитии нашей культуры, истории, традиций, быта.

Известный исследователь русского Севера А. Журавский писал в 1911 г.: «Россия меньше, чем какая-либо другая нация может познать себя без помощи незнания своих корней, своего прошлого, а, не познав себя, невозможно познать других, не исправив себя, невозможно исправить других. Будем же изучать опыты седого прошлого. Это отнюдь не только «интересно» или «любопытно», но жизненно важно, необходимо» [11, Журавский А.В., с. 14]. Любая цивилизация совершенствуется из века в век. К сожалению, так же быстро может и разрушить сама себя, если не будет помнить своей истории, своих достижений. Восстановление исторической памяти народов, изучение фактов, положивших начало нашей цивилизации, распространение информации — вот что должно стать новой национальной идеей, объединяющей народы России.

Список источников

1. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. Москва: Новый хронограф, 2008. 320 с.
2. Герасимов И.П., Величко А.А. Палеография Европы за последние сто тысяч лет. Москва: Наука, 1982. 156 с.
3. Письма к Вольтеру / Отв. ред. А.И. Доватур. Ленинград: Наука, 1970. 448 с.
4. Уоррен У. Найденный рай на северном полюсе. Москва: Гранд-Файр. 2003. 480 с.
5. Топоров В.Н. Санскрит и его уроки / Древняя Индия. Язык, культура, текст. Сборник статей. Москва, 1985. С. 5–29.
6. Мейе А. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1914. 428 с.
7. Мейе А. Общеславянский язык. Москва: Прогресс, 2001. 500 с.
8. Соболевский А.И. Названия рек и озер русского севера. Ленинград: Академия наук. 1927. 42 с.
9. Жарникова С.В. Сборник статей. Выпуск 4. ЛитРес, 2017. 240 с.
10. Новицкий Б.Б. Когда Британия не знала английского. Москва: ЮСТИЦИНФОРМ, 2019. 440 с.
11. Журавский А.В. Европейский русский север: к вопросу о грядущем и прошлом его быта. Архангельск: Губернская тип., 1911. 36 с.

References

1. Kalutskov V.N. *Landshaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2008, 320 p. (In Russ.)
2. Gerasimov I.P., Velichko A.A. *Paleografiya Evropy za poslednie sto tysyach let* [Palaeography of Europe over the Last Hundred Thousand Years]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 156 p. (In Russ.)
3. *Pis'ma k Vol'teru* [Letters to Voltaire]. Ed. by A.I. Dovatur. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 448 c. (In Russ.)
4. Warren W. *Naydennyy ray ili kolybel' chelovechestva na severnom polyuse* [Paradise Found. The Cradle of the Human Race at the North Pole]. Moscow, Grand Fair Press, 2003, 480 p. (In Russ.)
5. Toporov V.N. *Sanskrit i ego uroki* [Sanskrit and Its Lessons]. In: *Drevnyaya Indiya. Yazyk, kul'tura, tekst. Sbornik statey* [Ancient India. Language, Culture, Text]. Moscow, 1985, pp. 5–29.
6. Meie A. *Vvedenie v sravnitel'nuyu grammatiku indoevropeyskikh yazykov* [Introduction to Comparative Grammar of Indo-European Languages]. Yuriev, K. Mattisen's Publishing House, 1914, 428 p. (In Russ.)
7. Meie A. *Obshcheslavjanskiy yazyk* [Common Slavic Language]. Moscow, Progress Publ., 2001, 500 p. (In Russ.)

8. Sobolevskiy A.I. *Nazvaniya rek i ozer russkogo severa* [Names of Rivers and Lakes of the Russian North]. Leningrad, Akademiya nauk Publ., 1927, 42 p. (In Russ.)
9. Zharnikova S.V. *Sbornik statey. Vypusk 4* [Digest of Articles. Issue 4]. LitRes, 2017, 240 p. (In Russ.)
10. Novitskiy B.B. *Kogda Britaniya ne znala angliyskogo* [When Britain Didn't Speak English]. Moscow, YUSTICINFORM Publ., 2019, 440 p. (In Russ.)
11. Zhuravskiy A.V. *Evropeyskiy russkiy sever: k voprosu o gryadushchem i proshlom ego byta* [European Russian North: to the Question of the Future and the Past of His Life]. Arkhangelsk, Gubernskaya Publishing House, 1911, 36 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; принята к публикации 26.10.2021.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Редакционный совет журнала «Арктика и Север»

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyssönen (Юкка Нюссонен), доктор искусств, научный сотрудник отделения Крайнего Севера, Норвежский институт по изучению культурного наследия.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор социальных наук, заслуженный профессор Лапландского университета (Финляндия), приглашенный профессор САФУ имени М.В. Ломоносова, редактор «Арктического ежегодника».
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор кафедры географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukacheva (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, доцент кафедры политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), доктор географических наук, доцент кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдаленных и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США.
9. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
10. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
11. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет.
12. Зайков Константин Сергеевич, доктор исторических наук, доктор философии, проректор по международному сотрудничеству и информационной политике, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
13. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, вице-президент Академии геополитических проблем, эксперт Российской академии наук. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
14. Конышев Валерий Николаевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.
15. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, научный руководитель Института географии РАН. Почётный президент Русского географического общества. Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).
16. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала "Арктика и Север", ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
17. Липина Светлана Артировна, доктор экономических наук. Заместитель председателя Совета по изучению производительных сил. Всероссийская академия внешней торговли (СОПС ВАБТ) Минэкономразвития России.

18. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
19. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, советник председателя ФИЦ «Кольский научный центр РАН», научный руководитель Института проблем промышленной экологии Севера ФИЦ КНЦ РАН, почетный доктор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.
20. Пилясов Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга». Председатель российской секции Европейской ассоциации региональной науки. Заместитель председателя секции по экономике Совета по Арктике и Антарктике Совета Федерации. Член Президиума Экспертного совета по вопросам законодательного обеспечения развития районов Крайнего Севера Государственной Думы.
21. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет.
22. Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, внешний совместитель кафедры мировой политики МГИМО МИД РФ.
23. Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
24. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
25. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
26. Фадеев Алексей Михайлович, доктор экономических наук, профессор Высшей школы управления и бизнеса, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
27. Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук». Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Приказ об утверждении состава редакционного совета научного журнала
«Арктика и Север» № 266 от 08 апреля 2021 года

Веб-версия доступна по ссылке: <http://www.arcticandnorth.ru/DOCS/redsovet.php>

Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2022. № 47

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна

Заместитель главного редактора — Зайков Константин Сергеевич

Ответственный секретарь — Кузнецова Елена Геннадьевна. E-mail: e.g.kuznetsova@narfu.ru

Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Художественный редактор (английская версия) — Ковалёва Мария Николаевна.

E-mail: m.kovaleva@narfu.ru

Размещение на сайте — Кузнецова Е.Г.

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Свидетельство о перерегистрации — Эл № ФС77-78458 от 08 июня 2020 года

Учредитель, издатель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

Адрес учредителя, издателя: Россия, 163002, г. Архангельск, Наб. Северной Двины, д. 17

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: aan@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://www.arcticandnorth.ru/> — 28.06.2022

ARCTIC and NORTH, 2022, no. 47

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.

Deputy Editor-in-chief — Zaikov K.S

Executive secretary — Kuznetsova E.G. E-mail: e.g.kuznetsova@narfu.ru

Editor — Grosheva T.E. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Art editor (English version) — Kovaleva M.N. E-mail: m.kovaleva@narfu.ru

Placement on the webpage by E.G. Kuznetsova

Registration certificate Эл №. ФС77-42809 from November 26, 2010

Re-registration certificate Эл №. ФС77-78458 from June 08, 2020

Founder, publisher — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Address of the founder, publisher: Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

Address for correspondence: “Arctic and North” journal, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

E-mail address of the editorial office: aan@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://www.arcticandnorth.ru/> on 28.06.2022